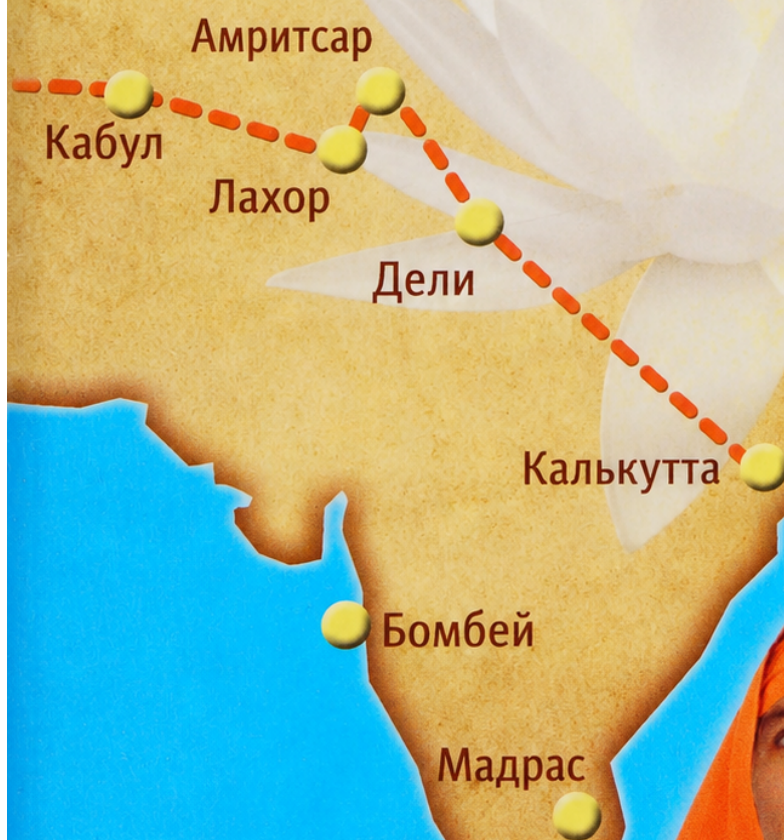

Оранжевое Одеяние

Мои восемнадцать лет как йогическая монахиня

Марша Голубофф Лоу

Данный перевод является любительским, выполнен исключительно в ознакомительных целях и не предназначен для коммерческого использования.

Оранжевое одеяние

Мои восемнадцать лет в качестве йогической монахини

Марша Голубофф Лоу

iUniverse, Inc. Блумингтон

© 2010 Марша Голубофф Лоу

Содержание

Предисловие

- Глава 1: Ранние дни
- Глава 2: Я прибываю в Индию
- Глава 3: Обучение
- Глава 4: Еврейская диди на свободе: Египет и Израиль
- Глава 5: Я встречаю Гуру
- Глава 6: Второй визит
- Глава 7: Сексизм внутри и снаружи
- Глава 8: Иран: Уклоняясь от тайной полиции
- Глава 9: Я упускаю свой шанс на славу в «Ананда Марге» (или: Младенец не дает мне покоя)
- Глава 10: Еще опыт с Гуру
- Глава 11: Я заезжаю в Филадельфию по пути на Фиджи

- Глава 12: Фиджи: Работа в подполье
- Глава 13: Я очищена — снова
- Глава 14: Визит
- Глава 15: Доброта незнакомцев: выживание на Американском Самоа
- Глава 16: Австралия: Рейд
- Глава 17: Откровение
- Глава 18: Школа — настоящая
- Глава 19: Снова в путь
- Глава 20: Филадельфия: Я узнаю семейную тайну
- Глава 21: Нью-Йорк: Время на размышления
- Глава 22: Деловая поездка
- Глава 23: Меня переводят в Берлинский сектор
- Глава 24: Как обойтись без медицинской помощи
- Глава 25: Мы осиротели
- Глава 26: Россия: Выходка КГБ
- Глава 27: Последняя капля
- Глава 28: Возвращение в мир
- Глава 29: Двенадцать лет спустя: Письма
- Глава 30: Джакузи в снегу

Эпилог

Благодарности

Предисловие

Эта книга — рассказ о восемнадцати годах, которые я провела за границей с Ананда Маргой, базирующейся в Индии йоговской организацией, чье название означает «Путь Блаженства»¹. Мне было чуть за двадцать, когда я впервые связалась с этой группой, и исполнилось двадцать четыре, когда я отправилась за рубеж, чтобы работать на нее full-time.

После того как я покинула организацию и вернулась в свою страну, мои первые попытки написать о пережитом походили на серию фотоснимков — просто краткие описания преимущественно забавных случаев. Некоторые из них заходили глубже, затрагивая те

установки и предрассудки, которые я неосознанно несла в себе. В нескольких своих заметках я упоминала, что принадлежала к группе йоги, но нигде не приводила подробностей и не называла Ананда Маргу по имени. Мне не хотелось, чтобы потенциальные читатели знали, что я находилась в месте, которое они могли бы посчитать сектой.

Вымарывая Ананда Маргу из своей истории, я словно удаляла ее и из собственной жизни. Однако со временем я начала понимать, что любое повествование без исследования Ананда Марги и моих взаимоотношений с ней не будет стоить написания, поскольку истории не хватило бы всей той структуры и контекста, в которых она разворачивалась.

Должна признать, что страх также сыграл свою роль в моей первоначальной нерешительности. Я опасалась доверять бумаге то, что нынешние члены группы могли бы истолковать как негативный прачар (распространение информации) или антирекламу. В Ананда Марге годами циркулировали истории — рассказы о монахах, которые пошли наперекор организации и закончили жизнь мертвыми. Хотя подлинность этих историй, насколько мне известно, никогда не была доказана, я не хотела рисковать и рисковать возможностью оказаться мертвой или жить под своего рода анандамарговской фетвой à la Салман Рушди. Как бы то ни было, даже при том, что я не считаю, будто изобразила кого-то несправедливо или неточно, я изменила имена всех упомянутых в книге членов Ананда Марги, за исключением Гуру, а также все остальные имена, кроме имен членов семьи и нескольких близких друзей.

Я хочу подчеркнуть, что эта книга является описанием моего личного опыта в Ананда Марге; другие люди в организации могли воспринимать вещи иначе в зависимости от своего психологического и духовного склада. Чтобы помочь читателю погрузиться в мир Ананда Марги, я сохранила терминологию группы и многочисленные слова из санскрита и хинди. Незнакомые термины (те, что не зафиксированы в английских словарях), неоднократно используемые в тексте, выделены курсивом только при первом упоминании.

Итак, вот несколько базовых фактов об Ананда Марге. Она была основана в 1955 году в небольшом городке Джамалпур в штате Бихар, Индия, Прабхатом Ранджаном Саркар, позже известным своим последователям как Шри Шри Анандамурти, или «тот, кто привлекает других, будучи воплощением блаженства». Быстро собрав вокруг себя учеников благодаря тому, что многие описывали как магнетическое и духовное присутствие, Саркар оставил свою работу железнодорожного служащего и начал обучать миссионеров для распространения своего учения о самореализации и служении человечеству через Тантра-Йогу², которую он иногда называл «интуитивной наукой». В 1962 году Анандамурти посвятил своего первого монаха. В 1966 году он создал женский монашеский орден. В 1970 году, незадолго до того, как Анандамурти был арестован по обвинению в организации похищения и убийства шести бывших учеников³, Ананда Марга пришла в Соединенные Штаты.

Осенью 1970 года учитель Ананда Марги приехал в кампус Пенсильванского университета, где я была двадцатидвухлетней студенткой. Четыре года спустя, летом 1974 года, я уехала из Соединенных Штатов в тренировочный центр Ананда Марги в Индии, чтобы стать «диди» — йоговской монахиней в оранжевых одеждах.

¹ Полное название Ананда Марги — *Ананда Марга Прачарака Самгха*, что означает «Общество для распространения Пути Блаженства».

² Тантра: Ананда Марга определяет тантру как «то, что освобождает от грубости». Ее суть заключается в том, чтобы пробудить внутреннюю духовную силу человека и объединить ее с Космическим Сознанием. Ананда Марга не обучает сексуальным методикам, которые у многих западных людей ассоциируются с тантрой. Некоторые описания практик Ананда Марги появятся далее в книге.

³ Подробнее о тюремном заключении Анандамурти будет рассказано далее в книге.

Глава 1. Ранние дни

Запыхавшись и все еще сжимая в руках студенческую газету, которую только что читала, я вбежала в Хилл-Холл и быстро отыскала комнату, где должен был находиться учитель йоги. Судя по заметке в газете, он приехал в кампус, чтобы выступить с лекцией и обучить медитации. Я знала, что на саму лекцию уже опоздала, но надеялась получить шанс научиться медитировать. В последнее время я много читала о дзэн и была увлечена идеей о том, что любой человек может достичь состояния глубокого покоя с помощью медитации. Буквально за месяц или два до этого неудачный опыт с ЛСД привел меня в психиатрическое отделение университетской больницы. Как и многие мои сверстники, я что-то искала. Наркотики этим «чем-то» не стали — как и колледж: Пенсильванский университет оказался слишком большим и безликим на мой вкус, и я с нетерпением ждала выпуска через несколько месяцев, на один семестр раньше срока, поскольку мне удалось набрать для этого как раз достаточное количество зачетных единиц. Не то чтобы я представляла, чем займусь после окончания учебы. Меньше всего мне хотелось снова съезжаться с родителями. Мой отец был достаточно стар, чтобы приходиться мне дедушкой, и ни он, ни моя мать, как мне казалось, не имели ни малейшего представления о том, кем я была на самом деле.

Небольшая комната была забита студентами — в основном это были хипповатого вида ребята с длинными волосами и в брюках-клёш; они сидели на ковре, пили чай или медитировали, прижавшись спиной к стенам. Мой взгляд приковала к себе мечтательного вида молодая женщина с длинными светлыми волосами и голубыми глазами. Одета во все белое, она сидела на полу посреди комнаты и беседовала со студентами. Что меня поразило, так это выражение абсолютного умиротворения на ее лице. Почувствовав, что меня тянет к ней, я подошла, села рядом и представилась, когда в разговоре возникла пауза. Вместо приветствия она сложила ладони вместе, поднесла их к середине лба, затем опустила к груди и произнесла: «Меня зовут Мангала».

— Вы учитель йоги?

— О, нет. Это Дада⁴ Вирананда, — с улыбкой ответила она. — Он занимается со студентами в соседней комнате. Я встретила его в Индии, где изучала медитацию, а теперь путешествую с ним по Соединенным Штатам, помогая организовывать занятия.

— А можно мне тоже поехать в Индию? — неожиданно для себя спросила я. Мне тут же стало неловко за свой вопрос — просить разрешения, словно маленький ребенок! — но

она ответила так, будто это было самое обычное дело на свете. — Если хочешь, — сказала она.

Мне предложили сассафрасового чая, и я потягивала его, ожидая своей очереди на встречу с йогом. Когда она подошла, я обнаружила, что сижу, скрестив ноги, напротив индийца с бородой и волосами до плеч, облаченного в свободные оранжевые одежды. Урок был недолгим. Он дал мне состоящую из двух слогов мантру⁵ и велел медитировать дважды в день, утром и вечером.

Несколько недель спустя я отправилась на ретрит, организованный этой йоговской группой (называвшейся «Ананда Марга»), который проходил в особняке девятнадцатого века в Фэрмаунт-Парке. Это было мое любимое время года, и погода стояла идеальная. В оба утра я просыпалась под глубоким синим небом, чувствуя легкую прохладу в воздухе. Осенние краски были на самом пике, и сочные красные и желтые тона кленов создавали яркий контраст с темным, старым и запущенным домом. Потрепанный вид особняка, хранивший следы утраченного величия, идеально сочетался с меланхоличной красотой сезона, которому вскоре предстояло уступить место холоду и тьме. Отличное место для ретрита по йоге, подумала я.

Но что-то внутри не позволяло мне наслаждаться этим: мучительное, слишком знакомое чувство неполноценности и зажатости не оставляло меня в покое. В субботу днем, пока все остальные были на улице и радовались солнцу, я лежала на своей койке, прячась от мира. Позже, когда я пришла к Даде Вирананде, я попыталась рассказать ему о том, что чувствую. Он не ответил прямо, но настоятельно призвал меня регулярно заниматься садханой (медитацией).

— Ты будешь как цветок, раскрывающийся постепенно, слой за слоем, — сказал он.

Спустя несколько дней я сидела в своей комнате на мансарде большого викторианского дома в Западной Филадельфии, который делила с несколькими людьми. (Мы представляли собой любопытную смесь: студенты старших и младших курсов, горстка работающих людей постарше, лет тридцати, плюс несколько балующихся наркотиками приживал). Я смотрела на цветной портрет Вирананды, который поставила на свой рабочий стол, и пыталась медитировать. Я чувствовала себя глупо. «Кого я обманываю, притворяясь йогом!» — думала я. Вскоре я оставила эти попытки. Время от времени я пристально вглядывалась в фотографию, чувствуя, что кого-то подвожу, хотя и не могла сказать кого.

Весной 72-го года, спустя без малого два года после моего первого контакта с Ананда Маргой, я уехала из Филадельфии и отправилась на запад на машине с незнакомцем, чье объявление о поиске попутчиков было вывешено на доске объявлений в Пенсильванском университете. Поездка прошла без происшествий, и меня высадили недалеко от Альбукерке, где жил мой бывший парень Тим.

Я появилась у его двери без единого предварительного звонка. Он выглядел далеко не в восторге от моего визита, возможно, потому что жил с той самой женщиной, которая стала его девушкой в Пенсильванском университете сразу после нашего расхода. Тем не менее, Тим согласился разрешить мне пожить в его свободной спальне. Она была завалена всяким хламом, и добраться до кровати я могла, только перелезая через груды коробок, разбросанных повсюду вокруг нее, но мне было все равно. По крайней мере, у меня было жилье.

Однажды днем я решила разыскать местный центр Ананда Марги. «Марги» (члены Ананда Марги) радушно приняли меня, и если их и смутил мой внешний вид — дикие волосы с химической завивкой под многоцветной шапкой со сложной вышивкой из бисера, африканская рубаша кричащих фиолетовых, оранжевых и желтых тонов и комбинезон, — они не подали виду. Меня пригласили остаться на ужин. Сначала мы медитировали (к счастью, я все еще помнила свою мантру), а затем ели в почти полной тишине: каждый медленно и осознанно пережевывал бурый рис, посыпанный гомасио. Все было очень мирно. После ужина я сидела в крошечном заднем дворике, читала брошюры о медитации, асанах (йогических позах), голодании и его пользе — и твердо решила начать практиковать регулярно.

Я пыталась медитировать на бугровой кровати у Тима, но заваленная вещами комната мало подходила для духовных практик. К тому же из-за растущего напряжения между мной и девушкой Тима я понимала, что в любом случае не смогу оставаться там долго.

Неделю или две спустя я каким-то образом познакомилась с компанией лесбиянок; узнав, что мне нужно жилье, они пригласили меня пожить у них. Я была единственной гетеросексуалкой в доме, но их это, похоже, не волновало. И это уж точно не мешало мне участвовать в общем веселье, которого было хоть отбавляй. На проигрывателе вечно крутился альбом Кэрол Кинг, всегда находилась травка, чтобы покурить, и мои попытки медитировать вскоре сошли на нет. Я даже начала перенимать образ мыслей своих соседок: в очередях за мороженым или в кино я разглядывала любых попадавшихся мужчин так, словно они были представителями другого биологического вида.

У девчонок были друзья с фермы на холмах над Таосом, и я приняла приглашение погостить там несколько недель. Мне там безумно понравилось. Женщины научили меня доить коз, и я помогала работать в поле. Я по-прежнему оставалась единственной натуралкой в компании. Возможно, я бы и попробовала вступить в лесбийские отношения, но, похоже, никто не проявлял к этому интереса.

Как-то вечером в конце мая несколько человек из нас решили принять ЛСД. Я почти не думала о том бэд-трипе, который случился со мной в Филадельфии, полагая, что здесь, на ферме, все обязательно пройдет хорошо. Меня начало «накрывать» как раз в тот момент, когда восходила луна — полная, огромная, самая большая из всех, что я видела. Внутри нее я разглядела гигантский плод, точь-в-точь как в фильме «Космическая одиссея 2001 года». Замерев в оцепенении, я думала: неужели у меня будет ребенок? Или этот плод — я сама, перерождающаяся для новой жизни?

Пока я бродила по залитым лунным светом полям, где все было видно четко, как днем, мной овладело сильное томление по Богу. За несколько дней до этого мне представился шанс, который я посчитала делом всей жизни: поселиться у одной коренной американки в Таосе и учиться ткачеству. Но теперь я не была уверена, что это мое призвание. «Может, мне стоит вернуться в Филадельфию и переехать в центр Ананда Марги?» — думала я. И тогда я взмолилась о знаке.

Что-то подтолкнуло меня к медитации. Я села в поле, скрестив ноги, закрыла глаза и увидела лицо одного марги, которого знала в Филадельфии. Он улыбался, его лицо лучилось светом, а глаза были полуприкрыты, словно в медитации или в состоянии блаженства. Затем он открыл свои ярко-голубые глаза, и из одного из них вырвался луч света, когда он пристально посмотрел на меня, кивая. То, как медленно и мудро он кивнул, убедило меня: я получила свой ответ.

На следующий день я уехала в Филадельфию. Денег у меня почти не было, и я в состоянии абсолютной благодати в одиночку проделала весь путь от Таоса автостопом. Даже когда пара подвозивших меня мужчин едва не перешла границы, я чувствовала себя неприкосновенной — словно Бог бережно нес меня через всю страну на своих ладонях, доставив в целости и сохранности обратно на Восток. (Правда, на второй или третий день я все же одарила одного из водителей — лысеющего мужчину средних лет — благословением своего присутствия в его гостиничном номере, сидя напротив него в джакузи с блаженной улыбкой на лице, прямо как одна из сестер милосердия из песни Леонарда Козна).

Хотя в центр к марги я переехала не сразу, я стала каждую неделю ходить на коллективные медитации. Вскоре они рассказали мне о своем гуру и показали его фотографию. Гуру оказался не Дада Вирананда, как я сначала думала, а Шри Шри Анандамурти. марги звали его Баба (что означало «отец»), и было очевидно, что они питали к нему глубочайшее почтение. Даже тот факт, что он с 1971 года находился в тюрьме по обвинению в организации убийства нескольких бывших последователей, не умалял их энтузиазма. марги считали его политическим заключенным, попавшим за решетку из-за своей жесткой позиции против кастовой системы и других укоренившихся в Индии пережитков.

Одним осенним вечером я сидела в зале для медитаций в йога-центре (который назывался джагрити, или «место пробуждения») на Риджент-стрит в Западной Филадельфии. Дхармачакра (коллективная медитация) только что закончилась. Я спросила одного из марги, Викрама — бородатого, располагающего к себе парня, который вечно играл на гитаре, — о надписи «Баба Нам Кевалам»⁶ на стене. Она была выложена из ярких, искусно сделанных букв, и я сочла ее очень красивой.

— Как здорово, — сказала я. — Кто это сделал?

— Мы все над ней работали, — ответил Викрам. — Повесили ко дню рождения Бабы и решили оставить.

— А когда у Бабы день рождения? — поинтересовалась я.

— В майское полнолуние.

В майское полнолуние! Это осознание поразило меня как удар молнии, и я разрыдалась. Викрам и остальные удивленно посмотрели на меня, а затем друг на друга. Сквозь слезы я рассказала им о той ночи в Таосе, когда молила Бога о наставлении. Это было в день рождения Бабы. Он был там и все это время заботился обо мне.

В ту ночь Баба стал и моим гуру тоже.

Когда Ананда Марга появилась в Штатах в начале семидесятых, Филадельфия стала одним из первых городов, где открылось полноценно функционирующее отделение. После первой волны посвящений, проходивших в той маленькой комнатке в Пенсильванском университете, из Индии в Филадельфию приехал дада, чтобы опекать новоиспеченную паству. Его звали Рамеш Гупта. Мы звали его Рамешджи⁷.

Дада Рамеш сильно отличался от Дады Вирананды. Вместо оранжевых одежд он носил обычную одежду; вместо длинных волос и бороды у него была короткая стрижка и аккуратные усы. И Рамешджи не был затворником: он был женат и жил с женой и

маленькой дочкой в тесной квартирке в Западной Филадельфии, неподалеку от джагрити на Риджент-стрит. У него также была работа.

Рамешджи, как выяснилось, принадлежал к стремительно исчезающему типу семейных ачарьев⁸, или учителей. В самые ранние дни Ананда Марги в Индии первые ачарьи поголовно имели семьи. Санньяси⁹ — отрешенные, которые носили оранжевые одежды и давали обеты, — появились позже. Поскольку все мы были новичками в Ананда Марге, тот факт, что Дада был семейным ачарьей, не казался нам странным. Только позже, когда стало приезжать все больше классических монахов, работающих на организацию full-time, мы поняли, что Рамешджи был исключением из правил.

Мы все безмерно уважали Даду. Несмотря на его скромную и тихую манеру речи, его слова казались заряженными той духовной энергией, которая рождается из строгой личной практики и внутреннего прозрения. Вместе с несколькими местными марги Рамешджи руководил открытым йога-центром при Университете Темпл. Там проводились занятия, а также Дада принимал людей индивидуально, проводя посвящение для новых студентов и давая более высокие уроки тем, кто уже стал марги.

При посвящении в Ананда Маргу человеку дают вводную технику медитации, называемую «Нама Мантра», либо могут дать «первый урок» (первый из шести). В ранние дни большинство людей, включая меня, получали посвящение через Нама Мантру. Дада давал студенту первый урок тогда, когда считал, что тот готов. Никаких предписанных сроков для этого не существовало; все зависело от самого студента и его прогресса. Обычно тот же ачарья, который инициировал человека, давал ему и последующие, более высокие уроки. Поначалу, поскольку диди (женщины-учителя) еще не приехали в Штаты, дада проводили посвящение как для мужчин, так и для женщин. Как только диди прибыли, женщин инициировали и обучали исключительно диди, а мужчин — дада.

Поскольку Дады Вирананды больше не было в Штатах, свой первый урок я получала у Рамешджи. Он также дал мне духовное имя. При желании каждый мог его получить; это — одним из символов духовного перерождения и новой идентичности. Моим именем стало «Лила», что означало «божественная игра» или «забава Господа». Я обожала свое новое имя — и свою новую сущность.

Спустя несколько месяцев после возвращения в Филадельфию я ехала в автобусе по пути в йога-центр, чтобы получить свой первый урок. С собой я везла книгу «Автобиография йога» Парамахансы Йогананды, которую в то время повсюду носить с собой. Я без устали разглядывала портрет Йогананды на обложке — его огромные, светящиеся глаза, смотревшие на мир с такой любовью и состраданием. Рассказ Йогананды о его опыте и отношениях со своим гуру глубоко тронул меня. Я с нетерпением ждала своего первого урока. Я думала, что это станет важным первым шагом к тому, чтобы стать похожей на него.

Я вышла из автобуса, и мое предвкушение росло по мере того, как я заходила в здание, — вместе с абсолютной уверенностью в том, что этот день будет важным, даже знаменательным. Я спустилась по ступеням в полуподвальное помещение и вошла в центр. Рамешджи поднялся со стула при моем появлении и поприветствовал меня, сложив ладони в намаскар¹⁰. Мы прошли в комнату, которую он использовал для уроков, и я села на ковер напротив него. Несколько минут мы медитировали. Затем он начал описывать процесс медитации и дал мне мою новую мантру — Ишта Мантру, которая должна была привести меня к цели — слиянию с божественным сознанием.

Когда урок закончился, я едва могла говорить. Я чувствовала себя перенесенной в другой мир. Хотя я видела, что по-прежнему нахожусь в этой реальности, она радикально изменилась и мерцала таким духовным сиянием, какого я никогда прежде не испытывала. Все вокруг, даже самые обыденные предметы на столе Дады — ручки, бумаги, даже сам стол со слегка покосившимся стулом — казалось наполненным глубоким смыслом. Я попрощалась с Рамешджи, вышла из комнаты со сложенными в намаскар руками и буквально выплыла по лестнице на улицу. Я чувствовала себя преобразившейся.

Рамешджи также дал мне второй урок, во время которого я получила еще одну мантру — Гуру Мантру. В отличие от Ишта Мантры, которая повторялась во время медитации, Гуру Мантру следовало мысленно произносить перед каждым действием. Повторяя эту мантру, я гарантировала, что мое «маленькое я» (то «я», что связано с моим эго) не будет отождествлять себя с поступком или пожинать его плоды. Вместо этого все передавалось Божественному. Доведя до совершенства второй урок, я освободилась бы от кармы — цикла действия и противодействия. Укрепление этого космического мышления перед каждым действием гарантировало, что у меня больше не будут формироваться новые кармические реакции, или самскар, которые привязывают людей к миру.

Примерно в это же время в Соединенные Штаты прибыл Дада Йогешананда. Сменив Вирананду, он теперь нес ответственность за руководство всеми отделениями и проектами Ананда Марги в Нью-Йоркском секторе¹¹, который включал в себя не только США, но также Канаду, Мексику и острова Карибского бассейна.

Я сразу же была впечатлена кажущейся безграничной энергией и энтузиазмом Йогешананды, а также долгими часами, которые он проводил в медитации. Несмотря на то, что он никогда прежде не выезжал за пределы Индии, Дада, похоже, без особых проблем адаптировался к культуре, столь сильно отличавшейся от его собственной. Он хорошо ладил с американскими марги, а его прекрасное чувство юмора вместе с непринужденным и обезоруживающим смехом помогали ему сглаживать любые углы.

Проходили недели. Я узнавала все больше благодаря беседам, которые проводили ачарьи, занятиям на ретритах и чтению всех книг Ананда Марги, какие только могла найти. Я испытывала чувства глубокого покоя и блаженства не только во время медитации, но и во время пения «Баба Нам Кевалам» и исполнения киртана (преданного песнопения, часто сопровождаемого танцем), когда я со сложенными руками и закрытыми глазами покачивалась в такт музыке.

Я начала чувствовать, что нашла свою настоящую семью. Из огромного количества духовных путей и гуру, набравших популярность в то время (Гуру Махараджи, Мехер Баба, Раджниш, дзэн-буддизм), меня направили именно к тому, который подходил мне. В то время как другие духовные направления утверждали, что земной мир чувств — это иллюзия, Ананда Марга объявляла его относительной истиной. Вскоре я обнаружила, что у Ананда Марги есть не только развитая духовная философия и серия практик, основанных на древней науке Аштаунга-Йоги¹², но и уникальная социальная философия, известная как PROUT (ПРАУТ), или Теория прогрессивного использования.

марги также праздновали дни рождения. Когда подошел мой, они подарили мне торт, спели «Happy Birthday» и поставили красную точку между глаз. Я была тронута, потому что у нас с братьями в детстве почти никогда не было праздников в честь дня рождения.

Короче говоря, философия Ананда Марги далеко превосходила все, с чем я когда-либо сталкивалась или, как я была убеждена, когда-либо столкнусь. Для меня это было идеальное сочетание духовного и социального. У меня не было потребности изучать другие духовные группы и учителей; я была уверена, что нашла лучшее. Другие восточные пути, последователи которых стремились лишь к собственному духовному просветлению, казались эгоистичными по сравнению с этим. Как член Ананда Марги, я бы не только работала над собственной духовной трансформацией, но и помогала бы при этом всему миру.

Первые мысли о том, чтобы стать диди, появились у меня вскоре после того, как мне дали второй урок. Я сидела в комнате для медитаций в джагрити на Риджент-стрит после особенно долгой и глубокой медитации, во время которой мне явились отголоски жизни во времена Христа в прошлом воплощении. Я видела финиковые пальмы, улицы старого Иерусалима, стертые ногами бесчисленных прохожих, и грубые одеяния, которые носили Иисус и его ученики, — видела так же четко, как сейчас видела перед собой алтарный столик¹³ с портретом Бабы. Я полностью потеряла счет времени, продолжая пристально смотреть на столик и на пышную зелень окружавших его растений.

Откуда-то из самой глубины души мне пришла мысль: Знаешь, ведь ты можешь стать диди... Ты можешь стать диди!

Эта идея привела меня в трепет. Я еще не встречала ни одной диди, но знала о них. В журналах Ананда Марги я видела фотографии индийских диди в их облачениях. Покрытые с головы до ног, они походили на монахинь, за исключением того, что их одежда была оранжевой — традиционного цвета одеяний затворников в Индии. Прямо там и тогда я пообещала себе, что однажды надену это монашеское платье и стану одной из них.

Когда я поделилась этим желанием с Йогешанандой, он сказал, что сначала мне нужно поработать в качестве LFT («местного фултаймера» — того, кто работает на организацию полный день, но еще не стал ачарьей или полноценным monastic-сотрудником). Я отправилась в секторальный офис в Уичите, чтобы последовать совету Дады; затем, когда офис несколько месяцев спустя переехал в Денвер, я перебралась вместе с ним. Я была настолько занята (Дада назначил меня редактором информационного бюллетеня Ананда Марги по всему сектору), что мало думала о том, что когда-то сказала ему.

Как-то вечером, спустя несколько месяцев, Йогешананда позвал меня в свою комнату после дхармачакры и без всяких вступлений спросил: «Ты готова поехать на обучение?»

Я почувствовала себя так, словно меня окатили ведром холодной воды. «Я... я не знаю, Дада, — наконец выдавила я. — Откуда у меня возьмутся деньги на билет?»

«Деньги найдутся».

«Что я скажу родителям?»

Дада улыбнулся, его глаза лукаво блеснули: «Почему бы тебе не сказать им, что ты едешь в Израиль?»

Израиль! Это отозвалось во мне. Я часто мечтала о том, что, когда стану диди, меня направят служить именно туда.

Затем улыбка сошла с лица Дады. Он посерьезнел, и в его голосе прозвучал суровый тон, когда он произнес финальные слова: «Твоя мать — это Баба. Твой отец — это Баба».

Я вышла из комнаты, пошатываясь, моя голова шла кругом. Но почему? Разве я не хотела поехать на обучение? Разве не я сама говорила Даде, что хочу поехать? В конце концов, это была не его идея! Я поднялась вверх в свою комнату и повалилась на спальный мешок.

Я не готова ехать в Индию, — думала я. — В конце концов, я не вспоминала об этом целую вечность! И что я скажу родителям?

Я почувствовала, как веки тяжелеют. Последняя мысль перед тем, как погрузиться в глубокий сон, была: Баба, пожалуйста, помоги мне принять решение. Мне нужен какой-нибудь знак, чтобы понять, как поступить.

Мне приснился сон.

Я сижу в кругу последователей. Мы все сидим в песке, высоко на дюне. Баба тоже там, он сидит в центре круга, но ниже, на твердом, плотно утрамбованном и гладком песке. Он говорит. Я не слышу, что он говорит, потому что изо всех сил пытаюсь удержать равновесие в сыпучем песке. Внезапно ко мне приходит осознание: почему бы мне просто не прекратить бороться и не позволить себе съехать вниз? Именно так я и поступаю — сползаю по дюне, пока не оказываюсь на одном уровне с Бабой, на твердом утрамбованном песке. Чувство облегчения, которое я испытываю, кажется почти непреодолимым.

Теперь я слышу его слова: «Итак, вам нужно будет бороться, чтобы осознать, что мы все — единое целое. Но вы будете бороться, и вы осознаете, что мы все — единое целое». Его голос звенит от мощи. Пока его слова вибрируют в неподвижном воздухе, Баба встает и начинает обходить круг, приближается и останавливается напротив меня. Он протягивает руку, словно собираясь коснуться меня. Мысли проносятся в моей голове: неужели он прикоснется ко мне? Неужели он введет меня в самадхи¹⁴? Баба подносит палец и нажимает на мою аджна-чакру, точку между глаз. Я полностью теряю ощущение своего тела. Я становлюсь безграничным светом, ярким и бесконечным, расширяющимся вовне.

Я проснулась, все мое тело вибрировало, словно каждая клеточка была наполнена светом и радостью, и я поразила этому сну. Хотя Баба не говорил мне прямым текстом ехать на обучение, сам факт того, что он посетил меня, был достаточным подтверждением. Чуть позже тем же утром любые оставшиеся у меня сомнения испарились, когда Пракаш, президент Ананда Марги в Штатах, вошел в офис с большой белой коробкой. «Это от Арпиты», — ответил он на мой вопросительный взгляд и поставил коробку на мой стол. Арпита была женой Пракаша и отличной швеей, но поскольку я ничего не ждала, я была заинтригована. С огромным предвкушением я открыла коробку и обнаружила там оранжевую рубашку, похожую на те, что носят ачарьи. Я достала ее дрожащими руками. Когда я подняла ее, на глаза навернулись слезы. Сначала был сон, а теперь — это! У меня был ответ. Я знала с абсолютной уверенностью, что поеду на обучение и стану диди.

После того разговора в своей комнате Йогешананда стал проводить со мной больше времени, дав мне третий и четвертый уроки. Он также уберег меня от мимолетного увлечения, жертвой которого я едва не стала. Как-то вечером, во время одного из

собраний LFT, проходивших в денверском офисе, мы сидели в полуподвале джагрити вместе с парнем из LFT по имени Викрам. Казалось, у нас так много общего. Прежде всего мы обнаружили, что оба играем на гитаре и обожаем петь, чем мы в итоге и занялись. (Мне особенно нравилось его исполнение песни Боба Дилана «Knockin' on Heaven's Door»). Пока мы далеко за полночь разговаривали о нашей жизни, ощущение какого-то волшебства, казалось, прокралось в подвал и окружило нас, и я начала сомневаться, действительно ли мне суждено быть диди. После этого мы поднялись наверх, в комнату для медитаций. Дада все еще не спал и сидел с несколькими марги. Он пристально посмотрел на меня, затем на Викрама и произнес: «Знаете, Лила уже почти готова поехать в Индию и стать monastic-сотрудником». Когда он сказал эти слова, я почувствовала, как Викрам рядом со мной напрягся. Ранним утром следующего дня он уехал, отправившись обратно в Калифорнию к своей работе в LFT, — вместе с той угрозой, которую он собой представлял.

⁴ *Дада: Учителей-мужчин называли «Дада» (брат); учительниц — «Диди» (сестра).*

⁵ *мантра: «То, что может освободить разум». Мантра часто состоит из двух слогов и повторяется в такт дыханию.*

⁶ *Баба Нам Кевалам: варианты перевода этой санскритской фразы в Ананда Марге включают «Только имя Возлюбленного» и «Любовь — это все, что есть». марги поют «Баба Нам Кевалам» перед медитацией.*

⁷ *В Индии добавление «джи» к концу имени или титула человека выражает уважение и симпатию.*

⁸ *ачарья: «Тот, кто учит собственным примером». (Транслитерация Ананда Марги).*

⁹ *В транслитерациях с санскрита или хинди обычно используется только одна буква «i», когда встречается этот гласный звук; в Ананда Марге мы часто использовали две. Отсюда sannyasi вместо sannyasi и так далее.*

¹⁰ *намаскар: духовное приветствие, означающее «Я приветствую божественность внутри тебя». Произнося «намаскар», человек складывает ладони вместе, подносит их к середине лба, а затем опускает к груди.*

¹¹ *Ананда Марга делила мир на девять секторов: Каир (Кахира), Нью-Йорк, Дели, Берлин, Гонконг, Сува (Австралазия), Манила, Найроби и Джорджтаун. Внутри каждого сектора были регионы. Каждый регион затем делился на диоцезы, а каждый диоцез — на панчаяты (термин, заимствованный из индийской политической терминологии).*

¹² *Аштаунга-Йога: «Восьмиступенчатая йога», основанная на Йога-сутрах Патанджали, древнеиндийского мудреца. (Другое распространенное написание этой системы йоги — Аштанга).*

¹³ *алтарный столик (puja table): небольшой столик, на который помещаются изображения гуру, благоволия и тому подобное. (Пуджа означает «поклонение»).*

¹⁴ *самадхи: состояние блаженства; слияние индивидуального сознания с универсальным космическим сознанием.*

Глава 2. Я прибываю в Индию

Стоял июль 1974 года. Я находилась на вокзале Рединг-Терминал в Филадельфии, собираясь сесть на поезд до Нью-Йорка. Наконец-то я была на пути в Индию, в тренировочный центр Ананда Марги. Чтобы заработать часть денег на билет, я устроилась на работу по уходу за людьми с ограниченными возможностями. Члены Ананда Марги, включая Мангалу — женщину, которую я встретила в Пенсильванском университете почти четыре года назад, — пожертвовали остальную сумму. Сама Мангала недавно тоже уехала в тренировочный центр, и я с нетерпением ждала встречи с ней.

Однако перед тем, как сесть в поезд, мне нужно было сделать еще одно важное дело: попрощаться с родителями. Приближаясь к залу ожидания, о котором мы договорились, я увидела их, и сердце мое сжалось: они выглядели такими старыми. Маме было за шестьдесят; она носила пышный начес, выкрашенный в почти черный цвет и ставший от обилия лака твердым, как шлем. На ее лице доминировали большие очки в темной оправе. Из-за добросовестных диет и язвы желудка она выглядела худой в своем белом платье без рукавов с синей отделкой в стиле Джеки Кеннеди. Отцу было за семьдесят, и для меня он всегда выглядел стариком. На его испещренном глубокими морщинами лице выделялся нос, который казался еще больше, чем при нашей последней встрече. Когда я подошла к месту, где они сидели, он поднял на меня меланхоличный, затуманенный взгляд, который казался увеличенным из-за толстых стекол бифокальных очков.

Я присела, и мы заговорили. Ну, или попытались.

— Мы будем скучать по тебе, Марша.

— Не переживайте. Я буду писать.

Затем мы замолчали. Мы сидели, чувствуя себя неловко. Мне казалось, что они меня не понимают; они же, скорее всего, испытывали замешательство и грусть, возможно, задаваясь вопросом, почему все складывается именно так. («Что мы сделали не так? Почему она бросает нас ради какой-то группы йоги?»)

— Погода хорошая, — наконец произнесла мама. — Поездка будет удачной.

Отец с мрачным выражением лица не проронил ни слова.

Это ужасно, — подумала я. Я уезжала от них на довольно долгий, как они знали, срок, и тем не менее, никто не проявлял никаких чувств. В нашей семье так было всегда. Впрочем, в каком-то смысле то, что мы никогда не обсуждали вещи глубоко, облегчало мне уход. По крайней мере, мне не пришлось объяснять, что и зачем я делаю!

Пришло время садиться в поезд. Мы обнялись. Когда я пошла прочь, поддавшись внезапному порыву, я развернулась, побежала назад и обняла их во второй раз. Они выглядели удивленными такому проявлению чувств. Но родители не знали того, что знала я: я уезжала не на пару месяцев, а, вполне возможно, на всю оставшуюся жизнь. Я так и не смогла заставить себя сказать им правду.

Первые четыре года моей жизни прошли в Вест-Оук-Лейн, скромном филадельфийском районе с домами ленточной застройки. Мы уехали из города в зеленый пригород Элкинс-Парк вскоре после моего четвертого дня рождения — сразу после того, как отец открыл там хозяйственный магазин.

Этот переезд стал шагом вперед для моих родителей, которые были выходцами из рабочего класса и никогда не учились в колледже. По сравнению с большинством пар того времени, они завели семью необычно поздно. К моменту моего рождения в 1949 году — я была самой младшей и единственной девочкой — маме было тридцать девять, а отцу перевалило за сорок¹⁵.

Мой отец Максимилиан, или Джек, как он иногда себя называл, был иммигрантом, прибывшим на Эллис-Айленд (или, возможно, в Филадельфию; мы не знаем наверняка) еще мальчиком. Он эмигрировал из Украины вместе с матерью и сестрой после того, как его отец, уехавший в Штаты несколькими годами ранее, вызвал семью к себе. В новой стране Максимилиану не суждено было жить легко. Его отец умер относительно молодым (поговаривали, что ему в горле застряла рыба кость, вызвавшая инфекцию), и моему отцу в итоге пришлось заботиться обо всей семье, особенно о младших братьях и сестрах, родившихся уже после их приезда. Он даже оплатил своему брату Берни учебу в медицинской школе.

Почти не улыбающийся, трудолюбивый и немногословный, мой отец проводил в магазине шесть дней в неделю и работал бы все семь, если бы не «синие законы»¹⁶. Время от времени он нарушал закон и оставлял магазин открытым. «Мы евреи, — говорил он. — Почему я должен закрываться по воскресеньям?» В обеденное время он приходил домой, садился на кухне, съедал все за пару минут и тут же вставал, чтобы идти обратно. «Пора возвращаться на соляные рудники», — говорил он, выходя через заднюю дверь.

Единственным временем, когда отец немного расслаблялся, были воскресенья, когда к нам иногда приходили гости. Сидя за обеденным столом, он выпивал бутылочку-другую пива и рассказывал истории из своего детства. Его любимой была история о погромах в штетле под Киевом, где жила его семья. Когда на конях наезжали казаки в поисках евреев, жители деревни бежали к нему в дом и прятались в подвале вместе с моим отцом и его родными. Там они оставались до тех пор, пока над головой не затихал грохот казачьих копыт. Дед моего отца, как гласила история, подростком был призван в царскую армию и служил с отличием, поэтому казаки его дом не трогали. Отец рассказывал эту историю шутливым тоном, почти как анекдот.

Была еще история о путешествии на корабле в новую страну (ее я помню, а мои братья — нет). Мой отец вместе с матерью и сестрой был зажат в трюме среди массы других людей. Условия были скверными. Наперекор правилам люди иногда зажигали керосиновые или дровяные плитки, которые взяли с собой для готовки. Однажды одна из таких плиток вспыхнула, и огонь быстро распространился. К счастью, пожар вовремя потушили, и спустя дни корабль благополучно прибыл на место.

Я боялась своего отца. Хотя у него была и мягкая сторона, проявлялась она редко. (Иногда это случалось, когда он ложился на ковер в гостиной после воскресного обеда и слушал музыку по радио. Всякий раз, когда включали песни из «Скрипача на крыше», у него наворачивались слезы — без сомнения, он думал о своей родной деревне). Обычно он не пускал в ход кулаки, но раскаленный гнев бурлил прямо под поверхностью.

Чувствуя себя как на минном поле, я ходила по дому на цыпочках, чтобы его ярость не вырвалась наружу и не поглотила меня.

Моя мама Мина была ребенком иммигрантов: ее мать эмигрировала из Польши, а отец — из тогдашней Австро-Венгрии. Мина была одной из шести детей. Лу и Рода были старше, Дэнни и Лоррейн — младше. И была еще Дороти, еще одна младшая сестра. Она умерла во время родов от кровоизлияния в мозг за годы до моего рождения и занимала почти мифическое место в психике нашей семьи. Выцветшая фотография в рамке, на которой была изображена женщина с почти идеальной кожей, большими мечтательными глазами и копной темных волос, уложенных в высокой прическе по моде тех лет, занимала центральное место на комод в спальне родителей. Поговаривали, что она была главной красавицей в семье.

Для моей мамы внешний вид значил все, до такой степени, что она была известна тем, что перешивала бирки на нашей одежде. Купив вещи в «Artie's» — местном магазине, известном своей дешевой одеждой, — она заменяла бирки на ярлыки от «Lord and Taylor» (хотя где она их брала, оставалось загадкой).

Испытывая ужас перед грязью и беспорядком, мама часами убирала и без того безупречно чистый дом. Часто, приходя из школы, я заставала дом в полуразобранном состоянии: ковры были свернуты, а мама стояла на четвереньках и драила пол. Или я находила ее на кухне: посуда была выставлена на стол, а сама она по пояс забиралась в шкафы, протирая их изнутри. Когда я заговаривала с ней, она бубнила ответ, не высовывая головы из шкафа, даже если мне нужно было сказать ей что-то важное. Когда к нам приходили гости и сидели в гостиной, мама вскакивала сразу же, как только они поднимались, чтобы уйти, подбегала к диванным подушкам и взбивала их. Когда мы, дети, пытались прилечь на свои кровати в течение дня, она прогоняла нас. «Не ложитесь на покрывало, — говорила она, — вы его помнете».

Обычный детский беспорядок не приветствовался. В отличие от домов моих друзей, у нас не было веселых стопок книг или разбросанных журналов (единственными книгами в доме был комплект устаревшей энциклопедии «World Book»), не было игрушек, неоконченных рисунков или пазлов, сиротливо лежавших на свободных поверхностях. Когда ко мне приходили друзья, нас выставляли в подвал. Поэтому я редко приглашала кого-то к себе и проводила большую часть свободного времени у них дома, где нам разрешалось рисовать на бумаге или досках, играть в песочницах или есть и оставлять крошки.

Наш дом был эмоционально холодным местом. Было такое чувство, будто каждый из нас — мама, отец, двое моих братьев и я, — делил одно физическое пространство, двигался по собственным орбитам, которые практически не пересекались. С ранних лет я научилась держать свои чувства при себе.

Через три дня после прощания с родителями я была в аэропорту имени Джона Кеннеди вместе с еще одной будущей стажеркой по имени Джанет. Последние несколько дней мы провели в суматохе, скупая вещи первой необходимости: косметичку, зубную щетку, пару бутылок шампуня и таблетки для очистки воды. Билет был у меня в руках, а за собой я катила светло-голубой жесткий чемодан «Samsonite». Джанет, чье духовное имя было Джаямала, тащила свой чемодан «Samsonite», точно такой же, как у меня, только черный.

Я была довольна нашей подготовкой. Лишь одна вещь слегка меня беспокоила. Когда мы встали в очередь на регистрацию, я спросила: «Как думаешь, нам стоило побеспокоиться о нательных кошельках для денег?» Мы планировали сэкономить, купив ткань и сшив их самостоятельно, но у нас просто не хватило времени.

— Да брось! — отмахнулась Джаямала.

Она была права. Это было не время для тревог. Мы поднялись на борт самолета, почти не оглядываясь назад. Я была свободна. Только в тот момент я поняла, как много вещей в своей жизни мне давно хотелось оставить позади — не только мою еврейскую идентичность, которую я находила ограничивающей, но и всю эту чрезмерно материалистичную американскую культуру, а вместе с ней — и запутавшуюся студентку, которая пыталась найти счастье в наркотиках и сексе.

После спокойного перелета мы приземлились в Дели и сели на поезд до Калькутты¹⁷ — нашей первой остановки на пути к Бенаресу и тренировочному центру. Поездка в такси от железнодорожного вокзала на рассвете подарила нам первое знакомство с городом. Он был закрытым и тихим, с обшарпанными вывесками магазинов кричащих цветов, расписанными лиричной, художественной бенгальской вязью, и огромными плакатами актеров и актрис из индийских фильмов, наклеенными на облупившиеся стены. Сквозь полумрак я различала сжавшиеся фигуры разных размеров, спящие на кусках картона, и людей в грязных лохмотьях, спящих прямо на бетоне. Одни лежали на тротуарах, другие свернулись калачиком в убогих дверных проемах. Те, у кого был картон, считались счастливыми. Я была готова увидеть отчаянно бедных людей, но зрелище этого воочию стало шоком.

Несколько дней мы провели у пожилой супружеской пары марги. Они были состоятельными людьми, и их прохладная, тихая квартира служила убежищем от кишящих народом улиц. У них был холодильник, который, как я вскоре поняла, в Индии являлся роскошью. Нас угощали дахи (кисломолочным продуктом, похожим на йогурт) и ломтиками манго. Поскольку в те времена в Штатах манго было не найти, это была моя первая возможность попробовать его. Его вкус показался мне потрясающим и экзотическим. Прямо как сама Индия, — подумала я.

Спустя несколько дней мы сели на вечерний поезд до Бенареса. Мы с нетерпением ждали недель и месяцев, которые проведем за учебой и медитацией, предвкушая тишину и покой тренировочного центра. Поезд оказался переполненным и далеко не чистым. Хорошо хоть, у нас были билеты с бронью. Нам также полагались спальные полки, которые на деле оказались плоскими жесткими досками; их нужно было опускать, когда подходило время сна. Мы сидели на своих местах и, закрыв глаза, недолго медитировали, стараясь не привлекать к себе внимания. Когда мы закончили и открыли глаза, то увидели, что люди вокруг открывают круглые серебристые контейнеры с пури, сабджи (овощами) и молочными сладостями. Пришло время ужина. Одна семья предложила нам свою еду, и мы взяли несколько пури. Но от овощей отказались, опасаясь, что в них могут быть лук и чеснок — запретные продукты, которые считались неблагоприятными для духовной практики. Несколько мужчин говорили по-английски и спросили, куда мы направляемся.

— Мы туристки, — ответили мы. — Едем в Бенарес.

— Собираетесь посетить храмы? Наши храмы в Варанаси знамениты, знаете ли, — с гордостью сказал один из них. Мы закивали, но ничего не добавили. Мы не могли

рассказать им, что на самом деле делаем в Индии и куда именно в Бенаресе направляемся. Индийское правительство недолюбливало Ананда Маргу. Если бы выяснилось, что мы марги, нас бы депортировали.

Наконец пришло время ложиться спать. Все начали устраиваться, опуская полки и расстилая одеяла. Наблюдая за тем, как мужчины в безупречно белых куртах и дхоти и женщины в ярких сари пробираются к туалету и обратно, я поражалась, как им удается оставаться такими чистыми в столь грязной обстановке. Мы с Джаямалой ходили в туалет по очереди. По пути я едва не спотыкалась о людей, спавших прямо в проходах; те, у кого не было брони, сидели и спали где придется. В туалете было грязно, и мне приходилось зажимать нос.

Нас предупреждали, что воры в Индии очень хитры, поэтому, чтобы избежать кражи, мы решили вообще не спать. Мы спрятали нашу маленькую красную сумочку с деньгами и паспортами под ноги для сохранности и дежурили по очереди.

Всю ночь, пока поезд то подъезжал к станциям, то отходил от них, платформы бурлили людьми и торговцами, предлагавшими всевозможную еду. «Чай, чай! — выкрикивали мужчины в каки-формах и кепках, разносившие маленькие глиняные стаканчики и потрепанные алюминиевые чайники, черные от копоти. — Гарам чай! (Горячий чай!)» Другие продавали пури и сабджи из картофеля и цветной капусты или арахис в кулечках, свернутых из старых газет. Некоторые из пассажиров вокруг меня просыпались и что-то покупали; большинство продолжало спать.

Пока я сидела, охраняя сумку и изо всех сил борясь со сном, мне стало интересно, который час сейчас в Филадельфии. Спят ли сейчас марги в джагрити на Риджент-стрит или медитируют? Я вспомнила комнату для медитаций, алтарный столик в окружении растений — и тот знаменательный день, когда я сидела там и решила стать диди.

Крики торговцев на очередной станции вернули меня к реальности, и я посмотрела на часы: осталось всего несколько часов. Вскоре мы снова тронулись. Ритмичное покачивание поезда со стуком колес по рельсам и храп пассажиров ополчились против меня. Вопреки всем стараниям мои глаза начали закрываться, голова опустилась, и я задремала.

Я вздрогнула и резко проснулась, сразу почувствовав: что-то не так. Быстрый взгляд в сторону Джаямалы подсказал мне, что она спит. Я бросилась искать сумку и с облегчением обнаружила ее на прежнем месте у своих ног. Но она выглядела иначе — как-то пустее. Дрожащими пальцами я расстегнула ее — и обнаружила, что наши паспорта и деньги исчезли. В панике я перерыла всю сумку, чтобы убедиться. Пусто! Оба паспорта и все наши деньги, за исключением нескольких рупий (сумы, собранной для испытывающего финансовые трудности тренировочного центра), — все пропало!

Я разбудила Джаямалу этой новостью, и оставшиеся несколько часов пути мы просидели молча, раздавленные собственной глупостью. Почему мы не нашли времени сделать те нательные кошельки?

Когда поезд прибыл в Бенарес, было так рано, что на краю еще темного неба едва брезжила легкая полоска света; мы потащили свои нелепо тяжелые чемоданы сквозь дождливый серый рассвет. Возле вокзала нас поджидали рикши. Мы махнули одному, хотя сама рикша (черно-желтая, с высокой спинкой и потрескавшимся, облупившимся сиденьем, прикрепленным к велосипеду) казалась слишком маленькой для двух человек с чемоданами «Samsonite». Мы на мгновение заколебались, прежде чем забраться

внутри; водитель ненадежно пристроил наши чемоданы у наших ног на маленьком выступе. Я держалась за ручку своего чемодана, размеры которого казались сейчас более абсурдными, чем когда-либо, а свободной рукой уцепилась за борт рикши.

Мы сверились с нашими указаниями и кое-как сумели объяснить водителю адрес назначения. Он сел на свой велосипед и, к нашему изумлению, сумел нажать на педали, несмотря на весь груз, который тащил. Пока он с плеском и заносами пробирался по залитым дождем улицам, мы замечали людей, спавших в дверных проемах; они были укутаны в ткани с головы до ног, как мумии, пытаюсь укрыться от мороси. Когда мы добрались до больших деревянных ворот в пункте назначения, мы расплатились с водителем последними рупиями и с трудом вылезли со своими чемоданами.

Мы открыли дверь и вошли. Я была удивлена прекрасному саду с растениями по обе стороны дорожки, ведущей к зданию, где располагался тренировочный центр. Несмотря на ранний час, я могла различить красные, белые и оранжевые цвета гибискуса, франжипани и декоративного имбиря (цветов, названий которых я тогда еще не знала, но вскоре выучила). Мы потащили чемоданы по лестнице вверх к тренировочному центру. Когда я поднималась по последним ступеням, сквозь пелену мороси и тусклый предрассветный свет едва очертился силуэт молодой белой женщины в белом сари, которая стояла на веранде и шла нам навстречу.

— Намаскар, — сказала она, сложив ладони. — Лила и Джаямала, я полагаю. Я Балавати. Сюда.

Мы последовали за ней через дверной проем в комнату, где молодые женщины — по сути, совсем девчонки — спали на одеялах прямо на бетонном полу. Некоторые из них выглядели болезненно худыми. Несколько человек проснулись, когда мы вошли, включая Мангалу. Она приподнялась на локте и спросила, привезли ли мы деньги. Все еще пребывая в шоке от случившегося, я растерялась и пробормотала что-то о том, что расскажу позже.

Ближе к полудню приехали два индийских дады в оранжевых одеждах, чтобы провести занятия для стажеров. Мы рассказали им нашу историю и с облегчением увидели, что нас не стали ругать. Они выслушали, кивая головами, а затем удалились в маленькую комнату. Мы слышали, как они обсуждали нашу участь тихими, ровными голосами. Пока мы сидели и ждали, я едва могла держать глаза открытыми. Мне до безумия хотелось спать.

Один из дад — очень худой, мягкий в общении человек с черными волосами, спускавшимся по спине, — вышел, чтобы сообщить: нам придется вернуться в Калькутту, обратиться в американское консульство, заявить о краже паспортов и получить новые. Пока я слушала его, меня накрыла очередная волна вины. Его большие, нежные глаза, казавшиеся еще больше из-за сильной худобы, будто упрекали меня за глупость.

— Денег на билеты нет, — сказал он нам. — Вам придется пойти к местным властям Бенареса и занять денег на обратный проезд до Калькутты. Когда вы туда доберетесь, некоторые марги вам помогут.

Мы с Джаямалой потрясенно переглянулись. Как мы могли занимать деньги у «врага»? (Именно так марги воспринимали любое правительство в Индии). Если бы они узнали, кто мы такие, нас бы депортировали. Если бы мы не были так измотаны, мысль о том, чтобы выманить деньги у местного правительства, убедив чиновников, что мы просто

обычные туристки, привела бы нас в азарт. Но сейчас мысли о таком шаге вызывали лишь еще большую усталость.

Стремясь выглядеть как туристки, мы тщательно оделись, прежде чем отправиться в государственное учреждение: Джаямала выглядела опрятно в брюках каки, а я — вполне презентабельно в темно-синих слаксах. Мы покинули территорию центра, в которую вошли всего несколько часов назад, и поймали еще одну рикшу.

— По крайней мере, нам не нужно тащить с собой эти дурацкие чемоданы, — заметила Джаямала, когда мы забрались внутрь. Наша ситуация была абсурдной до такой степени, что верилось с трудом, и я поймала себя на мысли, не нахожусь ли я все еще в Нью-Йорке, видя все это во сне. Недосып и культурный шок объединились против меня; я чувствовала себя вне тела, словно смотрела на себя с огромного расстояния.

Гудок такси, пронесшегося в опасной близости от нашей рикши, вернул меня в реальность, и я с изумлением уставилась на разнообразие людей и транспорта вокруг: велорикши, мотоциклисты, черно-желтые моторикши, изрыгающие дым, такси, редкие черные автомобили «Амбассадор», рабочие, толкающие перед собой грузы на длинных деревянных тележках, — все они отвоевывали место на узкой дороге, пытаясь не задеть коров, бродивших посреди этого потока так расслабленно, словно они нежились на зеленом лугу.

Рикша высадил нас на забитой до отказа улице перед правительственным зданием. Мы пробрались мимо уличных лотков с едой и людей, занятых разнообразными, по всей видимости, бюрократическими делами: они сидели, скрестив ноги, прямо на тротуаре за пишущими машинками, а рядом громоздились стопки официального вида бумаг! Мы направились к клерку за решетчатым окном, выходящим на улицу. Он подсказал, в какой кабинет нам идти; мы зашли в здание, нашли лестницу и поднялись на второй этаж. Мимо нас спешили мужчины, многие из которых несли пухлые папки. Из-за высоких потолков шум шагов и голоса людей, переключавшихся в коридорах, отзывались эхом. От этого шума у меня разболелась голова.

Когда мы добрались до кабинета, то объяснили ситуацию клерку и стали ждать. Мне казалось, что я буквально проваливаюсь в стул. Ощущение нереальности вернулось, и я изо всех сил старалась не закрывать глаза. Клерк вернулся, жестом пригласил нас за собой и провел во внутренний кабинет. Мужчина, который нас встретил, выглядел важным и представительным. Он улыбнулся и предложил нам присесть, представившись мистером Шармой.

— А теперь расскажите мне, что случилось, — сказал он, устраиваясь в кресле. — О, да, прежде чем вы начнете, не хотите ли чаю?

Я быстро взглянула на Джаямалу. Нам, как стажерам, черный чай был запрещен.

— Да, спасибо, — к моему величайшему изумлению ответила Джаямала.

Мистер Шарма вызвал клерка и заказал чай, после чего попросил нас изложить историю. Джаямала выдала ему нашу наполовину сфабрикованную версию и попросила о займе.

— О, это крайне прискорбно, мадам, — произнес мистер Шарма. — Наверняка кто-то должен был вас предупредить, что в Индии очень хитрые воры. Многие из них специально охотятся на иностранцев.

— Да, у нас есть друзья, которые бывали здесь, — сказала я. — Они предупреждали нас и советовали обзавестись нательными кошельками. Но перед вылетом у нас просто не хватило времени их купить.

Клерк принес поднос с тремя маленькими стаканами чая. Мистер Шарма взял один, а затем велел клерку поднести поднос к нам.

— Пожалуйста, пейте чай, — сказал он. Мы взяли по стакану. Я поднесла свой к губам и притворилась, что делаю глоток. Джаямала действительно отпила; в этот момент ее рука дрогнула, и она пролила немного на свои брюки каки. Она быстро промокнула пятно платком, густо покраснев.

— Да, каждой из вас обязательно нужно приобрести что-то, куда вы сможете положить деньги и новые паспорта, когда получите их, — заметил мистер Шарма. — В Индии они продаются. Они вешаются на шею и носятся под рубашкой.

Мы пообещали ему, что так и сделаем.

После еще нескольких вопросов мистер Шарма покашлял и произнес:

— От имени правительства Варанаси я рад сообщить вам, что мы готовы предоставить вам заем в размере шестисот рупий.

Спасибо, Баба! — подумала я, делая над собой колоссальное усилие, чтобы сохранить самообладание. Если бы мистер Шарма только знал, кто мы такие!

— Спасибо, — сказали мы в один голос.

— Не стоит благодарности.

Мистер Шарма объяснил, на какой срок выдается заем и как именно мы будем его возвращать. Позже тем же вечером мы сели на поезд до Калькутты. (Словно в напоминание о ее нарушении правил, Джаямале так и не удалось вывести то чайное пятно со своих брюк!)

Рано утром наш поезд прибыл в Калькутту, и мы наняли рикшу. У этого, в отличие от тех, что были в Дели, не было велосипеда — это значило, что водитель будет бежать пешком, таща рикшу за собой. Я и раньше замечала, что в Калькутте все рикши были такими; к счастью, до сих пор нам не приходилось ими пользоваться. Но сейчас мы были вынуждены. Рикши были самым дешевым видом транспорта, не считая автобусов. Автобус отпадал из-за нашего багажа (они были слишком переполнены для этого), а ничего другого мы позволить себе не могли, так что альтернативы не было.

Однако это не мешало мне чувствовать себя ужасно. Я все думала: «Как я вообще могу на такое решаться — позволять человеку тащить меня, словно он осел!» — даже в то время как мужчина, которого мы подозревали (тощий, босой и одетый преимущественно в лохмотья), помогал нам складывать вещи. Как только мы устроились, он побежал, непрерывно звеня в свой колокольчик.

Когда мы добрались до дома семейной пары марги, у которых останавливались раньше, мы отдали им письмо, написанное одним из дядь по поводу нашей ситуации. Мы обе приняли ванну, а затем попытались медитировать, но в основном просто дремали, роняя

головы. После трапезы из чапати и овощей мы улеглись на ковер, чтобы поспать. Я мгновенно отключилась, и мне приснился сон.

Я сижу с Бабой. Мы находимся в бревенчатой избушке в лесу. Время близится к вечеру, и сквозь окна льются лучи солнца. Баба сидит на стуле, окруженный женщинами-последовательницами из тренировочного центра. Каждой он говорит что-то ласковое, но со мной не заговаривает.

Тихим голосом я спрашиваю: «Баба, неужели тебе нечего сказать мне?»

«О, с тобой все в порядке», — говорит он и машет рукой, словно отпуская меня. Он отворачивается, возобновляет беседу с другой стажеркой, а затем снова поворачивается ко мне.

«Ты очень грязная, не так ли?» — произносит он строгим, но любящим голосом.

«Грязная?! Нет, только не это! Я чистая!» — кричит мой панический разум.

Я выбегаю из избушки в лес, рыдая, а затем попадаю в другое здание, где нахожу свой чемодан «Samsonite». Я достаю платье, которое носила во времена хиппи, — красно-желтое индийское платье, сплошь расшитое маленькими зеркальцами. Я с трудом пытаюсь его надеть, но мои руки полностью запутываются в рукавах. Я сдаюсь и отбрасываю платье в сторону, затем смотрю вниз и вижу, что я полностью одета — в оранжевое.

Я проснулась, всхлипывая. Дневное солнце падало в окна, освещая участок яркого восточного ковра, на котором я спала. Образ индийского платья, перекутившегося во сне, пока я пыталась его натянуть, пронесся перед моим мысленным взором. Вместе с ним я оказалась отброшена назад, к болезненному эпизоду, с которым, как мне казалось, я покончила раз и навсегда.

Все началось в один из предвечерних часов летом 1970 года. Я направлялась на рок-концерт за пределами Филадельфии в компании людей, которых не очень хорошо знала. Я решила надеть то самое индийское платье с зеркальцами; мне казалось, оно мне идет. Перед тем как мы все загрузились в машину, один из моих спутников пустил по кругу какие-то маленькие таблетки. На мгновение я заколебалась. Я нечасто принимала кислоту, да и устраивать трип в компании малознакомых людей было не лучшей идеей. Но мне хотелось быть своей, поэтому, проигнорировав внутреннее предупреждение, я протянула руку. Таблетка упала мне на ладонь, и я закинула ее в рот.

Эффект я начала чувствовать, когда стояла в очереди за напитком. И ощущения были не из приятных. Во мне поднялась паника, и я быстро покатилась вниз, в главный кошмар всех любителей трипов — в бэд-трип. Я понимала, что нужно что-то делать, но что? Рассказать людям, с которыми приехала, я не могла. Они были старше — тертые потребители кислоты, которые наверняка высмеяли бы любого неопытного или слабого настолько, чтобы словить бэд-трип.

Я знала, что Сара — медсестра и единственный человек, не принимавший наркотики, из той восьмерки, что жила в нашем большом общем доме в Западной Филадельфии, — в тот вечер дежурила в «палатке трипов», месте, куда могли прийти за помощью люди, переживавшие бэд-трип. Неужели я действительно подумывала пойти туда и поговорить с ней? Паника не просто не уходила, она усиливалась, и я понимала, что мне нужна помощь. Но пойти в эту палатку и показаться Саре? Как же это некруто! А что, если

кто-то из моих спутников увидит меня там? Тогда они поймут, что я пробила дно. Оказаться замеченной в палатке для бэд-трипов — худшее, что могло случиться с моей репутацией, насколько я могла судить.

Я поймала себя на том, что плетусь к палатке, заметив Сару в ее белой форме медсестры. Она была похожа на какое-то толстое насекомое с огромным животом и фасеточными глазами, запрятанными в очки. Ее форма символизировала мир цивилизованных, мир официальной власти — мир, к которому я никогда не принадлежала и к которому была полна решимости никогда не примыкать. Борясь с жутким страхом, смешанным с ужасом, я оглянулась через плечо, чтобы убедиться, что никто не смотрит, и вошла.

Открыв рот, я попыталась заговорить. Разноцветные слова вылетали и зависали в воздухе передо мной, но я будто говорила на иностранном языке. Сара понятия не имела, о чем я толкую, ведь она сама никогда не испытывала наркотических галлюцинаций — этого опыта, когда ты о чем-то думаешь, а затем видишь или слышишь это наяву. Ее глаза оставались плоскими и безжизненными, когда она смотрела на меня.

Я легла на пол палатки, чувствуя, как ужас подступает с еще большей силой. Сердце бешено заколотилось, словно запертый зверь, пытающийся вырваться из клетки моих ребер. Затем, когда страх быть обнаруженной моими спутниками в этой палатке стал невыносимым, я поднялась, чтобы уйти. Слишком поздно! Я увидела, как некоторые из них приближаются, и попыталась спрятаться, но они (или это были мои галлюцинации?) начали хохотать. «Эй, смотрите, кто у нас в наркоманской палатке! — хихикали они. — Что такое, не справляешься с трипом?» Их издевательский смех преследовал меня, пока я с трудом поднималась на ноги и ковыляла прочь в темноту, в полное одиночество.

Не знаю, как долго я блуждала. Повсюду были люди, которые тыкали в меня пальцами и смеялись. Каждый видел меня насквозь и знал, кто я на самом деле: трясущийся кусок желе в бэд-трипе, карикатура, фальшивка.

Откуда-то из глубины поднялся сильный, первобытный инстинкт самосохранения. Убирайся отсюда! — крикнул голос. Иди домой!

Оставшись без машины, я сделала единственное, что пришло в голову: вышла на дорогу и выставила большой палец.

Машина, полная подростков, затормозила со свистом. Они бросили на меня один взгляд и умчались вдаль.

Следующей остановившейся машиной оказался автомобиль, где не было никого, кроме водителя средних лет.

— Куда тебе? — спросил мужчина.

— В Филадельфию, — ответила я едва слышным шепотом.

— Мне в ту сторону, — сказал он. — Садись.

Я знала, что это рискованно, но какой у меня был выбор? Я открыла дверь и села.

— Куда конкретно в Филадельфии тебе нужно?

— Район Пенсильванского университета, — выдавила я и назвала адрес.

Он сжалился надо мной и довез прямо до двери.

Я потащила по лестничным пролетам в свою комнату на мансарде. Легла, но уснуть не смогла. Ранним утром следующего дня я разыскала Роба и Джинни, двух терапевтов, которые жили в нашем доме. Когда бледный утренний свет начал просачиваться сквозь большое окно их комнаты, выходившее на улицу, я рассказала им о случившемся. Они попытались мне помочь.

— Ты сейчас плохо себя чувствуешь, потому что действие кислоты еще продолжается, — говорили они мне. — Каждое чувство преувеличено. Через день-два тебе станет легче.

Но их слова не особо помогали. Я начала думать, что на самом деле не знаю, кто я такая. Казалось, мне нужно куда-то пойти, чтобы обо мне позаботились. Роб и Джинни отвезли меня в больницу Пенсильванского университета, и я добровольно легла в психиатрическое отделение.

На следующее утро я проснулась и обнаружила маму, отца и братьев, которые окружили мою кровать и хмуро смотрели на меня. Я чувствовала себя лабораторным образцом на столе. Нахлынул гнев. Кто сказал им, что я здесь? Ни слова не говоря, я отвернулась от груза их заботы и снова уснула.

Я не доверяла терапевту, которого мне назначили. Готова была поклясться, что он меня боится. Худой, нервный мужчина с мышинными редующими волосами, он отводил глаза всякий раз, когда мы были вместе, а его руки дрожали. Я рассказала ему о своем интересе к дзэн и медитации и настояла на том, чтобы оставить при себе деревянные бусы, которые принесла с собой.

Я пробыла в отделении три дня, но поспешно ушла, когда увидела, как у другой пациентки — тихой, мягкой женщины из моей терапевтической группы — случился припадок ярости. Ее, кричащую, швырнули в ярко освещенную, похожую на камеру комнату с мягкими стенами, зафиксировали ремнями и заперли. «Я стану такой же, как она, если не выберусь отсюда прямо сейчас», — подумала я.

Несколько месяцев спустя, когда я начала амбулаторную психотерапию в Пенсильванском университете, мой новый терапевт разрешил мне прочитать диагноз и заметки, оставленные тем врачом из отделения.

«Диагноз: Латентная шизофрения. Пациентка изрыгает банальности об восточных религиях, дзэн».

Шевеление Джаямалы рядом со мной вернуло меня в настоящее. И снова образы из сна о Бабе хлынули мне в голову, и я вновь услышала его тревожные слова: «Ты очень грязная, не так ли?» Я подумала о наркотиках, которые принимала в колледже, и обо всем сексе, который у меня был. Баба прав, — подумала я. — Я грязная. Но прежде чем я успела еще глубже погрузиться в отчаяние, я вспомнила, чем закончился сон: я не смогла надеть свою старую одежду и оказалась облачена в оранжевое. На обучении наверняка придется пройти через множество очищений, — подумала я, — возможно, даже через страдания. Может, я и попытаюсь вернуться к прежней жизни, но в итоге закончу обучение и стану диди. Это меня утешило, хотя бы немного.

Через несколько дней мы отправились в консульство США. Мы надеялись получить новые паспорта сразу же, но выяснилось, что все будет не так быстро и просто. Так что нам пришлось на какое-то время остаться в Калькутте. Остаться у марги мы с Джаямалой больше не могли (мы и так злоупотребляли их гостеприимством), поэтому

мы собрали вещи и при финансовой помощи калькуттских дад переехали в YWCA (Христианскую ассоциацию молодых женщин). А затем мы обе слегли с дизентерией. Мне было не так плохо, как Джаямале, поэтому я отваживалась выходить на улицу, чтобы купить еду и лекарства.

Всякий раз, когда я выходила, меня преследовали нищие, многие из которых были детьми. Окружая меня толпой, они кричали, вымаливая рупии. Одни протягивали помятые и почерневшие жестяные кружки. Другие протягивали ладони, уставившись в пустоту своими незрячими, молочно-белыми глазами. У кого-то не было кистей рук; другие передвигались по земле на руках, поскольку обрубки их ног были бесполезны. Стоило мне дать кому-то из оборванных детей несколько рупий и бананов, как толпа увеличивалась, угрожая поглотить меня, и мне приходилось спасаться бегством. Я чувствовала себя беспомощной перед лицом всей этой нужды и отчаяния. (Позже я была потрясена, узнав, что, хотя некоторые дети-калеки были парализованы из-за полиомиелита, который в то время был слишком распространен в Индии, другие становились такими, потому что их намеренно калечили — в основном криминальные банды, — чтобы сделать их более жалкими при выпрашивании милостыни).

Большинство улиц были узкими и грязными. Наряду со шкурками папайи, бананов и прочим мусором, повсюду виднелись таинственные красные пятна. Я также видела плевательницы, наполненные этим красным веществом, которое, как оказалось, оставалось от жевания орехов бетеля. Их продавали в крошечных лавках паан, где владельцы сидели, скрестив ноги, и заворачивали орехи в зеленые листья бетеля, формируя маленькие кулечки, добавляя туда белую известковую пасту и всевозможные специи и травы. Казалось, каждый мужчина в Калькутте жевал эти свертки и выплевывал багровую жижу. Когда приходили муссонные дожди, по улицам текли целые реки грязи. Погода стояла удушающе жаркая; и днем, и ночью пот покрывал мою кожу, словно пелена.

Я никогда не забуду, как мы с Джаямалой впервые сели в автобус. Мы с боем пробились внутрь и всю дорогу провели вплотную прижатыми к другим пассажирам, с недоверием глядя по сторонам, пока автобус безумно несся вперед, чудом огибая коров и рабочих, тащивших ящики на своих длинных деревянных телегах. Автобус был настолько переполнен, что казалось, он вот-вот перевернется. Некоторые пассажиры даже не пытались протиснуться внутрь — они просто висели, ухватившись за дверные проемы и окна. Когда мы добрались до места, нам пришлось прорываться сквозь эту давку, чтобы выйти, и в процессе я потеряла сандалию.

В эти первые недели казалось, что все, что я вижу вокруг, — это лишь грязь и нищие. Но постепенно я начала замечать окружающее в ином свете. Я стала улавливать тонкости, снова обращая внимание на то, что курты и дхоти мужчин всегда были ослепительно белыми. Я восхищалась яркими сари и той грацией, с которой ступали женщины. Заходя в магазин или переходя улицу, я ловила в воздухе мускусный аромат благовоний. Садясь в автобус, я видела крошечный алтарь, который водитель устроил над своим сиденьем, — изображение Шивы со свежей гирляндой и дымящимися рядом палочками благовоний. Цветочные гирлянды продавались прямо на улицах: одни — из ярко-оранжевых бархатцев, другие — из нежных цветов франжипани, третьи — из крошечных белых цветов в форме звездочек, названий которых я не знала, но пахли они почти пронзительно сладко. В Индии, как оказалось, все же была своя красота, и вскоре я начала относиться к ней как к своему настоящему дому.

После того как мы пробыли в Калькутте какое-то время, мы с Джаямалой начали чувствовать себя неловко в брюках, поэтому ранним утром отправились за покупками. Мы застыли перед несколькими одинаковыми с виду лавками, не зная, в какую зайти, пока один из торговцев не заметил нас и не замахал руками, приглашая внутрь.

— Хотите сари? — спросил он. — Я сделаю вам хорошую цену.

Крошечный магазинчик был забит ими до отказа. Мы пощупали несколько штук, но, понимая, что самостоятельно научиться завязывать сари будет невозможно (этому мы научимся позже, в тренировочном центре), указали на юбки, которые привлекли наше внимание. Купец попросил нас присесть и предложил чаю (от которого мы отказались — здесь-то зачем притворяться!), а затем показал юбки. Как и сари, они были самых разных цветов. Одни с оборками, другие с прямым подолом. На выбор были хлопок, полиэстер или шелк. Нам как послушницам запрещалось носить шелк, поскольку он считался аристократическим материалом (к тому же его производство требовало отнятия жизни), так что оставались полиэстер или хлопок.

— Хлопок прохладнее полиэстера, — заметила Джаямала. Я согласилась.

Мы остановили свой выбор на двух белых юбках для каждой. Похожие на те, что мы носили как LFT в Штатах, они казались нам знакомыми и почему-то утешающими.

На следующий день мы надели их вместе с привезенными с собой хлопковыми рубашками с длинными рукавами. В новых юбках мы чувствовали себя отлично, но стоило нам выйти на улицу, как прохожие уставились на нас, начали переглядываться, жестиковать и быстро заговорили на бенгали. Мы подумали, что дело в том, что мы иностранки, но заметили, что на других приезжих так не смотрят. «И вообще, — напомнила я Джаямале, — раньше-то на нас так никто не пялился!» Это и впрямь было загадкой.

Через несколько дней мы отправились на воскресную дхармачакру в Центральный офис — глобальную штаб-квартиру Ананда Марги. Как только мы вошли в зал для медитаций, один из дад, чья темная кожа заметно покраснела от смущения, подошел ко мне и сказал:

— Сестра, вы одеты ненадлежащим образом.

— Ненадлежащим? Что вы имеете в виду? — спросила я. Мы были полностью закрыты с головы до ног.

— На вас надета нижняя юбка, которую носят исключительно под сари, — ответил он, после чего развернулся и быстро ушел.

Мы с Джаямалой вытаращили глаза друг на друга, до нас наконец дошло: с точки зрения индийцев, мы вышли на улицу в нижнем белье! Мы рванули в туалет, где прятались до тех пор, пока не появилась возможность уйти незамеченными. Затем с пунцовыми лицами мы примчались обратно в YWCA и поскорее натянули брюки.

Наконец настал день, которого мы так ждали. Мы пришли в американское консульство и получили новые паспорта. В тот же вечер, когда мы садились на поезд до Бенареса, а наши паспорта были надежно спрятаны под рубашками в новых нательных кошельках, мы были уверены, что эта поездка пройдет гораздо лучше предыдущей.

¹⁵ Я не уверена, в каком году родился мой отец. В его водительских правах указана дата рождения 15 июля 1904 года. В свидетельстве о смерти — 15 июля 1901 года.

¹⁶ «Синие законы» (blue laws) ограничивали деятельность или продажу товаров по воскресеньям в угоду христианским воскресным богослужениям. В пятидесятых и шестидесятых годах в Пенсильвании предприятиям было запрещено работать по воскресеньям.

¹⁷ На протяжении всей книги я использую те названия индийских городов, под которыми они были известны в то время: Калькутта, Бомбей и Мадрас — вместо Колката, Мумбаи и Ченнаи, как они называются сейчас. Город Бенарес также известен как Варанаси.

Глава 3. Обучение

На этот раз мы с Джаямалой добрались до тренировочного центра без происшествий. Поскольку у курсов не было фиксированного времени начала и окончания, мы просто включились в процесс сразу по прибытии. Как и у большинства стажеров, у нас были шестимесячные туристические визы, но больше месяца мы уже потратили на восстановление паспортов. Так как все знали, что продлить туристическую визу практически невозможно, мы с головой погрузились в расписание, надеясь наверстать упущенное время.

Каждое утро мы поднимались рано, обычно еще до рассвета. Пока мы готовились к духовной практике, до нас доносились песнопения из городских храмов. Иногда я стояла на лестничной площадке, слушая их в темноте; этот звучный гул нарастал и становился все мощнее, по мере того как к нему подключалось все больше храмов, пока я не оказывалась окруженной вневременным океаном звука, одновременно трепетным и завораживающим. Мы тоже начинали свои практики с пения, за которым следовали медитация и асаны, а затем завтрак. Утренние занятия вел Гаганананда — тот самый высокий, истощенный дада, который велел нам с Джаямалой возвращаться в Калькутту. (Из разговоров с другими стажерками мы узнали, что еще пару месяцев назад он был крепким и здоровым, но теперь страдал от хронической дизентерии. Так что деньги, которые мы не довели, все равно не помогли бы ему прибавить в весе. Это сильно облегчило наше чувство вины). За утренним классом следовала полуденная садхана (медитация), а после обеда были другие занятия. По их окончании нам давалось немного свободного времени, после чего наступал черед вечерней медитации, йогических поз и ужина.

Дада читали лекции на самые разные темы, но вскоре я поняла, что здесь нас не будут учить тому, как преподавать медитацию и давать мантры; эти занятия начнутся позже, в Калькутте, когда мы наконец станем ачарьями. Вместо этого дада обучали нас духовной и социальной философии Ананда Марги. Именно социальная философия, ПРАУТ, привлекла меня с самого начала, и мне нравилось вникать в ее тонкости.

Мы также изучали основы санскрита и заучивали наизусть бесчисленные шлоки, или стихи из священных текстов. Sa tu bhavati dharidraha, Yasha asha vishala, Manasii ca partistute, Ko rithavan ko dharidraha, — повторяли мы снова и снова («Тот воистину беден,

чьи желания безграничны. Если же человек обладает довольством, то кто богат, а кто беден?»), а затем принимались за следующую.

Потом шли «правила поведения». Их было великое множество, и мы должны были зазубривать их и время от времени повторять перед дадами: правила для работников или ачарьев и отдельные правила для авадохутик — тех, кто давал особую клятву Бабе, носил исключительно оранжевое и практиковал особый вид медитации. (Все мы надеялись когда-нибудь достичь этого высокого статуса после того, как станем ачарьями). Одно из правил для авадохутик гласило: «Авадохутика не должна громко смеяться». Многие правила, подобно этому, были сформулированы не совсем грамматически верно или содержали обороты «индийского английского». Тем не менее мы учили их именно в таком виде, и мне казалось, что это придавало им определенный шарм. Изрядная часть правил касалась еды: «Нельзя принимать пищу, к которой прикасаясь подлый человек», — гласило одно из них. «Авадохутика не должна принимать пищу, видя, как кто-то ест невегетарианскую еду», — утверждало другое. Правила, которым суждено было оказать огромное влияние на мою жизнь, звучали так: «Никаких отношений с мирской семьей не существует» и (что, казалось бы, противоречило первому) «Авадохутика не должна давать своей бывшей мирской семье никакой возможности видеть ее где-либо, кроме джагрити». В то время я была только рада оставить свою мирскую семью позади. Существовал также свод менее важных рекомендаций, называвшихся «Социальными нормами». Их было сорок, и они регламентировали самые разные ситуации. «Не разговаривай стоя перед тем, кто в этот момент ест» и «Не води частных бесед в поезде или автобусе» — вот пара из них.

Но самыми важными были «Шестнадцать пунктов» — комплекс практик, включая соблюдение всех правил поведения («Бескомпромиссная строгость и вера в святость правил поведения»), которые мы должны были выполнять ежедневно. Они включали в себя медитацию четыре раза в день, йогические позы дважды в день, полное омовение ежедневно, половинное омовение (которое делалось перед едой, медитацией и сном) и даже служение растениям и животным (бхута-яджня): как бы мы ни были голодны, во время каждой трапезы мы откладывали маленький кусочек чапати или горсть риса и после еды выбрасывали это птицам. (Для нас, стажеров, «Шестнадцать пунктов» на самом деле составляли всего пятнадцать, так как один из пунктов к нам не относился: «Мужчины должны отодвигать крайнюю плоть». Хотя это никогда не проговаривалось, мы полагали, что мужчины делают это во время мытья).

Я вовсе не считала все эти правила обременительными, наоборот, я их обожала. Для того запутавшегося человека, каким я была до встречи с Ананда Маргой, эти строгие ориентиры, эти «можно» и «нельзя» приносили утешение. Мне больше не нужно было раздумывать, как поступить в любой ситуации, с которой я могла столкнуться в будущем. Все, что требовалось, — это следовать правилам поведения. Это делало жизнь такой простой, словно у тебя на руках была подробная карта.

Наша повседневная рутина включала в себя немало приземленных, отнимающих много времени обязанностей. Мы тратили кучу времени на мытье тела и стирку одежды, уборку полов, туалетов и душевых. Всю воду нам приходилось носить из колодца. Для этого нужно было спуститься по лестнице к колодцу, вытащить ведро воды, перелить его в ведро, которое принесла с собой, а затем тащить его обратно вверх по ступеням, пока вода расплескивалась во все стороны. Количество ведер было ограничено, и порой вспыхивали настоящие словесные перепалки из-за того, кто и для чего имеет право их использовать.

Даже само мытье имело свое предписание. Нужно было делать это на корточках, сначала выливая ковшик прохладной воды на область пупка (чтобы охладить манипура-чакру¹⁸), затем на спину напротив пупка, а после — с макушки головы вниз по позвоночнику. Только после этого разрешалось намыливаться.

После мытья и перед тем как вытереться, следовало прочесть банную мантру. В идеале нужно было повернуться к восходящему солнцу и трижды пропеть довольно длинную санскритскую шлоку, сопровождая ее движениями рук. Нам говорили, что выполнение банной мантры на рассвете лицом к восходящему солнцу приносит пользу для здоровья, благодаря тому что первые лучи попадают на капли воды на теле. Если бы тренировочный центр находился где-нибудь за городом, возможно, мы бы так и делали. Но в нашей ситуации нам приходилось выполнять ее, повернувшись к голой лампочке в душевой.

У стажеров, которые только что приехали, были очень востребованные мыла и шампуни из дома. Когда запасы шампуней «Herbal Essences» и им подобных иссякли, нам пришлось перейти на «Lifebuoy» — красное индийское туалетное мыло — и «Sunlight», желтое хозяйственное мыло для стирки одежды. Ни то, ни другое не отличалось особой эффективностью.

Для стирки одежды мы использовали щетки с нейлоновой щетиной. Мы намыливали наши сари и нижние юбки, терли их и колотили по земле, а в конце прополаскивали в ведре. Ослепительная белизна наших новых хлопковых сари быстро превращалась в грязно-коричневый цвет. Мы боролись с этим с помощью нилы — синьки, которая должна была отбеливать вещи, когда ты наносил ее и развешивал одежду на солнце. Это помогало лишь до определенной... а также растущее разочарование тем, какое место в этой духовной системе на самом деле отводится женщинам.

степени: в итоге все наши сари приобрели отчетливый синеватый оттенок.

Поскольку колодезная вода годилась только для мытья, питьевую воду нам приходилось брать из крана, расположенного в доме семьи, жившей на первом этаже. Мы поднимали питьевую воду по несколько ведер за раз и переливали ее в большие красно-коричневые глиняные кувшины, которые держали специально для этой цели. Однако визиты к этой семье заставляли нас чувствовать себя неловко, поэтому мы сводили свои спуски вниз к самому минимуму.

Обязанности по дому мы выполняли по очереди. Бетонный пол в большой комнате, где мы ели и спали, мылся ежедневно. Мы учились убирать по-индийски: садились на корточки во время мытья, а затем передвигались боком, словно крабы, все так же на корточках, на другой участок, пока не покрывали всю поверхность. Подметался пол еще чаще. Для этого использовался короткий веник из травы. У него не было длинной ручки, к которой большинство из нас привыкло, поэтому подметание тоже происходило на корточках.

Готовка была серьезной задачей, но она не включала в себя походы по магазинам. Поскольку мы почти никогда не выходили за ворота территории, закупками мы не занимались; вместо этого овощи нам привозил один из стажеров-мужчин, молодой индеец, которого мы звали «Овощной Дада». Два или три раза в неделю он въезжал в наш двор на потрепанном старомодном велосипеде с мешками овощей. Разнообразие особого не было. В основном он привозил картофель, баклажаны и похожий на кабачок

овощ с бледно-зеленой кожицей. Цветная капуста, будучи более дорогой, поставлялась только в очень редкие праздничные дни.

Вся готовка велась на маленькой печке, которая представляла собой жестяной цилиндр с отверстием посередине, а в качестве топлива использовались древесные опилки. Как только нам удавалось ее разжечь (что само по себе было непростым делом), мы пекли чапати. Каждое утро и вечер мы выпекали их стопку за стопкой. (В первый раз, когда я попыталась сделать чапати, она напоминала карту Австралии; но с практикой я вскоре научилась делать их круглыми). У каждой стажерки спрашивали, сколько штук ей нужно, и все, если только не чувствовали недомогания, заказывали по несколько штук. Так что кухарке часто приходилось готовить по пятьдесят-шестьдесят штук, борясь с дымом от опилок, от которого резало глаза и першило в горле.

Все мы ели правой рукой, как это принято в Индии. Мне это нравилось. Это давало возможность лучше прочувствовать пищу. В тех редких случаях, когда я пользовалась вилок, ощущение металла во рту казалось странно искусственным. Но приспособиться к самому рациону оказалось куда сложнее. Большинство из нас, приехавших из-за пределов Индии, сбросили вес, включая меня. (Во время медитации я часто ловила себя на том, что вместо концентрации на мантре отчетливо представляю себе банку хрустящего арахисового масла. Иногда арахисовое масло превращалось в миску нежного йогурта).

Мы спали на полу на циновках из травы и одеялах. Подушки считались неприемлемыми для йогов, но некоторые диди, особенно после выхода из тренировочного центра, сооружали подобие подушки из своего сари или другой одежды и подкладывали ее под голову. У меня, впрочем, не возникало проблем из-за отсутствия подушки, поскольку в детстве я никогда на них не спала. Моя мама считала их вредными для шеи. (Как-то раз, когда я училась в начальной школе, ко мне в гости пришла подруга и, приняв за подушки жесткие валики, которые мама положила в изголовье моей кровати, чуть не проломила себе голову). Тогда я чувствовала себя обделенной. Теперь же я была благодарна. Что подумала бы моя мама, если бы знала, что готовит меня к жизни йогини¹⁹?

Какими бы тяжелыми ни были все эти физические перестройки, они бледнели по сравнению с наступлением «SPT», или Seva Pita Training²⁰. Это был период в одну или две недели (точно не помню), через который должен был пройти каждый стажер и который включал в себя различные физические лишения. Стажеру разрешалось мыться, но нельзя было пользоваться мылом, шампунем, расческой или зубной пастой. Диета становилась еще более ограниченной. Стажеры на SPT ели только один раз в день (или два?) и должны были сами готовить себе еду на улице, на собственном костре. Разрешалась только вареная несоленая пища. Стажеры-мужчины во время SPT должны были ходить по улицам и просить милостыню, следуя многовековой традиции монахов в Индии. Каждый протягивал свою миску в надежде получить горсть риса, муки или, если повезет, немного овощей; при этом они хранили молчание, за исключением пения традиционного «Хари Ом Тат Сат» («Господь есть Высшая Истина»). Поскольку попрошайничество на улицах предназначалось только для мужчин, наши стажерки на SPT пели «Хари Ом Тат Сат» не проходим, а той стажерке, которая в этот день готовила. Та взамен выдавала им немного сырых овощей и сырого риса.

Конечно же, — думала я по мере приближения моего срока SPT, — я окажусь на высоте. Что такое неделя или две без расчесывания волос? К тому же я буду не одна: Джаямала и еще две или три девочки должны были проходить это одновременно со мной. Однако

вскоре после начала SPT весь масштаб испытания стал очевиден: мое сари потеряло всякое подобие белизны, волосы спутались в колтуны, а сама я похудела еще сильнее.

Как-то раз в полдень мы были на улице и разводили костры. Мы собирались попробовать кое-что новенькое: испечь чапати прямо на углях. Мы жутко соскучились по тем стопкам чапати, к которым привыкли, поэтому одна из нас выпросила у кухарки немного муки. Была, правда, одна загвоздка: нам запретили брать кухонную утварь, на которой обычно готовили. Выход из положения нашла Джаямала: «Слушайте, мы просто скатаем шарики из теста, сплущим их руками и выложим прямо на угли». Все сочли эту идею отличной и принялись разводить костры. Мой, однако, никак не разгорался и постоянно гас. Спустя бесконечное количество времени он наконец разгорелся. Другие стажеры уже вовсю заканчивали печь свои маленькие чапати, пока я только начинала. Ну и ладно. Спешить было некуда. Времени у меня было предостаточно.

Вот только пошел дождь. Почувствовав каплю на руке, а затем еще одну на лице, я посмотрела на небо. Когда я увидела надвигающиеся густые темные тучи, я не поверила своим глазам. В это время года дождей не бывает! — подумала я, но костер, над которым я так долго трудилась, уже гас, шипя под каплями. Остальные стажеры схватили свои почти готовые чапати и побежали в укрытие. Дождь усилился, полностью потушив мое пламя; я собрала полусырые, перепачканные золой лепешки, пошла за остальными внутрь и съела то, что было можно.

Наш состав то увеличивался, то уменьшался: кто-то заканчивал обучение, приезжал новый стажер. В среднем нас всегда было около десяти-двенадцати человек, что довольно много, учитывая наши условия проживания. Женщины, которых я помню лучше всего, — это те, кто прошел со мной большую часть обучения. Четверо из нас были из США: Мангала, Прашанти, Джаямала и я; из Филиппин — Трипура и Кальяни; из Австралии — Балавати; и (что удивительно) всего двое из Индии — Рачана и Мохини.

Несмотря на общую идеологию и духовные практики, мы все были очень разными — сказывались происхождение и темперамент. Были среди нас оптимистки, такие как Трипура, крепко сбитая молодая женщина, которая, казалось, всегда улыбалась. Она обожала петь. Всякий раз, когда выпадала возможность, она играла на гитаре, пока мы пели «Баба Нам Кевалам» и танцевали киртан, или напевала полные надежды песни («Я верю, что на каждую упавшую каплю дождя вырастает цветок...»), сидя со скрещенными ногами и перебирая струны с закрытыми глазами, а ее голос набирал силу и мощь. Трипура старалась сглаживать чужие споры, а сталкиваясь с трудностями, просто отмахивалась от них. Это была светлая, солнечная личность.

Нашим воплощением блаженства была Мангала. У нее была особая, неторопливая манера улыбаться, отчего выражение блаженства на ее лице становилось еще глубже, словно она светила изнутри. Из-за ее голубых глаз и светлых волос казалось, будто ты созерцаешь настоящую духовную богиню. Когда она сидела в медитации, на уголке ее губ играла легкая улыбка, будто она завороченно слушала какую-то чудесную музыку, звучащую внутри нее. Поговаривали, что у нее были особые отношения с Гуру.

Главной юмористкой была Мохини, одна из индийских девушек. Она была очень молодой и в какой-то степени избалованной; я подозревала, что ее семья была богатой и она привыкла, что все делается по ее указке. Однажды она рассказала мне, что ее отец был очень близок к Бабе и что она выросла рядом с Бабой, даже сидела у него на коленях. Мы все сходились во мнении, что Мохини была довольно «cheeku» (слово, которое индийцы часто используют для обозначения непослушного, дерзкого ребенка) и

любила делать вещи на грани дозволенного. Дисциплина и поведение, которых требовали от стажеров, давались ей с трудом, и она вечно на что-то жаловалась. Одной из ее любимых фраз была: «Никакой логики, никаких рассуждений, одни жалобы на приказ», — так она перефразировала правило поведения: «Никакой логики, никаких рассуждений, только подчинение приказу». Я подозревала, что ее терпели именно потому, что она была индианкой; дада, которые вели у нас занятия, скорее всего, знали ее еще ребенком.

Именно Мохини впервые познакомила меня с хиндийским словом *«jootha»^{*21}. «Это жутха!» — заявила она однажды, когда кто-то из стажеров уронил одну из наших немногих столовых ложек в туалет. После того как ложку достали, вымыли и прокипятити, она все равно отказалась ей пользоваться.

— Но, Мохини, — сказал кто-то, — когда ты что-то кипяتيش, это убивает все бактерии. Ей можно пользоваться снова.

— Нет, нельзя, — отрезала она. — Теперь это жутха. Больше ее использовать нельзя.

Наука оказалась бессильна перед концепцией «жутха». Для нас потеря драгоценной ложки, которую благополучно спасли и вернули в обиход с помощью кипячения, была более невыносимой, чем сам факт ее пребывания в уборной. Для Мохини же от этой ложки теперь навсегда исходили грязные вибрации.

Прашанти была нашей ворчуньей. Высокая, худая и бледная, в очках и с мышиного цвета каштановыми волосами, Прашанти была мелочной, придирчивой и казалась гораздо старше своих лет. Она часто спорила, могла устроить скандал из-за ведер или препираться по пустякам, ведя себя так, словно постоянно подсчитывала в уме выигранные и проигранные очки. Но в ней была и нежная сторона; под ее влиянием лицо Прашанти приобретало ангельский вид, а ее бледно-голубые глаза смотрели на тебя с невинным призывом.

И, наконец, Балавати. Она была на три-четыре года младше меня, ей было всего двадцать или двадцать один, но выглядела она взрослее, увереннее в себе и в том, куда движется. Она была серьезной ученицей и строго соблюдала практики. Во время общих киртанов она полностью уходила в пение, и ее не попадающий в ноты голос взмывал над всеми остальными. Несмотря на всю свою строгость, она обладала хорошим чувством юмора и сухим австралийским остроумием. Трудности она переносила легко, даже тяжелую болезнь, когда у нее началась сильнейшая дизентерия и вес резко упал. Несмотря на бесчисленные визиты в туалет, Балавати ни разу не пожаловалась, и ее строгое следование расписанию ни разу не пошатнулось. Она продолжала делать половинные омовения и медитировать, даже когда мы уже видели, как у нее начали выпирать тазовые кости, а кожа на лице обтянула череп. Когда ее кожа приобрела полупрозрачный, неземной оттенок, дада раздобыли для нее деревянную раскладушку, чтобы поднять с безжалостного пола, и она начала делать садхану лежа. Наконец, когда стало уже невозможно понять, медитирует она или умирает (она лежала так несколько дней без движения, сложив руки на животе), ее отвезли в больницу. Поправлялась она медленно и еще долго после этого испытывала проблемы со здоровьем.

Каменная решимость Балавати в какой-то момент оказалась единственным, что удержало меня в тренировочном центре. Через несколько месяцев после того, как мы с Джаямалой вернулись из Калькутты, я решила, что хочу уйти. Никакая конкретная причина не выделялась в моей памяти: культурный шок, голод, жесткость бетона,

комары (вечером их было так много, что во время медитации все выглядели как сидящие призраки, накинув ткань на неподвижные головы), тоска по дому и чувство вины за то, что оставила родителей, не сказав им правды, — все это, должно быть, сыграло свою роль.

У Балавати был ключ от сундука, где хранились все наши паспорта и билеты, но она наотрез отказалась выдать мне мои документы. «Я не стану открывать сундук. Ты не уедешь. Никто не уезжает», — отрезала она. (Будь у меня тогда больше осознанности, я могла бы насторожиться. Что это вообще за организация? — могла бы подумать я, но не подумала). Никакие уговоры не заставили ее передумать. Наблюдая за ней, я пыталась вычислить, где она прячет ключ, но она так и не выдала себя. И я осталась. Мы больше никогда об этом не заговаривали.

У меня также случались приступы депрессии. Вскоре я поняла, что куда бы ты ни поехал, ты берешь с собой себя. Мрачные настроения, преследовавшие меня в старшей школе и в колледже, прекрасно приспособились к новой обстановке. Большую часть времени мне удавалось подавлять их, хороня под лавиной медитаций, занятий, уборки, подготовки и заучивания шлок. Рутинa, к счастью, держала меня в постоянном напряжении, но в моменты затишья депрессия все равно ухитрялась подкрасться. Иногда я отбивалась от нее, в другие моменты она утягивала меня на дно. В ее тисках я часами лежала на своем одеяле, не в силах что-либо делать. Мысль о том, чтобы пошевелиться и выбраться из этой ямы, казалось, требовала таких затрат энергии, которые были выше моих сил.

Всякий раз, когда на меня накатывал подобный приступ, все оставляли меня в покое. Я часто мечтала, чтобы кто-нибудь подошел к месту, где я лежала, отвернувшись лицом к стене, и сказал несколько добрых слов или ободряюще положил руку мне на плечо. Но никто никогда этого не делал. В то время я думала, что другие стажерки просто пытаются уважать мое личное пространство. Теперь я в этом не так уверена. Сейчас я понимаю, что в Ананда Марге присутствовала определенная жестокость, беспощадное отношение к собственному телу и чувствам, из-за которого люди избегали проявлять сострадание к тому, кому больно.

Спустя время сон, который приснился мне в Калькутте (вернее, моя его интерпретация — что мне придется пройти через страдания и своего рода очищение), оказался пророческим. В то время как худели почти все, возникшие у меня проблемы были уникальными. Первым делом по всему моему телу начали вскакивать болезненные фурункулы. Первый появился на ноге. Когда он начал проходить, вскочил другой. Один развился в подмышке, еще один — на груди.

Дада Гаганананда посчитал, что это реакция на экстремальную жару. Кто-то другой предположил, что виной всему зеленый чили, который я иногда ела с рисом и далом (чечевицей). «Тогда почему они не вскакивают у всех остальных иностранцев?» — спросила я. Ни у кого не было ответа. Но мне казалось, что я знаю причину: так выходили наружу мои нечистоты. В конце концов, я ведь была предупреждена тем сном в Калькутте!

Казалось, на моем теле не осталось нетронутого места. Когда фурункулы добрались до интимных зон, пришло время действовать. Меня отправили к врачу, и я настояла на том, чтобы это была женщина. Она осмотрела меня, затем, покашляв и строго посмотрев, вынесла вердикт: «У вас венерическое заболевание».

На мгновение я потеряла дар речи. Венерическое заболевание?

— Последние пять месяцев я прохожу обучение, чтобы стать йоговской монахиней, — ответила я, стараясь сдержать возмущение в голосе и указывая на свое белое сари (которое по традиции носили только монахини или вдовы). — У меня никак не может быть этого.

— Анализы покажут, что я права, — отрезала она.

Не знаю, почему я согласилась на анализы. Возможно, хотела доказать, что она ошибается. К тому времени, как я пришла в кабинет врача за результатами, фурункулы практически исчезли. Отрицательные результаты она просто проигнорировала, словно давая понять: мол, если венерического заболевания нет в этот раз, то в следующий обязательно будет. Возможно, она пересмотрела американских фильмов и решила, что я веду активную сексуальную жизнь, даже будучи монахиней.

В любом случае, я была шокирована, столкнувшись с тем, что походило на предвзятость. За все те месяцы, что я провела в Индии, я ни разу не сталкивалась ни с чем подобным. Однако, поразмыслив, я поняла, что тренировочный центр — это отдельный мир со своими правилами, который на самом деле не являлся частью индийской культуры. Занятия велись на английском языке, и мы, иностранцы, составляли большинство. За пределы территории мы выходили редко, и то лишь для того, чтобы посетить мужской тренировочный центр за городом для совместного празднования фестивалей. Тот визит к врачу был моей единственной экскурсией во внешний мир за все время обучения.

Следующее физическое испытание ждало меня в Калькутте, но причина его крылась в Бенаресе. Как-то днем, подметая пол в тренировочном центре, я глянула в сторону колодца и заметила на земле пластиковую трубу, из которой текла вода. Решив, что труба идет от крана, где мы брали питьевую воду, и испытывая жгучую жажду, я подняла ее и напилась вдоволь. Это увидела Прашанти.

— Лила, зачем ты пьешь эту воду?

Я тупо уставилась на нее.

— Вообще-то эта вода течет прямо из колодца, — сказала она.

Вскоре после этого мы с Джаямалой покинули тренировочный центр, чтобы завершить обучение в Калькутте. Первые симптомы того, что я сочла гепатитом, я почувствовала в номере калькуттской гостиницы, где мы остановились, пытаясь продлить наши визы. Я проснулась с ломотой в теле и заметила, что мой стул стал известково-белым.

Мы позвонили в Центральный офис и поговорили с Дадой Парешанандой, который прислал врача осмотреть меня. Врач решил, что у меня грипп, который, по его словам, тогда ходил вовсю, и выписал длинный список лекарств.

— Я ни за что не стану принимать всю эту кучу дряни, — заявила я Джаямале. Она пошла и купила единственное лекарство, на которое я согласилась, — жидкий тоник.

Два дня спустя мои глаза пожелтели, как и кожа. «У вас желтуха», — сказал мне следующий врач, к которому меня направили дада. Он выдал мне маленькие коричневые таблетки в желто-коричневом флаконе.

Что бы это ни было — желтуха или гепатит, я провела недели, восстанавливаясь в маленькой квартирке диди в Калькутте. Я лежала на тонком коврикe в удушающей жарe (несмотря на декабрь, днем все еще было довольно жарко), вентилятор гонял надо мной горячий воздух, мои волосы были полны вшей, а энергии едва хватало на то, чтобы доползти до стола ради трапезы из вареных овощей и пустой чапати. Камала, женщина-марги, которая почти не говорила по-английски и чья дочь Рачана училась вместе со мной, готовила мне еду и выхаживала меня как родную дочь. Ее супы нравились мне гораздо больше, чем жирные, переваренные карри, которые ели все остальные. В один из супов она добавила листья кориандра (кинзы), и я пришла в восторг от этого вкуса. «Маи дхания бахут лайк карта хаи» (Мне очень нравится кинза), — сказала я Камале на своем ломаном хинди и попросила добавлять ее во все блюда. Я была вынуждена цепляться за такие крошечные светлые моменты, чтобы хоть как-то пережить сводящую с ума скуку этих долгих дней. В конечном счете, впрочем, моя болезнь сослужила хорошую службу: индийские власти согласились продлить мою туристическую визу еще на два месяца.

Когда я достаточно окрепла, дада отправили меня в Мадрас, чтобы я набралась практического опыта на местах. Мне предстояло помогать местной диди в тамошнем детском доме Ананда Марги.

Когда я туда приехала, Мадрас находился в тисках нехватки воды. Принимать ванну стало труднее, чем когда-либо. Половинное омовение проблемой не было: я уже наловчилась делать его всего одним ковшом воды. Вскоре я точно так же научилась полностью мыться с помощью всего половины ведра воды.

Пятнадцать или двадцать детей в приюте были разного возраста. Самым младшим было три-четыре года, старшими были подростки. Я была потрясена, когда впервые увидела, как местная диди бьет младших детей — вещь, которую она делала на регулярной основе. Я не верила собственным глазам. Как мог человек, который делает садхану и следует идеологии Бабы, совершать подобное? Со временем я узнала, что в детских домах Ананда Марги в Индии это вовсе не было редкостью.

Еды в детском доме не хватало. Весь рацион детей состоял из риса, чапати, небольшого количества дала и минимума овощей. Как-то вечером я повела нескольких старших девочек в дом одной американской пары, с которой познакомилась в городе. Нас пригласили на ужин. Я была удивлена размерами дома не меньше, чем девочки. Он был таким огромным, таким роскошным по сравнению с нашим простым, тесным жилищем, где дети спали бок о бок на жестком полу маленьких комнат.

— Осмотритесь здесь, — предложила хозяйка. Девочки с широко раскрытыми от изумления глазами впитывали все вокруг. Когда мы зашли в одну пустую спальню, Вандана, самая старшая, отвела меня в сторону и прошептала: «Диди, почему в этой комнате включены свет и вентилятор? Ведь здесь никого нет!» Не найдя, что ей ответить, я почувствовала стыд за своих соотечественников-американцев.

Затем мы прошли в сияющую, прекрасно оборудованную кухню. Девочки уставились на огромный холодильник; я тоже уставилась на него, ведь я не видела холодильников уже много месяцев. Наши хозяева были на кухне, готовя ужин. У них была выложена морковь, они срезали и выбрасывали кончики. На лицах девочек отразился шок.

Мы вышли из кухни и сели в гостиной. «Диди, — сказала Вандана, — они выбрасывают хорошую еду! Мы могли бы приготовить обед из этих морковок. Может, мы попросим их отдать нам? Мы ведь никогда не едим морковь».

Хозяева небрежно отрезали по паре дюймов от абсолютно хорошей моркови и выбросили эти куски в мусорное ведро. Как мне было объяснить девочкам, что эти люди всегда имели вдоволь еды и понятия не имели, что переводят продукты?

Мое лицо горело от стыда. Эта американская пара с их включенным светом и потолочными вентиляторами в пустых комнатах и абсолютно пригодной пищей, которую они выбросили, наглядно символизировала ту расточительную культуру, которую я с такой радостью оставила позади.

¹⁸ *манипура-чакра: согласно йогической философии, в теле человека существует семь чакр, или энергетических центров. Манипура-чакра является третьей по счету и расположена в области пупка.*

¹⁹ *йогини: женщина-йог.*

²⁰ *Seva Pita Training: обучение, направленное на служение предкам (сева: служение; пита: отец, предок).*

²¹ *жумха (jootha): оскверненный, ритуально нечистый (не путать со словом joota, которое означает «обувь»). В Индии в общественных туалетах часто нет туалетной бумаги. Вместо этого у пола установлен кран и стоит пластиковый ковш. Сходя в туалет, вы набираете воду в ковш и подмываетесь левой рукой, после чего правой рукой берете мыло и моете обе руки. Поэтому левая рука считается находящейся в состоянии постоянного «жумха». Индийцы часто едят руками, но используют для этого только правую.*

Глава 4. Еврейская диди на свободе: Египет и Израиль

К марту я вернулась в Калькутту. Мое пребывание в Индии подходило к концу, и вскоре мне предстояло получить свое первое назначение. Однако возможности увидеть Бабу перед отъездом у меня не было. Он все еще находился в тюрьме, где провел последние четыре года.

Свое ачарья-имя, Малати, я уже получила от дады, который вел у нас занятия в Калькутте. (Хотя мне его дал Дада, согласно учению, все ачарья-имена исходили от Гуру, и именно так я это и воспринимала). Отныне я буду известна как Ачарья Малати Брахмачарини²².

— Что означает Малати? — спросила я, едва не дрожа от волнения.

— Это название маленького цветка, который очень красиво пахнет, — ответил Дада.

Я изо всех сил пыталась скрыть разочарование. Я чувствовала себя сдувшимся шариком. Цветок! Я ожидала чего-то более динамичного, даже революционного. Я вспомнила новое имя Балавати — Вишака, что означало «Непокоренная». Вот это имя! — подумала я.

Зато с моей первой формой никакого разочарования не было. Я аккуратно надела ее поверх сари, застегнула куртку и повязала вокруг талии белый пояс. Дрожащими руками я накинула на голову вуаль. Как только я застегнула ее под подбородком, мое преобразование завершилось. Я больше не была Маршей, не была даже Лилой. Я была Малати, работником Бабы.

Надев форму, я отправилась в Центральный офис, чтобы получить назначение. Когда я вошла в кабинет, где за своим большим, заваленным бумагами столом сидел Парешананда, Секретарь офиса²³, он заметил меня, и его лицо озарилось улыбкой.

— Малати, поздравляю! — произнес он, и его глаза блеснули. — Полагаю, тебе не терпится узнать, куда тебя назначили?

Я закивала, почти затаив дыхание.

— Ты поедешь в Каир. Ты будешь первой диди на Ближнем Востоке!

Я поблагодарила его и вышла из комнаты; мысли мои кружились вихрем. Еще со времен того разговора с Дадой Йогешанандой в Штатах я надеялась, что однажды меня направят в Израиль. Каир — это определенно не Израиль, но, по крайней мере, он находился поблизости.

Когда я рассказала Вишаке о своем назначении, она как-то странно посмотрела на меня и спросила:

— А Дада Парешананда знает, что ты еврейка?

Это был резонный вопрос. Война Судного дня закончилась менее двух лет назад, и между Египтом и Израилем сейчас существовал высочайший уровень недоверия и вражды. Я помнила, как где-то слышала, что Египет активно отслеживает сионистских шпионов. Возможно, меня примут за одного из них.

— Я не уверена, — ответила я.

— Пойдем и скажем ему.

Мы обнаружили Даду все так же сидящим за столом. На эту новость он отреагировал тем, что молча уставился на меня, нахмутив брови и приняв озабоченный вид. Затем это выражение исчезло, и он улыбнулся.

— Нет проблем! — сказал он. — На самом деле, это даже хорошо — еврейский человек несет нашу универсальную идеологию на Ближний Восток!

Так что назначение осталось в силе — не то чтобы мне нужно было беспокоиться, что в моей форме меня кто-то узнает как еврейку!

Месяц спустя я уже была в Каире, предвкушая свой первый настоящий опыт в качестве диди, исполняющей великую миссию Бабы. Первые картины и звуки не показались мне незнакомыми. На улицах были толпы, а на автобусных остановках — столпотворения. День за днем я с боем пробивалась в и без того переполненный автобус, который грозил

перевернуться, когда со скрипом и раскачиванием пробирался по пыльным улицам. В этом отношении Каир напоминал Калькутту. Как и в Калькутте, здесь тоже стояли жара и влажность. Большую часть дней я то и дело промакивала платком пот на лице. Однако я ничего не могла поделать со струйками, стекавшими по моему телу, слишком плотно укутанному в монашеское платье. Впрочем, все это не имело для меня значения. «Нужно всегда быть готовым принимать любые страдания как награду и стать идеальным сыном или дочерью Космического Отца», — гласило правило поведения. Страдать от таких физических неудобств ради миссии — это привилегия, напоминала я себе.

Несколько дней добрались до Египта раньше меня. Нарендра, выходец из Филиппин, уже обустроил джагрити в многоквартирном доме, и именно по этому адресу я впервые явилась. Нарендра был очень молод, на его гладком круглом лице только начинали проступать первые следы бороды. Он обладал мягким, обаятельным характером и играл на гитаре. Люди, в основном молодые мужчины, толпами шли на наши занятия, набиваясь в наш маленький медитационный центр после того, как до отказа заполняли автобусы, чтобы добраться до нас. Одни были в джинсах и футболках, другие носили традиционные галабеи — свободные белые халаты до щиколоток.

Им безумно нравилось наше пение и мантры. Мы дали им отдушину, которой раньше не было в их жизни, и пришли с тем универсальным посланием, которое привлекает молодежь повсюду. К тому же это послание было экзотическим, окутанным дымом благовоний, санскритскими напевами и оранжевыми одеждами.

В один из уик-эндов мы провели ретрит в Гизе, неподалеку от пирамид. Здания, которые мы арендовали, были коробчатыми и совершенно невзрачными. И все же пирамиды придавали всему атмосферу таинственности. Ночью они величественно вырисовывались в лунном свете, отбрасывая тени на песок, а наше пение приобретало какой-то древний колорит. На эти несколько залитых луной часов мы погрузились в состояние абсолютной вневременности, перенесенные в волшебный мир, где настоящее и далекое прошлое, казалось, слились воедино.

Приходившие на наши встречи мужчины не совсем понимали, как ко мне относиться, и некоторые бросали в мою сторону недоуменные взгляды. Еще бы — женщина в роли духовного учителя, вещь почти неслыханная в их религиозной традиции! Тем не менее, большинство относилось ко мне с уважением. Однако женщин приходило очень мало, да и те, кто появлялся, редко ходили регулярно, поскольку большинство из них не обладали свободой поступать так, как им хочется. Мне разрешалось обучать медитации только женщин, поэтому посвящений у меня было мало, в отличие от огромного количества людей, инициированных Нарендрой. Всякий раз, когда у нас проходила дхармачакра, мужчины выстраивались в длинные ряды на своей стороне комнаты, тогда как на моей стороне сидели всего две-три женщины. Это меня расстраивало.

Одной из моих учениц, которая приходила регулярно, была Субира. Старшеклассница, она посещала почти каждую встречу и даже перестала есть мясо, что, как она призналась мне, было очень трудно сделать в ее доме, где мясо подавалось почти при каждой трапезе. Я могла только представить, каково ей было пытаться объяснить это матери. (Ее отец был в деловой поездке, так что, по крайней мере, ей не пришлось объяснять это ему). Она также жаловалась, что радио постоянно орет на полную мощность, когда она пытается медитировать. Несмотря на все препятствия, она упорно продолжала практику дважды в день.

Я начала проводить занятия йогой у нее дома, в отдельной квартире, которую ее семья использовала для гостей. Просторная и роскошно обставленная в арабесковом стиле, с разноцветными персидскими коврами, наполненная традиционными предметами интерьера вроде больших позолоченных ваз и настенных гобеленов с преобладанием красных и золотых тонов, она разительно контрастировала с той серой, забитой квартирой, где жила ее семья.

После месяца занятий Субира начала намекать, что дела идут не очень хорошо. «Все из-за отца, — сказала она. — Не думаю, что мы сможем продолжать это, когда он вернется».

В один особенно душный день я пришла к ней, и он оказался дома. Он встретил меня в коридоре — невысокий, плотный мужчина с жестким выражением лица. Тыча мне в лицо коротким толстым пальцем, он обвинил меня в том, что я промываю мозги его дочери. «Мы мусульмане! — прорычал он. — Нам не нужна другая религия!»

Мои попытки объяснить, что йога — это не религия, оказались бесплодными. Хуже того, он бывал в Индии и читал об аресте Бабы. Он повторил мне некоторые из тех сенсационных историй, которые находил в газетах. Мои слова в защиту гуру не могли пробить его каменную броню.

— Убирайтесь из моего дома, — закричал он, — и если вы когда-нибудь увидите мою дочь на улице, я хочу, чтобы вы прошли мимо нее так, будто вы с ней не знакомы. Вы не должны сказать ей ни единого слова. Вон!

Он едва не выставил меня за дверь. Перед тем как она с грохотом захлопнулась за моей спиной, я успела заметить позади него шокированное, раненое лицо Субиры, казавшееся сжавшимся и раздавленным его словами.

Это был мой первый опыт столкновения с мусульманскими мужчинами, наделенными властью. И далеко не последний.

Отец Субиры был не единственным египтянином, который смотрел на нас с подозрением. При всеобщей настороженности по отношению к чужакам и колоссальном страхе перед сионистскими шпионами, который был обычным делом в то время, почти каждый не-египтянин удостоивался пристального взгляда.

Через несколько месяцев после моего приезда мы организовали раздачу еды в нашем районе. В Каире, как и в Индии, богатые и бедные часто жили бок о бок: лачуги и хибары вырастали вокруг и почти вплотную подступали к многоэтажным жилым домам и охраняемым владениям. Недалеко от нашего дома как раз находился такой район.

В одну из суббот мы приготовили большие котлы фуль медамес (крупных бобов) и закупили щедрый запас цельнозернового хлеба пита, который неизменно ели вместе с ними. Мы втроем — Мохан (другой дада, направленный на Ближний Восток), Нарендра и я — притащили дымящиеся котлы с бобами и мешки с хлебом на выбранное место и обустроились. Когда мы начали раскладывать полные тарелки, стали собираться люди: мужчины, нерешительно улыбаясь, и дети, чьи смеющиеся глаза сверкали на чумазных лицах, — но женщин не было.

Мохан начал делать фотографии, и внезапно поднялась суматоха. Толпа заволновалась, и без предупреждения появилась полиция. Один из них выхватил камеру; другие схватили Мохана за руки и повели прочь.

Мы с Нарендрой вернулись в йога-центр расстроенные и сбитые с толку. Мы ведь делали хорошее дело, раздавали еду. И что могло быть плохого в том, чтобы сделать несколько снимков?

В течение дня мы узнали, что Мохана арестовали исключительно из-за того, что он фотографировал, чего иностранцам делать не разрешалось. После многочасового допроса его отпустили вместе с пустой камерой; пленку конфисковали, а Мохана предупредили, чтобы он больше никогда не делал ни одного снимка в Египте.

Вскоре после этого наше пребывание в Египте подошло к внезапному концу. Как-то днем меня вызвало к входной двери джагрити тяжелое и настойчивое постукивание. Когда я открыла, трое дородных мужчин вошли без приглашения и встали в ряд, переминаясь с ноги на ногу. По какой-то причине в моей памяти запечатлелись их руки: они были с грубой кожей и массивными, словно эти люди подрабатывали на стройке. Не медитируют, — подумала я. Тем не менее, я сложила руки и поприветствовала их в намаскар.

— Паспорта! Живо несите сюда ваши паспорта! — рявкнул один.

Почувствовав себя едва ли не атакованной его словами, я позвала Нарендру и передала, чего они хотят. Мы обменялись тревожными взглядами, затем достали свои документы и протянули им. Мужчины едва взглянули на первые пару страниц, после чего захлопнули их и вернули обратно.

— У вас есть сорок восемь часов, чтобы покинуть Египет, — отчеканил один из них.

Затем они ушли, хлопнув дверью.

Мы потрясенно уставились друг на друга. Серьезное лицо Нарендры омрачилось тревогой, брови сошлись на переносице.

— Они не имеют права так поступать! — заявил он. — Мы будем бороться. Завтра я пойду в Министерство иностранных дел и выясню, что происходит.

Пока я бормотала что-то в ответ, внутри меня начала зарождаться радость. В последнее время я ловила себя на мысли: «Что хорошего я могу здесь сделать?» Я знала, что сама идея женщины как духовного учителя казалась нелепой большинству мусульман, и я страстно мечтала о переводе в другое место, особенно после инцидента с отцом Субиры. В то же время, однако, я пыталась принимать все как есть, веря, что у всего есть своя причина. Меньше недели назад я провела целый день в медитации в пыльной маленькой полуподвальной квартирке, которую использовала в основном для сна, расположенной далеко от нашего центра в одном из беднейших кварталов Каира. К тому времени, как я закончила, опустилась ночь, и я пришла к состоянию полного смирения. «Если я здесь, — думала я, — значит, для этого есть причина. Я сделаю все, что смогу».

И вот, всего день или два спустя, нам заявляют, чтобы мы убিরались из Египта! Какая космическая шутка надо мной! Разве не правда, что когда ты отказываешься от какого-то желания, то часто в итоге получаешь просимое? Я знала, что мы с Нарендрой уедем из Египта, и никто ничего не сможет сделать, чтобы это предотвратить.

Нарендра, конечно, честно пытался. Он ходил в Министерство иностранных дел, от одного чиновника к другому. Ему так и не удалось выяснить, кто именно издал приказ о нашей депортации, сказали лишь, что он пришел из самых верхов правительства. Мы были уверены, что это как-то связано с индийским правительством и чрезвычайным

положением, объявленным всего несколько недель назад: Ананда Марга оказалась в числе организаций, запрещенных в условиях ЧП, а Индия и Египет поддерживали тесные дипломатические связи. Возможно, это также имело отношение к снимкам, сделанным Моханом, и к паранойе вокруг шпионов. Что бы они сделали, если бы узнали, что я еврейка? Наверное, меня бы арестовали!

Как бы то ни было, власти предоставили нам один лишний день на сборы. К счастью, и у Нарендры, и у меня были билеты в один конец до Франкфурта. Мы наспех собрали вещи и раздали все, что не могли унести, нашим студентам, которые, притихшие и печальные, пришли в центр в последний раз.

Один молодой человек сказал:

— Мы не знаем, что будем делать без вас.

Другие подхватили его слова. У некоторых на глазах блестели слезы.

— Просто продолжайте медитировать, — произнес Нарендра. — Мы когда-нибудь вернемся.

Его слова никого не приободрили. Нарендра обнялся с парой ребят, и они ушли. У Дады было несколько особых вещей, с которыми он не знал, как поступить: два черепа, которые стояли у него на полке. Для йогов Ананда Марги черепа имели особое значение как напоминание о преходящей природе всей жизни, о том, что однажды от тела практикующего не останется ничего, кроме костей. Нарендра не мог оставить их кому-то из студентов — никто из них не был к этому готов. Он мог бы упаковать их, но слышал, что иностранцы, особенно из таких стран, как Филиппины, могут ожидать обыска багажа немецкими таможенниками.

В итоге он просто выбросил черепа из окна такси по дороге в аэропорт. Мое последнее воспоминание о Египте — это те самые черепа, прыгающие по шоссе, пока мы мчались прочь.

Ранним следующим утром мы приземлились во Франкфурте. Это был первый раз, когда кто-то из нас оказался в Германии. По сравнению с нашим недавним опытом мы обнаружили, что здесь все работает с почти военной точностью. Комфортабельный поезд, в который мы сели после выхода из аэропорта, тихо мчался по рельсам, и в нем работал кондиционер. Четкий голос объявлял каждую остановку, и вместо того, чтобы делить сиденье с другими пассажирами и их тюками, я занимала его целиком. Все это находилось в таком разительном контрасте с Египтом и Индией, что я почувствовала себя так, словно высадилась на другой планете.

На вокзале нас встретили немецкие марги, приехавшие, чтобы отвезти нас в джагрити. Когда машина тронулась, я посмотрела в окно. В отличие от улиц Каира, эти казались жутковато стерильными и антисептическими, почти пустыми и лишенными жизни. Мне стало интересно, где все люди.

Когда мы добрались до джагрити, марги как раз собирались завтракать. Умывшись и сделав несколько асан, мы с Нарендрой присоединились к ним. Мы сели за стол, где были фрукты, йогурт, мюсли и толстые ломти черного хлеба — гораздо более тяжелый завтрак, чем тот, к которому я привыкла за последний год.

— Каково это было — работать в арабской стране? — спросила меня одна из марги. — Наверное, трудно было найти людей для посвящения?

— Для меня — да, — ответила я.

Женщины отнеслись сочувственно. Они были счастливы, что я здесь; я была одной из первых диди, которых они вообще видели.

Одна из сестер LFT (марги называли друг друга «братьями» и «сестрами», поскольку мы смотрели на себя как на членов глобальной семьи) подошла ко мне, держа в руках что-то белое.

— Вот, Диди, возьми это, — сказала она, протягивая мне сари из шелковистого хлопка — такого, который не особо мнется и имеет приятный вес. Она заметила, что мое сари поношенное и уже далеко не белое. Я почувствовала благодарность.

— Спасибо, — сказала я. — Я прямо сейчас его надену.

Она улыбнулась и сделала намаскар в ответ. Помню, как меня поразили ее светлые волосы и особенно ее красивые, цвета неба голубые глаза. Ей было не больше восемнадцати-девятнадцати лет, и я была уверена, что однажды она станет диди. Нашим путям суждено было снова пересечься несколько лет спустя самым необычным образом.

Стояла середина лета, и вскоре должен был начаться секторальный ретрит — духовное собрание, открытое для всех марги из Берлинского сектора. Он проходил в Германии, поэтому мы с Нарендрой отправились туда вместе с франкфуртскими марги. По дороге я ловила себя на мыслях о том, куда меня назначат теперь. Уж точно не обратно в Каир!

Несколько дней спустя на ретрите я лежала на своем спальном мешке, немного отдыхая перед вечерней медитацией, и обдумывала утренние новости. Дада Хиранаянанда, который был Секретарем Берлинского сектора (SS), то есть главным руководителем всей работы в Европе, сообщил мне, что я остаюсь в Германии. По какой-то причине это решение показалось мне неправильным. «Какая странная реакция! — ругала я себя. — Ты должна радоваться назначению в западную страну. Только представь, скольких сестер ты сможешь инициировать!» Но я не могла избавиться от ощущения, что в Германии мне не место.

Я думала, не связана ли моя реакция с антигерманскими настроениями. Раньше Германия ассоциировалась у меня исключительно с леденящими душу историями о Холокосте. Я вспомнила бойкот автомобилей «Фольксваген Жук» в пятидесятых годах, в котором участвовали многие американские евреи. Я была тогда совсем маленькой, но помнила, как смотрела на любые «Фольксвагены» и их владельцев с примесью подозрения и враждебности.

Я содрогнулась от мысли, что во мне говорит подобное предубеждение. «Может быть, все дело в том, что здесь все кажутся такими благополучными, а жизнь течет слишком гладко», — успокаивала я себя. Кому тут придет в голову потребность в медитации? Но я знала, что это не так. Я уже поняла, что чувство изоляции, которое испытывали люди в Германии, мало чем отличалось от того, что чувствовали американцы, и это делало немцев отличными кандидатами для духовной практики.

Мои размышления прервал тихий стук в дверь.

— Диди? — позвал чей-то голос. — Тебя зовет Дада Йогешананда.

Я поблагодарила брата-марги и быстро направилась туда, где остановился Дада, чувствуя, как у меня мгновенно поднялось настроение. Я всегда была рада видеть Йогешананду. В прошлый раз мы виделись в Индии, когда он приезжал навестить нас в тренировочном центре. «Вы все стали в два раза меньше, чем были до отъезда», — смеялся он тогда, угощая нас арахисовым маслом и другими вкусностями, которые привез с собой.

Теперь на Даду были возложены еще более серьезные обязанности, чем роль Секретаря Нью-Йоркского сектора. После того как Индира Ганди объявила чрезвычайное положение, все monastic-сотрудники в Индии ушли в подполье, включая Генерального секретаря (GS) организации. Йогешананда теперь исполнял обязанности Генерального секретаря. Я не могла представить никого, кто подходил бы для этой задачи лучше него.

Поприветствовав меня в своей комнате, Дада жестом пригласил меня сесть на пол напротив него. Мы оба устроились на одеялах в удобной позе, скрестив ноги.

— Готовь свои вещи. Ты едешь в Израиль! — произнес он с лукавым блеском в глазах и заговорщической полуулыбкой.

Меня захлестнула волна восторга: — Правда?

— Да, правда! Ты назначена в Израиль в качестве Епархиального секретаря по женской линии (DS (L))²⁴ в Тель-Авив.

— Дада, ты ведь с самого начала знал, что меня отправят в Израиль, верно?

Он запрокинул голову и расхохотался, показывая на меня пальцем, а затем рассмеялся еще сильнее. Как и я, он помнил тот разговор в Денвере.

Осенью я прибыла в Иерусалим, предварительно получив новый паспорт. (Все сошлись во мнении, что иметь египетские штампы в паспорте при подаче на израильскую визу — плохая идея). Во время полета из Франкфурта я наблюдала за группой ортодоксальных евреев, которые стояли в проходе и молились, раскачиваясь взад и вперед в своих длинных черных сюртуках и больших черных шляпах. «Они молятся о пришествии Мессии, — думала я. — Если бы они только знали, что он уже здесь!» Мне не терпелось поскорее взяться за работу и принести благую весть о Бабе и его философии народу Израиля. В то время у меня не было ни малейших сомнений в том, что как только израильтяне узнают о Бабе, они признают в нем Мессию. Мы все считали его спасителем мира.

В аэропорту меня встретил Мохан — тот самый дада, которого задержала полиция в Египте за фотографирование. Мы поднялись на Елеонскую (Масличную) гору, где располагался наш джагрити — сияющее здание из белого камня в арабском стиле. Мохан арендовал его несколько месяцев назад. Хотя сейчас его назначили в Багдад, он проводил в Израиле каждую свободную минуту: работать в Багдаде оказалось практически невозможно из-за враждебного отношения иракского правительства, там он не мог открыто преподавать Ананда Маргу.

Вскоре я познакомилась с нашим арендодателем-арабом. «Добро пожаловать, Диди», — сказал он, и его темное, обветренное лицо расплылось в улыбке, когда он протянул мне руку. Диди и дада избегали рукопожатий с противоположным полом. Однако мне не хотелось обижать Ахмеда, поэтому я пожала его руку, пообещав себе объяснить ему

правила насчет рукопожатий как-нибудь позже. Ахмед был дружелюбен и гостеприимен, и вскоре пригласил меня к себе домой, чтобы познакомиться со своей женой и детьми. Они жили неподалеку в таком же здании, как наше.

Я обожала наш центр. Там, наверху, на горе, атмосфера казалась более чистой, чем в городе внизу. Рассветы и закаты были захватывающими, а медитация шла отлично. Вместе со мной работала американская сестра LFT по имени Винита. Мы прекрасно ладили. Энергичная и жизнерадостная, она к тому же была очень хорошенькой: с миндалевидными глазами, гладким овальным лицом, усыпанным веснушками на переносице, и улыбкой с ямочками на щеках. Людям нравилось находиться в ее компании. Она уже подумывала о том, чтобы стать диди, и я ее всячески поддерживала. Мохан тоже притягивал к себе людей. У него был мечтательный взгляд и длинные, ухоженные волосы, которые он любил расчесывать. марги привлекали его харизматичная личность, игра на гитаре и преданное пение. Еще среди нас была Нурит, израильская марги, ставшая одной из первых жителей Запада, встретивших Бабу еще за годы до его ареста. Она любила рассказывать историю о том, как познакомилась с дадой во время путешествия на корабле из Африки в Индию. Сначала она отнеслась к нему и его рассказам о Бабе с подозрением. «Меня предупреждали не доверять мужчинам на корабле», — говорила она. Но затем он дал ей одну из книг Бабы, и она заинтересовалась. После прибытия в Индию Дада отвез ее на встречу с Бабой. Мы слушали ее рассказы с замиранием сердца, ведь никто из нас самого Бабу еще не видел.

Через несколько месяцев после моего приезда посещаемость наших дхармачакр начала падать. Поскольку еврейские марги жили внизу, в городе, добираться до джагрити им было трудно. У большинства не было машин, а поездки туда и обратно на единственном доступном общественном транспорте, идущем на гору — арабском автобусе, — вызывали у них дискомфорт. (У меня с этим проблем не возникало: арабы дружелюбно улыбались всякий раз, когда я заходила в автобус. Возможно, они принимали меня за мусульманку, несмотря на странный цвет моего платья).

Нам до безумия хотелось остаться на Масличной горе; в конце концов, мы приехали в Израиль ради всех израильтян, как евреев, так и арабов. Мы видели в себе связующее звено, способное сблизить две общины и укрепить понимание между ними. Однако со временем реальность заставила нас уступить. Большинство марги были евреями, и приходило их все меньше. Нам пришлось переехать.

Нам говорили, что цены на аренду в черте самого города выше, а приличное жилье найти сложнее. Так оно и оказалось. Первое место, куда мы переехали, было холодным, неуютным и мрачным в любое время суток. Мы чувствовали, что не просто спустились физически с горы, а словно упали из места света и красоты туда, где дух едва теплился, подобно свечам, которыми мы пытались хоть как-то расцветить это жилище. Наша группа уменьшилась, так как еще часть членов покинула нас.

После нескольких месяцев в том доме следующим местом, которое мы нашли, стала квартира на третьем этаже, выбранная из-за дешевизны. Она располагалась в ультраортодоксальном районе; в глазах местных жителей мы, должно быть, выглядели пришельцами из другого мира. Каждый день они глазели на меня, когда я шла по улице в своих оранжевых монашеских одеждах в сопровождении учеников — посреди мужчин с их характерными пейсами, в черных лапсердаках и фетровых шляпах, и женщин в париках, толкающих детские коляски. В теплую погоду звуки наших барабанов, гитар и напевы «Баба Нам Кевалам» далеко разносились из открытых окон. Соседи смотрели на

нас в лучшем случае с подозрением, в худшем — с открытой враждой. Мы были их худшим ночным кошмаром: организованная религия, пытающаяся обратить евреев в другую веру.

Мы, конечно же, так это не воспринимали и объясняли всем, кто готов был слушать, что йога — это не религия и что практиковать ее может человек любого вероисповедания. «Медитация лишь углубит переживание вашей собственной веры, — говорили мы. — Мы никого не пытаемся перекрестить». Некоторые нам верили. Многие — нет. Мы рассуждали о «единой истине и множестве путей», но в глубине души многие из нас были убеждены, что Ананда Марга — единственный истинный путь к ней. Возможно, люди улавливали то скрытое отношение, грех которого водился за некоторыми из нас: «Стоит им начать медитировать, как они познают истинную правду и бросят свои бессмысленные ритуалы».

Как-то днем на улице ко мне подскочил мужчина средних лет, его лицо было перекошено от ярости. «Что вы, люди, делаете в нашей стране? — кричал он, его голос дрожал от гнева, в нем слышался сильный польский акцент. — Хватит пытаться обратить нас! Возвращайся туда, откуда приехала!» Прежде чем я успела вставить хоть слово, он сжал губы, и слюна полетела мне прямо в грудь. Я достала платок, вытерла ее как могла и пошла дальше. «Нужно принимать любые страдания как награду», — в очередной раз напомнила я себе.

Вскоре после этого случая произошел другой, который по-настоящему выбил меня из колеи на несколько дней. Поздним утром, вскоре после нашего переезда в ортодоксальный квартал, в джагрити нарисовался неожиданный гость. Я находилась в своей комнате — почти пустом пространстве размером с большой платяной шкаф, — когда одна из марги постучала в мою дверь.

— Диди, — сказала она, — к тебе кто-то пришел.

Я никого не ждала, но люди заглядывали к нам постоянно, поэтому я не придавала этому значения и открыла дверь.

— Марша?

Я не поверила своим глазам. Перед со мной с выражением крайнего замешательства на лице стоял мой двоюродный брат Ричард, сын младшей сестры моей матери. Что он вообще мог здесь делать?

— Я был в Иерусалиме по делам и решил тебя проведать, — произнес он.

Я пробормотала что-то в ответ, постепенно выходя из ступора и подозревая, что родители попросили его проверить, как я. Он зашел, но так и остался стоять, озираясь по сторонам и не зная, что делать. Стула, чтобы предложить ему сесть, в комнате не было (имелась только соломенная циновка, заваленная бумагами, над которыми я работала), и я не сделала ни единого движения, чтобы его принести. Он пристально смотрел на меня, пока я стояла и поправляла свою вуаль. Мы молча стояли друг напротив друга несколько минут. Я не могла придумать, что сказать.

— Ну, как ты поживаешь? — наконец спросил он.

— Нормально.

Прошла еще минута. В конце концов, пожав плечами, он сказал: — Что ж, тогда я пойду, — и вышел.

Я села прямо среди своих бумаг в состоянии шока. Было такое чувство, словно моя прошлая жизнь дотянулась до меня своими щупальцами и попыталась утащить обратно. Но я напомнила себе, что это невозможно. Я больше не была Маршей, запутавшейся еврейской девочкой из пригорода Филадельфии. Я была дочерью и работником Бабы, частью великой миссии.

Я вышла из комнаты и прошла в зал для медитаций. Там до меня дошло, что Ричард наверняка видел алтарный столик с портретом Бабы и пратик — символ Ананда Марги. Пратик, состоящий из свастики и восходящего солнца внутри шестиконечной звезды, было, конечно, особенно трудно объяснять израильтянам, учитывая ассоциации свастики с нацистами. марги знали, что шестиконечная звезда — древний символ, появившийся на Дальнем Востоке еще до возникновения иудаизма. Своими вершинами треугольников, направленными вверх и вниз, она символизировала баланс внутренней духовной жизни и внешней жизни в миру. И мы знали, что свастика²⁵ (в центре звезды) не была изобретена нацистами, а сама по себе являлась древним тантрическим символом, представляющим разворачивание энергии кундалини²⁶ у основания позвоночника, ведущее к духовному освобождению. К тому же, как мог заметить любой желающий, наша свастика отличалась от немецкой: Гитлер взял этот символ и повернул его под углом.

Однако продвигать это было тяжело. После нескольких крайне неприятных случаев (не раз бывало так, что новый человек заходил в центр, бросал один-единственный взгляд на пратик, бледнел как полотно, разворачивался и пулей вылетал за дверь прежде, чем мы успевали сказать хоть слово в защиту символа), мы мучительно размышляли, стоит ли вообще вывешивать пратик в зале для медитаций или выносить его только на время коллективных практик.

— Диди, нам нужно быть чуткими к местным людям, — сказала одна из сестер-марги после очередного такого инцидента. — Израиль уникален. Нельзя, чтобы люди заходили и видели магендавид вместе со свастикой.

— Да, я понимаю, — отвечала я. — Но это наш символ, и он важен. Здесь нечего стыдиться. Нам просто нужно объяснять его им. И тогда они поймут.

Теперь мне стало интересно, что Ричард подумал о пратике. «Бьюсь об заклад, это его напугало, — размышляла я. — Так ему и надо, нечего было вваливаться без предупреждения». И все же какое-то время я чувствовала себя не в своей тарелке.

Этот джагрити пробыл у нас меньше года, и мы как раз находились в процессе очередного переезда, когда Израиль ненадолго посетил Йогешананда. Он сообщил мне, что ко мне едет новая диди, только что закончившая обучение. Эту новость я восприняла со смешанными чувствами. С одной стороны, работы было невпроворот, и иметь напарницу было бы здорово. К тому же надо признать, что я чувствовала себя одинокой даже посреди всех марги, так что было бы приятно получить равного себе человека. Но я просто не могла понять организационную причину отправки еще одной диди в такую маленькую страну, как Израиль. Моя должность была DS (L) в Тель-Авиве. Какова же будет ее?

— Диди Мохини будет дополнительным DS (L), — сказал Дада. — Технически вы будете отвечать за разные районы Израиля, хотя работать будете в тесном контакте.

Это не будет официальным назначением, продолжил он, поскольку все сотрудники Центрального офиса по-прежнему находятся в подполье из-за продолжающегося чрезвычайного положения. Мне это показалось странным. Нигде больше в мире не было никаких «дополнительных» DS (L). Неужели они считают, что я плохо справляюсь со своей работой?

Мне было неловко, что у нас нет центра, где можно было бы встретить новую диди, но я радовалась тому, что нам хотя бы есть где жить. Одна из сестер-марги временно приютила нас у себя на окраине Иерусалима. Дамаянти, художница родом из Штатов, большую часть времени жила одна. Ее дом был полон скульптур и тканых изделий и дышал деревенским покоем, утопая в рощах оливковых и фиговых деревьев. Я была уверена, что Мохини здесь понравится.

Когда я встретила Мохини в аэропорту, у меня возникло четкое ощущение, что я уже где-то ее видела, но я никак не могла вспомнить, где именно. Может быть, дело было в том, что Мохини была очень высокой и во время разговора смотрела на меня сверху вниз, но что-то в ее манере поведения сразу показалось мне высокомерным и пренебрежительным. Новость об отсутствии джагрити она восприняла в штыки.

— Как долго ты уже работаешь в Израиле? — спросила Мохини, глядя на меня своими надменными бледно-голубыми глазами.

— Около полутора лет, — ответила я.

— Почти два года! И у тебя до сих пор нет джагрити? Чем ты занималась все это время?

Я как могла терпеливо объяснила, что у нас уже было три центра, но это, похоже, лишь укрепило ее в мысли о моей некомпетентности. Она приехала, готовая с головой погрузиться в работу, а работать было негде.

Так все и продолжалось. Мы спорили едва ли не с первой минуты нашего знакомства. Вскоре наши перепалки стали бурными и громкими, разрушая покой всего дома. Дамаянти начала нас избегать. Всякий раз, когда мы вдвоем оказывались в ее гостиной, она нервно поглядывала на нас с осунувшимся лицом, а затем отводила глаза.

— Дамаянти, — сказала я однажды, — мне очень жаль, что все так выходит. Мы съедем, как только сможем.

С облегчением она закивала и поблагодарила меня.

Примерно через месяц после приезда Мохини мы перебрались из Иерусалима в Тель-Авив, арендовав квартиру на первом этаже в жилом комплексе в районе Рамат-Ган. Буквально в двух шагах от нас находилась шоколадная фабрика «Элит». И днем, и ночью в воздухе стоял приторно-сладкий, извращенный запах шоколада. Я обожала шоколад, и отказаться от него в свое время мне было очень нелегко. (Я не брала в рот ни кусочка с того самого дня в Каире, когда получила плохо отmimeографированное извещение из Центрального офиса о том, что он теперь под запретом. Я как раз только вернулась в свою пыльную квартирку и уплетала шоколадный батончик, когда прочитала это объявление. Мне пришлось перечитать его еще раза два или три, прежде чем я смогла по-настоящему поверить, все это время скорбно доедая то, что я считала последней шоколадкой в своей жизни. Позже именно к шоколаду я буду прибегать в периоды, когда была полностью истощена — «clashed out», как говорили у нас в Ананда Марге. Я ела его тайком, испытывая при этом колоссальное чувство вины). Но тот запах,

который варили на фабрике, меня совершенно не прельщал. Мы тщетно пытались замаскировать его, зажигая благовония. К тому же оттуда доносился постоянный скрежет и лязг какого-то станка. Он запускался задолго до нашей утренней медитации и все еще работал, когда мы готовились к вечерним практикам. Очевидно, квартира была малопригодной для жизни, но аренда стоила дешево, поэтому мы остались.

Мохини считала себя великой преданной, и у нее были трансы, способные это доказать. Медитируя вместе с марги после киртана, она часто выкрикивала «Баба!», а затем падала и стонала или кружилась волчком, так что ее конечности вращались вокруг головы, служившей центром. Когда я впервые увидела это, в памяти живо всплыло воспоминание: ретрит в Штатах перед моим отъездом на обучение. Там тоже несколько марги выкрикивали мантры, другие впадали в транс, а одна женщина кружилась. Да, теперь я поняла: той женщиной была Мохини.

С готовностью погрузившись в работу, Мохини разъезжала по разным городам и кибуцам с лекциями и посвящениями, радуясь выходу для энергии, которая накопилась за время обучения и периода без джагрити. Вскоре она начала одеваться в стиле, который, по ее мнению, больше подходил для такой страны, как Израиль.

— Я считаю, что это негативный прачар — ходить здесь и выглядеть как христианская монахиня в еврейской стране, — заявляла она. — К тому же в кибуце очень трудно что-то делать, когда на тебе юбка.

В поездки она стала надевать белые брюки.

Мало того, в одно из воскресений перед дхармачакрой она вышла из своей комнаты в маленьком арабском платке — куфие — на голове вместо нашей шапочки и вуали. Я уставилась на нее в шоковом молчании. С этим платком, выкрашенным в оранжевый цвет, обернутым вокруг головы и завязанным спереди, она больше походила на уборщицу, собравшуюся мыть полы, чем на диди, которая вот-вот возглавит коллективную медитацию.

— Диди, что это за штука у тебя на голове? — спросила я, едва сдерживая смех.

— Я считаю, что для полевой работы это подходит куда лучше, чем вуаль, — ответила она, глядя на меня своими бледно-голубыми глазами так, словно вызывала меня на спор.

— Я знаю, какое впечатление здесь производит вуаль, — твердо сказала я на своем. — Но нельзя просто так менять форму без разрешения.

— А я буду. Если попытаться получить разрешение, это может занять целую вечность.

В этом она была права, особенно учитывая продолжающееся чрезвычайное положение в Индии. Она протянула мне точно такой же оранжевый платок и попросила переодеться. Я задумалась. Еще более странным зрелищем, чем две диди с платками на головах, была бы одна диди в платке, а другая — в вуали. Я решила уступить. По крайней мере, перед марги мы выступим единым фронтом.

И вот, когда наши марги стали собираться на дхармачакру, мы сидели там — две диди, всем своим видом напоминающие сестер-близнецов на уборке. Я была не в восторге от этой ситуации и была уверена, что Гуру ее бы не одобрил. Баба, дай мне знак, — молилась я во время медитации. — Дай мне знать, что ты об этом думаешь.

Через несколько дней я шла к автобусной остановке, отправляясь в Иерусалим; моя вуаль была спрятана в чемодане. На голову у меня был повязан платок, но я ни за что на свете не показала бы в таком виде перед иерусалимскими марги. Было около полудня, а поскольку я еще не сделала свою полуденную медитацию, я решила уделить ей быстрые пятнадцать минут перед автобусом. Оглядевшись в поисках подходящего места, я заметила зеленую лужайку справа от дороги, села и только-только устроилась, как увидела идущего в мою сторону неопрятно одетого мужчину с длинными седыми волосами, который бормотал что-то себе под нос. Вздохнув, я взмолилась, чтобы он прошел мимо. Вместо этого он остановился прямо передо мной, оскалился и обнажил себя. Я вскочила на ноги, схватила сумку и, то и дело оглядываясь через плечо, чтобы убедиться, что он не преследует меня, побежала обратно в джагрити. Оказавшись там, я сорвала платок и швырнула его в угол.

Что ж, я получила свой знак — громко и четко.

²² *Брахмачарини: та, кто практикует целибат. Также та, кто направляет свой разум на Высшее Сознание.*

²³ *Секретарь офиса: в Ананда Марге мы часто писали названия должностей внутри организации с заглавной буквы, нередко используя их для идентификации человека без упоминания его имени. На протяжении всей книги я по большей части пишу эти должности с заглавной буквы, чтобы помочь читателю погрузиться в мир Ананда Марги.*

²⁴ *DS (L): Diocese Secretary (Ladies) — Епархиальный секретарь по женской линии.*

²⁵ *Свастика: санскритский термин, который мы переводили как «быть посвященным благу»; «су» означает «благо», «асти» — «быть», а «ка» символизирует созидательное начало.*

²⁶ *кундалини: космическая энергия, символически представляемая в виде свернувшейся змеи, дремлющей у основания позвоночника. С помощью комплекса упражнений, включающих позы, медитацию и дыхание, практикующий может поднять энергию кундалини через чакры (энергетические центры) к макушке головы. Это приводит к самадхи, или слиянию обычного «я» с вечным «Я», что является целью йогических практик.*

Глава 5. Я встречаю Гуру

Шри Шри Анандамурти был удивительной и сложной личностью. А еще он был фигурой, вызывавшей много споров. В 1971 году его арестовали и обвинили в организации похищения и убийства шести бывших учеников. Во время своего тюремного заключения он объявил долгую голодовку в знак протеста против попытки отравления, которой, по его утверждению, он подвергся в тюрьме. После судебного процесса, в ходе которого его оправдали по двум из семи предъявленных обвинений, в 1978 году Анандамурти был освобожден под залог. В конце концов с него сняли все обвинения. Ананда Марга всегда твердо стояла на том, что, несмотря на уголовные статьи, Анандамурти на самом деле

был политическим заключенным, которого удерживали из-за его смелой позиции против укоренившихся догм, таких как кастовая система и коммунизм²⁷. Действительно, коммунистическое правительство Западной Бенгалии — штата, где располагалась международная штаб-квартира нашей организации, — было известно своей яростной враждебностью к Ананда Марге.

Правительство Индиры Ганди также относилось к Ананда Марге неблагоприятно, подозревая ее в повстанческой деятельности и подстрекательстве к насилию. Разработанная Анандамурти концепция власти садвипр — кадров самоотверженных духовных лидеров, которые должны были получить власть и управлять посредством благодетельной диктатуры (ключевой принцип ПРАУТ), — вероятно, только усиливала беспокойство властей. Масла в огонь подливало существование внутри Ананда Марги особого подразделения под названием VSS, или Volunteers for Social Service («Волонтеры социального служения»), члены которого носили форму, поразительно напоминавшую военное обмундирование. Правительство подозревало, что это военизированное крыло Ананда Марги, укомплектованное тайными складами оружия.

В 1975 году, пока Баба все еще находился в тюрьме, Ганди объявила чрезвычайное положение и арестовала сотни политических оппонентов. Ананда Марга была названа в числе четырех «военизированных» организаций, объявленных вне закона. В редакционной статье газеты New York Times от 28 июля того же года Т. Н. Кауль, посол Индии в США, охарактеризовал Ананда Маргу как «подрывную группу, маскирующуюся под духовное движение»²⁸.

Чрезвычайное положение длилось двадцать один месяц. Это было тяжелое время как для индийских марги, так и для monastic-сотрудников full-time. Внутренний фольклор организации переполнен историями о том, как диди и дада уходили в подполье и не просто пережили этот период, но и продолжали свою работу, а также о том, как таинственные события, связанные с Гуру, спасали их от беды.

Моя первая личная встреча с Бабой состоялась в 1977 году, когда чрезвычайное положение было отменено, а премьер-министром избрали Морарджи Десаи, который сам провел время в тюрьме в период ЧП. Хотя Ананда Марге разрешили возобновить деятельность, индийское правительство все еще накладывало ограничения, главным из которых было то, что все иностранные граждане, идентифицированные как члены организации, подлежали депортации.

Как только чрезвычайное положение отменили, разнеслась весть о том, что Бабу можно навестить прямо в тюрьме. Большинство марги-иностранцев никогда не видели Гуру; с каждым днем их прибывало в Индию все больше и больше со всего мира, несмотря на угрозу депортации. Мохини уехала одной из первых. Я с трепетом ждала своего шанса и строила планы. Но мне пришлось столкнуться с парой препятствий: у меня не было попутчиков и почти не было денег. Разумеется, я не собиралась позволять таким пустякам (как я их тогда воспринимала) стоять у меня на пути. Поскольку раньше я уже путешествовала одна и не сталкивалась с серьезными проблемами, я решила, что компаньон мне не нужен. Как только Мохини вернулась, чтобы взять дела на себя, я начала соображать, как добраться до места назначения. Перелет был слишком дорогим, так что к делу пришлось подойти более творчески.

Один брат-марги, который недавно ездил в Индию, подсказал мне маршрут на корабле из Хайфы в греческую часть Кипра. «Оказавшись на Кипре, ты сможешь пересечь на другой корабль из турецкой части острова в Турцию», — сказал он.

Продолжение маршрута я знала. Добравшись до Турции, я проделаю путь по суше на автобусах: из Турции в Иран, из Ирана в Афганистан, из Афганистана в Пакистан и, наконец, в Индию. Но в предложенном им плане крылся гигантский изъян. Прошло всего несколько лет с тех пор, как Турция вторглась на Кипр и захватила северную часть, что привело к разделению острова, и никому не разрешалось пересекать границу из греческого Юга на турецкий Север.

Когда я высказала это возражение, он ответил: «Но ты сможешь пройти. Греческие пограничники не должны никого пускать, но их довольно легко убедить сделать исключение. Я так и сделал. Это было несложно. Правда».

— Ты уверен?

— Без проблем! — заверил он, взмахнув рукой. — Тебе это дастся легко.

Поверив ему (и проигнорировав внутренний голос, призывавший к осторожности), я тут же забронировала место на паром из Хайфы до Кипра. Конечно, говорила я себе, испытываемая мной нерешительность связана лишь с отсутствием опыта путешествий на кораблях, и это не должно быть проблемой. В конце концов, это всего лишь одна ночь пути. Баба позаботится обо мне.

Два дня спустя, когда я поднималась на борт парома, дело шло к закату. Я была приятно удивлена внушительными размерами судна. На нем было полно удобств, и оно совсем не походило на то крошечное суденышко, которое я себе рисовала. Хорошо, — подумала я. — Меньше шансов утонуть! Час или два я бродила по палубам, чувствуя свое превосходство, пока наблюдала, как пассажиры поглощают огромное количество еды, алкоголя и скупают всякий хлам в сувенирных лавках. Затем я отправилась на поиски своего места, забронированного в трюмном отсеке, который оказался похож на небольшой зрительный зал. Большинство кресел уже были заняты. Не желая в темноте перешагивать через спящие тела, я лишь слегка перекусила, чтобы лишний раз не ходить в туалет, сделала четвертую за день медитацию и устроилась на ночь. День выдался суматошным, поэтому, несмотря на тесноту, я без проблем уснула.

Через несколько часов что-то резко выдернуло меня из сна. Я огляделась по сторонам в замешательстве. Смутно осознавая странное ощущение в глубине живота, я почувствовала, как судно сильно кренится и бросает из стороны в сторону. На мгновение я забыла, где нахожусь, но когда толчок повторился, до меня полностью дошло: я на корабле, и море, которое было таким спокойным, когда я леглась спать, теперь бурлило, пенилось и швыряло судно, словно игрушку. Из каждого угла отсека доносились стоны пассажиров, находившихся на разных стадиях морской болезни. Почувствовав необходимость как-то им помочь, я попыталась встать, но быстро оставила эту затею, когда почувствовала, что мой собственный желудок начинает выворачивать наизнанку.

Проведя следующие несколько часов в абсолютной неподвижности, двигаясь лишь в такт кораблю, я умудрилась не поддаться тошноте и почувствовала легкую гордость. Это потому, что я йог, — думала я. — Я контролирую себя, потому что почти ничего не ела перед сном. Я была уверена, что те пассажиры первого класса, которых я видела за едой и выпивкой, страдают сильнее всех.

Когда наконец наступило утро, море успокоилось, и вышло солнце. По мере приближения парома к берегу я прошла по верхним палубам и увидела пассажиров, покачиваясь выходивших из кают, с перекошенной одеждой, бледными и осунувшимися

лицами и синяками под глазами, а также членов экипажа, яростно замывающих испачканные коридоры. Когда паром пришвартовался, я посмотрела на Средиземное море, чьи лазурные воды искрились в лучах солнца. Я глубоко вздохнула. Как же хорошо было оказаться на свежем воздухе.

В отличие от тех несчастных из первого класса, я чувствовала себя бодрой — и голодной. Отпраздновав победу над собственным желудком завтраком из фруктов, сыра и хлеба, которые взяла с собой, я приступила к следующему этапу пути с уверенностью, безмятежной, как это утро. Добравшись до границы между греческой и турецкой частями острова, я подошла к греческим полицейским и, предъявив паспорт, попросила пропустить меня на ту сторону.

— Мне жаль, — ответил один из них, — но пересекать границу запрещено.

— Но у меня есть друг, который переходил... — начала я, но меня быстро перебили.

— Нет, никому, никому не разрешается пересекать эту границу!

Тогда я пустилась в объяснения, рассказывая полицейскому о человеке, который клялся мне, что переходил здесь, и что именно из-за этого я проделала весь этот путь на пароме, и так далее. Пограничник слушал меня, скрестив руки на груди и расставив ноги.

— Я хочу попасть в Индию, — сказала я, завершая свой рассказ. — Как только я окажусь в Турции, я доберусь по суше сама.

Иногда люди проникались моим мужеством, отвагой или (оглядываясь назад) безрассудством, когда понимали, что я путешествую в одиночку. Но для меня в то время это не было безрассудством; я чувствовала, что нахожусь под защитой Гуру. Я не боялась в одиночку ехать через Ближний Восток, через страны, где никогда раньше не бывала, будучи женщиной, потому что Баба был со мной, направляя и помогая. Так было с той самой ночи в Таосе, штат Нью-Мексико, — годы назад, когда я еще ничего о нем не знала.

Но, похоже, Баба не собирался заставлять полицейского делать то, что я хочу. Мужчину совершенно не тронуло мое положение.

— Мне жаль. Вы не можете пересечь эту границу, — отрезал он и отвернулся.

Было около полудня, становилось жарко. Когда я отошла от пограничного пункта, меня накрыла свинцовая усталость; сказывалась прошлая ночь, проведенная в борьбе с морской болезнью почти без сна. Я была в растерянности, не зная, что делать. «Может, мне помедитировать?» — подумала я, но где? Как раз в этот момент я заметила слева от дороги небольшую зеленую лужайку в тени нескольких деревьев. Идеальное место. Я подошла, села под одним из деревьев и закрыла глаза. Вскоре я полностью отключилась от внешнего мира.

Постепенно до меня стали доноситься чьи-то крики. Сначала я не обращала на них внимания; в конце концов, несколько криков — ничто для человека, наловчившегося медитировать в таких шумных и хаотичных местах, как железнодорожные вокзалы Калькутты и Бомбея. Гул быстро нарастал, голоса становились все пронзительнее, к ним примешивались истерические нотки.

«Чего эти люди так расшумелись?» — раздраженная тем, что мой покой нарушен, я приоткрыла один глаз, чтобы посмотреть в чем дело, — и увидела направленные на меня со всех сторон винтовки! Солдаты, размахивая ими, кричали: «Ты! Убирайся! Убирайся, иначе будем стрелять!» Они наставили на меня оружие и сделали несколько шагов вперед.

Сначала я не поверила своим глазам. Мои глаза округлились. Винтовки... ВИНТОВКИ! Боже мой, они собираются в меня СТРЕЛЯТЬ! С бешено колотящимся сердцем я вскочила на ноги и со всех ног бросилась наутек обратно к тому залитому солнцем, кишасшему мухами пятачку, где стояла раньше. Когда суматоха улеглась, мне объяснили, что моя зеленая лужайка для медитаций находилась на «ничейной земле» между греческим и турецким Кипром — своего рода средиземноморской демилитаризованной зоне. Если бы я не сдвинулась с места, меня, скорее всего, пристрелили бы.

Мое упрямство и решимость закончить садхану во что бы то ни стало чуть не стоили мне жизни. Казалось, открыв для себя внутренний мир, я начала отрицать реальность или важность внешнего. Мое непонимание (и высокомерие, как я поняла гораздо позже) едва не привело меня к гибели.

Было ясно, что моя поездка займет гораздо больше времени, чем ожидалось, но я не собиралась сдаваться. Поскольку на турецкий Кипр я попасть не могла, я отправилась на Родос, проделав путь по, к счастью, спокойному морю, и провела там неделю в ожидании корабля до южной Турции. Родос оказался восхитительным местом с синим небом, живописными зданиями, узкими каменными улочками и дружелюбными людьми. Я была рада побыть какое-то время на одном месте, и было приятно немного осмотреть достопримечательности. Хотя из-за нехватки денег я была ограничена лишь долгими прогулками по деревням, я чувствовала удовлетворение; обычно у меня не оставалось времени на такие вещи.

Оказавшись на юге Турции, я села на автобус до Анкары, затем пересела на другой до Тегерана, а после — на следующий до Кабула. Эта часть моего пути также не прошла без происшествий.

Я помню, что стоял вечер, и свет в автобусе был приглушен. Я как раз устроилась, чтобы немного помедитировать, когда погрузилась в странное состояние где-то между бодрствованием и сном, между медитацией и сновидением. Я поймала себя на мысли, что бы я делала, если бы когда-нибудь оказалась на месте серьезной аварии. Несколько лет назад я проходила курсы первой помощи, но мало что помнила. В этом сонном состоянии я пообещала себе пройти их снова при первой же возможности. После этого я провалилась в глубокий сон.

Спустя какое-то время меня резко потряхнуло, и я проснулась. Автобус остановился, его салон был залит ярким светом. С улицы доносились крики и вопли. Большинство пассажиров уже вышли, остальные направлялись к выходу. Я заметила молодого англичанина, с которым разговаривала ранее.

— Что случилось? — спросила я.

— Кажется, авария.

Авария! Я едва могла в это поверить. Я схватила фонарик и выбежала на улицу.

Все было серьезно. Другой автобус лежал на боку, и несколько мужчин пытались вытащить водителя, которого зажало внутри смятой передней части машины. Ниже пояса его тело было залито кровью. Я отвернулась. С холмов, возвышавшихся по обе стороны дороги, доносились крики и стоны. Взяв фонарик, я поднялась по одному из склонов и увидела людей, разбросанных повсюду с травмами различной степени тяжести. Один мужчина согнулся пополам. Он выглядел не так уж плохо. Я направила на него луч фонаря и размышляла, как могу помочь, когда он внезапно выпрямился и убрал руки от живота. У него в животе зияла огромная дыра, и белизна его внутренностей была отчетливо видна на фоне ярко-красной крови. В шоке отвернувшись, я оставила его и побрела прочь в полном оцепенении.

Водитель нашего автобуса засигналил, давая понять пассажирам, что он собирается уезжать. Некоторые из нас умоляли его забрать часть раненых в Кабул. Он отказался. «Вы должны понять, — сказал он на своем ломаном английском. — Это иранский автобус. Я не могу здесь останавливаться. Мне не разрешено. У меня будут проблемы».

Кто-то из молодых пассажиров пригрозил лечь перед автобусом, но в итоге мы все вернулись в салон, и водитель тронулся с места, непрерывно сигналив, чтобы расчистить дорогу. «Почему я не прошла еще один курс первой помощи?» — корила я себя. По какой-то причине мне не приходило в голову, что любые знания, которые я могла бы получить (не говоря уже об отсутствии медикаментов), оказались бы каплей в море перед лицом такой ужасной катастрофы. Но я видела это иначе. Вместо этого я чувствовала вину за то, что не смогла помочь.

Я всегда так себя чувствовала. Что бы я ни была способна сделать, этого всегда было мало, а когда я понимала, что ничем не могу помочь, меня съедало мучительное чувство сожаления и вины. Я была диди, я должна была помогать людям. В этом заключался смысл моего пребывания на земле — помогать. Я лишь смутно осознавала, что чувствую это из-за отсутствия внутренней самооценки. Я была никуда не годной, если не могла служить другим. Если я не помогала окружающим постоянно, я не заслуживала права жить.

К тому времени, как мы добрались до Кабула, с меня было довольно путешествий по суше. Я решила лететь в Дели самолетом, даже если ради этого придется потратить почти все оставшиеся деньги. Оттуда я сяду на поезд до Патны, где находился Баба. Все еще снedaемая чувством вины, я решила объявить голодовку в знак уважения ко всем тем людям, которым не смогла помочь. Я не буду ничего есть в течение двух дней, которые потребуются, чтобы добраться до Патны — и до Бабы.

Патна, город бедный даже по индийским меркам, был столицей штата Бихар, который сам по себе являлся одним из самых нищих и отсталых в Индии. И все же, поскольку там находился Баба, для меня это место было прекраснее любого другого уголка на земле. Когда я сошла с поезда, мне захотелось упасть на колени и поцеловать эту пыльную землю. Желание увидеть Бабу было настолько сильным, что мне хотелось тут же помчаться к тюрьме. Однако, как и всем марги, мне нужно было получить официальное разрешение на встречу с ним, а поскольку день уже клонился к вечеру, подать заявление я могла только на следующий день.

Когда я добралась до офиса Ананда Марги, то узнала от других, что получить разрешение — задача далеко не из простых. Если одним марги приходилось ждать всего день или два, то другим доводилось неделями мыкаться от одного чиновника к другому. Некоторые госслужащие, казалось, симпатизировали нам и быстро

подписывали бумаги; другие же были известны тем, что намеренно затягивали процесс. Все, похоже, зависело от настроения конкретного человека, к которому ты попадал. Ходили истории о том, что марги отказывали просто потому, что они ловили кого-то в плохой день. Я молилась, чтобы меня не постигла та же участь.

Ранним утренним часом следующего дня я отправилась в государственное учреждение и принялась заполнять анкету. Помимо стандартных сведений вроде имени и номера паспорта, нам приходилось отвечать на довольно необычные вопросы. «Опишите ваши отношения со Шри Шри Анандамурти», — гласил один из них. «Кто такой Шри Шри Анандамурти?» — спрашивал другой. Я была готова к этим вопросам, так как уже слышала, что многие марги подходили к ним как к упражнению по развитию творческого письма, выдавая в качестве ответов: «Он мой отец», «Он Бог» или «Он Парама Пуруша» (Высшее Сознание). Я ответила примерно в том же духе, передала анкету чиновнику и стала наблюдать, как он поставил штамп и отложил ее в одну из многочисленных стопок бумаг и старых коричневых папок, высившихся на каждом свободном дюйме его стола. «Наверняка моя анкета с концами исчезнет в этом океане канцелярии!» — подумала я.

К счастью, все сложилось иначе. Через несколько дней я получила разрешение на посещение Бабы вместе с несколькими израильскими марги, которые прибыли в Патну примерно в то же время, что и я. (В отличие от меня, впрочем, у них не ушло несколько недель на то, чтобы добраться до Индии. Они раздобыли деньги и поступили разумно — полетели самолетом!)

В день встречи с Бабой я поднялась рано, как и израильские марги. Завершив утреннюю садхану, мы слегка позавтракали и поспешили к тюрьме.

Тюрьма Патны представляла собой внушительное и неприступное сооружение из красного кирпича с колючей проволокой и осколками стекла по верху стен. Совершенно парадоксальным образом прямо перед ней располагался цветочный рынок с множеством ароматных мал (гирлянд), разложенных на циновках. Там были гирлянды из красных и желтых бархатцев, кремовых цветов франжипани и тех самых крошечных, благоухающих белых звездочек, названия которых я все еще не знала. Мы купили гирлянды для Бабы. Я выбрала ожерелье из пышных оранжевых бархатцев. (Если бы я знала тогда, что те крошечные цветы назывались жасмином, и, что еще важнее, мое имя Малати как раз и означало «жасмин», возможно, я купила бы именно их!)

Мы ждали у ворот тюрьмы, поправляя одежду и бережно держа свои гирлянды. Я также принесла с собой баночку с маленькими белыми сахарными шариками, которую хотела оставить Бабе. Он давал эти сладости посетителям, приходящим после нас, в качестве прасада (благословенного подношения, обычно еды, передаваемой ученикам их гуру). Мне рассказывали, что у Бабы под раскладушкой стоял целый ряд таких баночек со сладостями, и он всегда открывал одну из них и раздавал угощения, когда к нему приходили гости, так что я рассудила, что пополнение запасов ему не повредит.

Мы по большей части молчали, обдумывая, что скажем Бабе, и представляя, что он ответит нам. Я ждала встречи со своим гуру долгие годы, и сейчас меня переполнял целый спектр эмоций. Тут были и трепет, и тоска — и некоторая примесь страха. Будет ли он рад меня видеть?

Дверь открылась, и нас провели внутрь, в кабинет начальника тюрьмы. Каждому приходилось ждать там перед встречей с Бабой. Поговаривали, что сам начальник стал последователем движения, симпатизировал марги и хорошо к ним относился. Мы знали,

однако, что ему приходится быть осторожным: излишняя открытость в своих чувствах могла стоить ему работы.

Нас попросили предъявить паспорта и заполнить кое-какие бумаги. Как раз когда мы заканчивали, вошел улыбающийся начальник тюрьмы, сложив ладони в намаскар. Он сразу мне понравился.

— Итак, вы идете на встречу с Бабой, — произнес он. — Это ваша первая встреча?

— Да, сэр, для всех нас, — ответила я.

— Отлично! Баба примет вас прямо сейчас. — Он поклонился и оставил нас.

К нам подошел невысокий усатый мужчина в форме цвета хаки. Я сразу поняла, кто это — тот самый «маленький тюремщик», о котором я так много слышала. Разговорчивый и добродушный, он к тому же был человеком, которого можно было подкупить. В обмен на взятку в виде нескольких сари он однажды пропустил бывшего сотрудника, даду, покинувшего организацию, на несанкционированное свидание с Бабой. (Баба тогда без промедления выставил визитера вон. «Убирайся! Убирайся! — кричал он, как рассказывали. — Знаешь ли ты, сколько скверных поступков совершил? Я позволяю навещать меня только хорошим людям!»)

— Намасте! Намасте! — восклицал тюремщик. — Вы сейчас увидите Бабу. Замечательно! Идите за мной.

Когда мы подошли к большой стальной двери, он достал один из самых огромных ключей, что я когда-либо видела, и вставил его в гигантскую замочную скважину. Дверь со скрипом распахнулась, а затем с лязгом захлопнулась за нашими спинами. Тюремщик повел нас по узким каменным коридорам, то и дело сворачивая в стороны и непрерывно болтая всю дорогу.

— Диди, а тебе нравится индийская еда? — спросил он. Я кивнула. — Какое карри ты любишь? Тебе нравятся роти?

Еда была последним, о чем мне хотелось разговаривать. Я пробормотала что-то в ответ, пытаясь сохранить созерцательный настрой и мысленно повторяя свою мантру.

И вот мы оказались перед камерой Бабы. Там не было двери с замком. Там вообще не было никакой двери. Вместо нее вход закрывало светлое одеяло. Я почувствовала, как из комнаты исходят волны блаженства — словно мы собирались войти не в тюремную камеру, а в храм.

Израильские марги, шедшие впереди меня, внезапно заробели.

— Иди первой, Диди, — взмолились они, пятясь назад.

Я на мгновение заколебалась, а затем, оставив сандалии снаружи, вошла внутрь и сделала пранам²⁹. Я услышала, как остальные тихо зашли следом. Они тоже сотворили пранам.

Мы поднялись и сели в ряд перед Бабой. Камера была обставлена просто, лишь несколько гирлянд украшали ее стены. Это действительно было святое место, святилище. Баба лежал на деревянной раскладушке, полностью одетый в белое. В его

облике было что-то неземное. У него была очень светлая кожа, и от него на нас изливалась чудесная духовная вибрация.

Мы преподнесли Бабе наши гирлянды. Каждую из них он подносил к своему лбу, прикрывая глаза. Затем он передал их своему помощнику — молодому человеку, стоявшему в стороне, — и спросил, как нас зовут и откуда мы приехали.

— Ачарья Малати из Израиля, Баба, — произнесла я.

Один за другим остальные назвали свои имена и добавили, что они тоже из Израиля.

— Ах, Израиль, Израиль! — произнес он, слегка касаясь наших голов указательным пальцем. — Израиль — маленькая страна, но она не маленькая. — Он повторил свое замечание, вглядываясь в каждого из нас. — Израиль — маленькая страна, но она не маленькая. Вы понимаете?

Мы заворуженно закивали, не сводя глаз с его лица. Баба говорил тихо, но в его голосе отзывалась великая мощь.

— Израильтяне — сильный народ, трудолюбивый народ, — сказал Баба. — Они превратили пустыню в цветущий сад!

Один из марги спросил об арабо-израильском конфликте.

— Они братья, — ответил Баба. — Евреи и арабы — братья. Они забыли об этом факте. Но я помню. Я помню этот факт. — Он сделал небольшую паузу, а затем добавил: — Да, построить мост очень трудно. Но как только мост построен, перейти по нему становится очень легко. — Баба стал двигать указательным и средним пальцами взад-вперед, имитируя шагающие ноги. — Левой, правой! Левой, правой! — произнес он. Мы рассмеялись. Мы были так счастливы. Мы наконец-то были рядом с Бабой, и он говорил нам, что однажды арабы и израильтяне будут жить в мире. Что могло быть лучше!

Я слегка заерзала, задев баночку со сладостями, которую принесла с собой, и в панике перехватила ее, прежде чем она успела упасть на пол и разбиться. Пытаясь вернуть самообладание, я сказала:

— Баба, я принесла тебе прасад.

Баба взглянул на баночку и воскликнул: — Это мой долг. Позвольте мне исполнить свой долг!

Он сделал знак помощнику и произнес: — Банка номер пять.

Я посмотрела вниз и увидела под раскладушкой Бабы ряд баночек, наполненных всевозможными сладостями: в одних были маленькие белые шарики, похожие на те, что принесла я; другие были полны кусочков различных видов кристаллического или неочищенного сахара вроде мишри и гура.

Помощник подал Бабе банку, которую тот просил.

— Я не могу ее открыть, — сказал Баба. (Он был слаб из-за своей жидкой голодовки, которая длилась уже несколько месяцев). Он протянул ее мне и произнес: — Открой ты.

Я открыла и аккуратно передала баночку обратно. Баба зачерпнул пригоршни маленьких белых шариков и стал насыпать сладости в наши протянутые ладони, одному за другим,

велел нам их съесть. Я постаралась не есть все свои шарики, твердо решив привезти часть обратно, чтобы разделить их с марги в Израиле. На какое-то вневременное мгновение единственными звуками в камере стали наше причмокивание и то, как Баба, потирая руки, издавал довольное «М-мम्म», с сияющим видом наблюдая за нами.

— Время вышло, — произнес Баба.

— Баба, можно нам совершить Гуру Пуджу?³⁰ — спросила я.

Он кивнул, и сердце мое подпрыгнуло от радости. Мы опустились на колени, подняли руки, закрыли глаза и запели. Это было так прекрасно. Бесчисленное количество раз я пела эту санскритскую молитву, стоя на коленях перед его портретом, и вот теперь я делала это прямо перед ним наяву. Когда мы дошли до последней строчки: «Tava dravyam jagat guru, tubhya meva samarpaye» (Все эти твои вещи, Гуру мира, я приношу тебе в полном смирении), мы склонились вперед в позу пранама, опустив головы и вытянув руки. Через мгновение я услышала, как остальные поднимаются. В моей голове пронеслась мысль: «Зачем подниматься? Пожалуй, я просто останусь здесь».

— Поднимайся, Малати, — услышала я твердый, но любящий голос Бабы.

Я поднялась. Баба жестом попросил у помощника наши гирлянды, поднес каждую к своему лбу с закрытыми глазами, шепча благословение, и вернул их нам. Я взяла свою и бережно прижала к себе. На выходе из камеры я повернулась, чтобы в последний раз взглянуть на Бабу. Он улыбался, сложив руки в намаскар.

— Мы встретимся снова! Мы встретимся снова! — произнес он.

²⁹ пранам: уважительное приветствие при встрече со своим гуру. В Ананда Марге мужчины совершают пранам, ложась ниц с вытянутыми руками ладонями вниз; женщины делают это на корточках, вытягивая руки перед собой.

²⁷ Анандамурти критиковал как капитализм, так и коммунизм, и был известен своим высказыванием: «Капитализм делает человека нищим, а коммунизм делает нищего зверем».

²⁸ Т. Н. Кауль, «Объяснение и защита причин введения чрезвычайного положения», *New York Times*, 28 июля 1975 года.

³⁰ Гуру Пуджа: подношение гуру. После завершения медитации марги трижды поют санскритский стих, стоя на коленях и держа руки перед собой в жесте подношения. Ритуал завершается пранамом.

Глава 6. Второй визит

Нам действительно суждено было встретиться снова. Я вернулась в государственное учреждение, заполнила еще одну анкету — точно так же, как и первую, — и получила разрешение на повторный визит к Бабе. В назначенный день, когда раннее утреннее солнце косыми лучами ложилось на тюремные стены, я стояла у ворот в полном

одиночестве, ожидая, когда меня впустят. Все вокруг казалось окутанным какой-то редкой ясностью, очищенным от пыли и первозданным — словно только что вышедшим из лона творения.

Этим утром я была единственной, кому назначили встречу с Бабой, а значит, он будет полностью в моем распоряжении — редкая удача. Большинству марги, если они располагали временем, удавалось навестить Бабу не один раз, но мало кому доводилось видеть его с глазу на глаз.

Перед тем как отправиться в тюрьму, я заглянула в офис Ананда Марги, просто чтобы убедиться, что все готово для визита. Рупешанандаджи, личный помощник (РА) Бабы, встретил меня вопросом:

— Малати, твоя фамилия — Голубофф. Это ведь не немецкая фамилия, верно?

— Нет, Дада.

— Хорошо, — сказал он, никак не объяснив своего любопытства. — А теперь иди к Бабе!

Не нуждаясь в лишних напоминаниях, я вышла на улицу и окликнула рикшу-валлаха³¹. Пока он ритмично крутил педали, мои мысли возвращались к Даде Рупешананде и вопросу, который он мне задал. Минуту-другую я размышляла об этом, а затем отмахнулась, решив, что это не стоит внимания.

В конце концов, Рупешананда был человеком, который внушал доверие. Я всегда любила и уважала его. Я помнила время, когда мы только познакомились. Он приезжал в Штаты и заглянул в филаделфийский джагрити. Я тогда была совсем новым марги и только-только получила свое духовное имя.

— Как твое имя, сестра? — спросил он меня.

— Лила.

— Ах, Лила! Существует только одна лила, и это — лила Господа! — воскликнул он и рассмеялся.

Несмотря на невысокий рост и худобу, Рупешананда обладал аурой могущественного садху или аскета; когда требовалось, он мог быть как твердым, так и ласковым. Но больше всего запоминался его смех. Казалось, он шел из самой его глубины, так что ты невольно начинал смеяться вместе с ним, даже если еще мгновение назад твои мысли были мрачнее тучи. «Он как яркий солнечный свет», — думала я. Он провел много времени с Бабой и, казалось, озарял каждого, кто находился рядом. Я помнила, как он однажды рассказывал мне, каково это — ловить призыв Бабы, даже если ты находишься посреди выполнения пранаямы (дыхательных упражнений). «Если я слышал, что Баба зовет, — говорил он, — я просто бросал пранаяму прямо на середине вдоха, вскакивал и бежал к нему». А затем он выдавал свой чудесный смех.

Рупешананда по-прежнему видел Бабу в тюрьме каждый день; фактически, он был единственным, кому разрешалось навещать Бабу на ежедневной основе.

У ворот тюрьмы я прождала, как мне показалось, целую вечность. Наконец охранник открыл калитку и жестом пригласил меня войти. Он провел меня в кабинет начальника и велел сесть и ждать. Он сразу понял, что я являюсь monastic-сотрудником Ананда Марги, поскольку я была в полной форме. Большинство работников (за исключением

индийцев) ходили в тюрьму в гражданской одежде, так как не хотели, чтобы индийские власти знали об их статусе в организации. Но я рассудила, что мое имя у них все равно осталось после первого визита, и они в любом случае смогут закрыть мне въезд в Индию в будущем, независимо от того, работник я или нет, так почему бы не надеть форму? Носить ее я считала честью — своим оранжевым знаком мужества.

Я положила на колени гирлянду из красно-оранжевых бархатцев, все еще завернутую в защитные листья. В этот момент перед глазами всплыли картины цветочного рынка перед тюрьмой и нищих, преимущественно детей, толпившихся вокруг него. Одетые в грязные лохмотья, они умоляли меня, протягивая ладони или обрубки там, где должны были быть руки, пока я покупала цветы. Всегда так трудно понять, как себя вести, когда сталкиваешься с нищими. Некоторые говорили, что Баба не хотел, чтобы мы давали им деньги, так как это лишь продлевает существование института попрошайничества. В основном я давала им фрукты: бананы, чику (которые были очень сладкими и с виду напоминали идеально круглую картошку) или гуаву.

Начиная беспокоиться, что утро безвозвратно уходит, я взглянула на часы. «Не нужно тревожиться о времени, — мысленно приказала я себе, — лучше подумай о том, что скажешь Бабе, когда войдешь». Могу рассказать ему о трудностях работы в Израиле.

Мысли об Израиле напомнили мне о Мохини. В отличие от нее, я не считала форму проблемой. Вернувшись в Израиль после визита к Бабе, Мохини рассказала, что обсуждала с ним этот вопрос. «Я сказала Бабе, что в Израиле ее трудно носить», — поделилась она. На самом деле, она использовала в разговоре с ним те же слова, что и со мной: «Ни к чему хорошему не ведет, когда ты выглядишь как христианская монахиня в еврейской стране». (Надо отдать ей должное — у нее точно хватило наглости так разговаривать с Бабой!) «Но Баба со мной не согласился, — продолжала Мохини. — Он спросил: „Кто сказал тебе, что ты выглядишь как христианская монахиня? Ты говори им, кто ты есть. Говори им, что ты анандамарги!“ А затем он повторил, что я обязана носить полную форму».

Я ощутила от этого скрытое удовлетворение. Теперь Мохини придется не только накинуть вуаль вместо своего нелепого оранжевого платка, но и носить сари; даже юбки, которые мы иногда надевали, оказались под запретом (не говоря уже о ее белых брюках!).

Размышления об ошибках Мохини тут же напомнили мне о моих собственных. Самым крупным моим промахом, безусловно, было слишком поспешное знакомство израильских новичков с пратиком. Пожалуй, поговорю с Бабой об этом. А еще у меня был один особый вопрос, на который мог ответить только он.

Я снова посмотрела на часы. Было уже почти одиннадцать. Где носит начальника тюрьмы? Без него мне к Бабе не попасть. И если он придет слишком поздно, я могу вообще не увидеть Бабу, потому что у него начнется полуденная медитация. Все знали, что даже в тюрьме Баба придерживался строжайшего расписания.

Наконец я услышала чьи-то шаги. Вошли трое мужчин — двое охранников в форме цвета хаки и начальник. Они прошли мимо меня в другой кабинет и жестом велели следовать за ними. Я вошла в комнату с большим овальным столом, и мне указали на стул напротив них.

Я была озадачена. Манера поведения начальника тюрьмы была резкой и грубой, совершенно непохожей на мой первый визит. Остальные мужчины смотрели на меня

едва ли не с злорадством, на их губах застыли саркастические ухмылки. Начальник никак не показал, что узнал меня, и даже не подумал извиниться за опоздание. Вместо этого он произнес:

— Видите ли, мы-то полностью готовы к вашей встрече с Бабой, но вот он не готов встречаться с вами. — Он сделал паузу, словно желая проверить, какой эффект произведут его слова.

Я резко выдохнула.

— Что вы имеете в виду? — потребовала я ответа. — У меня есть разрешение. Сегодня утром я видела Даду Рупешанандаджи, и он велел мне идти к Бабе. Здесь должно быть какое-то недоразумение.

Начальник тюрьмы встретил мои слова молчанием, а затем подался вперед.

— Баба сказал мне, что не намерен встречаться с человеком, носящим ваше имя, — отчеканил он. — Мы не можем заставить Бабу принять вас, если он сам этого не желает.

Все присутствующие в комнате уставились на меня, без сомнения, гадая, какой же гнусный поступок я умудрилась совершить (и это monastic-сотрудник в форме!), раз это вызвало у Бабы такую реакцию.

Моя былая уверенность испарилась, уступив место страху и жгучему стыду. Что же это могло быть? Мои ошибки на местах? Или все то, что я творила в колледже? В голове пронеслись мысли о бывшем работнике, который подкупил маленького тюремщика с помощью сари ради встречи с Бабой. Баба тогда велел немедленно вышвырнуть его вон. Он был единственным человеком, которого Баба когда-либо отказался принять. А теперь — я! За что?

Я изо всех сил сдерживала подступающие слезы паники. Окружавшие меня мужчины, казалось, наслаждались этим зрелищем. Наконец начальник тюрьмы выставил меня, и его голос сорвался на гневный крик:

— Вам пора уходить, — закричал он. — Ступайте, убирайтесь сию же секунду!

Ничего не видя из-за застилавших глаза слез, я выскочила из его кабинета. Меня вывели из тюрьмы, и ворота с лязгом захлопнулись за моей спиной. Индийские марги, ожидавшие снаружи новостей, обступили меня толпой. Они приняли слезы, катившиеся по моему лицу, за слезы радости.

— Диди, ты видела Бабу? — спрашивали они. — Что он тебе сказал?

— Они не пустили меня к нему, — запинаясь, выговорила я.

— Почему? Почему?! — требовали они ответа.

Отвернувшись от них и ничего не ответив, я побежала в полной панике, смутно осознавая, что этот кошмар мне уже знаком. Сон! — внезапно вспомнила я. — Тот сон в Калькутте, где Баба сказал, что я грязная! Неужели именно поэтому он не захотел меня видеть — потому что считает меня грязной? Но ведь каждый, кто приходит к нему, получает возможность его увидеть. Почему не я?

У меня осталась только одна разумная мысль: позвонить Рупешананде. Он все уладит. Он объяснит им, что это ошибка. Это обязательно должно быть ошибкой!

Я бросилась к железнодорожной кассе через дорогу и попросила воспользоваться телефоном. Надеюсь вопреки всему на бесперебойную связь, я набрала номер, и моя молитва была услышана. Рупешананда снял трубку.

— Алло, Малати. Ты уже навестила Бабу?

Пытаясь сдержать истерику в голосе, я ответила едва слышно:

— Нет, Дада. Мне сказали, что Баба не хочет меня видеть.

На мгновение в трубке воцарилась тишина.

— О, — наконец произнес он. — Должно быть, они приняли тебя за того грязного немецкого мальчика. Ты все еще хочешь увидеть Бабу?

— Конечно, Дада, — выдохнула я маленьким, дрожащим от волнения голосом.

— Жди перед воротами тюрьмы. Я сейчас приеду.

Спустя считанные минуты Рупешананда влетел во двор на своем оранжевом мотоцикле, поднимая клубы пыли и ободряюще улыбаясь. Он спрыгнул на землю и зашел в тюрьму. Прежде чем я успела сообразить, что происходит, мне уже замахали руками, приглашая войти. Но я была уже не одна. В тюрьму приехал еще один индийский дада. Мы пойдём к Бабе вместе.

Вскоре мы стояли перед большой дверью с висячим замком, которая вела к камерам. Маленький тюремщик впустил нас, и вот мы оказались перед камерой Бабы. Мы отодвинули одеяло, сотворили пранам перед Бабой и сели напротив его раскладушки.

Баба лежал, полностью одетый в белое. От него изливался свет. Он выглядел растерянным и что-то бормотал. Я подняла свою гирлянду, желая надеть ее ему на шею, но замерла с вытянутой рукой прямо в воздухе. Внезапная паника охватила меня, когда разум закричал: «Он же лежит! Как мне натянуть ее через голову?» Затем, словно услышав мои мысли, Баба нежно улыбнулся, приподнял руку и помог мне надеть гирлянду ему на шею.

Баба и дада, Сантошананда, заговорили на бенгали. Поскольку мой бенгали был на зачаточном уровне, я мало что понимала из их беседы. Дада массировал руку Бабы, пока они разговаривали. В них двоих было что-то настолько интимное, что я почувствовала себя почти соглядатаем.

Во мне тут же вспыхнуло мощное желание помассировать другую руку Бабы. К моему величайшему изумлению, Баба пододвинул ее ближе, словно прочитав мои мысли, и вывернул ее ладонью вверх так, что это выглядело даже болезненно. Казалось, он хотел приблизить ее ко мне как можно сильнее. Мне безумно хотелось передать всю свою любовь через этот массаж, но произошедшее в кабинете начальника тюрьмы все еще оставалось живой раной, и я не могла побороть страх: а вдруг Баба отвергнет меня, отдернет руку и сожмется от моего прикосновения?

Пока я стояла, скованная нерешительностью, Баба заговорил по-английски.

— Да. Да, человеку свойственно ошибаться.

Сантошананда выглядел растерянным. Баба посмотрел на меня, словно прося помочь объяснить значение.

— Ошибаться... совершать промах, — произнесла я.

— Да! У человеческих существ так много недостатков; они совершают так много ошибок, — сказал Баба. — Ошибаться — это не плохо, но ничего не делать для исправления своих недостатков — вот что плохо! — Он повторил свои слова: — Ошибаться — это не плохо, но ничего не делать для исправления своих недостатков — вот что плохо!

Затем он шутливо, одним пальцем, слегка постучал нас по голове — сначала Даду, а потом меня, словно желая придать своим словам больше веса.

— Человеческие существа полны несовершенств, — продолжил он, становясь все более оживленным. — Но по мере того, как вы боретесь со своими несовершенствами, вы будете набирать все большую и большую скорость. Вы будете становиться все более совершенными. А состояние совершенства — это состояние абсолютной неподвижности, состояние блаженства.

Мы с Дадой на мгновение замолчали, осмысливая его слова.

— Баба, — неожиданно спросила я, — а что нам делать с нищими?

Я сама ужаснулась. Я не планировала этого говорить. Слова словно вырвались ниоткуда. Баба закрыл глаза, и на его лице отразилось выражение глубокого страдания. Протянув руки ладонями вперед, словно отталкивая мое замечание, он произнес:

— Пожалуйста, не говорите о нищих. Это причиняет мне слишком много боли.

— Баба, — не унималась я, — ты выйдешь на свободу, когда установится ПРАУТ, или ты хочешь...

— Да! — воскликнул Баба, приподнимаясь на одном локте и перебивая меня. — Когда ПРАУТ установится, я буду очень счастлив, потому что все мои дети будут сыты досыта. Ты указывай путь, — сказал он, глядя прямо на меня. — Ты устанавливай ПРАУТ.

Спустя мгновение после того, как мы покинули камеру Бабы, я спросила Даду, о чем он разговаривал с учителем.

— Я рассказывал ему о некоторых ошибках, которые совершил в своем секторе работы, — ответил он.

Я резко выдохнула, пораженная смыслом слов Дады. Ошибки! Как раз то, о чем я сама думала рассказать Бабе, пока ждала прихода начальника тюрьмы!

Кое-что из произошедшего теперь прояснилось. Баба знал, о чем думал каждый из нас. У него было одно и то же послание для нас обоих, поэтому он устроил так, чтобы мы зашли вместе. Таким образом, ему не пришлось повторяться. В конце концов, он голодал, и ему нужно было беречь силы.

После выхода из тюрьмы я увидела Рупешананду.

— Так почему же Баба сказал, что не хочет меня видеть? — спросила я. — Дело было в моей фамилии?

— Он подумал, что ты — тот самый грязный немецкий мальчик, о котором ты мне рассказывала, — ответил Дада.

Я сложила два и два. Несколькими неделями ранее я рассказывала Рупешананде об одном немецком парнишке — хипповатом персонаже, который пытался получить разрешение на встречу с Бабой одновременно со мной. Грязный, босой, с длинными колтунами и маленькой флейтой в руках, он выглядел так, словно не мылся минимум две недели, и пах соответствующе. Он рассказал мне, что прибыл в Индию несколько недель назад и путешествовал, ночуя в залах ожидания железнодорожных вокзалов. «А теперь я просто приехал в Патну и хочу увидеть Бабу», — поделился он. «Он никак не может быть настоящим преданным», — подумала я тогда. — Иначе он не стал бы неделями болтаться по стране, прежде чем прийти к Бабе. Настоящий марги идет напрямик к Гуру, как пчела к нектару».

Когда я рассказала об этом Рупешананде, тот согласился, что немца нельзя пускать к Бабе. Несколько дней спустя, когда мою фамилию утвердили для визита, Рупешананда, который никогда раньше не слышал моей фамилии, решил, что это фамилия того самого мальчика, о котором я его предупреждала. Он сообщил Бабе, что некий парень по фамилии Голубофф получил разрешение на встречу, и предложил отказать ему, поскольку тот не занимается духовной практикой. Баба, должно быть, согласился.

Какая трагикомедия ошибок! И все же Рупешананда, должно быть, осознал свой промах. Ведь именно в то утро он расспрашивал меня о фамилии. По какой-то причине он не сообщил Бабе (конечно же, не нарочно?), что человек с этой фамилией — диди, а вовсе не мальчик, немецкий или какой-либо еще.

Возможно, я уберегла Бабу от встречи с кем-то неподходящим, но, если рассуждать в космических масштабах, кто я такая, чтобы судить о чужой готовности? Это был случай того, что мы называли мгновенной кармой: мое мелочное занудство немедленно отразилось на мне самой, причинив мне огромные страдания и боль отвержения.

(Только годы спустя я полностью поняла, почему испытала такой чистый, первобытный ужас, когда мне сказали, что Баба не хочет меня видеть. Дело было в том, что для меня Баба являлся не просто духовным отцом. Он был своего рода суррогатным отцом, на которого я проецировала свой опыт взаимоотношений с собственным родителем. Даже тогда от меня не укрылось, что Баба в чем-то физически походил на моего отца — своим суровым лицом и доминирующими черными очками с толстыми линзами. А еще гнев Бабы. Я до смерти боялась вызвать его, точно так же, как боялась спровоцировать отца. Большинство из нас на каком-то уровне трепетали перед Бабой, но страх, который испытывала я, порой становился удушающим. Когда мне объявили, что Баба отказывается от встречи, отвержение и паника, близкая к ужасу, удесятились, потому что этот опыт был мне до боли знаком: мой собственный отец отвергал меня в прошлом, и теперь мой новый отец поступал точно так же).

Начальник тюрьмы был жутко смущен и без конца извинялся за свое поведение. Хотя я твердила ему, что его вины тут нет («Вы просто выполняли свою работу», — успокаивала я его), в глубине души я испытывала определенное удовлетворение от его неловкости. Он был полон решимости исправить ситуацию и показал мне копию письма, которое направил руководству с просьбой разрешить мне еще один визит. «Из-за этой путаницы, — гласило оно, — данная диди не смогла должным образом пообщаться с Бабой, так как ее разум находился в состоянии смятения». Вопреки его стараниям, повторного визита мне так и не одобрили, хотя я пробыла в Патне еще пару недель. Через какое-то время продолжать попытки стало просто неприлично, и я уехала в Стамбул, к своему новому месту назначения — исполняющей обязанности Секретаря по женскому благосостоянию (Acting SWWS) в Каирском секторе.

Я была лишь «исполняющей обязанности», поскольку на высшие руководящие должности назначались исключительно индийские сотрудники — явно дискриминационная практика, которая должна была заставить меня задуматься, но не заставила. (Несмотря на все заявления об универсализме в речах и трудах Бабы, в Ананда Марге существовала четкая табель о рангах, на вершине которой стояли говорящие на бенгали дада — сам Баба был бенгальцем, — тогда как большинство диди и жителей Запада ютились в самом низу).

То, что Баба оборвал меня, когда я спросила, выйдет ли он из тюрьмы, когда установится ПРАУТ, имело для меня колоссальное значение. Я была убеждена, что он сделал это не случайно.

Я как раз собиралась спросить его: «Ты хочешь, чтобы мы сделали кое-что?» — где слово «кое-что» было зашифрованным обозначением плана действий, о котором я размышляла неделями перед встречей с ним. Это был радикальный шаг, призванный помочь вытащить Бабу из тюрьмы, заставить весь мир обратить внимание на заключение нашего гуру по ложному обвинению. Четверо индийских дад уже пошли на это и привлекли к себе определенное внимание, но в основном лишь в индийских СМИ. Если бы на это решилась я, я стала бы первым жителем Запада, а также первой женщиной, сделавшей этот шаг.

С помощью бензина я собиралась поджечь свое тело и совершить самосожжение. Я планировала сделать это где-нибудь на Ближнем Востоке — либо в Израиле, либо в Стамбуле. Я часами обдумывала этот шаг и дошла до того, что напечатала письма, которые собиралась разослать в газеты и официальным лицам прямо перед тем, как воплотить задуманное.

Совершая акт самосожжения, или добровольной смерти от огня, я не пошла бы на самоубийство, как какой-нибудь депрессивный человек, не видящий иного выхода. Самосожжение далеко от суицида — это древняя традиция, к которой порой прибегали, чтобы привлечь внимание к жестокости или несправедливости. Поступая так, я бы последовала многовековой традиции протеста, практикуемой в особенности индуистскими и буддийскими монахами. Поскольку обе религии утверждают, что душа (истинное «я») выживает после смерти и воплощается в новом теле, акт самосожжения может уничтожить плоть, но не способен истребить истинное «я».

Если бы мой план осуществился, он наверняка поверг бы в ужас жителей Запада, которые, как нам казалось, ошибочно отождествляли свои тела со своим истинным «я». Но я и хотела потрясти людей. Этим шагом я бы привлекла внимание мировой общественности к несправедливости, чинимой в отношении Шри Шри Анандамурти, которого мы считали величайшим из ныне живущих духовных мастеров мира.

Однако сначала мне нужно было убедиться, что именно этого хочет Баба; я бы не предприняла никаких действий, не зная, что получила его одобрение. Поэтому я собиралась спросить Бабу зашифровано. Я знала, что он поймет, что означает это «кое-что». Но мне не дали закончить фразу. Баба оборвал меня, сказав, что будет очень счастлив, когда установится ПРАУТ, и что он хочет, чтобы я взяла на себя руководство. Все было предельно ясно. У него была для меня другая работа.

Вскоре после моего прибытия в Стамбул мы получили известие, что к нам едет немецкая диди. Ее звали Удити. Я знала ее: это была та самая сестра LFT, которую я встретила во Франкфурте после депортации из Египта, — та, что подарила мне сари. Я

часто вспоминала о ней, когда носила его. Она стала диди, как я и думала, и я с нетерпением ждала возможности провести с ней время. Затем, помогши ей обустроиться в Стамбуле, я должна была отправиться в другое место сектора.

Однако всего через несколько дней после того, как мы узнали о назначении Удити, телеграммой пришли другие новости. Диди и дада, оба немцы, совершили самосожжение в Берлине. Сначала мы не знали, кто они, но в глубине души я чувствовала, что той диди была Удити. Как выяснилось, я оказалась права. Позже мы услышали, что Удити навещала Бабу всего через несколько дней после меня. Должно быть, она замышляла то же самое. Как и я, она, вероятно, составила план: как, где и когда; как и я, она не хотела действовать без согласия Бабы.

Как мы все потом узнали, вместе с Удити Бабу навещала одна сестра LFT. Она рассказала, что когда они зашли к нему, Удити уже знала, что ее назначили в Стамбул. Но она все равно спросила: «Баба, куда я отправлюсь дальше?» По словам сестры LFT, Баба жестом подозвал Удити ближе. Она наклонила к нему голову (Баба лежал на своей раскладушке), и тогда он прошептал: «Берлин». Берлин был тем самым местом, где она планировала это сделать, поэтому она, должно быть, пришла к выводу, что получила его одобрение.

Самосожжение Удити и Локнатха (того дады) произошло в час пик перед церковью в оживленном районе Берлина. Это событие широко освещалось в газетах и журналах по всему миру, сопровождаясь фотографиями их полуобгоревших трупов. Были также снимки больших плакатов, которые они заранее установили у церкви и на которых объяснялось, что они идут на этот шаг, дабы привлечь внимание мира к продолжающемуся тюремному заключению Прабхата Ранджана Саркара (имени, данного Бабе при рождении). В общей сложности самосожжение совершили восемь диди и дада. «Они — факел моего Новогоднего Послания», — сказал о них Баба позже, после того как зачитал свое новогоднее обращение, в котором, в частности, говорилось: «Свет одной лампы зажигает бесчисленные лампы».

Поступок Удити глубоко потряс меня, и какое-то время после этого я была сама не своя. Мы обе планировали принести высшую жертву. Мы обе просили у Бабы разрешения. Моя просьба была отклонена, ее — удовлетворена. Она должна была приехать в Стамбул, где работала я. Мы словно были связаны. Я не до конца присутствовала в реальности; часть меня чувствовала себя так, будто я ушла вместе с ней, в то время как другая часть продолжала занимать то пространство, в котором должна была находиться она. Какое-то время я не совсем ощущала себя в собственном теле. Все казалось нереальным, как во сне, словно меня вернули с края гибели и я выжила, но это осознание еще не до конца уложилось в голове.

Через неделю или две мне приснился яркий сон.

Стоит глубокая ночь. Я еду в машине в качестве пассажира; мы останавливаемся и подбираем Удити. Она грузит на заднее сиденье большую канистру с бензином, а затем садится сама. Мы вместе в тишине едем до места ее назначения. Машина останавливается, и Удити протягивает мне свою оранжевую форму и белое сари, аккуратно сложенные. Без единого слова она выходит из машины, унося бензин с собой.

Моя косвенная сопричастность к актам самосожжения в Ананда Марге оставила во мне мощнейший след, и я порой размышляю об этом даже сегодня. Действительно ли я облила бы себя бензином и чиркнула спичкой? Тогда я была абсолютно уверена, что

сделала бы это, если бы Баба дал понять, что хочет этого от меня. В то время, что бы он ни попросил, я бы непременно исполнила. Теперь я ловлю себя на мысли: если бы он попросил меня, например, обвязать тело взрывчаткой и подорвать себя посреди чиновников коммунистического правительства Западной Бенгалии, исполнила бы я его волю? Террористы-смертники ХАМАС убеждены, что за свое мученичество они будут вознаграждены — отправятся в рай, где за ними будут ухаживать черноокие девы. Точно так же и я была убеждена в то время, что, предав себя огню, достигну самадхи — состояния божественного сознания, в котором уже не важно, есть ли у тебя тело, — если бы такова была воля, которую он хотел от меня видеть.

Люди вне движения могли бы испытывать лишь презрение к тому, кто сознательно отправил молодую девушку, едва перешагнувшую двадцатилетний рубеж, на мучительную смерть в огне. Мы видели это иначе. Хотя я не верю, что Баба приказал Удити совершить самосожжение, мы верили, что Баба всеведущ и знал, что замышляет Удити, и были полностью уверены, что ему также ведомо состояние ее души и ее мистическая связь с Божественным. Мы все были убеждены, что Удити находится у самого порога освобождения, и именно поэтому Баба позволил ей сделать то, чего она так жаждала для него. Ее работа на этой земле, говорили мы друг другу, завершилась этим последним, финальным актом преданности, и ее последняя привязанность к этой жизни сгорела в пламени. С этим она достигла мокши, или освобождения, — цели, ради которой мы все трудились и медитировали.

Что касается меня, Баба знал, что я нахожусь совсем не в той «духовной лиге», что Удити. Несмотря на мою готовность пойти на этот шаг, духовно я была к нему совершенно не готова. Мое служение ему лежало в иной плоскости. Это был вопрос послушания его воле; у меня оставалось слишком много кармы, слишком много самскар. Мне еще предстояло поработать.

Именно в это я верила тогда. Сегодня же я просто благодарна за то, что все еще нахожусь здесь.

³¹ *валлах (wallah): человек, отвечающий за что-либо, занятый определенным делом или связанный с конкретной функцией; например, book wallah — книготорговец, или ticket wallah — кассир в билетной кассе.*

Глава 7. Сексизм внутри и снаружи

Никого не прислали на замену Удити, поэтому я осталась в Стамбуле, в квартире, которую арендовали дада. Джагрити располагался в полуподвале здания недалеко от площади Таксим, в самом центре европейской части города, и там в любое время суток стояла темень. Однако низкая арендная плата и удачное расположение с лихвой окупали все недостатки. Прямо через дорогу находилась лавочка, куда мы бегали покупать свежий белый экмек (хлеб) и изредка фету к завтраку. Приветливый лавочник любил проверять мой турецкий всякий раз, когда я к нему заходила.

— Диди, посчитай-ка мне, — говорил он, поднимая пальцы.

— Бир, ики, уч, дёрт, — бормотала я.

Если мне удавалось дойти до он (десяти) без ошибок, он хлопал в ладоши и хохотал: «Чок гюзель³², Диди! Чок гюзель!», а его смуглое лицо расплывалось в широкой улыбке.

Помню, как одним утром я в одиночку отправилась на открытый рынок, чтобы купить моркови, вооружившись несколькими недавно освоенными турецкими словами благодаря лавочнику и паре турецких марги. Маленький и невзрачный, рынок состоял из горстки торговцев, которые разложили свой товар на деревянных помостах и стояли вокруг, покуривая. Я подошла к одному из продавцов овощей, обладавшему такими густыми усами, какие носят очень многие турки. Моркови на виду не было, но я все равно спросила его по-турецки, подумав, что она может лежать в больших мешках рядом с его столом. Мужчина закивал, одновременно издав звук «цк».

«Отлично! У него она есть», — подумала я, стоя в ожидании. Мужчина не сделал ни единого движения в сторону мешков, поэтому я повторила вопрос. Он снова закивал и издал тот же звук, что и раньше. Я ждала. Опять ничего не произошло. «Ну, морковь у него определенно есть, — размышляла я. — Интересно, почему он не хочет мне ее дать. Может, ему иностранцы не нравятся?» Набравшись смеха спросить в третий раз, я произнесла: «Хавуч вар мы?» (Морковь есть?)

— Йок! Хайыр! (Нет! Ни в коем случае!) — закричал он, замахав руками.

Я попятилась, удивленная этой внезапной вспышкой. Сначала он говорит, что у него есть морковь, а потом — что нет. Загадка! Вернувшись в джагрити, я пересказала этот случай Сатишу, молодому маргию, который помогал мне с турецким. Не успела я закончить свой рассказ, как он покотился со смеху.

— Что здесь смешного? — потребовала я ответа.

— Диди, когда турок делает жест, который кажется тебе кивком, и при этом цыкает языком, это означает «Нет» или «Нет, у меня этого нет!»

Он продолжал хохотать. Очередной опыт межкультурного недопонимания! По крайней мере, на этот раз меня не застучали на улице в нижнем белье.

Вместе со мной в стамбульском джагрити жил индийский дада, который был назначен руководителем RAWA — Ассоциации писателей и художников Возрождения, еще одной субструктуры внутри Ананда Марги. РАВА Дада, как мы его называли, был утонченным человеком с тонкими, интеллигентными чертами лица, мягкой улыбкой и еще более мягким характером. Он обожал готовить; и хотя наш рацион состоял преимущественно из белого хлеба и булгура, изредка у нас появлялось достаточно овощей, чтобы он мог сотворить настоящее чудо из тех немногих ингредиентов, что были под рукой. Дада помог мне обустроить подобие комнаты, отгородив занавеской угол большой гостиной, так что жить там было вполне сносно.

Но я знала, что остаюсь у дад лишь временно. Моей целью было снять квартиру для диди и сестер. (Диди и дада в любом случае не должны были жить вместе. Мы шли на это лишь в силу необходимости, когда только прибывали на новое место). Поэтому я откладывала каждую турецкую лиру, какую могла. Некоторые сестры-марги жертвовали деньги; другие средства собирались благодаря занятиям йогой, которые я вела для нескольких состоятельных женщин средних лет.

Когда у меня набралось достаточно денег для оплаты обязательных трех месяцев аренды и я отправилась на поиски жилья, меня сопровождала молодая сестра-марги,

чье духовное имя было Калинди. Она была из еврейской семьи и являлась одной из моих самых преданных учениц, несмотря на яростное сопротивление отца. Калинди порой лгала родителям о том, куда идет, чтобы только попасть на наши программы. (Помню, как однажды отец выследил ее. Он ворвался к нам — приземистый, злой коротышка, напомнивший мне отца Субиры в Египте, — схватил свою густо покрасневшую дочь за руку и выволок за дверь, с грохотом захлопнув ее за собой. В отличие от Субиры, однако, Калинди не испугалась отцовского гнева и упрямо продолжала приходить).

Калинди почти не говорила по-английски, но, к моему счастью, знала французский. Французского, который я учила в школе и колледже, оказалось вполне достаточно. Вместе мы совершили несколько вылазок в поисках квартиры, но все было не то. Жилье неизменно оказывалось либо слишком дорогим, либо слишком маленьким, либо чересчур далеким от центра города. После недель поисков мы наконец наткнулись на вариант, казавшийся идеальным: квартира на четвертом этаже с гостиной, достаточно просторной, чтобы вместить моих учеников. Я уже была готова выложить залог, когда Калинди заговорила.

— Диди, — сказала она, — давай подождем. У меня какое-то странное предчувствие насчет этого места. Что-то здесь не так.

— Да что тут может быть не так? Стоит недорого, и добираться сюда всем будет удобно.

Но Калинди стояла на своем: — Давай немного подождем. Я хочу расспросить местных людей.

Мне безумно хотелось поскорее открыть женский джагрити, и я устала жить с дадами. Но в итоге я уступила, и, как выяснилось, не зря. Оказалось, что дом находился в стамбульском районе красных фонарей, а все остальные квартиры в этом здании занимали проститутки!

Примерно в это же время в Стамбул прибыл новый Секретарь сектора (SS), Дада Санджогананда. Все марги ждали его неделями и были взбудоражены его приездом, так как много о нем слышали. Санджогананда оказался весьма внушительной фигурой. Мощного телосложения, он был высок даже по западным меркам и обладал громоподобным, рокочущим голосом, под стать своим габаритам.

Через несколько дней после его приезда мы с Санджоганандой сели обсудить развитие Ананда Марги в секторе. У нас были джагрити и проекты в Израиле и Стамбуле. Однако в других странах работа продвигалась со скрипом. В Египет после нашей с Нарендрой депортации не поехал ни один работник. Разделение Кипра также создало для нас серьезные трудности. На острове мы практически ничего не добились, если не считать открытия одного крошечного центра в Никосии (или Лефкоше, как называли ее турки) на турецкой стороне. Санджогананда считал, что у Кипра есть потенциал.

— Мне интересно развернуть работу в греческой части, — сказал он. — Нам нужно открыть там джагрити. Мне понадобится твоя помощь, чтобы собрать средства на содержание работника и центра. — Затем он попросил меня отдать ему все имеющиеся у меня деньги. — Ты пока можешь пожить здесь, пока мы не соберем еще средств на ваш женский джагрити, — добавил он.

В качестве исполняющей обязанности Секретаря по женскому благосостоянию сектора я технически находилась на одном уровне с Санджоганандой, если говорить о круге

обязанностей, но секретари сектора, будучи мужчинами, всегда имели больший вес, чем диди на сопоставимых должностях. Да и на тот момент мне не хотелось рассуждать в категориях «диди против дад» или «братья против сестер». Мне хотелось сотрудничать с Дадой; поскольку в греческой части Кипра у нас еще не было центра, я посчитала нужды организации в целом более важными, чем свои собственные. Я решила отдать Даде деньги. Как выяснилось позже, Санджогананда так никогда и не открыл тот джагрити. А вскоре после той встречи я осталась на улице.

Это случилось около восьми часов дождливого осеннего вечера. Я ездила в Измир и, едва добравшись до Стамбула, пришла в джагрити и отперла дверь. РАВА Дада находился в поездке где-то в другом месте, а Санджогананды нигде не было видно. Я вымылась и прошла в зал для медитаций, чтобы сделать садхану. Зажигая свечу и собираясь сесть, я услышала, как открылась входная дверь, и передо мной вырос Санджогананда с нахмуренным лицом.

— Знаешь, ты больше не можешь здесь оставаться, — отрезал он. — Баба сказал, что диди и дада не должны находиться в одном помещении. Это ведет к безнравственности. Тебе придется уйти.

Его, похоже, совершенно не волновало, что мы вынужденно шли на этот компромисс уже много месяцев, — или то, что у меня нет женского джагрити именно потому, что я отдала все свои деньги ему.

— И куда же ты предлагаешь мне пойти, Дада? Уже поздно, на улице дождь, а благодаря тебе у меня нет женского джагрити, куда я могла бы направиться.

Он пожал плечами. — Можешь переночевать у какой-нибудь сестры, — бросил он, разворачиваясь, чтобы идти на кухню. — И оставь ключ. Сюда ты больше не вернешься.

Столь грубое проявление мужского шовинизма в Ананда Марге должно было бы задеть меня сильнее, чем это произошло на самом деле. Хотя я и раньше сталкивалась с подобным отношением в организации, это был первый раз, когда оно ударило непосредственно по мне. Но вместо того чтобы вдаваться в какой-либо анализ, я лишь нашла спасение в своем самом часто повторяемом правиле поведения (том, где говорится о принятии страданий как награды), заново уложила все вещи, которые только что достала, схватила зонт и вышла за дверь. Я понятия не имела, куда идти. Нельзя же просто так без предупреждения завалиться к людям домой: большинство моих учениц были школьницами, все еще жившими с родителями. Я представила, как прихожу к Калинди, звоню в дверь, объясняю ситуацию ее воинственному отцу и вижу, как перед моим носом с грохотом закрывается дверь.

Размышляя, как поступить, я час или два бродила по темным улицам, то и дело оглядываясь через плечо. Стамбул был не тем местом, где стоит разгуливать в одиночку по ночам! В конце концов я направилась к дому одной знакомой пожилой женщины — она не была марги, но сочувствовала нам. Она приютила меня на несколько дней. Затем я стала обзванивать остальных, оставаясь то тут, то там на день-два, пока занятия и группы в других городах не увлекли меня за собой.

Женского джагрити мы так и не получили. Месяцами позже, когда мне нужно было проводить занятия или посвящения в Стамбуле, я останавливалась у Сатиша и его пожилой матери. Мне выделили место в их тесной квартирке рядом с массивным

старинным комодом в тускло освещенной комнате. Там было ровно столько пространства, чтобы спать, делать йогические позы и медитировать.

Примерно через год после того, как меня выставили из джагрити, в Стамбул прибыла филиппинская диди по имени Шиваприя. (Я встречалась с ней раньше. Она была первой диди, направленной на служение в Соединенные Штаты, и дала мне мой пятый урок прямо перед моим отъездом на обучение). Мы объединили наши скудные ресурсы и сняли маленькое жилье далеко от центра города. Это была еще одна полуподвальная квартира, даже более мрачная, чем у дад. Неотапливаемая и ледяная зимой, она была настолько сырой, что круглый год с ее стен капала влага. Мы не могли проводить уроки йоги или медитации в таком месте и использовали его исключительно для сна и еды. Из-за холода оно едва ли подходило даже для этого. Вставать посреди ночи, чтобы сходить в туалет, было настолько неприятно, что мы изо всех сил старались этого не делать.

Жизнь в этой ужасной квартире гарантировала, что я не забуду поступок Санджогананды. Зная, что это человек, которому нельзя доверять и который использует людей в собственных интересах, я была уверена, что найду способ поквитаться. «Однажды, — думала я, — я поймаю его на чем-то вопиющем — и доложу на него».

Вскоре мне представился такой шанс. Сатиш как-то вернулся из поездки в Анкару и сказал:

— Диди, помнишь Акашу? Он открыл йога-центр в Анкаре.

(Я-то уж точно помнила Акашу. Это был молодой филиппинский дада, который работал с нами в Стамбуле, но покинул организацию, потому что вступил в отношения с турецкой женщиной. Она была учителем йоги, старше Дады, и в ней сквозила какая-то особая таинственность. Дада Читананда, бывший первым Секретарем сектора, пытался убедить Акашу разорвать эти отношения. Добрый человек, Читананда дал Акаше немного времени на размышления, но тот отказался. Настал день, когда у Читананды не осталось выбора, кроме как объявить ему, что тот должен снять форму и больше не может считаться ачарьей. Я находилась в другой комнате, когда это произошло. Услышав крики, я вбежала внутрь и застала Акашу с поднятыми кулаками. «Да кто ты такой, по-твоему? — орал он на Читананду. — Ты не имеешь права указывать мне, что делать». Затем он замахнулся на гораздо более старого Читананду и ударил его, схватил чемодан, бросил туда кое-какие вещи и ушел).

— Я видел там Даду Санджогананду, — продолжал Сатиш, — прямо в йога-центре Акаши. Акаша снова носит форму, и люди зовут его «Дада». Он рассказал мне, что Дада Санджогананда дал ему разрешение.

Санджогананда, судя по всему, отправился в Анкару, чтобы организовать там занятия и провести несколько посвящений. В итоге он встретил Акашу — просто случайно увидел его сидящим на скамейке в парке или вроде того, — и, поскольку ему негде было остановиться, переехал к нему.

От слов Сатиша меня наполнило ликование. Это было как раз то, чего я ждала! Санджогананда — не имея на то никаких официальных полномочий — позволял бывшему ачарье действовать в качестве действующего сотрудника с хорошей репутацией только ради того, чтобы самому иметь крышу над головой. Это было худшим проявлением лицемерия, серьезнейшим нарушением дисциплины ачарьев по любым меркам, и я собиралась доложить об этом в Центральный офис.

Я тщательно составила письмо Генеральному секретарю, затем отправилась на почту и отправила его, будучи уверенной в его взрывном эффекте, как только оно до него дойдет. Никакого официального подтверждения от Генерального секретаря или Центрального офиса о том, что мое письмо получено, я так и не дождалась. Однако при следующей встрече я услышала об этом от самого Санджогананды.

— Как ты посмела написать Генеральному секретарю и пожаловаться на меня! — взревел он. Он поклялся преподать мне урок, который я нескоро забуду.

Я не испугалась. «Посмотрим», — подумала я.

На протяжении всего моего пребывания в Ананда Марге изредка случались вещи, которые оставляли меня разочарованной и подавленной, сталкивали меня с реальностью того мира, который я пыталась изменить, и порой заставляли задуматься, стоит ли оно того. Встреча с такой личностью, как Санджогананда, внутри организации была одним из таких моментов. Знакомство с историями двух женщин, Несрин и Натали, — другим.

Я узнала Несрин, когда провела некоторое время в маленьком центре, который у нас был недалеко от города Лефкоша в турецкой части Кипра. В этой крошечной деревушке из горстки небольших каменных и бетонных домов не росло почти ничего, кроме сорняков на бесплодной, выжженной солнцем земле. Я преподавала английский детям после их возвращения из школы, а для женщин проводила занятия по йоге и здоровью.

Посещаемость наших еженедельных медитаций была скудной, но имелось несколько постоянных участниц, включая Несрин. Подтянутая, энергичная, с короткими темными волосами, она каждую неделю приходила раньше всех и часто уходила последней. Несрин была прекрасной ученицей и с видом глубокой концентрации задавала глубокие, пронизательные вопросы. В отличие от других местных женщин, у нее была работа, она прекрасно говорила по-английски и казалась совершенно независимой.

Как-то вечером после медитации Несрин была подавленной и выглядела напряженной. Когда остальные женщины ушли, я приготовила травяной чай. Она молча сидела, пока я несла дымящиеся кружки к столу. Несколько минут мы тихо пили чай вместе.

— Диди, это, наверное, моя последняя неделя здесь.

Я удивленно подняла глаза, а она продолжала: — Не думаю, что смогу больше приходить. Мой муж возвращается.

В комнату словно ворвалось какое-то темное, угрожающее присутствие. Я вдруг вспомнила Египет, Субиру и ее возвращающегося отца.

— Видишь ли, мой муж никогда бы не разрешил мне сюда ходить, — сказала Несрин. — Я могла делать это только потому, что он был в отъезде по делам. Он вернется через четыре дня.

Еще один мусульманин, возвращающийся из деловой поездки, — подумала я со вздохом. Я протянула руку и слегка коснулась ее плеча.

— Ты же знаешь, мы будем скучать по тебе. Но ты, по крайней мере, можешь практиковать дома. Может, твой муж снова уедет в поездку, и тогда ты сможешь вернуться.

Несрин глубоко вздохнула. — Диди, муж бьет меня... и мою дочь. Она в ужасе и не может спать, зная, что он возвращается.

У меня упало сердце. Из опыта я знала, что некоторые мусульмане бьют своих жен. В своих путешествиях я встречала много прекрасных мусульман, которые вели себя достойно, в истинном духе своей веры. Но не все! Идя по улицам Стамбула, например, я порой слышала звуки побоев и плач женщин. Я знала, что у большинства женщин в положении Несрин выбор был невелик или отсутствовал вовсе. У них не было собственных денег, средств к существованию, возможности устроиться на работу. Но у Несрин все это было.

— Несрин, почему ты не уйдешь от него? Ведь у тебя есть работа.

Она покачала головой и отвернулась. Я ждала, пока она поднимет кружку и сделает глоток.

— Не могу, — наконец произнесла она. — Все отвернутся от меня. В моей общине нет разводов, нет женщин, живущих самостоятельно с детьми. Я могу потерять работу. И мне некуда идти. Никто не предоставит мне жилье.

Она, вероятно, и раньше думала о том, чтобы уйти от него, проводя немало бессонных ночей, ворочаясь в постели, прокручивая эту перспективу в голове снова и снова, пытаясь найти выход и не находя его.

Я лихорадочно соображала, что могу сделать. «Ты можешь прийти и пожить у меня», — хотела сказать я. Но я понимала, что это станет лишь самым временным решением. Я не собиралась оставаться в Лефкоше надолго. Что произойдет с ней после моего отъезда? Я чувствовала себя абсолютно бессильной.

— Мне так жаль, — сказала я.

— Не стоит. Просто так устроено наше общество.

Мы допили чай в тишине. Поднимаясь, чтобы уйти, она произнесла: — Это был такой прекрасный опыт — приходить сюда каждую неделю. Я хочу поблагодарить тебя за все твоё время, Диди.

Ее голос сорвался. Мы обнялись — долго и крепко. Я почувствовала, как защипало в глазах. Моя лучшая и самая преданная ученица...

— Должно же быть что-то, что я могу сделать, — поймала я себя на этих словах, хотя и знала, что ничего сделать нельзя.

— Ты ничего не можешь сделать. Я постараюсь практиковать дома.

Мы снова обнялись, и она ушла. Прислонившись к двери, я смотрела ей вслед, а из глаз катились слезы. Она повернулась и помахала рукой, прежде чем скрыться за углом.

Несколько дней после этого я ловила себя на надежде вопреки всему, что она вернется; что умная и способная Несрин переступит порог и скажет: «Кто-то должен подняться и сделать что-то, чтобы изменить положение вещей. Я решила уйти от него». Поступив так, она стала бы первопроходцем, в котором так отчаянно нуждалось ее общество. Но мои желания были тщетными. Понимая, что не могу до конца осознать те трудности, с

которыми она столкнулась бы, решилась она на подобный шаг, я оставалась лишь посторонним наблюдателем, гостьей из другого мира.

Я больше никогда не видела Несрин.

Ситуация Натали была похожей, несмотря на то, что она была американкой. Высокая, блондинка, привлекательная, она жила со своим мужем-иранцем и двумя маленькими детьми в Тегеране. Я иногда останавливалась в ее свободной спальне, когда бывала в городе. (В таких местах, как Тегеран, где у нас не было йога-центра, я обычно проводила занятия и медитации на дому у учеников. Натали была одной из тех, кто регулярно ходил на мои занятия в просторную квартиру одной швейцарки, приехавшей в Иран по дипломатической линии).

Муж был бизнесменом, часто бывал в разъездах и, судя по всему, дела у него шли в гору: кухня Натали была больше многих своих аналогов в Штатах и была оборудована не только огромным холодильником, но и посудомоечной машиной и кухонным комбайном.

Во время вечерних разговоров на кухне она признавалась, что муж не одобряет ее занятия йогой. «Ему не нравится, когда я выхожу из дома, — говорила она. — Он обвиняет меня в том, что я хожу на групповые оргии, когда я говорю ему, что иду на занятия по йоге».

Как-то днем, когда я пришла к ней домой, Натали встретила меня, но выглядела не так, как обычно. Под глазами у нее залегли тени, и она казалась больной. «Все в порядке, — ответила она на мой вопрос. — Просто немного устала, вот и все. Ты голодна?» — спросила она, увлекая меня на кухню. Казалось, ей не хотелось говорить о том, что ее беспокоит, пока мы сидели за чашкой чая и легким перекусом, и я не стала настаивать.

В тот вечер, уложив детей спать, Натали присоединилась ко мне для урока медитации. Мы устроились: я села, скрестив ноги на своем сложенном одеяле, а Натали села, подложив подушку для поддержки. Я дала ей второй урок, и мы погрузились в медитацию. И вдруг мы слышали крики.

— Натали! Натали, где ты? — это был ее муж, и голос его звучал разъяренно. Я растерялась. Когда это он успел вернуться домой? — Иди сюда немедленно! — кричал он.

Мы с Натали обменялись испуганными взглядами. Ни слова не говоря, она поднялась и вышла. После зловещей тишины я услышала новые крики, за которыми последовали шлепки и глухие удары. За криком Натали «Пожалуйста, не надо!» последовали новые звуки ударов. Я легла на пол и зажала уши руками.

Что мне делать? — думала я, дрожа всем телом. — Пойти туда и сказать ему, чтобы он прекратил? Нет, это только ухудшит ситуацию. Он наверняка вышвырнет меня вон, предварительно избив и меня тоже. Если я просто останусь здесь, уверяла я себя, возможно, он вспомнит, что в доме гость, и не станет причинять ей серьезного вреда. Поэтому я оставалась на месте, наполовину ожидая, что покончив с Натали, он примется за меня.

На следующее утро, после бессонной ночи, я спустилась на кухню; Натали сидела за столом, вокруг ее глаз и рта запеклись синяки, а на лбу наливался фиолетовым цветом

большой кровоподтек. Я была потрясена ее состоянием. Какие еще ушибы были там, где я не могла их видеть?

— Мне жаль, Диди, но я больше не могу заниматься медитацией, — прошептала она.

— Натали, ты как? Мне так жаль! Я чувствую, что во всем этом моя вина! Мне не следовало здесь оставаться.

— Ничего серьезного. Все болит, только и всего, — произнесла она. Она глубоко вздохнула, а затем добавила: — Диди, я не знала, насколько он зол. Должна была знать. Твоей вины тут нет.

Мне было непонятно, почему она не уйдет от него. В конце концов, она ведь американка. Разве она не могла просто взять детей, уехать в Штаты и пожить у родственников, пока не встанет на ноги? Что заставляло ее оставаться с таким человеком или внушало мысль, что она обязана это делать? Был ли это страх перед тем, что он сделает, если узнает о ее попытке уйти? Как бы то ни было, это было не мое дело.

Я аккуратно обняла ее, стараясь не задеть больные места. Затем, сдерживая слезы, я вернулась в свою комнату, свернула спальный мешок, собрала вещи и ушла.

³² Чок гюзель (Çok güzel): Очень красиво! Очень хорошо!

Глава 8. Иран: ускользя от тайной полиции

Вскоре после случая с Натали ситуация в Иране начала ухудшаться. Работники Каирского сектора годами въезжали в страну и выезжали из нее, по большей части следуя транзитом по пути в Индию или обратно. Однако развернуть там серьезную деятельность было трудно из-за шаха. Люди с трудом шли на доверие. Они с интересом учились йоге и медитации, но стоило разговору коснуться других тем, особенно политических, как они тут же умолкали. (Говорить о шахе, разумеется, было чрезвычайно опасно: людей забирали в полицию даже за самую мягкую критику, и они исчезали бесследно). В конце концов, дадам все же удалось собрать достаточно поддержки, чтобы открыть в Тегеране небольшой центр, которым руководил Дада Мохан.

Как-то зимой в конце семидесятых я возвращалась в Стамбул вместе с американским дадой по имени Равиндра и еще одной диди. В Тегеран мы прибыли рано утром. Помимо того, что мы были уставшими, голодными и грязными (наше привычное состояние), мы еще и жутко замерзли. До этого мы находились в Калькутте, где даже в январе днем стояло тепло. В спешке перед отъездом мы мало задумывались о том, какая погода может быть в Тегеране, и прилетели в сандалиях. И теперь, пока мы торопливо шли по улице, ледяной ветер нещадно обжигал наши голые ступни. Нам не терпилось добраться до джагрити; мы предвкушали, как примем ванну, переоденемся и съедим что-нибудь горячее. В наших планах было передохнуть несколько дней, взять у Мохана деньги на автобусные билеты и продолжить путь до Стамбула.

Но все пошло совсем не так, как замышлялось. Добравшись до джагрити, мы обнаружили, что дверь заперта, а на стене висит объявление:

«ЭТОТ ЦЕНТР ЗАКРЫТ. ВСЕМ ПРИБЫВАЮЩИМ СЮДА НЕОБХОДИМО ЯВИТЬСЯ К ИРАНСКИМ ВЛАСТЯМ». Ниже прилагались телефон и адрес.

У нас не было ни малейшего намерения следовать этим указаниям, которые наверняка оставили сотрудники САВАК — жестокой тайной полиции шаха. Вместо этого мы отправились на поиски хозяина дома, жившего в том же здании. Он приоткрыл дверь и шепотом рассказал, как несколько недель назад внезапно нагрянули власти, схватили Мохана (того самого даду, которого незадолго до этого задерживали в Египте за фотосъемку) и опечатали здание.

— Вы что-нибудь знаете о Мохане? — спросила я. — Где его держат и все ли с ним в порядке?

Домовладелец покачал головой: — Нет, с того самого дня я ничего не слышал. — Затем он испуганно огляделся через наши плечи в сторону улицы. — Вам нужно уходить, прямо сейчас, — прошептал он. — Если кто-нибудь увидит, что я с вами разговариваю, меня могут арестовать.

Пошел снег, и нам требовалось срочно найти какое-то укрытие, поскольку ни у кого из нас не было теплой одежды. Единственным теплым, что у нас имелось, были одеяла. Мы закутались в них и направились к железнодорожному вокзалу. «Это должно быть безопасное место, где можно переждать, пока мы не решим, что делать», — произнес Равиндра. Пока мы шли, на нас бросали недоуменные взгляды. Равиндра был высоким, худым и бородатым; в своих сандалиях и с наброшенным на плечи одеялом посреди кружащихся хлопьев снега он напоминал Христа.

Оказавшись на вокзале, мы собрали наши скудные гроши и купили немного хлеба.

— У меня есть номер одного сочувствующего, — сказал Равиндра, — доктора Мосташари. Попробую ему дозвониться.

Я была знакома с доктором Мосташари. Это был интеллектualan, прогрессивный мыслитель, который надеялся, что Иран вскоре избавится от шаха и обретет демократически избранное правительство.

Равиндры не было довольно долго. Я уже начала лихорадочно соображать, кому еще мы могли бы позвонить (точно не Натали, да и в отношении швейцарского дипломата я была почти уверена, что она уехала в отпуск), когда он вернулся с хорошими новостями.

— Доктор Мосташари пригласил нас пожить у него. Он пришлет машину. Но нам нужно быть предельно осторожными. Он сказал, что полиция шаха за ним следит.

Мы прождали на вокзале до позднего вечера. Затем, под покровом темноты, нас быстро доставили в дом доктора Мосташари. Он и его жена радушно встретили нас. В этот раз я приняла горячую ванну, хотя как диди была обязана мыться только холодной водой. «Мне просто необходимо смыть всю дорожную грязь», — оправдывалась я перед собой и своим духовным суперэго.

Когда мы сели за наш первый горячий ужин за последние дни, доктор Мосташари рассказал нам о ситуации в стране.

— Сейчас разворачивается настоящее движение за свержение шаха, — поделился он. — Многие из нас надеются, что перемены наступят скоро. Но нам приходится быть такими осторожными! Полиция очень бдительна. У меня есть друзья, которых уже арестовали. — Затем он строго посмотрел на нас: — Вам нельзя выходить на улицу. Никто не должен видеть, как вы приходите или уходите, это очень опасно.

Нам запрещалось даже смотреть в окна.

Через несколько дней доктор Мосташари дал нам денег, чтобы мы могли добраться до Стамбула. Мы были бесконечно благодарны за всю ту помощь, которую он нам оказал, пусть даже подвергая колоссальному риску себя и свою семью.

— Мы не знаем, что бы мы делали, если бы вы не помогли нам, — сказала я прямо перед нашим отъездом.

Он лишь отмахнулся от моих слов: — Пустяки. Главное — доберитесь благополучно.

До Стамбула мы добрались без происшествий, а вот Мохану повезло меньше. Иранские власти продержали его под стражей очень долго. Когда спустя месяцы тюремного заключения его наконец выпустили, его довели до турецкой границы и там высадили. Из-за отсутствия денег ему пришлось добираться автостопом, и в один прекрасный день он появился на пороге стамбульского джагрити — грязный и истощенный, но живой. Нашей радости не было предела. Все это время мы ничего не знали и боялись самого худшего.

Когда в конце лета 1978 года я прибыла в Тегеран в самый последний раз, там уже горели банки, а по улицам маршировали толпы людей³³. Уворачиваясь от пожаров и манифестаций, я умудрилась добраться до дома швейцарского дипломата. Ее квартира на пятом этаже обеспечивала отличный обзор улиц и демонстраций. Как-то раз на марш вышла целая толпа школьников, выкрикивавших антишахские лозунги.

— Это поразительно, — сказала я ей. — Когда я была здесь в прошлый раз, большинство людей боялись заикнуться против шаха, а теперь даже школьники выходят на улицы!

— Да, — согласилась она. — Кто бы мог подумать, что такое возможно?

Я приехала в Тегеран по пути в Индию, планируя получить новый паспорт. Я подозревала, что нахожусь в Индии в черном списке, поскольку у властей осталось мое имя после визитов к Бабе. Я надеялась, что новый паспорт, чистый от старых визовых штампов, позволит мне въехать в страну без каких-либо проблем.

В день, когда я отправилась в американское посольство, там собралась агрессивного вида толпа молодых иранцев: одни сидели на ступенях, другие слонялись вокруг. Я подошла к доброжелательному на вид пожилому мужчине, который стоял чуть поодаль и наблюдал за происходящим. Я спросила у него, что происходит.

— Я не уверен, но эти парни явно замышляют недоброе, — ответил он.

— Я американка, — призналась я ему. — Думаю зайти внутрь, чтобы оформить новый паспорт.

— На вашем месте я бы этого не делал, — посоветовал он. — Сейчас в Иране сильны антиамериканские настроения. Вам лучше уехать.

Я последовала его совету. Так и не получив нового паспорта, я отправилась в Индию (сумев въехать через пограничный пункт, где у них, скорее всего, просто не было списков нежелательных лиц). Чуть более года спустя американское посольство в Тегеране было захвачено, а сотрудники взяты в заложники — возможно, теми самыми злыми молодыми людьми, которых я видела рыщущими вокруг.

О докторе Мосташари мы больше никогда ничего не слышали. Впрочем, я часто о нем думала. Я до сих пор благодарна за то, как он помог нам, рискуя собственной семьей. Что было бы с нами, если бы не он? Должно быть, он был глубоко разочарован тем, как в итоге все обернулось для его страны. Аятолла Хомейни и его приспешники явно не были теми демократически избранными лидерами, о которых он грезил все те годы назад.

³³ В период с октября 1977 по сентябрь 1978 года антишахские протесты переросли из еженедельных в ежедневные события. Кульминацией протестов стала демонстрация с участием около двух миллионов человек в Тегеране 7 сентября 1978 года, ставшая одной из крупнейших демонстраций в истории. В ответ шах ввел военное положение, и его войска уничтожили более двух тысяч демонстрантов.

Глава 9. Как я упустила свой шанс прославиться в Ананда Марге (или: Младенец, который явился, чтобы преследовать меня)

Летом 1978 года наконец произошло событие, которого каждый марги ждал и о котором молился: Баба вышел из тюрьмы. Его освобождение попало на первые полосы всех крупных индийских газет, а также освещалось прессой по всему земному шару. Заголовок в Washington Post гласил: «Лидер индийской секты освобожден из тюрьмы под залог»³⁴. В своей статье New York Times преподнесла это следующим образом:

НЬЮ-ДЕЛИ, 2 августа. — Прабхат Ранджан Саркар, бывший железнодорожный служащий, возглавляющий неоднозначную и таинственную индийскую религиозную секту, был освобожден сегодня под залог после почти семилетнего тюремного заключения по обвинению в убийстве нескольких своих последователей.

58-летний г-н Саркар, лидер всемирно известного общества йоги «Ананда Марга», был вынесен из тюрьмы в Патне, столице восточного штата Бихар, на стуле и усажен в автомобиль, откуда он возглавил красочную процессию из нескольких сотен последователей. Г-н Саркар, почитаемый членами секты как Ананд Мурти, или «воплощение блаженства», как сообщается, ослаб во время голодовки в тюрьме³⁵.

Теперь, когда Баба оказался на свободе, у марги вскоре появились возможности его увидеть. Не заставило себя ждать время, когда толпы людей начали стекаться в Ананда Нагар — огромный участок земли, принадлежащий Ананда Марге в сельской местности Западной Бенгалии, а также в другие места для проведения Дхарма Маха Чакр, или DMC.

Это были величайшие собрания Ананда марги. Их посещали тысячи людей, включая преданных со всего мира. На DMC Баба обычно давал несколько даршанов³⁶, причем самый последний — официальная лекция DMC, проходившая вечером в заключительный день, — был наиболее важным. В завершение лекции DMC Баба выполнял Варабхая Мудру — жест рукой, который, как считалось, даровал благословение его преданным, унося их страдания и страхи. марги впадали в экстаз, падали, смеялись, кричали или плакали. Известно, что многие погружались в глубокие состояния самадхи.

Первая DMC после освобождения Бабы проходила в Мадрасе. Я добралась туда как раз вовремя, прибыв после очередного изнурительного путешествия по суше из Стамбула всего за несколько часов до начала лекции DMC.

После того как эта DMC завершилась, я отправилась в Калькутту, где начала переписывать дневник старшего ачарьи. Я была первой западной диди, которой доверили переписать этот дневник, и мне сказали, что я буду сдавать экзамен по его содержанию, после чего получу право стать авадхутикой. Авадхутики (женщины) и авадхуты давали особые обеты и получали от Бабы новое имя. Как упоминалось ранее, они практиковали более продвинутый вид медитации и, в отличие от ачарьев, носили полностью оранжевую одежду. Если бы я сдала экзамен по дневнику старшего ачарьи и стала авадхутикой, я бы удостоилась чести стать первой западной диди, получившей оранжевое сари и пояс взамен моих белых.

После нескольких недель непрерывной работы я закончила переписывать дневник как раз вовремя, чтобы отправиться на следующую DMC Бабы в Патну. Баба давал там серию лекций, и мне посчастливилось часто сидеть рядом с ним. Я также пыталась готовиться к предстоящему экзамену на старшего ачарью, но это оказалось мучительно трудно, поскольку я делила комнату с другими людьми, приехавшими повидать Бабу, — большой группой детей из одного из наших приютов. Оказалось практически невозможно заглушить гомон их высоких голосов. У меня не возникало проблем с медитацией при шуме, но учеба — совсем другое дело.

Слишком быстро настал день отъезда Бабы. Он улетал из аэропорта Патны, поэтому тем утром еще до рассвета я отправилась в аэропорт вместе с Диди Вишакой. Часть пути мы прошли пешком, а затем поймали рикшу. Ранним утром все было тихо. Единственным звуком был скрип кожаного сиденья, пока рикша-валлах размеренно крутил педали. Я смотрела на поля, все еще окутанные туманом, вдыхала поднимающийся от земли запах коровьего навоза, и меня наполнял покой. Вокруг почти никого не было — маленькое чудо в стране, где почти все поднимались ни свет ни заря.

Оказавшись в аэропорту, мы сразу прошли в зал вылета, где несколько марги готовили место, где будет сидеть Баба. Мы с Вишакой сели совсем рядом с тем местом, где должен был находиться Баба, и переглянулись с улыбкой. Ранний подъем себя полностью оправдал! Время до прибытия Бабы мы проведем в медитации. Пока я устраивалась, мне на ум пришел экзамен на старшего ачарью. Мне предстояло сдавать его на следующий день, а учить нужно было еще очень много. Дети уезжали во второй половине дня, так что наконец-то наступит тишина. Но сейчас мне не хотелось думать о тесте. Я просто собиралась насладиться временем, проведенным с Бабой.

Пока я медитировала, послышался шум шагов — марги приветствовали друг друга, протискиваясь в зал. Наверняка собралась огромная толпа. Я открыла глаза и увидела преданных всех возрастов: младенцев, укутанных в одеяла на коленях у матерей,

малышей, детей с тщательно смазанными маслом и причесанными черными волосами, женщин в ярких сари, мужчин в традиционных куртах и дхоти, и других в одежде западного стиля — брюках и рубашках с коротким рукавом. Самые старые преданные, которые были с Бабой с самого начала, ссутулившись, шли с тростями. Женщина, узнавшая Вишаку, подошла к ней с грудным ребенком и попросила поддержать младенца, так как хотела немного помедитировать до прихода Бабы. Диди с радостью согласилась, взяв малыша к себе на колени.

Вернувшись к медитации, я обнаружила, что погружаюсь в глубочайшее состояние. Бывают моменты, когда медитация словно происходит сама собой, когда ты закрываешь глаза и без всяких усилий проваливаешься в глубокое созерцание. Это был один из таких моментов, и я наполнилась глубокой безмятежностью и всепроникающим чувством блаженства.

Раздался всплеск оживления: люди вокруг меня зашевелились, возникло то назлектризованное чувство восторга, которое всегда проносилось по пространству, когда прибывал Баба. Я открыла глаза — и вот он, делает намаскар, смотрит прямо на меня и улыбается.

— Как поживаешь? — спросил он.

Сквозь меня прошел мощный заряд энергии.

— Хорошо, Баба, — ответила я.

Баба устроился в мягком кресле, которое принесли для него, и осмотрелся вокруг, улыбаясь и кивая каждому. Группы марги начали петь преданные песни. Баба закрыл глаза и слушал.

Я возобновила медитацию, мгновенно погрузившись еще глубже, чем прежде. «Баба, — поймала я себя на мысли, — завтра я сдаю экзамен, и если на то будет твоя воля, я стану авадхутикой. Я хочу принадлежать тебе полностью». Я снова открыла глаза и не поверила увиденному — ведь Баба опять смотрел прямо на меня, лучась своей нежной улыбкой и кивая!

Очередная волна блаженства пронзила меня. Сколько это продолжалось, я понятия не имею, но знаю точно: это был один из самых глубоких опытов близости к Гуру, которые я когда-либо переживала.

Пришло время Бабе садиться на самолет. Когда несколько дад провожали его на летное поле, люди прижались к заграждению, надеясь хоть в последний раз взглянуть на него. Баба поднялся по трапу в самолет, повернулся и сложил ладони в намаскар, поднеся их сначала к точке между глаз, а затем опустив к груди. Толпа выкрикнула «Баба!» словно в один голос, полный тоски. Я стояла, наблюдая, как самолет вырывается на взлетно-посадочную полосу и взлетает, а по моему лицу катились слезы.

На следующее утро я поднялась непривычно рано. Помедитировав, я с головой ушла в учебу, наслаждаясь тишиной; дети вместе со своей диди уехали. У меня была назначена утренняя встреча с дадой, который должен был принимать у меня экзамен, — тем самым, который вел занятия в Калькутте до того, как я стала ачарьей. Мы договорились встретиться в девять часов.

Я была глубоко погружена в дневник, легко усваивая информацию, когда подошло назначенное время. «Ну, в Индии никогда ничего не происходит вовремя», — подумала я

и продолжила заниматься. Когда я в следующий раз взглянула на часы, было уже полдесятого. «Дада, наверное, завтракает, — решила я, — но надо бы сходить туда на всякий случай». Я собрала свои вещи и быстро пошла к месту встречи — туда, где Баба давал свои даршаны во время программы DMC.

Когда я приблизилась к площадке, она встретила меня опустевшим и сиротливым видом. В душу закралось смутное предчувствие беды. Что-то было не так. Всего несколько дней назад здесь кипела жизнь. Помимо толп людей, тут стояли палатки, разносился умопомрачительный аромат чапати и карри, готовящихся на уличных печках, а дети перекликались друг с другом. Теперь все исчезло. Я почувствовала, как к горлу подкатывает тошнота, которая только усилилась, когда я осмотрелась. Я заметила одного из немногих оставшихся марги, который собирал вещи, и подошла к нему.

— Дада³⁷, — спросила я, — ты не видел Даду Девешананду?

— Да, Диди. Он только что ушел.

У меня все внутри оборвалось.

— Ушел? Что значит ушел? Куда он делся?

— Он пошел на паром, — ответил мужчина. — Возвращается в Непал.

Я застыла в ошеломленном молчании, пытаюсь осознать смысл его слов. Возвращается в Непал? Как такое возможно? Меня начала охватывать паника. Я выбежала на дорогу, поймала рикшу и велела водителю гнать к паромной переправе. Мы неслись сломя голову, деревенские пейзажи и мои мысли проносились мимо в одном сплошном тумане. «Я не верю, что это происходит! Не то чтобы я сильно опоздала, всего чуть-чуть... Но в Индии все опаздывают! Неужели он забыл, что я должна сдавать экзамен?» Мы добрались до пристани. Никакого парома не было. Место было безлюдным, и Дада уехал.

Я поехала обратно на той же рикше. Прилив адреналина, который поддерживал меня, иссяк, оставив меня обессиленной и голодной. И, что еще хуже, это был день поста. Мне предстояло сесть на поезд до Калькутты в тот же вечер, и я не представляла, как выдержу. «Не думаю, что смогу сегодня поститься», — подумала я. (Наши дни поста означали полный отказ от еды и воды почти на тридцать шесть часов. Мы начинали после ужина накануне, постились весь день и заканчивали завтраком на следующее утро). Я пошла на рынок, купила фруктов, дахи и крекеров; потащила в свою пустую комнату и съела свой одинокий обед.

В Калькутту я прибыла на следующее утро совершенно вымотанной. И от этого никуда было не деться: сегодня мне придется поститься. Из-за сборов, покупки билета и дороги на поезд я даже не успела нормально поесть. Выбора насчет поста у нас не было. Это было одно из правил поведения. Мы обязаны были поститься четыре раза в месяц. Если ты не хотел, нужно было получать официальное разрешение, а давалось оно только в случае болезни. Я не была больна, по крайней мере физически, так что выбора у меня не оставалось. «Надо было поститься вчера», — корила я себя, пока тряслась в моторикше по пути к комплексу диди в Тилджале, южном пригороде Калькутты. (Пока я думала об этом, мне приходилось утыкаться носом во флакон с бальзамом «Тигр», чтобы спастись от вони, исходившей от огромной горы мусора, которую нам приходилось проезжать по дороге в наш калькуттский комплекс и обратно. Казалось бы, еда должна была быть последним, о чем я думала в тот момент! Проезжая мимо, я

заметила на этой горе людей — в основном детей, — которые копались в отходах в надежде спасти хоть что-то, что можно было использовать или продать).

Добравшись до комплекса диди, я расплатилась с рикшей-валлахом и обошла шелудивых собак, исследовавших близлежащую мусорную кучу. (Во многих районах Индии мусор не вывозился, и люди просто выбрасывали его из окна или складывали у двери. Как ни постыдно, возможно, но мы, диди, поступали точно так же). Я дотащила сумку до больших железных ворот и постучала. Когда они наконец открылись, я кивнула охраннику, перетащила сумку через порог и вошла в здание.

Меня встретил аромат чапати и сабджи. Мимо прошли несколько диди с мисками дахи. Все они постились вчера и теперь собирались завтракать. Все, кроме меня.

Как раз в этот момент меня заметила Ананда Крипа.

— Малати, ты уже видела Тетю? — на ее лице было странное выражение, словно она пыталась что-то прочесть на моем.

— Нет.

— Значит, ты еще не слышала?

— Не слышала что?

— Сходи к Тете. Она тебе расскажет.

«Тетей» мы называли Ананда Бхакти — самую старую авадохутику в организации. Совершенно заинтригованная словами Ананды Крипы, я зашла в комнату Тети и сделала намаскар. Как она обычно и поступала, когда к ней кто-то приходил, Тетя попросила меня присесть на ее раскладушку. Но ее привычной открытости и ласки не было и в помине; меня не встретил даже намек на улыбку. «Да что, в самом деле, происходит?» — подумала я.

— Малати, это ты вчера держала ребенка в аэропорту? — спросила Тетя. — Баба был в ярости. Он сказал: «Санньясини³⁸ держит ребенка! Чи, чи, чи!»³⁹ Она сидела так близко ко мне, что могла коснуться моей ноги! Зачем она держала ребенка? Ведь его мать была там!»

Прежде чем я успела что-то сказать, Тетя продолжила:

— А потом Баба добавил: «Ей нельзя разрешать сдавать экзамен на старшего ачарью. Ей нельзя позволять становиться авадохутикой!»

— Тетя, это была не я. Это была Вишака.

На ее лице отразился шок. Между нами повисла минута тишины.

— Ты уверена? — наконец произнесла она, сузив глаза за бифокальными стеклами и пристально глядя на меня. — Все подумали, что это ты.

— Да, Тетя, я уверена. Ребенка держала Вишака, а я все это время сидела рядом с ней. Может, поэтому нас и перепутали. Кто сказал, что это я? (По какой-то причине я почувствовала вину, словно действительно держала того младенца. Но эту вину я на себя брать не собиралась!)

— Недалеко от вас сидел один дада, который доложил, что ты держала ребенка все то время, пока там находился Баба, — ответила Тетя. — Что ж, я уверена, что мы сможем это прояснить, — продолжила она. — А теперь иди прими ванну, поешь⁴⁰, и сегодня утром мы отправимся в резиденцию Бабы. Лучше уладить это незамедлительно.

С этими словами Тетя выставила меня из комнаты, к ней вернулась ее привычная манера общения. Ванну-то я приму, но, к глубокому сожалению, поесть мне не придется!

Несколько часов спустя, когда мы пришли в резиденцию Бабы, Тетя подошла к Канакананде — новому личному помощнику Бабы (мощного вида мужчине, который напоминал мне боксера, потому что его нос выглядел так, словно его сломали на ринге), — и к некоторым другим старшим дадам, чтобы рассказать им о путанице. Я стояла в стороне, пока они совещались; дада время от времени посматривали на меня с недоумением на лицах.

— Они обещали передать Бабе, — сообщила мне Тетя после разговора. — Я также пытаюсь добиться встречи с Бабой. Посмотрим.

Но этому не суждено было случиться. Экзамен на старшего ачарью я так и не сдала. Я не особо этому удивилась. В конце концов, дада, скорее всего, так и не сообщили Бабе, что ребенка держала не я, а тот факт, что он сам произнес: «Ей нельзя разрешать сдавать экзамен на старшего ачарью», заставил их посчитать это неуместным. По иронии судьбы, именно Вишака стала первой западной авадохутикой, несмотря на свое нарушение правил. Когда я впервые услышала эту новость, я не поверила своим ушам. Чуть позже, однако, это помогло мне вспомнить то, что Дада Рупешанандаджи говорил мне все те годы назад: «Существует только одна лила, и это — лила Господа». Все это было лишь космическим танцем Господа. Это был единственный способ, позволявший мне думать об этой ситуации без сильного расстройства.

В конце концов я тоже стала авадохутикой, хотя Баба заставил меня прождать еще несколько лет. Я ни разу не усомнилась в том, что стану ею; ведь в тот день, когда я сидела в медитации в зале вылета в Патне, Баба пообещал мне именно это. (А тот экзамен на старшего ачарью? В итоге его так никогда и не ввели в качестве обязательного условия для получения статуса авадохутики).

Оглядываясь назад, впрочем, странно, что я ни разу не задалась вопросом, почему Баба поднял такой шум из-за того, что диди держала младенца. В то время это казалось таким добрым поступком: взять малыша и дать матери передышку, чтобы та могла сосредоточиться на Бабе. Возможно, он не хотел, чтобы мы, диди, ассоциировались хоть в каком-то виде с чем-то настолько приземленным, как забота о ребенке, — или с процессом, который привел к его появлению на свет. Может, он боялся, что если диди возьмет ребенка на колени, это пробудит в ней материнские инстинкты и заставит оставить жизнь ачарьи ради материнства. Но причина не могла быть в этом. Диди постоянно заботились о детях в приютах Ананда Марги. Должно быть, это было связано с тем, что Вишака держала ребенка на коленях в такой непосредственной близости от него самого.

Какова бы ни была причина, Баба заставил преподнести поступок с ребенком как нечто грязное.

³⁴ *Washington Post*, 4 августа 1978 года.

³⁵ *New York Times*, 3 августа 1978 года.

³⁷ Хотя этот человек не был ачарьей, я называл его "Дада". Мы использовали этот термин, обращаясь не только к ачарьям-мужчинам, но и к пожилым мужчинам тоже

³⁶ даршан: созерцание. Гуру выступает с речью (находясь в поле зрения), в присутствии своих преданных

³⁸ санньясини: женщина-отказница, монахиня.

³⁹ Чи, чи, чи (*Chi, Chi, Chi*): выражение отвержения, порицания или выговора.

⁴⁰ поешь (*taking that meal*): пример оборотов, которые используют индийцы, говоря на английском («*take your meal*», «*take rest*» и т. д.), которые начала перенимать и автор. В своем повествовании автор старается придерживаться типичных грамматических особенностей индийского английского.

Глава 10. Другие встречи с Гуру

Год спустя я снова приехала в Калькутту на собрание. Когда однажды днем я втащил свою сумку в офис диди, источая запах после очередного долгого и преимущественно наземного путешествия из Турции. Первой меня заметила Ананда Крипа.

— Быстрее! — скомандовала она. — Тебя вызывают на РС!

РС, или Personal Contact (Личный контакт), считался особым событием — моментом, когда ты мог остаться с Гуру наедине, и он говорил тебе что-то важное и личное.

Я растерялась; сама мысль о том, чтобы предстать перед Бабой в моем нынешнем виде, казалась немыслимой.

— Мне нужно сначала принять ванну, — робко возразила я.

— Как хочешь, но тебя зовут прямо сейчас. Если не пойдешь, другого шанса может не быть. — Она замолчала и едва ли не со злостью уставилась на меня с напряженным лицом. — Баба хочет тебя видеть, — продолжила она стальным голосом, не дождавись ответа. — Ему плевать, как ты выглядишь.

Хотя я прекрасно понимала, что портить отношения с Анандой Крипой — не лучшая идея, я чувствовала себя настолько грязной, что решила рискнуть.

— Я просто не могу пойти в таком виде, Диди. Пойду в другой раз.

Ананда Крипа была одной из самых первых диди, одной из первых индийских женщин, ставших monastic-сотрудниками full-time. Первой была Ананда Бхакти, второй — Ананда Гаджара (диди поистине исполинских пропорций, которая скорее переваливалась, чем ходила), а третьей — Ананда Крипа.

Она обожала рассказывать историю о том, как это произошло. Шестнадцатилетней девчонкой из глухой деревушки после посвящения в Ананда Маргу она ощутила непреодолимое желание служить Бабе, хотя еще даже не видела его. Ранним утром,

пока родители спали, она собрала небольшой узелок с вещами, дошла до местной железнодорожной станции, села на поезд (который до этого даже в глаза не видела, не то что не ездила) и больше никогда не оглядывалась назад.

Этот сильный дух находил отражение и в ее отношении к труду. Несмотря на то, что Ананда Крипа была маленькой и худой, она могла пахать от рассвета до заката и даже дольше. Иногда я ходила с ней собирать продукты для нуждающихся, а затем помогала готовить из собранного еду — мы варили кичри (смесь чечевицы и риса) в исполинских котлах на открытом огне прямо внутри охраняемой резиденции Бабы в калькутском районе Лейк-Гарденс. Пока кичри булькало, мы раскладывали рядами тарелки из листьев (крупные листья, сшитые вместе в форме более-менее круглой тарелки) — один ряд напротив другого, готовясь к тому, что мы называли «массовым кормлением». Не знаю, как люди узнавали, что еда готова. Может, дело было в запахе пищи и дыма, разносившемся из-за забора, или в звуках суматошной работы, но к моменту раздачи у ворот всегда собиралась толпа. Они заходили, садились, скрестив ноги, перед тарелками, выстраиваясь в две шеренги. Кичри перекладывали из огромных котлов в емкости поменьше, которые несли одна-две диди, пока третья раскладывала кушанье по тарелкам. Люди ели пальцами, по-индийски, переговариваясь друг с другом, а затем выкрикивали или указывали на свои тарелки, давая понять, что хотят добавки. В самом конце, когда все было убрано и большинство из нас буквально валились с ног от усталости, Ананда Крипа выглядела так, словно ничуть не утомилась. Казалось, в ней скрыт какой-то неиссякаемый внутренний резерв энергии.

Попасть на РС после того, как я упустила первый шанс, действительно оказалось трудно. Ананда Крипа имела огромное влияние на то, кто и когда увидит Бабу, и я подозревала, что она подстроила все так, чтобы ее предупреждение сбылось и послужило мне уроком.

Как-то утром я сидела на полу перед комнатой Бабы в очереди, состоявшей преимущественно из индийских преданных-мужчин, ожидая своего РС. Люди заходили один за другим, очередь таяла, пока наконец мужчина передо мной не поднялся, чтобы войти. Сердце мое подпрыгнуло. Я была следующей! Я уже собиралась закрыть глаза для преддверии медитации, когда вышла Ананда Крипа и объявила, что на сегодня Баба закончил прием на РС.

— Он отправляется обедать, — отрезала она.

Молча я поднялась (вместе с несколькими индийскими женщинами, сидевшими прямо за мной), отошла в угол офиса и села. «Классика! — подумала я. — Очередь на РС закрывается ровно на первой женщине!» Даже если это Ананда Крипа подстроила все так, чтобы проучить меня, этот случай в очередной раз напомнил, как часто к женщинам в организации относились как к людям второго сорта.

Я погрузилась в мрачные мысли, вспоминая все те случаи, когда видела несправедливое отношение к диди. Особенно ярко мне запомнилась одна зимняя DMC в Ананда Нагаре. Дад прекрасно расселили в нескольких капитальных зданиях, где они могли с комфортом разместиться, нас же всех втиснули в одну маленькую постройку. Даже самые старшие диди были заперты вместе со всеми нами; мы спали бок о бок, как шпроты в банке, а наше жилье было настолько тесным, что спальные мешки и одеяла выкатывались на веранду. Стоял холод, и единственной прослойкой между бетонным полом и одеялами служила солома. «Прямо как в яслях для скота», — подумала я тогда.

К этому стоит добавить, что на всех был всего один туалет. Я старалась избегать его посещения по ночам, но отлично помню тот единственный раз, когда деваться было некуда. Дрожа от холода, я перешагивала через спящие тела одно за другим, выискивая место, куда поставить сначала одну ногу, затем другую. Оказавшись на улице, мне пришлось переступить еще через несколько тел, пока я не добралась до уборной. Затем, включив фонарик (абсолютная необходимость — без него ты наверняка наступил бы в экскременты, так как туалет переполнялся), я зашла внутрь, аккуратно устроилась и зажала нос. Подозреваю, что некоторые диди вообще избегали этого места, уходя под покровом темноты справлять нужду в поле. И они были далеко не единственными: тысячи других марги, приехавших на DMC, только подчеркивали тотальную нехватку элементарных удобств.

По утрам нам приходилось развешивать наши только что выстиранные сари, нижние юбки и форму на каждом доступном кусте и кустарнике — больше вешать было некуда. (И не дай бог какому-нибудь проходившему мимо мужчине увидеть наше нижнее белье! Нам приходилось прятать его под другой одеждой). Когда мы возвращались в конце дня, то поспешно сдергивали вещи с кустов в надежде, что все на месте, но одежда частенько пропадала.

Все было бы не так обидно, если бы дадам приходилось мириться с подобными условиями. Но воспоминания о том, в каком комфорте они все устроились, до сих пор приводили меня в ярость. «Почему Баба ничего с этим не сделает?» — думала я.

Внезапный всплеск оживления прервал мои размышления.

— Диди! — закричал кто-то. — Диди, идите скорее! Баба зовет нас на занятия!

Поначалу я даже не стала подниматься: я была слишком подавлена. «Я не могу идти к Бабе в таком состоянии, — думала я. — Он сразу поймет, о чем я размышляла».

— Диди, живее! Мы уходим! — поторопил голос.

И тут до меня дошло, что Баба будет знать о моем состоянии разума независимо от того, нахожусь я с ним в одной комнате или нет. Это заставило меня вскочить и присоединиться к остальным как раз в тот момент, когда они выходили за дверь.

Человек десять из нас, в основном женщины и пара дад, столпились перед комнатой Бабы. Вскоре нам замахали руками, приглашая войти. Мы сотворили пранам и сели на пол в круг вокруг Бабы, который сидел в мягком кресле, одетый в белый лунги и желтую атласную рубаху. Я заметила его удобные на вид тапочки; он выглядел точь-в-точь как отец, отдыхающий в кругу семьи. Прежде чем сказать хоть слово кому-то другому, Баба повернулся ко мне и, подняв палец для убедительности, произнес: — Никогда ни в одной сфере своей жизни вы не должны давать волю самообману или лицемерию.

У меня почти не было времени осмыслить это мощное замечание, потому что Баба обвел всех нас взглядом и продолжил.

— Бурка, — сказал он. — Вы знаете, что такое бурка (паранджа)? — Некоторые из нас, включая меня, закивали.

— Бурка полностью закрывает женщину, оставляя лишь глаза. — Баба сделал два круга большими и указательными пальцами, поднес их к глазам и покрутил головой. — Бурка не позволяет женщине получать свет и воздух, ее здоровье подрывается, и она страдает, — продолжил Баба, и его голос набрал силу. — Аччха!⁴¹ Как вы думаете, позволила бы

Ананда Марга женщинам так страдать? — Баба сделал паузу и посмотрел на каждого из нас. — Ананда Марга никогда не позволит женщинам так страдать!

В наступившей тишине казалось, что комната вибрирует от его слов.

Я была на седьмом небе от счастья. После того как я побывала на самом дне депрессии, Баба обратился лично ко мне и к тому, что было у меня на душе. Он не просто затронул тему страданий женщин, он передал мне личное послание. Я восприняла это как знак того, что я не должна мириться с лицемерием, где бы с ним ни сталкивалась, и обязана открыто заявлять о нем. (Я уже видела примеры лицемерия среди работников Ананда Марги, включая того же Санджогананду, и я не молчала). Но что еще важнее, думала я, я не должна лицемерить перед самой собой.

(Это действительно было мощное послание, о котором я часто думала и которым руководствовалась в трудные времена на протяжении многих лет, даже после ухода из организации. Однако оно оказалось палкой о двух концах. У меня всегда была склонность к перфекционизму, из-за чего я могла неверно истолковать замечание Бабы. Или, возможно, его слова лишь укрепили мои перфекционистские ожидания от себя и окружающих, вылившись в нетерпимость к чужим слабостям и промахам, равно как и к собственным. Баба, казалось, говорил, что ждет совершенства, но кто совершенен в этом мире?)

Несмотря на то, что меня удостоили личного послания, мне все еще безумно хотелось попасть на РС, и я попросила Ананду Крипу напомнить Бабе, что я его еще не проходила. Как-то днем она сообщила, что поговорила с ним об этом. «Баба сказал: „Я уже сообщил ей все, что ей нужно знать“, — передала Диди, вопросительно приподняв брови. Я ничего не ответила, но прекрасно поняла, что Баба имел в виду под этими словами.

И все же я получила РС прямо перед самым отъездом обратно в Турцию. Из-за нехватки средств я собиралась сначала отправиться в Бангладеш — в Дакку, где, как заверил меня Дада Парешананда (Секретарь офиса), я смогу купить дешевый билет до Стамбула на рейс Аэрофлота. Мой РС на тот момент не показался мне чем-то примечательным. Баба спросил, куда я направляюсь теперь.

— В Стамбул, Баба.

— Ты едешь в Стамбул напрямую?

— Да, Баба. Завтра я уезжаю в Дакку. Там сяду на самолет до Стамбула.

Баба повторил свой вопрос: — Ты едешь напрямую?

— Да, Баба, — снова подтвердила я. — Мне нужно успеть туда к RDS.

Это было рабочее собрание (Review, Defects, Solutions), на котором мы отчитывались о проделанной работе (review), оценивали ее недостатки (defects) и вырабатывали решения (solutions). Как исполняющая обязанности SWWS по Каирскому сектору, я обязана была там присутствовать.

Мне следовало бы насторожиться от его слов. Каждый, кто проводил время с Бабой, понимал, что он никогда не говорит попусту. Для обычного человека повторение такого вопроса было бы чистой случайностью, но только не для Бабы.

Тот факт, что Баба никогда не говорил ничего бессмысленного или неправдивого, был тем, с чем я уже сталкивалась раньше — например, во время моего второго визита к нему в тюрьму. Когда я сообщила ему, что меня перевели и я буду работать в Турции и Иране, Баба произнес: «Ах, Иран! Знаешь ли ты, почему банковская система в Иране не является прочной?»

— Нет, Баба, — ответила я.

— По мусульманским законам запрещено брать проценты, — сказал он. — Сегодняшняя банковская система построена вокруг процентов. Поэтому банковская система Ирана не имеет успеха.

Через несколько месяцев после того визита я провела некоторое время в Тегеране и специально расспросила одну сестру-марги о банковской системе.

— А здесь банки берут проценты?

— Конечно, Диди, — ответила она. — Банки здесь функционируют точно так же, как на Западе.

Какое-то время я пребывала в недоумении. Как Баба мог ошибаться? Однако много месяцев спустя шах был свергнут, и к власти пришли радикальные священнослужители во главе с аятоллой Хомейни. Они установили исламские законы по всей стране. И в этот момент банки действительно перестали брать проценты. Баба оказался прав, просто говоря в настоящем времени о событии, которому только предстояло произойти в будущем.

Но, несмотря на этот мощный опыт столкновения с тем, что я считала всеведением Бабы, в этот раз я осталась слепа.

На следующий день я, как и планировала, вылетела в Дакку, пришла в офис Аэрофлота, чтобы забронировать билет, и услышала, что никаких рейсов до Стамбула в моем ценовом диапазоне нет. Меня дезинформировали, и в Дакку я приехала впустую. Как мне теперь вернуться в Стамбул вовремя к собранию RDS? Да и как вообще туда вернуться? Единственной реальной возможностью было возвращение в Индию, а оттуда — путешествие по суше, в одиночку. Это означало дни без мытья, дни и ночи в прокуренных автобусах в окружении мужчин — но это было выполнимо. В памяти всплыли прошлые ночные поездки в турецких автобусах. Казалось, там курили вообще все пассажиры без остановки. Окна не открывались, поэтому я сидела, прижавшись носом к крошечной щели в оконной раме, пытаюсь глотнуть хоть немного воздуха. Иногда я поджигала благовония, рассуждая так: если уж мне суждено дышать дымом, пусть он хотя бы приятно пахнет. Неизменно кто-то из мужчин начинал протестовать, и мне приходилось их тушить.

С этими безрадостными перспективами впереди я нашла дешевую гостиницу на ночь, а утром вылетела обратно в Калькутту. Во время прохождения таможенного контроля меня отвел в сторону чиновник и велел ждать в маленькой комнате. Вошел другой служащий в форме цвета хаки с толстым черным кожаным ремнем и дубинкой на поясе, сел на стул напротив меня, упершись локтями в стол.

— Вам отказано в разрешении на въезд в Индию, — начал он. — Разве вы не известны под именем Ачарьи Малати? Разве вы не анандамарги?

Отрицать это было бессмысленно. — Да, это так, — ответила я.

— Анандамарги въезд в Индию запрещен.

Что теперь? С тех самых пор, как я навещала Бабу в тюрьме, я была уверена, что рано или поздно мне закроют въезд в Индию. Мое нынешнее затруднительное положение могло быть следствием тех визитов. Более вероятно, однако, это стало результатом чего-то более свежего — того случая, когда я продлевала визу в Патне, находясь там на DMC и готовясь к экзамену на старшего ачарью. Срок действия моей визы подходил к концу, поэтому я отправилась в местный иммиграционный офис для продления. Ничего необычного — туристы делали это постоянно. Необычным было то, как именно я это сделала. В то время как все остальные марги при продлении виз всеми силами старались скрыть свое членство в Ананда Марге, я решила пойти в полной форме. «Я горжусь тем, кто я есть, — помню свои мысли. — Зачем мне это прятать?»

В тот раз, когда я переступила порог офиса, сидевшие там чиновники уставились на меня с шокированными лицами на довольно долгое время. Наконец один из них покашлял и произнес: — Да, мадам? Чем могу помочь?

— Я бы хотела продлить визу.

Он попросил меня присесть.

— Простите, но вы ведь из Ананда Марги, не так ли?

Я подтвердила.

— Простите, мадам. Как ваше полное имя?

— Ачарья Малати, — ответила я.

— Ну, вообще-то мы не продлеваем визы членам Ананда Марги, мадам.

— Я знаю, — сказала я, — но я прошу всего об одном месяце.

— О, — протянул он, — вы здесь ради нынешнего собрания марги? — Он, очевидно, слышал о DMC, проходившей неподалеку от офиса.

— Да, — ответила я. — И это просто чудесно! Так много марги приехали повидать нашего гуру после всех тех лет, что он провел в тюрьме.

— А много ли таких, как вы, — приехавших из-за пределов Индии? — Затем он достал написанный от руки список с именами ачарьев. Бумага была обшарпанной, словно ее перечитывали сотни раз. — Вот это некоторые из них?

Я заглянула в список, узнала некоторые имена, но ответила, что никого не знаю. Никакой информации он от меня не дождетя!

— Скажите... Что именно в этом Анандамурти так привлекает вас, людей?

За этим последовала долгая дискуссия о Бабе и философии Ананда Марги. Чиновнику, должно быть, было действительно любопытно, потому что он казался весьма увлечен мной и моими словами. В итоге визу мне продлили. Я вышла из офиса, ликуя и гордясь своим достижением. Продлить визу, будучи в полной форме: неужели хоть один другой иностранный работник когда-либо делал подобное?

Но это было тогда. Ситуация, в которой я оказалась сейчас, была иной. К сожалению, едва ли тот успех, что сопутствовал мне в Патне, повторился бы здесь, в калькутском аэропорту; все знали, что здешних чиновников обойти особенно трудно.

И все же я попыталась, заявив этому служащему, что мне нужно лишь проехать через Индию транзитом по пути в Турцию. — Исключено, — отрезал он. — Вам придется вылететь из страны. Поскольку вы прибыли из Дакки, вы обязаны вернуться туда ближайшим рейсом. — С этими словами он отодвинул стул, поднялся и вышел.

Вернуться в Дакку? Это означало двигаться в противоположном направлении. «Я этого делать не стану», — решила я. — А раз они и так знают, что я ачарья, то с тем же успехом могу надеть форму.

Я отыскала туалет и полностью переоделась. Я покажу им, что горжусь тем, кто я есть, и не боюсь их. Когда я вышла, другой чиновник проводил меня в изолированную зону зала ожидания с несколькими расставленными стульями и велел ждать там. Теперь, когда я была в форме, я заметила, что ко мне стали относиться с чуть большим уважением. Спустя какое-то время тот же мужчина вернулся и произнес: — Диди, вы, должно быть, голодны? Вам нужно поесть. Я принесу вам талоны на питание.

— Я пощусь, — ответила я ему (еще одно решение, которое я приняла). — Вы поступаете неправильно, отказываясь пропустить меня через Индию, поэтому я не возьму у вас никакой еды.

Рейса на Дакку не предвиделось больше суток. Понимая, что впереди долгое ожидание, я устроилась для серьезной медитации.

Ближе к вечеру мне объявили, что я обязана оплатить билет до Дакки. Хотя я слышала истории о диди, которых полицейские аэропорта буквально на руках заносили в самолеты или выносили из них, я наотрез отказалась покупать билет. Заставить меня они никак не могли; для этого им пришлось бы обыскать мое тело, чтобы найти деньги, а я сомневалась, что хоть один индийский мужчина зайдет так далеко. Если мне и суждено вернуться в Дакку, то только за счет индийского правительства. Это станет моей маленькой мстью.

Около полудня следующего дня ко мне подошел первый из очереди чиновников, выглядевших все более нервными по мере приближения времени вечернего вылета.

— Вы обязаны оплатить билет, — заявил он мне.

— Я не хочу в Дакку, — ответила я. — Если вы хотите, чтобы я туда летела, платите сами.

Последняя попытка воззвать к моему разуму последовала за час до вылета. Я снова отказалась. Вскоре после этого мне вручили билет до Дакки, предоставленный за счет индийского правительства. Я одержала свою маленькую победу. Стоя там и глядя на билет, я вдруг вспомнила слова Бабы: «Ты едешь в Стамбул напрямую?» Ну как можно было быть такой недогадливой?

Дорога до Стамбула заняла у меня больше трех недель. В Дакке я потратила почти все оставшиеся деньги на билет в один конец до Карачи. Оказавшись там, я позвонила в джагрити в Стамбул и сообщила дадам о своем бедственном положении. После того как стало ясно, что никто ничего мне высылать не собирается, я отправилась в

американское консульство и попросила о займе. Они готовы дать мне денег, заявили они, но только при условии, что я улечу в Соединенные Штаты.

— Но я не хочу туда, — возразила я. — Мне нужно в Турцию. Полет в Турцию стоит гораздо дешевле, чем в Штаты. Почему вы не можете дать мне заем на этот маршрут?

Мои превосходные логические доводы не возымели на них никакого действия, и я не получила ни цента. В конце концов консульство связалось с моими родителями, и те выслали мне денег. Я была раздавлена тем, что до этого дошло. Мне было стыдно, что приходится брать деньги у родителей, но другого способа выбраться из Пакистана у меня не оставалось.

Прошло уже порядочно времени с тех пор, как родители получали от меня весточку. До того как с ними связалось консульство, возможно, они думали, что я все еще в Израиле. Я знала, что они не в восторге от того, как я решила распорядиться своей жизнью, но иногда я представляла, как они говорят друг другу, мол, по крайней мере, она находится в Израиле. Однако я ни секунды не тратила на то, чтобы представить, что они, должно быть, почувствовали, получив известие о том, что их еврейская дочь застряла в Пакистане, из всех возможных мест, и хочет уехать в Турцию. Весьма далеко от Израиля! В то время я не позволяла себе думать ни о чем подобном. Мне вообще не хотелось думать о родителях.

Когда я наконец добралась до Стамбула, собрание RDS закончилось уже две недели назад. Шиваприя была первой, кого я увидела.

— Ты не поверишь, — произнесла она в своей излюбленной лукавой манере, — но во время RDS у нас, диди, был критический момент одной ночью.

— Критический момент? Что ты имеешь в виду? — спросила я с улыбкой. Я ожидала услышать забавную историю; Шиваприя обожала шутить и раздувать мелкие происшествия до масштабов катастроф.

— Однажды ночью Дада Санджогананда продержал нас на собрании дольше обычного. Когда оно закончилось, он объявил, что нам придется ночевать у одной сестры. Он отправил нас одних, без сопровождения. Мы сели в долмуш⁴². Мне сразу показалось это странным, потому что мы были единственными пассажирами. Через какое-то время водитель свернул туда, куда не следовало. Когда мы начали расспрашивать его, он лишь как-то странно ухмыльнулся и продолжил ехать. Вот тогда мы поняли, что попали.

Улыбка сошла с моего лица. — И что вы сделали?

— Мы думали открыть окна и закричать прохожим, но на улице никого не было. В переулках было абсолютно безлюдно, так что мы решили, что нужно действовать. Мы дождались, пока он притормозит перед поворотом. Затем открыли дверь и прыгнули.

Мое лицо, должно быть, выражало весь тот шок, что я испытывала, потому что Шиваприя поспешила добавить: — Не переживай, никто не пострадал. Скорость была небольшой.

Сначала я ощутила облегчение. Затем, секундами позже, во мне закипел гнев — частично на Санджогананду, частично на мою собственную глупость. Как я вообще могла доверять такому человеку? Он забрал мои деньги, из-за чего у нас не было джагрити, где диди могли бы остановиться! (От той ледяной комнаты, которую мы снимали с Шиваприей, мы давно избавились). И теперь он задерживает их допоздна на

RDS и даже не удосуживается обеспечить безопасный транспорт или попросить брата-марги проводить их!

Этот инцидент приобрел определенную известность в организации и впоследствии стал именоваться не иначе как «Похищение». Верите или нет, но в итоге ответственность возложили на меня, несмотря на то, что в то время я находилась за тысячи миль, в Пакистане. А кто же поведал об этом сотрудникам Центрального офиса? Сам Санджогананда! Ему удалось переложить всю вину на мои плечи, где она, вопреки всем моим стараниям, упрямо и осталась.

Известие о «Похищении» дошло даже до Бабы. В 1979 году он отправился в турне по нескольким секторам, включая Каирский сектор. Во время визита в Стамбул Баба затронул тему этого происшествия на встрече со всеми присутствовавшими диди Каирского сектора.

— Мне доложили о похищении, — произнес он. — Где находилась ваша SWWS, когда это случилось? Она не должна была позволять вам отправляться без сопровождения в столь поздний час.

Бабе, как стало ясно, преподнесли версию событий, схожую с той, что пустили среди центральных работников. А меня там не было, чтобы защитить себя. В очередной раз я оказалась не там, где требовалось; я находилась в Израиле, с разбитым сердцем из-за того, что меня оставили позади, когда сопровождающие Бабы улетели из Израиля в Стамбул. Я провожала Бабу до аэропорта, но, в отличие от остальных работников, в самолет не села. И вновь виной тому было отсутствие денег на дорогу.

Организация не обеспечивала финансовую поддержку своим работникам, поэтому, как и всем остальным, мне приходилось собирать средства самостоятельно. В качестве SWWS мне приходилось путешествовать больше, чем большинству работников; в некоторых местах, куда я направлялась, марги было мало, а следовательно — мало и ресурсов. В Израиль я в итоге тоже прибыла с опозданием, уже после того, как туда приехал Баба, поскольку мне пришлось добираться по суше. В то же время Санджогананде удалось прибрать к рукам большую часть денежных потоков в местах, где марги было больше, — таких как Турция и Израиль. Несмотря на все это, как исполняющая обязанности SWWS сектора, я обязана была лететь с Бабой в Стамбул. Если бы я просто открыто заявила об этом, центральные работники, путешествовавшие с Бабой, наверняка заставили бы Санджогананду организовать мне билет. То, что я этого не сделала, остается одним из самых больших сожалений моей жизни в качестве диди.

Лишь когда я наконец добралась до Стамбула — через неделю или две после отъезда Бабы, — я услышала о том, что он сказал. И вновь Шиваприя была той, кто сообщил мне об этом.

— Шиваприя, — возмутилась я, — почему никто из вас ничего не сказал Бабе о Санджогананде? Почему вы не сказали, что меня там не было? Вы обязаны были ему объяснить!

— Баба был в раздраженном настроении, Малати. Ты же знаешь, каково это, когда сидишь прямо перед ним. Все, что мы делали, — это просто слушали. Никто не посмел вставить ни слова.

Я знала, что Баба, всеведущий мастер, знал истинную правду. Он знал, что во время RDS я находилась в Пакистане. Он знал, что произойдет; он ведь даже предупредил

меня, что я не попаду в Стамбул тогда, когда планировала! Но в данном случае Баба говорил как организационная фигура, которая полагалась на то, что ему докладывают его работники. А то, что доложили ему его работники, было глубоко искаженным и абсолютно несправедливым.

Впрочем, я понимала, что имела в виду Шиваприя, говоря о страхе что-то возразить Бабе; люди часто боялись сказать хоть слово, дабы не вызвать его гнев. Я знала, что мне не следует обижаться на Шиваприю, но это не спасало меня от чувства ярости — и отчаяния. Мало того, что моя репутация была запятнана, так еще и Санджогананда нагло солгал и вышел сухим из воды. Я должна была что-то предпринять — но что?

После нескольких дней внутренних терзаний я решила поехать в Индию, чтобы изложить свои доводы. Я убеждала себя, что эта поездка необходима для общего благополучия Ананда Марги. В конце концов, я отправлялась в путь не только ради спасения своей репутации. Я собиралась разоблачить истинного виновника инцидента — Санджогананду, опасно одержимого своим эго человека, который наносил вред организации. В моей памяти эхом отзывались слова Бабы: «Никогда ни в одной сфере своей жизни вы не должны давать волю самообману или лицемерию». Если кто и был лицемером, так это Санджогананда!

За этим последовал безумный рывок в Афины, чтобы собрать деньги на билет. Годом ранее, продлевая турецкую визу, я провела несколько недель с афинскими марги. Я была первой диди, приехавшей туда, и они встретили меня очень тепло и радушно. Я рассудила, что они помогут мне собрать нужную сумму. Поскольку денег на поезд или автобус до Афин у меня не было, я решила добираться автостопом.

Когда я поделилась своими планами с РАВА Дадой, он попытался меня отговорить.

— Малати, пожалуйста, не делай этого, — умолял он. — Для женщины это слишком опасно. Просто напиши детальное письмо в Центр.

Я видела искреннюю заботу на благородном лице Дады и была ему благодарна. Но я была непреклонна.

— Спасибо, Дада, но мне действительно нужно ехать, — отрезала я. — Это важно.

РАВА Дада оказался прав. На полпути к Афинам водитель грузовика набросился на меня после непристойного предложения. Когда он попытался меня схватить, грузовик притормозил, и (совсем как те диди в Стамбуле) я умудрилась выпрыгнуть из машины в безопасность. После этого в одной маленькой греческой деревушке, названия которой я уже не помню, я решила сесть на поезд до Афин, вместо того чтобы продолжать ловить попутки. Я попыталась собрать деньги на билет у людей на станции; в ответ я получила лишь кучу недоуменных взглядов и больше ничего. Поэтому, когда поезд подошел, я запрыгнула в него без билета. Я изо всех сил старалась выглядеть незаметно (по крайней мере, на мне не было формы) и всю ночь на цыпочках переходила из вагона в вагон, чтобы разминуться с кондуктором. Помня, что Баба в одной из своих книг приравнивал безбилетный проезд к краже, все это время я испытывала колоссальное чувство вины.

Афинские марги сделали все возможное, чтобы помочь, но мне удалось собрать деньги только на билет в один конец. Это совершенно не годилось. В Калькутте у властей было мое имя, поэтому лететь туда я не могла. Шансы проскочить были фифти-фифти, если бы я полетела в Бомбей или Дели; хотя чиновники часто передавали списки

нежелательных марги из одного аэропорта в другой, индийская бюрократия славилась своей неэффективностью. Но с билетом в один конец я просто не могла так рисковать. Если бы меня остановили, я оказалась бы в подвешенном состоянии: ни билета назад, ни билета куда-либо еще. С меня на какое-то время хватило подобных приключений! Скрепя сердце я приняла решение вернуться в Стамбул.

РАВА Дада был счастлив снова меня видеть.

— Пожалуй, я отправлю то письмо в Центральный офис, о котором ты говорил, — сообщила я ему.

Однако ответа на это письмо из Центра мне тоже так и не пришло.

⁴¹ Аччха (Асча): Хорошо! Ладно! Все в порядке!

⁴² долмуш: маршрутное такси или микроавтобус в Турции, курсирующий по определенному маршруту.

Глава 11. Остановка в Филадельфии по пути на Фиджи

К декабрю того же года (1979) я узнала, что меня перевели в сектор Сува и я отправляюсь на Фиджи. Это была великолепная новость. Мало того, что мне больше не придется иметь дела с Санджоганандой (что само по себе было прекрасно), так я еще и покидала Ближний Восток — место, где на мою долю выпало немало трудностей. Было бы здорово поработать в другой части света.

Но сначала я должна была поехать в Штаты. Хотя ачарьи редко возвращались в свои родные страны (это считалось рискованным, так как привязанность к семье и старым друзьям могла оказаться слишком сильной), я ехала с благословения организации: поскольку в Индии я была в черном списке, мне требовался новый паспорт на другое имя. Для этого я направлялась в Колорадо — в Денвер, который был для Ананда Марги чем-то вроде экспресс-пункта «Stop-N-Go» по выдаче новых имен. Поговаривали, что там можно получить документы за один день, практически без лишних вопросов. Я уже придумала, какую причину назову. Моя девичья фамилия звучит слишком по-русски, собиралась сказать я, и люди из-за этого относятся ко мне предвзято. Все, что мне было нужно — это копия моего свидетельства о рождении, которую я собиралась забрать в Филадельфии. По правде говоря, я ждала этого с нетерпением. Я никогда не любила свою семейную фамилию, потому что окружающим было так трудно ее произнести. На протяжении всех лет учебы в начальной школе я с ужасом ждала первого дня занятий, когда учитель, переключая класс, обязательно коверкал мою фамилию, вызывая у остальных учеников взрывы хохота.

Я прилетела в Нью-Йорк прохладным вечером за несколько недель до Рождества. Город был залит праздничными огнями. По пути на вокзал мимо меня неслись толпы людей — все тепло укутанные и нагруженные свертками. В какой-то момент я остановилась и

заглянула в украшенную витрину магазина на маленькие искусственные елочки, увешанные игрушками и красными и зелеными огоньками. Я какое-то время наблюдала, как они мигают, а затем пошла дальше, качая головой. После шести лет минимализма то изобилие, в котором я теперь оказалась, казалось ошеломляющим и явно декадентским. На другом конце земли люди жили прямо на улицах — мылись, готовили еду и, да, даже умирали, — а здесь люди выстраивались в очереди за очередной технической новинкой, их жизни и так были завалены вещами до отказа, так что для духа просто не оставалось места. «Слава богу, я оставила все это позади!» — думала я, уворачиваясь от очередного покупателя.

На Пенсильванском вокзале я купила билет до Филадельфии...

Филадельфия! Мысль о возвращении туда в качестве диди наполняла меня волнением. Всего через несколько коротких часов я буду в «Замке» — джагрити в Западной Филадельфии, где я останавливалась прямо перед отъездом на обучение. Ананда Марга, переросшая свое первоначальное здание на Риджент-стрит, выкупила это помещение у последователей Гуру Махараджи. «Замок» — так его прозвали местные марги из-за круглых, похожих на башенки верхних этажей — был впечатляющим. Одну из верхних комнат выделили специально для Бабы⁴³: ее стены были выкрашены в белый цвет, а пол устилал толстый, роскошный ковролин. Несмотря на то, что Баба там никогда не бывал, комната обладала особой энергетикой, и я с нетерпением ждала возможности там помедитировать.

Но была одна вещь, которой я совсем не ждала с нетерпением: встреча с родителями. Они никак не могли узнать, что я в Филадельфии, если только я сама им не скажу. И хотя в Ананда Марге не поощрялись контакты с семьями, не сделать этого казалось мне неправильным. Однако в их дом я не пойду; согласно правилу поведения, они должны увидеть меня в джагрити. Трудно было представить моих родителей в «Замке» — они принадлежали к совершенно другому миру. Даже если они в итоге придут, не могло быть и речи о том, как я буду одета. На мне будет форма. В конце концов, я была диди, и я ни за что не собиралась надевать ради них гражданскую одежду.

Я гордилась своей формой, и единственный случай, когда я шла на компромисс и не надевала ее, был тогда, когда я считала гражданскую одежду необходимой — например, при попытке въехать в Индию. Я не надела обычные вещи даже тогда, когда несколько лет назад подавала документы на израильское гражданство. Поскольку израильский «Закон о возвращении» дает евреям право селиться в Израиле и получать гражданство, я попросила родителей прислать мне письмо из синагоги, которую наша семья посещала, когда мы с братьями были маленькими, подтверждающее, что я действительно еврейка и ходила на службы. Затем я принесла это письмо на слушание к властям в Иерусалиме. И хотя разумнее было бы одеться как нормальный человек, я настояла на своей форме. Единственной уступкой, на которую я пошла, было то, что вместо вуали я повязала оранжевый платок (который, впрочем, совсем не походил на тот, что меня когда-то заставила надеть Диди Мохини!). Я до сих пор помню, как сидела перед комиссией из трех пожилых ортодоксальных мужчин в темных одеждах, которые недоуменно смотрели то на меня, то друг на друга, качая пейсами и бородами и что-то бормоча на иврите. Стоит ли говорить, что израильского гражданства я не получила, несмотря на свое письмо. Так что если я не пошла на компромисс тогда, то уж точно не собиралась делать этого сейчас, надевая обычную одежду ради родителей.

Но я переживала из-за их реакции. «Они старые», — думала я, садясь в поезд. — «Возможно, увидеть меня в облике монахини станет для них слишком большим шоком.

Может, лучше не подвергать их этому». Во всем этом было так трудно разобраться. Я пообещала себе подумать об этом после вечерней медитации.

Сиденье рядом со мной пустовало. Пока поезд мчался на юг в темноте, я сняла обувь и, устроив ноги в полулотосе, закрыла глаза, пытаясь медитировать. Но все было тщетно. Болезненные образы из детства медленно поднимались, словно дым, стирая из памяти мантру и все остальное.

Летний вечер, когда мне было около семи лет: вся семья ехала в машине откуда-то домой, и мы с моим братом Дэвидом устроили потасовку с щекоткой на заднем сиденье.

Отец прикрикнул на нас, чтобы мы прекратили, но мне было слишком весело.

— Она все еще продолжает! — крикнул Дэвид.

Отец внезапно резко свернул к обочине, и машина со свистом затормозила.

— Выходи, — произнес он тихим, стальным голосом, — прямо сейчас.

Я украдкой взглянула на маму, но она просто сидела, уставившись прямо перед собой, а ее лицо напоминало маску.

— Выходи! — повторил он, указывая на дверь толстым, волосатым пальцем.

Медленно я вылезла наружу в темноту, сердце мое бешено колотилось, и я огляделась. Я стояла посреди темной дороги. Длинная, безлюдная и, казалось, бесконечная, она тянулась и растворялась в ночи.

Продержав меня там, как мне показалось, целую вечность, он велел мне вернуться в машину. «В следующий раз я оставлю тебя здесь, если не будешь слушаться», — пригрозил он, с рывком вырливая обратно на дорогу.

Другой летний вечер: я проснулась от звуков собачьего визга и криков отца. Я вскочила с кровати и посмотрела в окно. Он был там, на заднем дворе рядом с будкой, и бил нашу собаку свернутой в рулон газетой. Джинглс часто лаял и выл по ночам, и в эту ночь отец, похоже, твердо вознамерился заставить его замолчать. Замерев у окна, я чувствовала себя беспомощной. «Мне спуститься и попытаться его остановить? А вдруг он избьет меня?» В итоге я ничего не сделала, вернулась в постель и зажала уши пальцами, чтобы заглушить крики Джинглса, пока отец с проклятием не бросил газету и не зашел обратно в дом. Вскоре после этого мы узнали, что у Джинглса было кожное заболевание. «Может, поэтому он так много лает», — подумала я, услышав новости. Позже тем летом Джинглса — единственную собаку, которая у нас когда-либо была, — усыпили, пока я находилась в лагере, но образ отца, кричащего и без конца бьющего его, так и не изгладился из моей памяти.

Зимний день: я убегала от матери со смехом. В руке у нее был ремень, и она гналась за мной по лестнице в ванную. Я спряталась в ванне, но она подскочила ко мне с ремнем и начала бить. Хотя я выставила руки, чтобы защитить лицо, мне совсем не было страшно, и я поймала себя на том, что смеюсь еще громче прежнего. Это, похоже, разозлило маму еще сильнее, и она принялась бить меня с большей силой. А я продолжала смеяться. Возможно, я была счастлива оттого, что она хотя бы проявляла какие-то эмоции. Гнев был лучше, чем ничего. «Из тебя никогда ничего не выйдет!» — бросила она в конце концов, швырнув ремень в ванну и отвернувшись.

Наша домашняя курица: она бегала по заднему двору и кудахтала. Каждый день я выходила к ней с горстью риса, и она неслась мне навстречу — ее ярко-белые перья напоминали маленькую метель, — ожидая, пока я брошу зерно. Затем я наблюдала, как она склевывает его до последней крупинки. Тем летом я уехала в лагерь на несколько недель. Вернувшись, я с нетерпением ждала встречи со своей любимицей; я сама удивилась тому, как сильно по ней соскучилась. В машине по дороге домой я спросила у мамы, как там моя курочка. На ее лице промелькнуло трудночитаемое выражение, и она ничего не ответила.

— Мам?

— О, — наконец выдавила она, — бабушка отнесла ее к мяснику.

К собственному удивлению, я обнаружила, что мне хочется плакать.

— Станция Тридцатой улицы! — голос кондуктора окатил меня, словно холодная вода. Поезд уже прибывал в Филадельфию, а я была ничуть не ближе к решению насчет встречи с родителями, чем в момент, когда садилась в вагон.

На платформе у путей меня поджидала сестра-марги. Она взяла мою сумку, и мы направились к ее машине, а оттуда — в «Замок», который теперь функционировал и как женский джагрити, и как местный Офис женского благосостояния. Все здесь было почти таким же, как я помнила, разве что чуточку более обшарпанным. Людей тоже стало меньше; та горстка женщин, что оставалась здесь, казалось, буквально терялась в его огромных комнатах.

— Мы не знаем, сколько еще сможем его удерживать, — поделилась со мной одна из них. — Это место — настоящий «белый слон» (обуза). Счета за отопление колоссальные — почти тысяча долларов в месяц!

Я почувствовала грусть от ее слов. Так много наших центров представляли собой тесные помещения с низкими потолками и минимумом света. «Замок» являлся одним из редких исключений, и мне было бы очень жаль, если бы его закрыли.

Было странно снова оказаться здесь. Как-то раз, проходя по кампусу Пенсильванского университета мимо поляны, которую студенты называли «Грин», я размышляла о том, насколько другим человеком я стала по сравнению с той девушкой, которая когда-то ходила на занятия, переживала из-за своего веса, курила травку и пыталась быть как все. Когда я в последний раз стояла на этой поляне, весенние лужайки были усыпаны студентами, которые хлестали вино прямо из кувшинов (несмотря на то, что все явно были несовершеннолетними) или играли во фрисби. Теперь же деревья стояли голыми, а ветер гонял сухие листья вокруг ног тепло укутанных прохожих, спешащих по продуваемым дорожкам. Я отвернулась от мыслей о той уязвимой и запутавшейся девушке, какой была раньше, и вернулась к той, кем являлась теперь: уверенной в своем пути и роли в жизни, гордящейся тем, кем стала. Одним пронизывающим до костей холодным днем, когда мы с сестрой-марги установили информационный столик на Локаст-Уок, предлагая литературу Ананда Марги и координаты местных классов йоги проходившим мимо студентам, я поразились тому, какой колоссальный путь проделала.

Но вопрос с родителями никуда не исчезал. Я понимала, что обязана с ними увидеться, но продолжала откладывать встречу. Я не могла заставить себя просто поднять трубку. «Мне не стоит звонить им самой», — думала я всякий раз, когда пыталась набраться смелости. — «Будет более созвучно с правилами поведения, если за меня это сделает

кто-то другой». Я не могла признаться себе в том, что знала в глубине души: я просто не справлюсь с живыми эмоциями, которые могут прозвучать в их голосах, и не буду знать, как ответить отказом на их неизбежную просьбу вернуться домой.

Как-то утром во время медитации мне на ум пришел идеальный человек для этого звонка — Майтрейи, или Харриет Дженкинс, как ее звали в миру. Это была глубоко духовная женщина, которая в самые ранние дни в Филадельфии, будучи старейшим марги в отделении, заменяла мать мне и остальным ребятам, находившимся в подростковом возрасте или едва перешагнувшим двадцатилетие. Майтрейи уже встречалась с моими родителями раньше, так что я рассудила, что для них это не будет звонком от абсолютно чужого человека. К тому же она тоже была еврейкой, что, как мне казалось, сделает этот контакт более комфортным для них.

Майтрейи с мужем привезли их в одно из воскресных окон во второй половине дня. Все утро я провела за уборкой и перестановкой в небольшой гостиной, где нам предстояло сидеть. По мере приближения времени визита я взволнованно ходила из угла в угол, поправляя то один стул, то другой. Я то и дело теребила свою вуаль, выпрямляя ее. Мне не сиделось на месте. И я понятия не имела, что скажу. (Годы спустя Майтрейи расскажет мне, каково это было — везти их в «Замок». «По дороге я рассказывала им, какой замечательной тебя считаю и скольким вещам у тебя научилась. Я знаю, что они были тронуты, но при этом напуганы до смерти. Это были люди, которые панически боялись проявлять эмоции. Твоя мама очень хотела принять то, чем ты занимаешься. Она гордилась, но до ужаса боялась того, что подумают люди»).

Раздался звонок в дверь. Когда я открыла и они вошли вместе с ворвавшимся потоком холодного воздуха, я была поражена тем, как старо выглядел мой отец. В своем пальто и старомодной твидовой шляпе с перышком он казался побитым жизнью и сжавшимся. Он смотрел на меня грустными, слезящимися глазами. Мама была такой же накрашенной и напудренной, как всегда, с той же пышной прической, где каждый волосок был намертво зафиксирован лаком. Она выглядела худее, чем я помнила. Они по очереди обняли меня, изо всех сил стараясь не выдавать обуревавших их чувств и скрывая шок, который наверняка испытали, увидев меня в форме.

Они всегда мастерски умели скрывать вещи. Годы спустя, когда я узнаю тайну, которую родители хранили от нас с братьями на протяжении всего нашего детства и многих лет взрослой жизни, я задумаюсь: не была ли та холодная атмосфера в нашем доме следствием этого секрета? Усилия по удержанию тайны под замком, постоянная бдительность, дабы ни одно упоминание о ней не сорвалось с губ, когда они теряли бдительность, должно быть, просто задушили в них инстинкт свободно выражать свои чувства перед нами.

Отец спросил, останусь ли я в Филадельфии.

— Нет, — ответила я. — Через несколько недель я отправляюсь на новое место. Буду работать на Фиджи.

Между ними промелькнул тревожный взгляд.

Затем мама произнесла: — Марша, мы не против того, что ты связана с этой группой. Но неужели обязательно было уезжать так далеко? Почему ты не могла остаться здесь и заниматься этим?

Я не помню, что ответила. Помню только, что от звуков моего старого имени, которым они меня называли, мне стало не по себе. И очень скоро я сменю это имя в Денвере. Что бы они подумали, если бы узнали?

В конце концов все закончилось. Они снова обняли меня и попросили не теряться. И ушли. Я могла вернуться к своей новой сущности, свободной от родителей и прошлого, которое я предпочитала забыть — которое я была обязана забыть по долгу чести как человек, переродившийся для жизни служения в качестве санньясни.

⁴³ Во многих джагрити комнаты выделялись для Бабы в надежде, что он придет в США. Хотя предпринимались попытки получить для него визу, ее так ни разу и не одобрили.

Глава 12. Фиджи: Работа в подполье

К марту я была уже на пути в Суву, столицу Фиджи. Я прибыла туда поздно ночью и заселилась в отель недалеко от аэропорта — временная мера, так как я не могла позволить себе оставаться там дольше нескольких дней. В Суве не было марги, у которых я могла бы остановиться, так что мне приходилось выкручиваться самой. У меня были адреса нескольких местных индийских общин, и я планировала разыскать некоторые из них на следующий день в надежде, что кто-нибудь предложит мне жилье.

Помимо нехватки марги, работа на Фиджи обещала быть непростой и по другой причине: за несколько лет до этого из страны депортировали нескольких наших работников. Это означало, что мне придется работать в подполье — я не могла носить форму или представляться учителем Ананда Марги. Здесь я буду известна не как Ачарья Малати, а исключительно как Сандра Холмс — под новым именем, которое я получила в Денвере.

Я не считала такой образ действий чем-то бесчестным или противозаконным. В конце концов, я приехала совершать благие дела: обучать людей медитации и йоге, помогать всем, чем могу. Если ради этого нужно работать в подполье, скрывая свою истинную сущность, пусть будет так. К тому же перспектива подпольной работы мне даже нравилась: в этом было что-то захватывающее.

Я не знала, чем заменить форму, но понимала, что одежда должна быть скромной, намекающей на мой статус монахини. Я отправилась к портному и сшила несколько длинных юбок из набивного хлопка — достаточно широких, чтобы в них можно было сидеть со скрещенными ногами во время медитации, а также несколько блузок пастельных тонов из смеси хлопка и полиэстера, которые не требовали глажки, с воротником-стойкой в стиле Неру и длинными рукавами.

Через одну индуистскую общину я познакомилась с индианкой — незамужней учительницей средних лет, которая жила одна. Должно быть, она почувствовала во мне

родственную душу, потому что предложила мне комнату в своем доме на окраине Сувы. Я с благодарностью согласилась. Наш образ жизни идеально совпадал: как и я, она была вегетарианкой, жила скромно, посвящая все время преподаванию и своим индуистским практикам.

Начальный этап моего пребывания на Фиджи стал уникальным периодом в моей карьере в Ананда Марге: я осталась абсолютно одна. Рядом не было ни других диди, ни дад, ни LFT, ни вышестоящего руководства, с которыми нужно было бы работать или перед которыми следовало отчитываться. (В стране находился один индийский дада, который действовал под подпольным именем Прагун, но наши пути пересеклись еще очень нескоро). Хотя вряд ли я поступала бы иначе, будь у меня напарники, я нашла определенную свободу в том, что делала все самостоятельно и по-своему.

Обретя базу для работы, я выделила немного времени на то, чтобы осмотреться, чего никогда не позволяла себе на прошлых местах службы. Остров показался мне потрясающе красивым: с пышными разноцветными цветами, пляжами с белым песком и полыхающими закатами над океаном, за которыми я любила наблюдать, сидя в тенистом прибрежном парке рядом с YWCA.

Сува была маленьким городком, в самом центре которого царила колоритная викторианская атмосфера — несомненное следствие того, что Фиджи почти век оставался британской колонией. На улицах в равных пропорциях встречались коренные фиджийцы и индийцы с редкими вкраплениями китайцев и европейцев. Я знала, что на Фиджи живут индийцы, но была приятно удивлена, обнаружив их в таком количестве. «Большое индийское население наверняка пойдет на пользу моей работе», — размышляла я. Мне рассказали, что англичане завезли их сюда в конце девятнадцатого века для работы на плантациях сахарного тростника. Со временем индийцам предоставили выбор: вернуться на родину или остаться. Большинство предпочло остаться; многие из них впоследствии стали успешными фермерами или бизнесменами.

Вскоре я познакомилась и с коренными фиджийцами. Большинство из них жили в коро (деревнях), самые крупные из которых объединяли по несколько матагали (расширенных семейных кланов). Они трудились на своих плантациях, выращивая бананы, кассаву (корень тапиоки), таро и другие местные культуры. Некоторые деревни были довольно большими, насчитывая по несколько сотен жителей. Всякий раз, посещая их, я убеждалась, насколько эти люди дружелюбны и гостеприимны.

Через несколько месяцев после моего приезда фиджиец, которого я встретила в соседнем крупном селении, пригласил меня посетить маленькую деревеньку. Когда я туда добралась, один из местных жителей позвал меня остаться на обед. Когда мы уселись на кокосовую циновку, меня познакомили со всеми, в том числе с маленьким мальчиком, сидевшим между двумя взрослыми. Джозэли, казалось, был всеобщим любимцем в деревне: его нежная улыбка, забавные гримасы и жесты заставляли всех покатываться со смеху.

Но несмотря на улыбку Джозэли, мне было тяжело на него смотреть. Все его тело было покрыто мокнущими язвами, вокруг которых роились мухи; взрослые пытались отгонять их веерами. Я почувствовала сильную тягу помочь этому малышу. Решение пришло ко мне ближе к концу обеда, когда я наблюдала, как мать Джозэли готовит ему бутылочку, наливая туда черный чай и добавляя несколько ложек сахара с горкой.

— Фелисе, черный чай слишком крепок для такого маленького ребенка, — сказала я. — И столько сахара ему тоже вредно. Готовь ему вместо этого фиджийский чай⁴⁴.

Позже я показала ей, как толочь свежие корни куркумы, чтобы выжать сок.

— Просто добавляй его в молоко и давай ему пить как лекарство, — наставляла я. — Куркума очищает кровь. Загрязнение крови часто приводит к таким кожным проблемам, как у Джозли.

— Мы испробуем все, что может помочь Джозли, — поблагодарила меня Фелисе.

Поскольку этот рецепт с куркумой я взяла из книги Бабы по йогической медицине «Yogika Chikitsa O Dravyaguna» («Йогическое лечение и природные средства»), я была уверена, что состояние мальчика улучшится — если только родные последуют моему совету.

В тот же день я покинула деревню, чтобы отправиться в другую часть острова. Когда две недели спустя я вернулась, меня ждал едва ли не королевский прием — ведь язвы у маленького Джозли полностью исчезли! Жители деревни упросили меня остаться, и я с радостью согласилась. Я была счастлива узнать, что мне не придется делить ни с кем жилое пространство: у них пустовала небольшая однокомнатная постройка, которую теперь предоставили в мое распоряжение.

Но радость от обретения собственного угла оказалась недолгой. Из-за гофрированной жестяной крыши деревянный домик большую часть времени оставался непригодным для жизни: в дневной зной внутри стояла такая духота, что находиться там было невозможно. Не легче приходилось и во время на удивление зябких ночей в сезон прохлады. «Ну как здесь может быть так холодно? — думала я, лежа без сна и дрожа от озноба. — Это же тропики!» Фиджи, конечно, находится в Южном полушарии, так что к моменту моего переезда в домик как раз началась зима. И все же я никак не предполагала, что мне здесь хоть когда-нибудь станет холодно.

По соседству стоял традиционный фиджийский дом, полностью построенный из травы и кокосовых листьев. В дневную жару в нем царила восхитительная прохлада, а в самые зябкие зимние ночи было тепло и уютно, и я втайне завидовала жившей там семье. Остальные обитатели деревни обитали в более современных постройках с крышами из гофрированного железа, как у меня, так что сталкивались с теми же проблемами. А во время циклонов такие крыши представляли смертельную опасность: сорванные мощными порывами ветра листы железа взмывали в воздух и с огромной скоростью носились по деревне, и горе тому, кто попадался им на пути! Местные жители делились историями о людях, которые получали тяжелые увечья или даже погибали, когда выходили на улицу во время циклона, чтобы что-то привязать или укрепить.

Вскоре я поняла, что эти так называемые современные дома с их жестяными крышами были лишь одним из нескольких не самых полезных новшеств, принесенных фиджийцам внешним миром. Их рацион претерпел не менее радикальные изменения. Прежде островитяне питались местными продуктами — рыбой, кассавой, плодами хлебного дерева⁴⁵ и кокосами, но теперь все это в значительной степени вытеснили белый рис, белый хлеб или чапати (которые фиджийцы научились печь у своих соседей-индийцев), сахар и черный чай. Завтрак в деревне обычно состоял из риса или чапати и сладкого черного чая. Обед был лишь немногим лучше, обычно включая в себя кассаву, таро или плоды хлебного дерева, зелень и, очень редко, рыбу; на ужин снова подавали кассаву

или рис и чай с сахаром. У многих детей отмечались проблемы с кожей, похожие на те, что были у Джоэли.

По утрам, наблюдая, как дети едят на завтрак рис с чаем, я задавалась вопросом, как они вообще способны соображать в школе после такой пищи. Поразмыслив над проблемой несколько дней, я нашла решение, села на автобус и отправилась на рынок в близлежащий город Нади, чтобы купить сухого молока и овсяных хлопьев. Ранним следующим утром я разожгла свою керосинку, поставила закипать огромную кастрюлю с водой, добавила туда овсянку и молоко, сварив порцию каши. Выглянув за дверь, я заметила одну из старших девочек и окликнула ее:

— Мили, скажи всем детям, пусть приходят со своими мисками и ложками. И поторопи их! Тут для них есть горячая еда!

— Хорошо, мисс Сандра! — крикнула она на бегу.

Вскоре перед моим домом собралась толпа любопытной ребятни, гадавшей, чем же я собираюсь их угостить. Один за другим они заходили внутрь, наполняя миски кашей. Они усаживались прямо на пол и ели. Вскоре последние ложки каши были разложены по емкостям. Дети подняли на меня глаза; на их смуглых личиках виднелись остатки овсянки.

— Мисс Сандра, это было очень вкусно! А вы сварите ее завтра снова?

— С огромным удовольствием. Просто приходите в то же время. И не забудьте свои миски и ложки!

Через несколько дней во время завтрака к моей двери, неся миски и ложки, поспешили вовсе не дети, а... две матери, на ходу поправляя свои яркие сулу⁴⁶! Вопреки всему я почувствовала раздражение. «Это же для детей, — подумала я, — и если ее станут есть матери, малышам просто не хватит!» Но я ничего не сказала, наполнила их миски, а остатки раздала выстроившимся на улице детям. Матери со своими чадами уселись рядышком на циновку, уплетая кашу и получая от нее одинаковое удовольствие. Наблюдая за ними, я думала: «Если им так нравится овсянка, почему они не готовят ее сами?»

В тот же день я собрала женщин вместе и объяснила им преимущества завтрака из овсяной каши по сравнению с рисом и чаем.

— Понимаете, — начала я, — каша не просто вкусная, это очень полезная еда. Овсянка с молоком дает организму много белка. Белый рис столько не дает. И за те же деньги, что вы тратите на килограмм риса, можно купить упаковку овсяных хлопьев. Рис уйдет за один раз, а каши, если варить ее на воде с молоком, хватит на три-четыре завтрака! — подытожила я.

Они слушали очень внимательно, кивая и улыбаясь, и, казалось, полностью согласились с тем, что покупка овсянки и сухого молока — отличная идея. С огромным предвкушением я стала ждать плодов своих демонстрационных завтраков и лекций. Я была уверена, что вскоре кастрюли с кашей закипят по всей деревне, — но женщины по-прежнему продолжали варить на завтрак рис или чапати и упрямо приходили к моему дому со своими мисками, выпрашивая овсянку. Я недоумевала, почему так происходит. Может, потому, что рис, чапати и чай, хоть и не были исконной пищей, уже прочно вошли в традицию местных жителей. Или потому, что овсянки не было в местной лавке, и ради

нее нужно было прикладывать усилия и ехать в город. Какова бы ни была причина, провал моего эксперимента с завтраками стал для меня сильным ударом. Но вскоре последовали и другие.

Каждый день я наблюдала за непрерывным потоком детей и взрослых, тянувшихся по грунтовой тропинке из деревни на дорогу, где располагалась лавка индийца. Там они делали свои покупки, после чего вереница возвращалась обратно. Однажды, наблюдая за этим, я поймала себя на недоумении: даже самые большие семьи в деревне, приходя в магазин, покупали продукты в самых минимальных количествах — всего по килограмму муки или риса. Я ломала над этим голову. «Может, им просто не приходит в голову покупать рис и муку большими мешками?» — подумала я и решила расспросить об этом одного из деревенских мужчин.

— Покупка продуктов оптом сэкономила бы вам кучу времени и денег, — заметила я ему.

Мужчина, которого звали Вайсале, смерил меня долгим, изучающим взглядом.

— Знаешь, покупка вещей в больших количествах работает для индийцев, — произнес он. — Но мы, фиджийцы, так делать не можем.

— Почему же? — удивилась я.

— Если я куплю большой мешок риса, придут определенные люди и сделают кере-кере рис, и у меня ничего не останется, — ответил Вайсале. — Но если я куплю всего лишь килограммовый пакет, все будут знать, что это для моей семьи, и никто не станет просить его по кере-кере. Кере-кере — одна из причин, почему мало кто из фиджийцев уезжает из своих деревень и с плантаций, чтобы устроиться на работу во внешнем мире, — продолжил он. — Потому что если они заработают денег и купят что-то новое, например, диван или стол, родственник или вождь обязательно попросит это по кере-кере, и вещь унесут.

О традиции кере-кере я уже слышала. Я знала, что когда к фиджийцу в гости приходит старший родственник или другой уважаемый человек и замечает вещь, которая ему приглянулась, он указывает на нее и произносит: «Кере-кере на...», называя желаемый предмет. Фиджийский хозяин после этого по долгу чести обязан подарить ее гостю. Но я и представить себе не могла, что это распространяется даже на еду, купленную для собственной семьи!

Когда до меня дошла суть ситуации, во мне смешался сложный клубок эмоций: грусть оттого, что обычай, зародившийся в эпоху бартерной экономики, когда у всех был одинаковый уровень жизни, теперь тянул фиджийцев назад, делая их неспособными приспособиться к новым порядкам, пришедшим на их острова; восхищение народом, щедрым до безумия, который всегда радушно примет тебя в своем доме и разделит с тобой те крохи, что у них есть; и разочарование: как бы я ни старалась, ничто из того, что я делала или предлагала, не оказывало никакого влияния на жителей деревни и не меняло их жизнь к (как мне казалось) лучшему.

Я также посещала индийские деревни, и в большинстве из них меня встречали очень тепло; фиджийские индийцы по-прежнему оставались крепко привязаны к традициям земли своих предков, включая йогу, несмотря на то, что большинство из них никогда там не бывали. Они по-прежнему говорили на хинди, но их язык, известный как «фиджийский хинди» (или как то, что они сами самоуничижительно называли «джангли хинди» —

лесной хинди), отличался от того, на котором говорили в Индии. Их традиционная пища также претерпела изменения. Например, чапати они пекли из муки грубого помола, называемой «шарпс» (sharps), вместо цельнозерновой муки, используемой в Индии. В результате фиджийским чапати не хватало витаминов, отрубей и клетчатки, которые были в их индийских аналогах.

Помимо чапати, более бедные деревенские жители могли позволить себе в основном только картофель и баклажаны. Эти овощи вместе с белым рисом и далом составляли основу их рациона. В результате страдало их здоровье, у многих развивались анемия и диабет. «Они были бы куда здоровее, если бы пекли чапати из цельнозерновой муки», — подумала я.

В один из дней мне пришла в голову, как я считала, блестящая идея. Я решила повсюду носить с собой немного цельнозерновой муки. Я буду сама печь чапати и показывать женщинам, насколько они вкусные.

Именно так я и поступила. Первая деревня, куда я отправилась со своим мешком муки, была той, где я уже бывала раньше. Я тут же извлекла мешок и принялась готовить темные чапати для местных женщин на пробу. (То, что я выпекала их стопками во время обучения, мне здесь здорово помогло!) Раскатывая одну лепешку за другой и выкладывая их на таву (сковороду) для выпекания, я объясняла, что в Индии люди едят темные чапати и они гораздо питательнее.

— И к тому же они очень вкусные, — добавила я в конце. — Попробуйте.

Когда они попробовали, их сомнения сменились улыбками.

— Сандра Диди, ты права, они действительно вкусные! — сказали они.

Несколько женщин даже заверили меня, что попробуют приготовить их дома. Я была на седьмом небе от счастья.

Садясь в автобус, чтобы отправиться в другую деревню, я лелеяла нежные надежды вернуться в ту, где только что провела свою демонстрацию, и в моем воображении уже рисовались картины: темные чапати пекутся на каждой уличной глиняной печке, а здоровье жителей улучшается семимильными шагами. Вскоре станет меньше диабета и анемии — и все благодаря всемогущей цельнозерновой чапати и мне.

Когда через несколько недель я вернулась, жители деревни вышли встретить меня у автобуса и проводили в дом, где я должна была остановиться. После того как я закончила полуденную садхану, дети принесли мой обед и поставили передо мной. Как это обычно и бывало, эмалированная тарелка с едой была прикрыта другой. С огромным предвкушением, затаив дыхание, я подняла верхнюю тарелку и обнаружила картофельное карри, рис, дал и... три бледные, чахлые белые чапати, уныло взиравшие на меня. Я отправилась к хозяйке дома, изо всех сил стараясь не показывать своего разочарования (и, чего греха таить, даже гнева). Она мыла котлы.

— Вкусно, как и всегда, — начала я. — Но что случилось с темными чапати? Я думала, вы хотели начать их готовить.

Худая, измученная женщина глубоко вздохнула: — Да, я очень хотела... но, понимаешь, мой муж любит белые... — Ее голос затих.

Этого было достаточно. В индийской деревне слово мужчины — любой его каприз — закон. Не имело значения, что его жене темные чапати показались вкусными; не имело значения, что они понравились его детям; не имело значения даже то, что темные лепешки были полезнее для здоровья. Все это было неважно, потому что ему нравились белые. И так было в одной деревне за другой.

Однако я не сдавалась. Примерно в то же время запах мелассы (патоки) возле сахарного завода в Нади натолкнул меня на очередную мысль. Фиджийцы, как я знала, никогда не ели мелассу. Они считали ее непригодной для человека, поэтому скармливали скоту. Помню, какое недоумение и даже возмущение я испытала, когда впервые узнала этот факт. Столько деревенских женщин страдают от анемии, а люди отдают эту богатую железом пищу коровам? Я была убеждена, что должен быть способ заставить женщин употреблять мелассу. Это было как раз то, в чем они нуждались.

И вот одним утром я отправилась на завод с несколькими пластиковыми канистрами и убедила рабочих дать мне мелассы. Одну канистру я стала повсюду носить с собой. Приходя в деревню, я размешивала ложку патоки в теплом молоке, протягивала стакан одной из изнуренных на вид женщин и говорила: «Попробуй. По вкусу напоминает шоколадное молоко».

Но заставить женщин пить мелассу оказалось ничуть не проще, чем перевести их с белой муки на цельнозерновую. Для них меласса была кормом для скота, и кормом для скота она оставалась. Так что коровы оставались здоровыми, а женщины — анемичными. В очередной раз мне не удалось изменить чью-то жизнь, и я была разочарована. Ну когда же я научусь?

Эти случаи заставили меня задуматься, добилась ли я вообще хоть чего-то в качестве диди. Когда я решила стать ею, я была полна решимости отличаться от своих родителей, которые, как мне казалось, питали глубокое недоверие ко всем, кто на них не похож. В отличие от них, я собиралась принять весь мир и все его народы; я собиралась помогать другим и видеть в них врожденное добро, независимо от их расы, религии или национальности. Я была убеждена, что через Ананда Маргу и ее практики, включая такие оздоровительные методы, как йоговские позы и рецепты из книг Бабы, я смогу помочь людям жить лучше и сделать этот мир краше. Когда мой идеализм начал сталкиваться с реальностью, я стала понимать, что истинные изменения в убеждениях, традициях и привычках людей происходят лишь постепенно. Между тем отсутствие осязаемых результатов большинства моих усилий огорчало и ставило меня в тупик.

Это также заставило меня задуматься о том, как мало я на самом деле усвоила некоторые из йогических учений. С самого момента посвящения я размышляла над извечной философской истиной о том, что ты владеешь своими действиями, но не их плодами или результатами. К ним нужно оставаться непривязанным. Это было одно из самых полезных йогических учений, но мне оказалось трудно применять его на практике. Раз за разом я сталкивалась с ситуациями, которые требовали непривязанности к результатам моих трудов. Раз за разом я предвкушала, что мои усилия приведут к переменам и улучшению в жизни людей. И раз за разом я оставалась в глубоком разочаровании.

Мне и в голову не приходило, что в самом моем желании изменить чужие привычки или повлиять на чью-то жизнь крылось немало высокомерия.

Я проводила долгие часы в автобусах, переезжая из одной индийской деревни в другую. Поскольку мои расходы на жизнь были минимальными, а люди обычно делились со мной едой, плата за проезд оставалась главной статьей моих трат. За свои занятия я денег не брала — уроки медитации в Ананда Марге всегда были бесплатными, так что мне пришлось придумывать способ зарабатывать самой. Иногда я брала плату за обучение йогойским позам, но делала это крайне неохотно. К тому же, даже если бы я и захотела, мало кто на Фиджи мог позволить себе платить хоть сколько-нибудь существенные суммы.

Поэтому я занялась мелкой торговлей: носила с собой карандаши и ластики, продавая их ради копеечной прибыли. В одной индийской деревне я вырастила грядку кинзы и продавала ее небольшими пучками. В других деревнях я делала кокосовые сладости из свеженатертого кокоса, сахара и кардамона. Помешивая кокос с сахаром на открытом огне до тех пор, пока не выделялось масло и смесь не начинала густеть, я перекладывала массу на противень, нарезала квадратиками и продавала.

Я даже научилась пользоваться кокосовой теркой — длинным куском металла с закругленным зубчатым краем, прикрепленным к деревяшке. Ее кладут на стул, садятся сверху так, чтобы зубчатый край был направлен наружу, берут половинку кокоса и скребут внутреннюю часть о терку. С практикой я стала ловко с этим справляться, хотя мне так и не удалось сравняться в скорости с индийскими женщинами. Они могли тереть кокосы даже не глядя, сбрасывая одну пустую скорлупу за другой в постоянно растущую кучу поблизости.

Поразительно, как деревенские жители использовали абсолютно все части кокоса. Из натертой мякоти они отжимали кокосовое молоко. Из нее же добывали кокосовое масло, использовавшееся как в кулинарии, так и для ухода за кожей и волосами. На кухнях пустые скорлупки часто служили контейнерами. Женщины хранили в них мочалки для мытья посуды, которые сами же и делали из волокон кокосовой шелухи. В своей повседневной жизни деревенские жители — как фиджийцы, так и индийцы — практически не оставляли отходов.

Для человека, приехавшего из общества одноразового потребления, увиденное было и удивительным, и вдохновляющим. В их жизни было что-то настолько красивое и простое, чему мне хотелось подражать, — что-то очень близкое к земле и ее ритмам. Наверное, в то время я не осознавала, что для большинства жителей деревни такой образ жизни был продиктован бедностью, традициями или сочетанием того и другого. Сомневаюсь, что многие назвали бы его красивым, если бы я их спросила. Но для меня он был именно таким.

В деревни я обычно попадала благодаря сарафанному радио. В одной деревне я познакомилась с гостем из другой или с кем-то, у кого были родственники в других краях. Спустя дни или недели я приезжала туда и разыскивала этого человека. В большинстве случаев мне предлагали жилье, а затем я организовывала лекцию или занятие. Собиралась почти вся деревня; люди набивались в крошечные комнаты, чтобы слушать мантра-киртан, медитировать или слушать мои беседы, которые переводил на хинди сидевший рядом со мной помощник.

Большинство индийских жителей деревни были индуистами и соблюдали ежедневные ритуалы. Почти в каждом доме высоко в углу обустраивался алтарь-пуджа. Они мало чем отличались от наших пудж в Ананда Марге, но вместо портрета Бабы на них стояли одно или несколько изображений божеств: Кришны, Шивы или Кали с ее ожерельем из

черепов. Вокруг картинок раскладывали гибискусы или другие яркие цветы, а также бананы или кокосы; их украшали гириляндами из бархатцев или франжипани. Каждое утро и вечер члены семьи вставали перед алтарем, чтобы петь и подносить индуистским богам цветы и арати (ритуал, при котором перед изображением божества водят по кругу тарелкой с зажженной свечой). В некоторых деревнях были небольшие храмы, где жрецы-брахманы проводили огненные церемонии, бросая гхи в пламя и воспевая ведические гимны. Деревенские жители устраивали и свои собственные песнопения, собираясь вместе с парой барабанов, фисгармонией⁴⁷ и маленькими цимбалами.

Поскольку я была без формы и меня знали только как Сандру или Диди, то, что я делала, мало отличалось от знакомых им традиций — по крайней мере, в том, что касалось песнопений и некоторых аспектов философии. Тем не менее многие находили вдохновение в моих словах. Я была убеждена, что за всем этим стоит сила Гуру. Я часто говорила о Бабе (я называла его только так), и большинство жителей деревни слушали мои рассказы о нем как замороженные. Возможно, впрочем, это было отчасти связано и с тем, что белая женщина из самой Америки приехала в их глухую деревню учить йоге и медитации. Я была для них диковинкой, чем-то невиданным, зрелищем, дарившим передышку от серых будней, — присутствие такой гостьи, без сомнения, вызывало бурные обсуждения в каждом доме. «Почему? — наверняка спрашивали они друг друга. — Зачем она все это делает?» Но в то время мне это и в голову не приходило. Я была свято уверена, что весь этот интерес вызван исключительно Бабой и никем иным.

В большинстве деревень я останавливалась на несколько дней или на неделю. В одной или двух задержалась подольше. Одна из них находилась недалеко от Нади. Это была не деревня в полном смысле слова — у нее даже не было названия, она состояла из нескольких домов, растянувшихся вдоль проходящей через нее грунтовой дороги. Там у меня появилось собственное жилье. Местные жители помогли мне обустроить пустующую хижину, сделанную из расплюснутых красно-коричневых железных бочек: мужчины залатали дыры, а женщины помогли мне настелить новый пол. Для этого смешивали коровий навоз с грязью и ровным слоем распределяли по земле. Когда пол высыхал, он становился гладким и очень приятным на ощупь. В отличие от бетонного пола, в жаркий сезон он сохранял прохладу, а в холодный — тепло, и я была им полностью довольна.

Моя хижина была слишком мала для проведения занятий, но несколько жителей деревни иногда присоединялись ко мне для утренней и вечерней медитации. Одной из тех, кто делал это регулярно, была Субхадра — девочка-подросток, которой я дала посвящение и последующие уроки. Мы быстро сблизились. Субхадра, жившая с бабушкой и большой семьей в одном из самых просторных домов, быламышленной девушкой. Было очевидно, что в деревне ей душно и она стремится к совершенно иной жизни, нежели та, что ждала ее в случае замужества: переезд в деревню мужа, рождение детей и бесконечная домашняя работа часами напролет. Родственники уже вовсю подыскивали ей парня.

Время от времени Субхадра прибегала в мою хижину в слезах:

— Диди, они ищут мне мужа. Я не хочу замуж! Что мне делать?

— Не переживай, — отвечала я, — мы что-нибудь придумаем.

В ней я видела искреннюю последовательницу, которая со временем могла бы стать LFT и уехать из деревни, чтобы работать со мной в других местах; во мне же она, должно быть, видела свой билет на волю⁴⁸.

Часто приходя ко мне с покрасневшими глазами и пахнувшая дымом, Субхадра жаловалась на долгие часы, проведенные за готовкой на уличной кухне. Я ей сочувствовала, ведь и сама начала готовить на дымящем костре. Во всех домах уличные кухни строились из гофрированного железа или расплюснутых бочек, а печи сооружали из кирпичей и коровьего навоза. В качестве топлива использовались дрова или высушенные навозные лепешки, которые жутко дымили. В результате все женщины кашляли, а у некоторых начались проблемы с дыханием. У моей печки, которую мне помогла сделать Субхадра, не было даже навеса для защиты от непогоды. В жаркие дни я готовила только тогда, когда солнце не стояло прямо над головой. К счастью, самой стряпать приходилось не так уж часто — меня обычно приглашали на обед или ужин в какой-нибудь дом в деревне.

Ни у кого в домах не было водопровода. Имелась всего одна труба, откуда все брали воду. Женщины часами стирали белье на камне возле этой трубы. Рядом с ней стояла душевая из гофрированного железа, которой пользовались несколько семей. К ней был подведен источник, и оттуда текла холодная вода. В жаркие дни это было непередаваемое блаженство — вылить на голову целое ведро прохладной воды в конце мытья. Если за мной никто не занимал очередь, я заодно там же и стирала свои вещи.

Входя в ритм деревенской жизни, я гордилась собой: гордилась тем, что могу приготовить вкусное карри на собственной печке, что могу дочиста отстирать свою одежду (ничуть не хуже местных женщин), колотя по ней палкой, что научилась сама делать кокосовое молоко и масло. Простота этой жизни меня прельщала. Даже тонкий слой пыли, который в засушливый сезон покрывал все вокруг, включая вывешенное на веревке белье, меня не особо беспокоил. Как-то раз корова сжевала большую часть моей юбки, которую я повесила сушиться. Мы с Субхадрой прогнали ее со смехом. В другой раз меня разбудил шуршащий звук в одном из ящиков. Я поднялась, выдвинула его и обнаружила гнездо с новорожденными мышатами, настолько крошечными, что у них еще не открылись глаза. Малыши были такими милыми, что у меня рука не поднялась их перенести. Меня вообще ничего не расстраивало. А если что-то и шло не так, у меня были мои духовные практики. В любой ситуации я могла спеть киртан, сесть, закрыть глаза и отыскать тот глубокий источник покоя, который всегда пребывал внутри.

Для Фиджи, островной группы посреди Тихого океана, циклоны были привычным делом. Я ощутила всю грозную мощь стихии, когда один из таких штормов обрушился прямо на острова. В то время я находилась в одной из индийских деревень недалеко от города Лаутока.

Когда припустил дождь и начал подниматься ветер, я отправилась в город, чтобы купить свечей, фонарик и другие предметы первой необходимости. Мало какие магазины были открыты, а улицы стояли почти пустыми. Когда потоки дождя с силой захлестали по мостовым, а ветер взревел с пугающим воем, я пожалела о своей вылазке и бросилась к автовокзалу. Как и улицы, он был безлюдным, если не считать одного-единственного автобуса. Запыхавшись, я подбежала к нему и заскочила в салон с покупками прямо перед тем, как дверь захлопнулась и автобус тронулся. С огромным облегчением я опустила на сиденье, чтобы перевести дух, пока с моей одежды ручьями стекала вода, образуя лужу.

Несмотря на усиливающиеся порывы ветра, водитель умудрялся медленно продвигать автобус по дороге. На своей остановке я вышла и с трудом потащилась по тропинке к дому, где остановилась, борясь с ветром, от которого казалось, что меня вот-вот оторвет от земли и унесет прочь.

Пережить шторм мне предстояло в семье самых зажиточных людей в деревне, в их прочном бетонном доме. Домам остальных жителей, скорее всего, повезло меньше. Ветер дул с каждым разом все сильнее, а жуткий завывающий гул стал настолько громким, что расслышать друг друга без крика было невозможно; все мои мысли были заняты другими деревенскими жителями. Как же им, должно быть, страшно!

С наступлением вечера мы с хозяевами наблюдали из окон, как кокосовые пальмы швыряет из стороны в сторону. Потоки дождя нещадно хлестали по красной земле, превращая ее в сплошное месиво. Грязная вода начала просачиваться в дом, и мы принялись затыкать тряпками щели под всеми дверями, пытаясь остановить ее наступление, — но тщетно.

В ту ночь никто толком не уснул. Наряду с непрекращающимся воем ветра и стуком дождя до нас доносился грохот гофрированного железа, бьющегося о стены. Посреди ночи, взглянув в окно и увидев, как листы железа летают по всему двору, я взмолилась, чтобы никто под них не попался.

Наконец настал изнурительный рассвет. Дождь сменился моросью, а ветер, хоть и продолжал дуть, заметно утих. Мы встретили друг друга бледными улыбками облегчения. Если не считать небольшого подтопления, дом не пострадал.

Я вышла на улицу, чтобы посмотреть, как дела у остальных. Повсюду были разбросаны ветки и обломки. Деревья были вырваны с корнем. Поля сахарного тростника стояли примятыми, словно по ним прошла чья-то гигантская рука. Красно-коричневая густая грязь покрывала абсолютно все. За какие-то несколько часов яркий фиджийский пейзаж превратился в однообразное серое месиво.

Пробираясь сквозь завалы и стараясь не наступить на острые листы железа, наполовину скрытые в грязи, я внезапно почувствовала резкую боль под правым коленом. Я порезалась о кусок рабицы. Рана была длинной, но не слишком глубокой, поэтому я промокнула кровь платком и продолжила путь.

К моему огромному облегчению и великому удивлению, все дома в деревне устояли, и у каждого крыша осталась целой. Пострадали только уличные кухни и пристройки. Мало того, что уцелели жилища, так и урожай сахарного тростника, хоть и был примят, в основном выжил и со временем выпрямится. Но менее чем в миле дальше по дороге картина была совершенно иной. Там дома сильно пострадали: крыши были сорваны, а стены обрушились. Кроме того, весь урожай тростника в том районе был уничтожен — стебли перекутило и переломало. Как же нашей деревне удалось избежать подобной участи?

Вернувшись, я увидела одну из местных женщин. Она помахала мне рукой и пригласила в дом, где сидели еще несколько человек, обсуждая свое везение.

— Сандра Диди, — сказала одна, когда я присела, — когда шторм разыгрался не на шутку, все побежали к Калпане. Из всех наших домов ее — самый прочный. Мы сели в круг и стали петь «Баба Нам Кевалам» — и нашу деревню пронесло!

Я почувствовала, как у меня волосы встают дыбом, когда до меня дошел весь смысл ее слов. На мой взгляд, этому исходу было одно и только одно объяснение: Баба защитил деревню. Он сотворил чудо.

Стали поступать сообщения о разрушениях в других деревнях. Узнав об одном особенно сильно пострадавшем районе, я решила отправиться туда. (Я ехала туда не глядеть, а помогать. Где бы и когда бы ни происходило бедствие, Ананда Марга всегда направлялась туда с едой и медикаментами. У организации даже были свои спасательные отряды. Помощь, организованная дадами и мужчинами-марги, проходила под эгидой AMURT — Ananda Marga Universal Relief Team; а работа, организованная диди и женщинами-марги, — под эгидой AMURTEL, женского крыла организации). Но сначала мне требовались припасы. С помощью деревенских женщин я организовала сбор пожертвований: дала, муки, сухого молока и сахара. Когда из Нади снова пошли автобусы, мы погрузили наши мешки с припасами и отправились в путь.

Я никогда не забуду картину полного опустошения, открывшуюся мне по мере приближения автобуса к месту. От ветра пострадали не только дома и посевы — у большинства жилищ отсутствовали крыши и стены, — но и вся деревня оказалась затоплена. Грязь покрывала абсолютно все, а в воздухе стоял жуткий запах гниения. Чистой воды едва хватало на питье и готовку, так что на уборку ее выделить не могли.

Мы узнали об одном мужчине, которого убило сорванным листом гофрированного железа. Потрясенные, мы навестили его семью, но у нас не нашлось слов, чтобы утешить его жену и детей. Припасы, которые мы привезли с собой и которые еще недавно казались нам внушительными, были каплей в безбрежном океане нужды.

Люди реагировали на катастрофу по-разному. В целом я заметила, что те, кто был побогаче и имел больше ресурсов для восстановления, были более склонны к жалости к себе, чем их менее удачливые соседи. Одна встреченная мной женщина, чей добротный дом хоть и пострадал, но устоял, сокрушалась: «Я потеряла абсолютно все. У меня ничего не осталось, жизнь кончена». Затем она обхватила голову руками и разрыдалась.

Разительный контраст я испытала несколько недель спустя, когда отправилась в глухую прибрежную деревеньку для последующих уроков медитации. Она была настолько отрезанной от мира, что добираться туда и обратно приходилось на каноэ. Большинство жителей там были бедными, и многие их дома шторм разрушил полностью. Я навестила семью, которая жила на вершине холма. От их прежнего жилища не осталось ровным счетом ничего. Все, что можно было увидеть теперь, — это столбы с натянутыми веревками, очерчивавшие контуры будущего нового дома семьи. Отца звали Арун. Он вместе с сыновьями собирал доски, листы железа и другие материалы для работы. У них почти не было средств на восстановление, но они благодарили небеса за то, что остались живы.

— Сандра Диди, — сказал Арун, — Бог благословил нас. Мы все живы и невредимы!

И такое отношение я видела снова и снова среди людей, у которых не было почти ничего.

⁴⁴ *Фиджийский чай: чай, заваренный из молодых листьев лимонных деревьев или из лемонграсса. И того, и другого в деревне было в избытке.*

⁴⁵ *Плоды хлебного дерева: разновидность крахмалистых плодов. Деревенские жители срывали их до созревания и запекали, варили или тушили как овощи.*

⁴⁶ *сулу: традиционная фиджийская одежда, похожая на саронг.*

⁴⁷ *фисгармония (harmonium): язычковый орган с ручными мехами. Одной рукой качают мехи, а другой играют на клавиатуре.*

⁴⁸ *Субхадра со временем действительно уехала из своей деревни. Она отправилась со мной в Американское Самоа и работала там вместе со мной. После возвращения на Фиджи (и, вероятно, поняв, что больше я ничего не могу для нее сделать), она примкнула к христианской общине и переехала в Суву.*

Глава 13. Я очищаюсь — снова

В июле 1981 года я оказалась в Австралии на собрании RDS — маленькое чудо, ставшее возможным главным образом благодаря займу, который мне дал один последователь Мун Сон Мёна, с которым я подружилась в Суве. За день до моего предполагаемого возвращения на Фиджи австралийский марги вернулся из Индии с ошеломляющими новостями: Баба призывает всех марги приехать в Калькутту. Каждому, кто прибудет до конца месяца, он собирался дать нечто под названием Дхарма Самикша — событие, как говорили, еще более значимое, чем Личный контакт. Это была уникальная, единственная в жизни возможность, когда он забирал на себя самскары преданных, чтобы они могли начать свою духовную жизнь с чистого листа.

Я была на седьмом небе от счастья. Поскольку я находилась в Австралии, у меня была хотя бы теоретическая возможность собрать деньги на дорогу. Если бы я осталась на Фиджи, шансов не было бы вообще. «Это не случайно, что я здесь, а не на Фиджи, — думала я. — Баба зовет меня. Мне суждено поехать!»

За этим последовала яростная суматоха по сбору средств. В следующие несколько недель дада и диди делали все возможное, чтобы наскрести на билеты. Мы пекли банановые и пряные пироги и продавали их, ходя от двери к двери. Мы крутили сладости, которые местные марги называли «шариками блаженства» (название, часто вызывавшее смех у покупателей), и продавали их на фестивалях. Семейные марги тоже жертвовали деньги, хотя многие из них сами пытались наскрести себе на проезд. Мне удалось собрать нужную сумму без особых трудностей, и к середине месяца я прибыла в Калькутту.

В резиденции Бабы в калькуттском районе Лейк-Гарденс царила праздничная атмосфера. Каждый день туда прибывало все больше взбудораженных преданных со всего мира, которые втискивались в и без того переполненные маленькие комнаты. Иногда, когда Баба давал даршан на крыше, на узкой лестнице возникали настоящие заторы. Из-за того, что люди временно не могли двинуться ни вверх, ни вниз, вспыхивали добродушные споры.

Из-за риска быть схваченными полицией и депортированными все иностранные марги были вынуждены оставаться в Лейк-Гарденс с рассвета до поздней ночи. Задолго до рассвета мы, иностранные диди (вместе с индийскими сестрами, обеспечивавшими нам моральную поддержку), поднимались, делали утренние практики и под покровом

темноты направлялись к резиденции Бабы. Мы знали, что полиция никогда не встанет так рано, как мы. Оказавшись там, мы посылали индийских марги покупать нам еду и другие предметы первой необходимости. Поздней ночью мы вместе уезжали на рикшах, такси или на случайном автобусе, нанятом для этой цели. Вернувшись в жилье диди, мы стирали одежду, медитировали и выкраивали несколько часов на сон, прежде чем начать всю эту рутину заново.

Как-то раз днем я дала несколько рупий индийскому брату и попросила купить цветов. «Купи самые красивые, какие только сможешь найти, — взмолилась я. — Они для Бабы». Он принес их мне прямо перед вечерним даршаном. Я рассыпала лепестки там, где должен был пройти Баба, а затем на возвышении, где он будет сидеть. Как только я закончила, люди начали выкрикивать: «Парам Пита Баба Ки, Джай!»⁴⁹ — фразу, которую дружно выкрикивали перед самым появлением Бабы. И он вошел, ступая по лепесткам и делая намаскар. Затем сел на возвышение и зачитал лекцию. Как только он ушел, началась безумная давка за лепестками. Мне удалось заполучить всего один, но я осталась довольна и этим, радуясь, что создала прасад для других.

Каждый день перед комнатой Бабы выстраивались длинные очереди — люди ждали своего часа, чтобы зайти внутрь. Мы слышали крики и иногда звук трости Бабы, ударяющей по телу. Мужчины выходили наружу, и некоторые с гордостью задирали рубахи, демонстрируя красные следы и рубцы, уже вздувавшиеся на коже. Получить взбучку от Гуру считалось благословением. Это означало, что он забирает твои самсары и очищает тебя. Диди и сестер, как нам говорили, в отличие от мужчин, не били. Вместо этого Баба ударял женщин тростью по ладоням.

До нас доходили истории о Дхарма Самикшах, проходивших в предыдущие недели. Одна из них, передававшаяся из уст в уст, была о диди, которую Баба сурово отчитал за несоблюдение гигиены. Как гласила история, у нее были месячные, и на ее нижнем белье оказалась кровь. «Чи, чи, чи. Как грязно!» — как докладывали, отрезал Баба. Я знала эту диди; мы вместе жили в джагрити на Риджент-стрит в Филадельфии перед отъездом на обучение. Мое лицо горело от стыда. Что, если бы это случилось со мной? Тот сон, приснившийся мне много лет назад, в котором Баба назвал меня грязной, все еще живо стоял перед глазами.

Иногда диди и дадам разрешалось заходить в комнату Бабы и наблюдать за тем, как он проводит Дхарма Самикшу. Через день или два после моего приезда меня вместе с остальными пригласили внутрь. Я стояла в самом конце и наблюдала, дрожа всем телом и молясь, чтобы меня не вызвали вперед; несмотря на все предвкушение, я до ужаса боялась того, что Баба может рассказать обо мне при всех. К моему огромному облегчению, вызвали индийскую диди. Баба смерил ее строгим взглядом и начал кричать на нее на бенгали. «Что же она такого натворила, раз он так рассердился?» — гадала я. Мои колени бились друг о друга, пока я пыталась спрятаться за чужими спинами. Последовали новые крики, и диди разрыдалась. Она протянула руку. Баба взял свою трость и нанес ей несколько резких ударов по ладони.

Когда мы выходили из комнаты Бабы, меня осенило внезапное озарение: эту диди вызвали к Бабе вместо меня. Что бы она ни совершила, ее наказали вместо меня, потому что сама я просто не вынесла бы этого.

— Диди, — спросила я Ананда Крипу, которая шла рядом со мной, — что сделала эта диди, раз Баба так разозлился?

— Она не соблюдала кодекс поведения работников, — ответила она. — Баба спросил ее: «Почему ты проводила так много времени с дадами?»

Я едва успела переварить это, как Ананда Крипа резко остановилась и пристально взгляделась в мое лицо.

— Малати, — произнесла она, — у тебя конъюнктивит. Тебе нельзя больше сюда приходить, пока он не пройдет. Баба не должен подхватить от тебя конъюнктивит!

Если подумать, мой левый глаз весь день чувствовал себя как-то странно. Я заглянула в зеркало и обнаружила, что он опух и налился кровью. В каком-то смысле я испытала облегчение. Я была потрясена той Дхарма Самикшей, которую получила бенгальская диди. Конъюнктивит означал, что мне не придется проходить свою прямо сейчас.

Мне предстояло оставаться в жилье диди до тех пор, пока глаз не поправится. В первые несколько дней мое состояние только ухудшалось; большинство утр я просыпалась с буквально склеенным глазом. Остальные диди не просто избегали меня, они даже не смотрели в мою сторону.

— Малати, — успокаивала меня Тетя, — не принимай это на свой счет. Конъюнктивит можно подхватить, просто взглянув на того, у кого он есть. Вибрация болезни переносится по воздуху. (В то время я не подвергала сомнению это духовное объяснение. Мы полагали, что знаем кучу вещей, о которых врачи и понятия не имеют).

Лишенная возможности ходить в резиденцию Бабы, я проводила дни в медитации, пытаюсь успокоить свой разум. «Что, если Баба заговорит обо всех наркотиках и сексе, которые были у меня в колледже?» — без конца думала я, дрожа, несмотря на удушающую жару. Я ловила себя на мыслях о том, какие именно эпизоды Баба решит предать огласке.

У меня было предостаточно времени, чтобы прокрутить в голове все пикантные подробности.

Мои эксперименты с марихуаной начинались неторопливо на первом курсе колледжа, набрали обороты на втором и понеслись на полной скорости на третьем и четвертом курсах. Казалось, тогда травку курили вообще все, а заодно баловались кислотой. Весна заставляла студентов, развалившихся на поляне «Грин» в Пенсильванском университете, накуренных и лакающих дешевое вино «Gallo». Наркотики снимали запреты, и поскольку многие студенты с упоением предавались свободной любви, секс с кучей разных партнеров процветал вовсю. На первом курсе я в этом не участвовала, но все равно ходила на множество вечеринок, где этим занимались остальные. Во время одной из них, особенно запомнившейся, я с недоверием переходила из комнаты в комнату, натываясь на голые тела, находившиеся на разных стадиях интимных отношений с любым количеством партнеров. В разительном контрасте со всеми остальными, я осталась в одежде и ушла.

На втором курсе я записалась на курс российской истории к легендарному и эксцентричному профессору Рязановскому. Во время лекций он мерил шагами трибуну, разглагольствуя перед нами о России девятнадцатого века, яростно затягиваясь одной сигаретой за другой и размахивая руками. Мне это безумно нравилось. Этот курс, вкупе с тем фактом, что мой отец приехал из бывшей Российской империи, разжег во мне глубокий интерес ко всему русскому. Я начала учить язык, записалась в университетский оркестр балалаек и стала осваивать восточноевропейские народные танцы в клубе

народного танца университета. Многие из моих новых друзей тоже были американцами во втором поколении с восточноевропейскими корнями. Как и они, я грезила о том, чтобы когда-нибудь посетить Россию.

В тот год я познакомилась с Михаилом. Он был аспирантом и, работая ассистентом на курсе Рязановского, вел у нас семинары. Поздней осенью мы начали встречаться. У него были усы, глубокий голос с легким русским акцентом, немного сглаженным годами жизни в Штатах, и жил он с матерью в лесах где-то на окраине Бангора, штат Мэн. Во время зимних каникул он присылал мне романтические письма, написанные перьевой ручкой его аккуратным почерком, описывая глубокие темные леса, «чьими чарами я скован, по чьей воле — сам не знаю». Было так волнительно читать его письма, сидя на маминых тщательно взбитых диванных подушках. Время от времени я поднимала глаза и украдкой поглядывала на родителей, сидевших всего в нескольких футах и абсолютно не подозревавших о том, что за сокровище я держу в руках.

Я потеряла девственность в крошечной съемной квартирке Михаила вскоре после начала нового семестра. Лишь годы спустя до меня дошло, что мой первый сексуальный опыт по сути являлся изнасилованием на свидании. Мы пили чай с медом, когда решили, что я останусь переночевать. Я прямо сказала ему, что не хочу заходить слишком далеко. Он вроде бы согласился. Выдал мне пару своих пижам, и мы легли в постель. Возможно, это была моя вина — в том, что я позволила себе оказаться в столь шаткой ситуации; возможно, виной тому были наивность и отчаянная потребность в ласке. Как бы то ни было, я верила, что я ему небезразлична и мы можем выражать нежность друг к другу без секса. Я ошибалась. Весной мы расстались. В конце концов, он просто меня использовал. Но в то время я этого не видела. Считая себя влюбленной в него, я была полностью раздавлена.

На третьем курсе я нашла себе другого парня. Тим не был хиппи — по крайней мере, внешне на него не походил. Он был гладко выбрит, носил рубашки с воротником на пуговицах вместе с джинсами и не отращивал волосы слишком длинными, по меркам тех лет. А еще он носил ковбойские сапоги и говорил с легким южным акцентом, поскольку приехал из Виргинии. Выглядя совершенно не к месту, он сидел со мной в кафе «Penn Lunch» у Сая, более известном как «Грязная аптека» на углу Тридцать четвертой и Уолнат, попивая гадкий кофе из пластиковых стаканчиков в компании волосатиков, которые торчали там, непрерывно куря, планируя вечеринки и изредка пытаясь делать домашние задания.

Внешность, однако, была обманчивой. Тим курил много травки и принимал ЛСД. Я ловила себя на том, что все чаще остаюсь у него на квартире. Дни тянулись в тумане от дыма марихуаны и гашиша, пока мы полностью растворялись в музыке того времени. На проигрывателе вечно крутилась какая-нибудь пластинка. Моей любимой группой были «The Beatles». (Я считала себя заправской битломанкой. Я стала их преданной фанаткой с самого первого их появления на «Шоу Эда Салливана». Когда они вышли во второй раз, я начала визжать, до глубины души шокировав родителей и братьев, — поступок, совсем не свойственный робкой и прилежной девочке, часами просиживавшей за уроками, но, возможно, вполне подходящий для той, кто строчил мрачные, полные скорби стихи, тщательно пряча их в своей комнате. Я пошла и купила журнал о «Битлз», вырезала и скотчем приклеила их фотографии к своему зеркалу — и была потрясена, когда мама разрешила мне их там оставить. «Эти фотографии! — представляла я слова матери, когда в подростковом возрасте наши отношения разладились. — Во всем виноваты эти фотографии!») Моим любимым альбомом «Битлз» был «Sgt. Pepper's

Lonely Hearts Club Band» — с самого первого дня, как я увидела его летом 1967 года, когда мой брат Дэвид принес его домой. Когда он выложил этот яркий альбом на наш обеденный стол, тот словно радикально преобразился, освободившись от груза всех тех тяжелых воскресных обедов, которые наша семья привыкла за ним поглощать.

Помимо «Битлз», на пластинках были «Cream», Нил Янг, «The Doors», Хендрикс, «The Moody Blues» и «The Grateful Dead» — любимцы Тима. Скручивались и курились косяки, по кругу передавались зажимы для окурков, а затем и трубка для гашиша, в маленькой чаше которой весело тлел шарик гашиша, пока мы затягивались. Только я, Тим и двое его колоритных соседей по комнате: высокий, долговязый парень, которого тоже звали Тим, с западным выговором родом из Техаса или, может, из Вайоминга, — он играл на гитаре и тоже много курил, будучи настолько длинным и худым, что при ходьбе напоминал прыгающую резинку; и приземистый, плотный байкер с татуировками, длинными бакенбардами и короткой бородкой по имени Хулио, который обожал стейки и пиво.

Свой первый ЛСД-трип я устроила вместе с Тимом. Пока мы слушали «The Dead», кислота подействовала, и я почувствовала себя так, словно покинула тесную, мрачную каморку и шагнула в открытую вселенную, где возможно абсолютно все. Мне больше никогда не хотелось возвращаться в то мрачное место, и я попыталась открыться Тиму, дав ему знать, что чувствую.

— Не позволяй мне возвращаться туда, — попросила я, когда трип начал подходить к концу.

Это замечание почему-то сильно встревожило Тима, и мне в итоге пришлось притвориться, будто я просто пошутила, чтобы скрыть свое ощущение эмоциональной наготы.

Те отношения не продлились долго, за ними последовала череда других парней и мимолетных сексуальных связей, некоторые из которых были встречами на одну ночь. Это не было любовью, конечно, это был секс, и зачастую не самый лучший секс к тому же — и все это осталось далеко в прошлом. Неужели Баба явит это всему миру?

Когда мой конъюнктивит наконец прошел и Ананда Крипа разрешила мне вернуться в Лейк-Гарденс, меня, должно быть, уже ждали. Я обнаружила, что меня поспешно препровождают в комнату Бабы вместе с другими диди и дадами, собравшимися у его двери. Оказавшись внутри, я почувствовала, как чьи-то руки подталкивают меня вперед; не успела я опомниться, как очутилась прямо перед Бабой, а сердце мое забилося у самого горла. Я снова вспомнила ту индийскую диди.

Баба не стал спрашивать мое имя или место назначения, как делал всегда. Вместо этого он заговорил со мной так, словно возобновлял разговор, который был прерван лишь на мгновение.

— Разве ты не знаешь, как важно соблюдать Шестнадцать пунктов? — строго спросил он.

— Знаю, Баба.

— Разве тебе не следовало соблюдать Шестнадцать пунктов более строго?

— Да, Баба, — снова подтвердила я.

— Почему же ты не соблюдала Шестнадцать пунктов более строго?

У меня не нашлось ответа.

— Дай мне свою руку.

Я протянула ему правую руку ладонью вверх. С видом глубокой концентрации Баба взял свою трость и трижды слегка ударил меня по ладони. Я ощутила прилив энергии, похожий на электрический ток, который пронесся по всему моему телу, оставив после себя чувство легкости и блаженства.

Баба пристально посмотрел на меня, а затем произнес: — Матсьямудра, матсьендрасана, бадхападмасана⁵⁰...

Пока он перечислял названия асан, которые мне предписывал, стоявшие рядом дада и диди лихорадочно записывали их на бумагу. Баба жестом велел мне подойти ближе. Я опустилась на колени. Он возложил руку мне на голову и нашептал благословение.

Прежде чем я успела это осознать, я обнаружила себя уже за дверью его комнаты. Все это заняло от силы пару минут, но я чувствовала себя совершенно новым человеком. Я посмотрела на свою ладонь. Она была слегка покрасневшей и казалась горячей.

Я бережно прижала ее к себе. Это было физическое доказательство: я переродилась — мое сомнительное прошлое осталось нераскрытым и было полностью стерто благодаря милости Бабы, словно его никогда и не бывало.

⁴⁹ *Парам Пита Баба Ки, Джай (Param Pita Baba Ki, Jai): Победа Высшему Отцу.*

⁵⁰ *Матсьямудра, матсьендрасана, бадхападмасана: Поза рыбы, скручивание позвоночника, связанный лотос. Баба также упомянул три позы, которые в Ананда Марге считались базовыми для женщин: Диргха Пранама (Длинный поклон), Бхуджангасана (Кобра) и Йога Мудра. Баба предписывал индивидуальный комплекс асан каждому маргию во время его или ее Дхарма Самикши.*

Глава 14. Визит

Год или два спустя я снова была на Фиджи. Стояла глубокая ночь. Я босиком возилась в своей хижине на земляном, обмазанном коровьим навозом полу, готовясь ко сну и напевая под нос мантру. На душе было хорошо. Мы только что завершили конкурс талантов, который я организовала, и все прошло на ура. В нем участвовали все жители деревни: одни мастерили костюмы и реквизит, другие выступали со сценками и песнями.

Я натянула москитную сетку над своим спальным мешком и взглянула на часы. Нужно было лечь как можно скорее: до выхода оставалось всего шесть часов. Поставив будильник на пять утра, я взяла зубную щетку, пасту, белое эмалированное ведро и уже направлялась к дверям, чтобы умыться, как вдруг почувствовала резкую, пронзительную боль в левой ступне.

— О-о-ой! Это еще что такое?!

Опустившись на колени, я обнаружила, что в мою пятку глубоко вонзился гвоздь. Я дернула его несколько раз, но быстро поняла, что вытащить его самой мне не под силу. Было совершенно непонятно, какой он длины.

А ведь всего через несколько часов мне нужно было ехать в аэропорт, чтобы встретить Диди Ананда Судху — Секретаря по женскому благосостоянию (SWWS) сектора Сува. Я неделями готовилась к этому визиту и с нетерпением ждала его. И надо же было такому случиться — гвоздь в ноге!

Деваться было некуда: придется идти за помощью. Скрепя сердце я поднялась и, держась за стены, выбралась из хижины. Хромала на одной ноге до ближайшего дома — дома Субхадры, то и дело останавливаясь, чтобы перевести дух. Наконец я взобралась на крыльцо и тихонько постучала в дверь. Мне было жутко неловко беспокоить людей: время близилось к полуночи, и все наверняка уже спали.

Надеясь, что проснется только Субхадра, я постучала снова и позвала ее по имени. Я услышала, как отпирают дверь. Но это была не Субхадра, а ее бабушка. Она воззрилась на меня заспанными глазами — белые волосы растрепаны, сари съехало, из-под него виднелась нижняя юбка.

— Простите, что пришлось вас разбудить. Я наступила на гвоздь и не могу его вытащить, — произнесла я, приподнимая ногу.

Ей хватило одного взгляда. Она быстро повернулась и пошла будить остальных домочадцев. Вскоре вокруг меня собралась вся семья, бурно обсуждая, как подступиться к этому гвоздю. Один из дядей Субхадры отправился искать плоскогубцы.

— Диди, — сказал он, — закрой глаза.

Я послушалась. Крепко обхватив гвоздь плоскогубцами, он потянул его; гвоздь поддался и со звоном упал на бетонный пол крыльца. Было довольно много крови и сильная боль, которую я изо всех сил старалась не показывать. «Не подобает диди демонстрировать слабость», — думала я.

Они промыли рану антисептиком и перевязали мне ногу какими-то чистыми тряпками. Субхадра принесла пару костылей, оставшихся у кого-то после перелома.

— Вот, Диди, возьми, — сказала она, помогая мне подняться.

Вместе мы пересекли двор.

— Спасибо, — поблагодарила я, когда мы подошли к моей двери.

— Тебе точно никто не нужен, чтобы помочь добраться до аэропорта?

— О, я справлюсь. Спасибо вам огромное за помощь. Пожалуйста, идите спать.

Косой взгляд, который она на меня бросила, красноречиво говорил о том, что она мне не верит.

— Правда, все хорошо! Ложись спать!

Субхадра улыбнулась той самой нежной, лукавой улыбкой, которую я успела так сильно полюбить.

— Хорошо, Диди, твоя взяла, — ответила она и повернулась, чтобы уйти.

Я проводила взглядом ее силуэт, пересекающий двор, а затем обессиленно повалилась на свой спальный мешок, даже не сделав половинного омовения. На это не осталось ни сил, ни времени. Теперь у меня было всего пять часов до выхода. Вопреки тому, что я наговорила Субхадре, я подозревала, что добраться до места без помощи будет ох как непросто. Но я и так доставила им слишком много хлопот. Обременять их еще сильнее я не могла.

Я проснулась за минуту до звонка будильника. Кое-как ковыляя, умудрилась почистить зубы и умыться. Затем, прислонившись спиной к стене и вытянув перед собой левую ногу, уселась для короткой медитации. Нога по-прежнему болела и немного опухла. «Может, стоит сделать укол от столбняка?» — подумала я, но разве мне не делали его не так давно? Я не была уверена, но времени на врачей сейчас все равно не оставалось — не теперь, когда с минуты на минуту должна была приехать Диди.

Кое-как переставляя костыли, я выбралась на дорогу и села в автобус до аэропорта. Каким-то чудом мне удалось выйти из него, и я проковыляла в зал прилета, неся свою забинтованную ногу как боевой трофей. Мне очень хотелось, чтобы Ананда Судха познакомилась с жителями деревни. На вечер мы запланировали приветственную медитацию, к которой готовилось праздничное угощение.

Несмотря на необходимость работать на Фиджи в подполье, несмотря на физические лишения и вечную нехватку денег, я гордилась тем, чего мне удалось достичь. Я жила среди людей как одна из них и была уверена, что они уважают меня за это. В одной только этой индийской деревне я проводила регулярные коллективные медитации, уроки йоги и здоровья для женщин, а также дневную программу для детей. Я была свято уверена, что Ананда Судха почувствует себя здесь как дома. Для нее это станет настоящей отдушиной; после стольких лет в Австралии деревня покажется ей такой близкой и знакомой, так похожей на ее родную Индию.

Мне еще не доводилось проводить много времени с Анандой Судхой. Она была одной из первых авадахутик, получивших статус вслед за Анандой Бхакти, Анандой Гаджарой и Анандой Крипой. Я видела ее несколько раз в Индии, еще до того, как нас обеих направили в сектор Сува. По западным меркам она была невысокой, светлокожей, плотного телосложения (на грани с пухлостью) и недавно начала носить очки в тонкой металлической оправе. Я воспринимала ее как очень преданную и одухотворенную личность; в моей памяти запечатлелась ее фотография, которую я видела на обложке журнала Ананда Марги, издававшегося в Австралии: она исполняет киртан — руки подняты над головой, глаза закрыты, а на уголках губ играет легкая улыбка. Меня тогда поразило это выражение невинного блаженства, разлившееся по ее лицу.

С тех пор как я прибыла в сектор Сува, я покидала Фиджи лишь однажды, поскольку накопить на авиабилет до Австралии мне было крайне тяжело. На том собрании RDS, которое я посетила перед поездкой в Индию на Дхарма Самикшу, Ананда Судха была одновременно и забавной, и величественной. Когда она пребывала в хорошем расположении духа, в ней просыпалось какое-то озорство, и она заставляла нас покатываться со смеху от ее шуток и пародий на различных деятелей Ананда Марги. Пару раз я видела, как она теряла самообладание, но в основном находилась в ее

обществе было комфортно. Я с нетерпением ждала возможности побыть и помедитировать вместе с ней. Я так долго была совсем одна.

Заметив меня, она помахала рукой в знак приветствия.

— А где машина? — спросила она, едва мы вышли из здания аэропорта.

— Прости, Диди, нам придется поехать на автобусе. На Фиджи мало у кого есть машины. В деревне есть пара человек с личным транспортом, но они уехали на работу.

— Но у меня тяжелая сумка... а ты не в том состоянии, чтобы ее тащить.

Я не знала, что ответить, поэтому просто молча повела её к автобусу. Диди, что-то ворча себе под нос, плелась следом, волоча свой чемодан.

Автобус притормозил у деревни, высадив нас в облаке пыли. Ананда Судха достала платок, прикрыла им рот и последовала за мной к хижине.

— И это то самое место, где ты живешь? — спросила она, округлив глаза; на ее лице отразился неподдельный шок.

— Да, Диди.

Мы зашли внутрь. Она медленно огляделась по сторонам, поворачиваясь всем телом, словно выискивая по углам мебель, которой там не было. А затем произнесла:

— В Австралии это место даже под гараж использовать бы не стали.

У меня перехватило дыхание, словно меня ударили под дых. «Да чем это отличается от большинства мест в Индии?» — пронеслось в моей голове. Ей наверняка доводилось бывать в деревнях куда беднее этой. И вообще, закипала я от возмущения, разве не этому мы посвятили свои жизни — помощи бедным?

Будучи слишком ошеломленной ее отношением, чтобы хоть что-то возразить, я отвернулась и указала на место с небольшим ковриком, которое приготовила для нее.

— Вот, Диди, это твое место. Давай помогу тебе устроиться. Обедать мы будем в доме Субхадры, а вечером там же пройдет дхармачakra.

С наступлением сумерек жители деревни стали собираться на медитацию. Люди чинно заходили внутрь, одетые в свои лучшие наряды, и при виде Ананды Судхи складывали ладони в приветствии намаскар. Вскоре комната оказалась забита до отказа. Несколько человек подошли к Диди с гирляндами из оранжевых бархатцев, надели их ей на шею и поклонились со сложенными руками. Она ответила им тем же жестом и улыбнулась, выглядя вполне довольной.

Когда медитация закончилась, Ананда Судха обратилась к присутствующим с речью на хинди, вставив по ходу несколько шуток. Вскоре все дружно смеялись, и мое настроение поползло вверх. Я уже предвкушала, какое прекрасное впечатление оставит этот вечер у Диди и как ей понравятся жители, встретившие ее с таким глубоким почтением. Все расходились точно так же, как и заходили: один за другим, со сложенными в намаскар руками, обмениваясь на прощание с Диди дружескими репликами.

Когда мы вернулись в мою хижину, Ананда Судха повернулась ко мне.

— Почему у тебя на медитации было так много мужчин? — потребовала она ответа. На ее лице, которое еще несколько минут назад было таким открытым и улыбающимся, застыла маска жесткости. — Это непристойно, — продолжала она. — И ты сидела так близко к ним. А эта твоя одежда! Твоя грудь прыгала у них прямо перед носом! — Она сделала красноречивый жест руками, изображающий исполинские размеры груди.

Очередной удар. Этот я почувствовала глубоко в животе. И вновь я понятия не имела, как реагировать: она была моим начальством, и перечить ей напрямую считалось верхом неприличия. Одно стало ясно окончательно: визит, которого я так долго ждала, стремительно превращался в ночной кошмар.

В течение следующих двух недель Ананде Судхе, казалось, невозможно было угодить. Она часто кричала на меня, порой настолько громко, что, я была уверена, ее слышала вся деревня. Она твердила, что вся моя работа гроша выеденного не стоит. С жестокой ухмылкой она передразнивала песенку, которую я разучивала с детьми, когда учила их английскому: «„Где Арун? Где Арун? Вот и я! Вот и я!“ Что это за чушь собачья? — заявляла она. — Мусор! Все, чем ты тут занимаешься, — это мусор!»

По утрам я поднималась еще раньше обычного, до рассвета, чтобы успеть помедитировать, а затем приготовить ей завтрак на своей уличной печке. Пока Ананда Судха спала, я замешивала тесто для чапати, резала овощи и разводила огонь, раздувая угли. И как раз в тот момент, когда я заканчивала всю эту работу — взмыленная, пахнущая дымом, со слезящимися глазами, — Диди соизволяла подняться и сладко потянуться. Затем, уделив медитации от силы пару минут, она садилась и ждала, когда ее обслужат.

Мы также совершали поездки в другие индийские деревни. В одной из них Диди обвинила меня в лени — вероятно, потому, что я не вскакивала и не бросалась исполнять ее приказы в ту же секунду, как они были озвучены.

У меня не осталось ни одного светлого воспоминания о визите Ананды Судхи. Проводив ее в аэропорту, я вернулась в свою хижину и плашмя повалилась на земляной пол. Я пролежала так очень долго. Я плакала. Мысли, которые прежде никогда не закрадывались мне в голову, заполонили все пространство. Впервые я всерьез задумалась об уходе из Ананда Марги. «Что я вообще здесь делаю? — думала я. — Почему бы мне просто не уйти? Она считает, что все, сделанное мной здесь, — это мусор. Может, так оно и есть. Наверное, я просто не создана для такой жизни». Два или три дня я лежала пластом, пережевывая эти депрессивные мысли.

В конце концов я поднялась и продолжила работать. Но внутри что-то безвозвратно изменилось. Во мне открылась рана, которой уже не суждено было затянуться, сколько бы киртанов я ни пела и сколько бы ни медитировала. Раньше этого всегда хватало, чтобы вдохновить меня и заставить двигаться дальше — того глубокого покоя, что я испытывала во время медитаций, той радости, что наполняла меня во время пения «Баба Нам Кевалам» и танца. Но теперь моя работа превратилась скорее в унылую обязанность и перестала приносить радость, словно из нее вынули свет, сделав тяжелым и обременительным бременем. Во мне укоренился цинизм. Отныне я больше не смотрела на старших индийских диди и дад как на небожителей, находившихся в одном шаге от божественности. Они были всего лишь обычными людьми, и некоторые из них оказались куда более несовершенными, чем я сама.

Поведение Ананды Судхи долго не давало мне покоя. Мне жизненно необходимо было выговориться кому-то, поэтому, когда в следующий раз я отправилась в Австралию на RDS, я решила поговорить об этом с Дадой Анишанандой. Он исполнял обязанности Секретаря сектора Сува (и был единственным иностранцем на этой должности в то время; его назначили из-за трудностей, с которыми сталкивались индийские работники при получении австралийских виз — бог весть, как Ананде Судхе удалось раздобыть свою!). Было известно, что у него самого случались похожие стычки с ней. Пока я изливала Анишананде душу, сидя на коврике в комнате для медитаций в офисе дад в Сиднее, его глаза оставались добрыми, отражая мою собственную боль и понимая её. Когда я закончила, на его лице застыло выражение крайнего недоумения.

— Но когда она вернулась, она всем рассказывала, какую потрясающую работу ты там развернула, — произнес он.

Я ошарашенно уставилась на него, пытаюсь переварить услышанное.

— Как такое может быть? — ответила я с недоверием. — За все время она не сказала мне ни одного доброго слова. Она орала на меня так громко, что слышали многие в деревне. Она твердила, что все, чем я занимаюсь, — это мусор, как она выражалась. «Мусор! Это мусор! То мусор!»

Анишананда выглядел озадаченным.

— Когда она приехала, ее лицо прямо-таки лучилось, она выглядела такой счастливой, — поделился он. — Рассказывала о разных деревнях, куда ты ее возила, о людях, которые начали медитировать. О, и о еде, которую ты ей готовила. Она говорила: «Каждое утро Малати делала мне самые вкусные сабджи и чапати прямо на своей маленькой уличной печке».

Я вспомнила те утра: как она ожидала, что ее будут обслуживать словно королеву, поднимаясь ровно к моменту, когда еда была готова, а чапати оставались пышущими жаром. Я промолчала. Мы переглянулись. А затем Дада произнес: — Ну, ты же сама знаешь, какая она.

Я-то уж точно знала — и не только по событиям на Фиджи. Разговор с Анишанандой напомнил мне о другой встрече с Анандой Судхой, которую я не то чтобы забыла, но теперь увидела в совершенно ином свете. Несколькими годами ранее диди в Австралии выкупили землю — около шестидесяти трех акров — под мастер-юнит⁵¹. И хотя у меня самой в то время едва хватало денег на элементарные расходы, я тоже приложила руку к этой покупке.

Это случилось как раз тогда, когда я приехала в Австралию на RDS. Одним вечером я находилась в мельбурнском джагрити, готовя ужин вместе с Анандой Судхой и еще одной диди. Я чистила картошку, когда Ананда Судха рассказала нам об этой земле. Участок располагался примерно в ста шестидесяти километрах к северу от Брисбена, неподалеку от старого шахтерского городка под названием Джимпи, и судя по описанию, место было прекрасным. «Мы можем взять его по очень хорошей цене, — говорила она. — Нам нужно собрать деньги, чтобы выкупить его». И в ту же секунду мысль, словно возникшая ниоткуда, промелькнула в моей голове. «А что, если я напишу родителям, скажу, что обустраиваюсь в Австралии и хочу купить участок земли?» — выпалила я.

Мои слова словно повисли в воздухе, вибрируя в наступившей тишине. Я сама ужаснулась тому, что сорвалось с моих губ, и тут же пожалела об этом, мечтая взять

свои слова назад. Но любые надежды на то, что Ананда Судха отреагирует с возмущением и скажет, мол, и думать об этом не смей, тут же рухнули.

— Да, ты обязана это сделать! — воскликнула она, и ее глаза заблестели при мысли о внезапном куше, привалившем с этой совершенно неожиданной стороны. Если бы ее руки не были заняты нарезкой овощей, она наверняка потеряла бы их от удовольствия.

В последующие дни она не давала мне пойти на попятную.

— Ты уже написала родителям? — спрашивала она не один раз.

Когда я отвечала отрицательно, на ее лице появлялась та самая жесткая маска, она тыкала в меня пальцем и отрезала: — Ты должна сделать это незамедлительно!

Поскольку Ананда Судха была моим начальством и ее приказы подлежали беспрекословному исполнению, я посчитала, что выбора у меня нет. В то время я была настолько предана организации, что думала: откажись я отправить это письмо, это будет означать предательство миссии и нежелание идти на любые жертвы ради ее становления. Мне словно нужно было доказать свое духовное видение и показать поступками, что кровные родители мне больше не семья, а моя настоящая семья — это Ананда Марга.

И я скрепя сердце написала то письмо, сообщив родителям, что хочу купить землю вместе с подругой, уверяя себя, что если деньги придут, они будут пущены на благое дело. «Иначе они просто растратят их на материальные вещи», — рационализировала я свой поступок. — «А так они помогут нам получить эту землю, где развернется столько прекрасных проектов». После некоторой переписки, потребовавшей от меня новых порций сочинительства, родители выслали около восьми тысяч долларов. К деньгам прилагалась записка с просьбой прислать копию купчей на землю. Поначалу я игнорировала их просьбу, но когда несколько месяцев спустя они повторили ее, стало ясно: они начали подозревать, что я говорю неправду.

Читая их письма и сочиняя ответы, я испытывала странную смесь эмоций: гордость оттого, что смогла внести вклад в покупку недвижимости; вину, которую я заглушала мыслями о том, что деньги пойдут на более полезные цели, чем если бы они потратили их на одежду, мебель или другие вещи; а затем — еще большую вину, когда вспоминала, как мало денег у родителей было в годы нашего взросления, как они никогда ничего не тратили на себя и как я теперь забираю у них эти кровно заработанные средства. Присутствовало и какое-то жестокое чувство в духе «так вам и надо». Они не особо баловали меня любовью в детстве, и теперь я им отплачивала. Я предприняла вялую попытку состряпать какие-то фальшивые бумаги, но в итоге все, что я им отправила, — это одну размытую фотографию участка.

Так что да, размышляла я, сидя в компании Анишананды в офисе дад, я действительно знала об Ананде Судхе абсолютно все — и была полна решимости больше никогда не позволять ей манипулировать собой или причинять мне боль.

⁵¹ Мастер-юниты (*master units*), подобно Ананда Нагару в Индии, представляли собой сельские угодья, призванные служить моделями кооперативного и самодостаточного образа жизни. В идеале на территории мастер-юнита должны были создаваться сельскохозяйственные, промышленные, коммерческие, образовательные и медицинские объекты, однако мало какие проекты соответствовали этому идеалу на деле.

Глава 15. Доброта незнакомцев: как выжить в Американском САМОА

Я оправилась от первого шока, вызванного визитом Ананды Судхи, но во мне продолжала тлеть скрытая обида. Было просто несправедливо, думала я, что сама я стала истощенной, а мои волосы поредели из-за вечного отсутствия нормальной еды и тяжелой работы, пока Ананда Судха продолжала жить как королева в Австралии.

Она понятия не имеет, через что мне приходится проходить на этих островах, — размышляла я, готовясь покинуть Фиджи и отправиться в Американское Самоа во второй раз. Эта поездка была продиктована моей постоянно ухудшающейся ситуацией с визой. Изначально въехав на Фиджи по трехмесячной туристической визе, я продлевала ее снова и снова; когда подходило время очередного продления, я просто ехала в другой город в надежде, что чиновники не заметят, сколько штампов уже красуется в моем паспорте. В конце концов, однако, мне пришлось уехать, чтобы не создавать у властей впечатления, будто я собираюсь водить их за нос вечно. Именно тогда я и отправлялась в Американское Самоа. Я проводила там несколько недель, а затем возвращалась на Фиджи и начинала весь процесс заново.

Американское Самоа оказалось серьезным испытанием. Когда я приехала туда в первый раз, у меня не было ни имен, ни адресов. В отличие от Фиджи, здесь не было местного индийского населения, интересующегося йогой и медитацией. Особую проблему представляла еда. Поскольку на вулканической почве Тутуилы (главного острова Американского Самоа) мало что росло, традиционные продукты вроде таро, кассавы, папайи и зеленой листовой зелени завозились из Западного Самоа. Однако к моменту моего приезда большая часть продовольствия поступала с того, что все на Самоа называли «материком» (из США). Конфеты, чипсы и печенье, которых я почти не видела с тех пор, как покинула Штаты, превратили Американское Самоа в рай для любителей джанк-фуда. Казалось, на этот рацион перешли абсолютно все. Даже те, у кого росли деревья папайи, обычно скармливали плоды свиньям, вместо того чтобы есть их самим. Предсказуемо, многие самоанцы страдали тяжелой формой избыточного веса, а диабет принял характер эпидемии. «Вот вам и преимущества статуса американской территории!» — думала я.

В первый приезд я остановилась у самоанки по имени Сепела, с которой познакомилась, когда пыталась продавать попкорн — дело, которое я открыла, чтобы хоть как-то себя содержать. У Сепелы была небольшая бакалейная лавка формата «файв-энд-тен» на главной дороге, ведущей к городу Паго-Паго. Я зашла спросить, не хочет ли она взять мой попкорн на продажу, и мы разговорились. Как и многие самоанцы, Сепела была общительной и щедрой, а также весила не меньше трехсот фунтов (около 135 кг). Мы договорились, что в обмен на репетиторство с тремя ее детьми я буду жить наверху, в маленькой комнатке за магазином.

С самого начала Сепела видела, что я отличаюсь от всех американцев, которых она встречала: у меня не было работы, я странно одевалась (хоть и не в полную форму, но носила сари) и преподавала йогу. Она о ней никогда не слышала.

— Йога? Что это такое? — спрашивала она. — Это религия?

Я поспешила заверить ее, что нет, и выдала свое привычное резюме о пользе йоги и медитации.

— Медитация — это звучит неплохо, — заметила Сепела, — но идея с упражнениями мне нравится больше. Они помогут мне сбросить вес? — спросила она, потягиваясь за пирожным «Hostess Twinkie».

— Помогут, но только если вы будете следить за тем, что едите, — ответила я.

После моего переезда к Сепеле дела шли вполне сносно. Я открыла класс йоги в библиотеке Паго-Паго в надежде найти кандидатов для обучения медитации; это всегда оставалось моей главной целью, а уроки йоги отлично стимулировали интерес. Но в этот раз людей интересовали исключительно асаны.

Как-то утром ко мне прибежала дочь Сепелы и сообщила, что мама хочет меня видеть. Я спустилась в магазин и застала Сепелу на ее привычном месте за кассовым аппаратом.

— Сандра, ты ведь знаешь, что я из Свидетелей Иеговы, — начала она. Я кивнула: мне и раньше доводилось видеть в лавке мужчин в костюмах и свежие выпуски журнала «Сторожевая башня». — Я не уверена, что тебе стоит и дальше оставаться у нас, — продолжила она. — Мой пастор говорит, что йога — это зло, и каждый, кто ею занимается, одержим дьяволом.

С аргументом «йога — это зло» я уже сталкивалась.

— Сепела, — произнесла я, — вы ведь знаете меня. Вы действительно думаете, что я одержима дьяволом?

— Ну, вообще-то нет, — ответила она с растерянным видом, — но я обязана подчиняться своему пастору. Он знает, о чем говорит. Но я все равно хочу остаться твоим другом. Я знаю, что ты хороший человек.

Через несколько дней я съехала. К счастью, мне в любом случае пришло время возвращаться на Фиджи.

Прошел год или два, и я снова оказалась в Американском Самоа из-за проблем с визой. Через несколько дней после приезда я решила навестить Сепелу. Я села на ярко раскрашенный самоанский автобус (который всегда напоминал мне увеличенный до реальных размеров детский деревянный игрушечный автобус) и поехала к ее лавке, но обнаружила, что торговлей там заправляет уже другая семья. От новых владельцев я узнала, что Сепела перебралась на противоположную сторону острова и открыла там новый магазин. Мне дали ее адрес. Расспросив прохожих и сменив пару автобусов, я зашла в ее новую лавку, которая оказалась гораздо просторнее прежней. Сепела сидела за кассой — точно так же, как и всегда.

— Сандра! Как поживаешь? Мы так давно не виделись! — Она с трудом вытолкнула свое тело из кресла, чтобы обнять меня. Я расспросила о детях и родственниках.

Ни словом не упомянув своего пастора, она предложила мне остановиться в их семейном доме, который строился прямо рядом с магазином. Стройплощадка напоминала съемочную площадку: крыша и боковые стены уже были готовы, но фасад

оставался абсолютно открытым для ветров, покупателей и простых прохожих. По ночам, когда зажигался свет, сходство со сценой в театре только усиливалось. Все — Сепела, ее дети, братья и кузены — готовили еду, ужинали и раздевались перед сном прямо в ярком свете этих ламп. И никто, похоже, ни капли не стеснялся.

Мне казалось, я понимала, в чем причина. В Западном Самоа, где я побывала проездом, большинство людей жили в традиционных открытых домах (фале). Вместо стен там использовались плетеные из кокосовых листьев жалюзи. Во многих домах было электричество; по вечерам, когда циновки еще не были опущены, прохожие могли без труда наблюдать за всеми домочадцами. Поскольку самоанцы исторически привыкли к открытым жилищам, отсутствие передней стены не представляло для Сепелы и ее родных никакой проблемы. Но для меня это стало испытанием. Мне нужно было скрываться от взглядов прохожих не только когда я переодевалась, но и от мужчин, с которыми я делила это пространство. Я натянула простыню и устраивала свое шоу с переодеванием за ней.

Именно в новом доме Сепелы мой попкорновый бизнес начал набирать обороты, сделав большой шаг вперед благодаря обретению более мощной керосинки и возможности покупать сырье у Сепелы оптом по дешевке. Печка стояла в задней части огромной комнаты, где мы все ели и спали. Когда у меня не было занятий йогой, я жарила попкорн днями и ночами (доставляя бесконечное развлечение людям, проходившим мимо дома), а затем шла на улицу и распродавала его как могла. Я намотала так немало миль. Дети часто бежали за мной гурьбой, выкрикивая: «Леди с попкорном! Леди с попкорном! Леди с попкорном идет!» Для них (да и для большинства жителей острова) я не была учителем йоги или медитации. Я была просто «леди с попкорном».

Переходя от одной лавки к другой, я думала об Ананде Судхе. Она наверняка заявила бы, что все, чем я занимаюсь, — это мусор, — рассуждала я. — Посмотрела бы я, как она сама приехала бы сюда и попыталась выжить! Я прикладывала колоссальные усилия, чтобы следовать правилам поведения и считать свои страдания наградой, но делать это становилось все труднее. Торговать попкорном ради того, чтобы просто купить зубную пасту и мыло, — явно не то, что я рисовала в своем воображении, принимая решение стать диди.

Несмотря на жизнь в такой тесноте с Сепелой и ее семьей, я начала остро чувствовать одиночество. Даже совместные трапезы не приносили облегчения. Мало того, что я не притрагивалась к мясу и морепродуктам, которые ели все остальные, я еще и не могла сидеть за одним столом с семьей, поскольку соблюдала очередное правило поведения: «Авадхутика не должна принимать пищу, видя, как другие едят невегетарианскую еду». Овощей на острове было не сыскать, поэтому моим основным рационом стали вареные или печеные плоды хлебного дерева — и остатки попкорна. Я уплетала его в огромных количествах, сломав не один коренной зуб о нераскрывшиеся зерна на дне пакетов.

Мое последнее пребывание на острове затянулось. Меня депортировали с Фиджи. Иммиграционные службы наконец раскусили меня, нагрянули в деревню, где я жила, под конвоем доставили в аэропорт, усадили в самолет до Американского Самоа и запретили возвращаться. По причинам, которых я уже не помню, оставаться у Сепелы я больше не могла. Найти жилье мне помогла американка, посещавшая мои классы йоги в библиотеке Паго-Паго. Тони была художницей и, как и многие американцы, оказалась на Самоа потому, что ее муж приехал сюда по делам бизнеса. Она предложила мне приют в своей студии, располагавшейся в недостроенном полуподвале дома. Это было просторное открытое помещение с бетонным полом, заставленное ее красками,

холстами и мольбертами, но места для моего спального мешка там вполне хватало. Душа там не было, но я не привередничала. По крайней мере, там имелся унитаз — и четыре стены!

Одним утром, вскоре после моего переезда, Тони пришла ко мне; лицо ее было осунувшимся и уставшим, словно она плохо спала. Она изо всех сил старалась не смотреть мне в глаза.

— Боюсь, ты больше не можешь оставаться в моей студии, — начала она. — О, со мной-то все в порядке, — поспешила она ответить на мой немой вопрос, — но владелец здания с женой только что вернулись с материка. Он пастор, и он заявил, что не потерпит, чтобы здесь жила учительница йоги. Видите ли, прошлой ночью он явственно ощутил здесь «присутствие зла», — добавила она, закатив глаза.

Очередной аргумент про «йогу-зло». Я слышала его в Каире, в Израиле и от Сепелы. Я давно пришла к выводу, что самые извращенные представления о йоге бытуют именно среди христиан-фундаменталистов, независимо от места их проживания. Я интуитивно поняла, что хозяин дома Тони был как раз из таких.

— Я поговорю с ним, — заявила я ей. Тони ответила, что не возражает, но сомневается, что это что-то изменит. — Я знаю. Я просто хочу поговорить с ним с глазу на глаз.

Собрав свои пожитки, я приготовилась к неминуемой конфронтации и постучала в дверь пастора. Никто не открыл. Я была уверена, что он дома, поэтому постучала сильнее. Послышались шаги, и дверь распахнулась. Передо мной стояла кроткого вида женщина средних лет с жидкими каштановыми волосами.

— Да? — спросила она, прищурив глаза. Хотя я не сомневалась, что она знает, кто я такая, я представилась и сообщила, что хотела бы поговорить с ее мужем.

— Его нет дома, — отрезала она. Я знала, что это ложь, поскольку только что слышала, как он кашлянул.

— Пожалуйста, передайте ему, что я здесь. Это займет всего минуту.

Она заколебалась, затем, пожав плечами, отправилась звать его с обреченным видом.

Он буквально вылетел ко мне и потребовал, чтобы я немедленно убиралась из его дома.

— Зло! Вот что я почувствовал глубокой ночью — присутствие зла! — кричал он. С полыхающими глазами, перекошенным лицом и вздувшимися венами на покрасневшей шее он сам чертовски сильно походил на дьявола — куда больше, чем я.

Время шло, и находить жилье на острове становилось все труднее. Когда в один из дней я позвонила Ананде Судхе, она отрезала: — Ты торчишь там слишком долго. Пора уезжать.

Пора уезжать? Прекрасно! Но на что?

— Диди, — возразила я, — у меня нет денег. И марги здесь нет, чтобы мне помочь.

Любые слабые надежды на то, что она предложит помощь, тут же испарились, когда она заявила: — Тебе придется раздобыть деньги как-нибудь самой. — А когда я промолчала, добавила: — Ты должна приехать в Ананда Нагар на DMC и стать авадхутикой.

При этих словах мое сердце подпрыгнуло от радости. Авадхутика! Прошло пять лет с момента того «инцидента с младенцем», а я ею так и не стала. Принять обеты и полностью принадлежать Гуру оставалось моим самым заветным желанием. Став авадхутикой, я смогла бы заново посвятить свою жизнь миссии. Но на попкорне до Индии точно было не добраться. И все же выход должен быть.

Именно тогда я и подумала о Роне. Это был американский бизнесмен и последователь Раджниша⁵², с которым я познакомилась через другую американскую диди, недолго пробывшую в Американском Самоа. С тех пор она покинула организацию, и я подозревала, что их с Роном связывали далеко не просто дружеские отношения еще в те времена, когда она была диди. Так что сама мысль обратиться к нему вызывала во мне неловкость.

Чтобы перебороть первоначальные сомнения, я убедила себя в том, что хотя диди и дада обычно не устраиваются на обычную работу, Рон может знать о каких-нибудь классах йоги, которые я могла бы вести. Или, что еще лучше, он мог бы просто сделать пожертвование; денег у него было предостаточно. Он ведь знал Диди, так что, вероятно, понимает наш образ жизни и то, что мы можем и чего не можем делать, — рассуждала я.

Когда Рон открыл дверь, он выглядел вполне радушно.

— Чем могу помочь? — спросил он, предлагая мне присесть на диван. Я уселась, мои поры с благодарностью впитывали прохладу от кондиционера.

— Мне нужно собрать немного денег, — начала я, — и я хотела узнать, нет ли у вас на примете какого-нибудь дела для меня, может, классов йоги, которые я могла бы вести, или чего-то подобного.

Рон замер на секунду, на его лице появилось странное выражение. Затем он наклонился надо мной.

— Ну, есть вот это, — произнес он.

Поначалу я не поняла. На что он намекает? А затем увидела, что он обнажает себя.

Я буквально лишилась дара речи. Спустя пару долгих секунд мне удалось заставить себя подняться с дивана, и я вышла из его дома без единого слова, окончательно убедившись, что мои подозрения насчет той диди были верны. Он, вероятно, решил: раз она пошла на это, то и я не откажусь. «Вот тебе урок — всегда доверяй своей интуиции», — корила я себя, когда немного успокоилась.

Неделю или две спустя на выручку мне наконец пришла Тони.

— Люди с высшим образованием могут устроиться учителями в Американском Самоа, — поделилась она со мной.

— То есть для этого не нужно иметь специальную педагогическую лицензию? — переспросила я.

— Я слышала, что именно так.

Я взяла те немногие деньги, что у меня оставались, и купила длинное самоанское платье с цветочным принтом, после чего отправилась в Департамент образования разузнать обстановку.

— Да, человек с дипломом колледжа может преподавать в начальной школе, — заверил меня клерк. — Все, что вам нужно, — это выписка с оценками из вашего учебного заведения (транскрипт).

Я встретила с суперинтендантом. Плотного телосложения, приветливый самоанец, который выглядел едва ли старше меня, проявил искренний интерес к тому, чтобы я пополнила ряды преподавателей.

— Если вы успеете вовремя предоставить нам выписку, то сможете начать вести уроки с началом нового учебного года в сентябре, — сообщил он мне.

Согласовав эту идею с Анандой Судхой, я принялась выправлять свой транскрипт, написав родителям и попросив их забрать его для меня. Тем временем меня мучили терзания о том, как я поступлю, когда получу его. Имя в моем дипломе не имело ничего общего с именем в моем нынешнем паспорте. Как это объяснить?

Может, я смогу изменить имя в выписке — замазать штрихом, напечатать сверху новое, а потом отсканировать? — размышляла я. — Но что, если они заметят? Я могу застрять на этом острове навечно!

Когда транскрипт пришел, я внимательно его изучила и поняла, что этот номер не пройдет, поскольку мне пришлось бы искать печатную машинку с точно таким же шрифтом. Шансы на это стремились к нулю, так что придется просто смириться с фактом наличия двух разных имен. Я заполнила бумаги на свое текущее имя, приложила диплом и паспорт и сдала документы. Я решила помалкивать, пока сами не спросят, но, насколько я помню, никто так и не поинтересовался, почему имя в моем дипломе и имя в паспорте абсолютно разные.

Работу мне дали, и в один из сентябрьских дней я переступила порог своего класса для вторых классов и начала вести уроки. Несмотря на отсутствие профессиональной подготовки, дела шли вполне успешно. Я также провела пару бесед о йоге для других учителей, и некоторые выразили желание брать уроки.

Однако к середине декабря я уже сидела в кабинете суперинтенданта, пытаюсь объяснить, почему увольняюсь всего после трех месяцев работы.

— Мне очень жаль, — говорила я, — но мне нужно двигаться дальше. Я уезжаю открывать общинную школу в Австралии.

Это не было стопроцентной ложью. У меня действительно были четкие намерения заняться этим когда-нибудь.

— А я-то думал, что вам можно доверять, — произнес суперинтендант. — Но вы поступили точно так же, как и все остальные паланги³. Они приезжают на остров, остаются без цента, устраиваются учителями, а подкупив денег, чтобы выбраться отсюда, бросают все и уезжают. Как можно бросать класс в середине учебного года? С кем вы оставляете наших детей?

— Мне очень жаль, — повторила я.

Лицо суперинтенданта, прежде столь приветливое, теперь казалось высеченным из гранита.

— Это последний раз, когда я нанимаю паланги, — отрезал он.

Мне действительно было не по себе. Но остаться и доработать до конца года я никак не могла. Я обязана была подчиниться Ананде Судхе (и собственным желаниям) и добраться до Ананда Нагара к началу DMC. Если я потороплюсь, у меня появится шанс успеть вовремя и стать авадхутикой. К тому же я действовала не сама по себе: за моей спиной стоял Баба и его великая миссия, которую надлежало исполнить. Я должна была — нет, я страстно желала — стать авадхутикой, и я не могла позволить классу самоанских ребяташек встать у меня на пути. Конечно же, — убеждала я себя, — они без труда найдут мне замену.

Однако в глубине души меня терзали сомнения по поводу своего поступка. Я ведь видела себя человеком, стремящимся укреплять понимание между людьми разных культур. И при этом я сознательно пошла на преподавательскую работу, прекрасно зная, что брошу ее посреди года, став причиной очередного ухудшения отношений между американцами и самоанцами. Где-то внутри зрели гнев и обида оттого, что меня поставили в ситуацию, когда пришлось браться за дело, которое я изначально не могла довести до конца. Вопреки всем моим оправданиям, мне было очень стыдно перед суперинтендантом и теми ребяташками.

⁵² Раджниш Чандра Мохан Джеин (11.12.1931 – 19.01.1990): индийский духовный лидер, известный в семидесятых и восьмидесятых годах как Бхагван Шри Раджниш (позже Ошо). Какое-то время он жил в Орегоне (США), где его движение вызвало много споров из-за его роскошного образа жизни (он владел коллекцией из 93 автомобилей «Роллс-Ройс») и пропаганды свободы сексуального самовыражения среди последователей.

⁵³ паланги (palangi): на языке самоанцев — белый человек, европеец.

Глава 16. Австралия: Рейд

Вскоре я поняла, что зря так спешила в Ананда Нагар. Я прибыла туда ранним холодным рассветом, пропутешествовав всю ночь на поезде. Когда я переступила порог жилища диди, картина предстала точно такой же, как и в прошлые годы: диди лежали рядышком в спальных мешках на охапках соломы, призванной хоть как-то защитить от холода. Лишь несколько человек уже поднялись. Я заметила Мангалу — с зубной щеткой в руке она как раз возвращалась после умывания. Она была полностью в оранжевом, поскольку несколько лет назад стала авадхутикой.

— Малати, как же здорово тебя видеть! — воскликнула она, обнимая меня. — Столько времени прошло.

И она была права. Я не бывала в Индии со времен Дхарма Самикши, то есть целых три года.

— Да, прилично, — согласилась я. — Но я наконец-то выбралась. Надеюсь стать авадхутикой — ну наконец-то!

Мангала, чье имя теперь звучало как Ананда Мукти, отвела взгляд.

— Ох, Малати... Баба как раз вчера вечером проводил церемонию посвящения.

У меня все внутри упало.

— Но, может быть, он проведет еще одну, — поспешила добавить она, заметив мое лицо.

Но она прекрасно знала, как и я, что Баба никогда так не делал. Если Баба инициировал авадохут и авадохутик, он всегда проводил только одну церемонию за раз. Я опоздала.

Я пыталась скрыть свое разочарование, но давалось это с трудом. Вопреки моим стараниям не замечать этого, я то и дело натыкалась на новоиспеченных авадохутик повсюду — от огромного шатра DMC до нашего жилья. Все они буквально светились изнутри. «На их месте должна была быть я», — твердила я себе каждый раз, когда видела кого-то из них. Пришлось довольствоваться лишь посещением самой программы DMC.

Когда она подошла к концу, я узнала, что меня отправляют в Австралию. Это была радостная новость, и я с нетерпением ждала работы в месте, где было много марги. Существовал, правда, один минус в этом назначении, и весьма существенный: мне, скорее всего, придется чаще видеться с Анандой Судхой. Я приказала себе не волноваться. Конечно, когда вокруг будут другие диди и дада, она не посмеет обращаться со мной так, как на Фиджи.

Спустя несколько недель я прилетела в Брисбен, где в аэропорту меня встретили марги и сразу же отвезли в Ананда Палли — наш мастер-юнит, располагавшийся в нескольких часах езды от города. Там находился Дада Анишананда, а также Ананда Бхадра (новое имя Вишаки — она стала авадохутикой несколько лет назад). В тот вечер у нас проходила дхармачакра. Во время медитации мне вдруг пришло в голову, что я служу в качестве диди уже десять лет.

После окончания дхармачакры я поделилась этим с Анишанандой.

— Десять лет! — воскликнул он. — Поздравляю!

Я поблагодарила его, но на душе у меня было беспокойно. Десять лет, а я все еще ношу оранжево-белое. Может, Баба до сих пор думает, что это я держала того ребенка в аэропорту? Вот почему Вишака стала авадохутикой, а я — нет.

Через несколько дней я отправилась в Брисбен, где мне предстояло работать, и познакомилась с местными марги. Собственного джагрити там не было, и его поиск стал моей первоочередной задачей. Пока же я остановилась у одной семьи марги.

Вскоре после приезда состоялось мое боевое крещение в бизнесе по продаже фруктов. Это было лишь одно из множества доморощенных предприятий Ананда Марги в Австралии, в котором участвовали как монастырские работники, так и семейные марги. Среди других направлений были продажа бижутерии на фестивалях и рынках, разнос домашних пирогов от двери к двери, а также поставка тахинных батончиков и тех самых «шариков блаженства» в магазины здорового питания. Для торговли фруктами марги отправлялись на оптовую базу, закупали ящики яблок, персиков и других плодов, которые затем фасовали по пакетам, укладывали в картонные коробки и разносили по магазинам в выбранном на день районе.

После того как мне наспех провели краткий инструктаж по основам, марги привели меня на улицу со множеством мелких лавок. Возле одного из магазинов они пожелали мне удачи, и я зашла внутрь, держа в руках коробку и чувствуя себя полной дурой. Я явно не

так представляла себе свою деятельность в Австралии. Конечно, мне доводилось продавать карандаши и сладости на Фиджи и попкорн в Американском Самоа — но то были места, где приходилось работать в подполье или где вообще не было марги. Здесь же марги было пруд пруди, и я наивно полагала, что мои дни уличной торговли остались в прошлом. Как бы не так!

Заставив себя подойти к прилавку, я прокашлялась и спросила у стоявшего там крупного, краснолицего мужчины с татуированными руками, не он ли хозяин лавки. «Очень жаль», — подумала я, когда он ответил утвердительно; придется делать свое первое торговое предложение столь неподходящему кандидату.

— Не хотите купить фруктов? — спросила я, ставя коробку на прилавок, чтобы он мог получше рассмотреть товар.

— She'll be right, mate (Все путем, приятель), — ответил он.

Обрадовавшись, что он ответил согласием (как мне показалось), я подождала минуту, но он никак не показал, чего именно хочет.

— Персики очень сладкие и сочные, и виноград тоже. А яблоки — хрустящие.

— She'll be right, mate, — повторил он снова, на этот раз сделав легкий пас рукой над моей коробкой.

Я замерла, внезапно осознав, что понятия не имею, что означает это австралийское выражение «She'll be right». Так он хочет купить или нет?

— Нет, мне ничего не нужно! — гаркнул мужчина, отвечая на мой немой вопрос.

Ситуация показалась мне до боли знакомой. Разве со мной не случалось уже нечто подобное? Ну конечно, тот продавец моркови в Турции! Подумала я, выходя за дверь со своей коробкой. Этот австралиец среагировал в точности как тот турок.

марги поджидали меня снаружи.

— Ну как успехи? — спросили они.

— Не очень, — ответила я, вкратце пересказав разговор. Все дружно посмеялись.

Вскоре мне удалось найти дом под пресловутую аренду; однако буквально через несколько недель после моего переезда Ананда Судха начала давить на меня, требуя найти здание под покупку. В конце концов я отыскала подходящий вариант, но собрать нужную сумму было совершенно иной задачей, о чем я и заявила ей при встрече.

— Диди, у нас действительно не хватает денег на первоначальный взнос.

— И слушать ничего не желаю, — отрезала она, и глубокая складка между её бровей стала еще заметнее. — Центральный офис требует открыть джагрити в Брисбене, так что ты обязана это сделать.

В итоге, наступив на горло собственному здравому смыслу, мы оформили кредит под грабительский процент на покупку этого здания. Расположенный в жилом районе Хайгейт-Хилл — квартале, где проживало немало иммигрантов, — это был отдельно стоящий двухэтажный дом с просторным задним двором. Комнаты были довольно тесными, но нам приходилось довольствоваться тем, что есть.

Мы с моей LFT Гитанджали переехали туда, провели церемонию очищения дома, чтобы благословить пространство и выветрить любые негативные вибрации, а затем принялись за организацию детского сада. Садик расположился на первом этаже; там же, в передней комнате, проводились занятия и дхармачакры, куда все едва-едва умудрялись втиснуться. Несмотря на тесноту, дела шли в гору — до того самого утра, когда к нам пожаловали незваные гости.

Первый стук в дверь я услышала, как раз когда заканчивала принимать душ. Из-за шума воды я не сразу поняла, что происходит, но затем раздался еще один удар, куда более мощный. «Кого там принесло в такую рань?» — подумала я с раздражением. Было еще совсем рано, полседьмого или от силы семь утра — явно не время для визитов.

Я выключила воду, схватила полотенце, наспех вытерлась и натянула блузку от сари и нижнюю юбку. Открыв дверь ванной, я увидела стоявшую там Гитанджали.

— Кто там?

— Диди, в зале для медитаций тебя ждут трое мужчин, — едва слышно прошептала она; лицо ее было бледным как полотно.

Трое мужчин. Мужчины вообще никогда не приходили к нам, в женский джагрити, без предупреждения, а уж тем более в такую рань.

— Скажи им, что я сейчас буду, — шепнула я в ответ. А сама юркнула в свою комнату.

Что-то внутри подсказывало мне не показываться им в облачении ачарьи, поэтому вместо того, чтобы надеть оставшуюся часть формы, я переоделась в обычные брюки и рубашку. И только после этого вышла в зал.

Они были там — трое дородных мужчин в строгих костюмах стояли посреди комнаты, выглядя совершенно чужеродно и делая и без того маленькое помещение еще более тесным. Не теряя времени даром, один из них сунул мне под нос какую-то бумагу.

— У меня ордер на обыск, — отчеканил он. — Мы здесь с целью поиска улик.

И тут до меня дошло, кто они такие: сотрудники Специального отдела (Special Branch) — австралийского аналога ФБР. У нас с ними уже был богатый опыт общения. С тех самых пор, как в 1978 году троих братьев-марги арестовали и осудили (сшили дело белыми нитками, если быть точной) по обвинению во взрыве у сиднейского отеля «Хилтон»⁵³, они не оставляли нас в покое. Буквально годом ранее они посреди ночи устроили рейд в Офисе женского благосостояния в Мельбурне.

— Дайте мне взглянуть, — потребовала я.

Мужчина удержал ордер в руках, повернув его боком, так что мне пришлось вывернуть шею, чтобы хоть что-то разобрать. Я успела заметить наш адрес, но прочесть, что именно они ищут, мне не дали — он тут же спрятал бумагу.

— С чем вообще все это связано? — спросила я, стараясь, чтобы голос звучал как можно спокойнее.

— Прошлой ночью неизвестные ворвались в лабораторию для животных в Университете Квинсленда и похитили всех подопытных мышей, — выдал один из них. — На

оборудовании они распылили из баллончиков лозунги в защиту прав животных. У нас есть все основания полагать, что за этим стоите вы, ребята. Мы ищем улики.

— Что ж, ищите. Но никаких мышей вы здесь не найдете, если не считать пары наших собственных подвальных жителей!

Совершенно не отреагировав на мою попытку разрядить обстановку шуткой, они принялись за обыск. Наткнувшись на веранде на несколько старых баллончиков с краской (оставшихся от росписи витрин к Рождеству — еще одна наша схема по сбору средств), они потрясли ими у меня перед носом со словами: «И что это у нас тут такое?!» Затем они обнаружили стопку листовок о правах животных, которые мы распространяли в начале недели. «Ага! Вот и доказательство!» — воскликнул один, размахивая брошюрами. Но он ошибался: к тому налету мы не имели никакого отношения, несмотря на все его «улики».

На этом они не остановились. Устроив в доме настоящий погром, они бесцеремонно топали в своих грязных ботинках по всем комнатам, выдвигали ящики, забирали кучу вещей — включая мою адресную книгу и копии отчетов RDS — и сваливали все это в две большие картонные коробки, которые тоже притащили с веранды. Я тенью следовала за ними из комнаты в комнату, пока они оскверняли наше святилище, топчась по коврам и швыряя вещи.

— Предъявите ваш паспорт, — потребовал один из мужчин.

Он открыл его, внимательно пролистал все страницы, а затем захлопнул и вернул мне.

— Нам известно о некоторых так называемых браках, на которые вы, ребята, идете, чтобы остаться в стране. У вас ведь как раз такой?

Я покачала головой, чувствуя, как сердце готово выпрыгнуть из груди. Мне было по-настоящему страшно, ведь я действительно оформила фиктивный брак (или то, что мы называли «BM» — *bogus marriage*) с австралийским марги ради получения гражданства. Но в отличие от других диди, мой опыт оказался плачевным. В самый разгар бумажной волокиты мой «супруг» бесследно исчез, прихватив с собой наши чеки на получение пособия по безработице и оставив меня в подвешенном состоянии. Если они раскопают эту историю, меня депортируют. «Может, они уже все знают, — панически думала я, пока пульс стучал в висках. — Может, им уже доложили обо мне из иммиграционной службы».

И это была не единственная причина для паники. Где-то в ящиках, в которых они сейчас рылись, лежали бланки на получение пособия другой диди. Я подписывала их за нее, пока она была в отъезде, чтобы мы могли продолжать получать выплаты. Забрали ли они что-то из этих бумаг? Мне всегда было не по себе от подобных махинаций, но, как и в случае со всеми остальными полузаконными (или откровенно незаконными) вещами, на которые приходилось идти, я убеждала себя, что выбора нет. Деньги были нам необходимы и шли на благое дело — так я себя оправдывала.

Спустя вечность мужчины наконец убрались, утащив с собой коробки.

— Мы еще вернемся, — бросил напоследок один из них.

Мы с Гитанджали в полном молчании обходили комнату за комнатой. Я чувствовала себя как выжатый лимон. Разгром был полным. Им потребовалось всего три коротких часа, чтобы полностью уничтожить одухотворенную, чистую атмосферу нашего уютного

дома. По полу были разбросаны бумаги. Ящики комодов вывернуты и оставлены зиять пустотой. Ковры сбились в грязные кучи. От всего вокруг веяло какой-то тупой, приземленной пошлостью.

— Диди, — прервала тишину Гитанджали, — у нас есть контакты бесплатной юридической службы. Они проконсультируют нас и подскажут, как быть.

Мы позвонили и поговорили с адвокатом. Она о нас слышала — впрочем, как и большинство австралийцев. Благодаря инциденту с взрывом у «Хилтона» Ананда Марга гремела на всю страну. Мне вспомнился разговор с попутчиком в автобусе как-то днем. Стоило мне упомянуть Ананда Маргу, как его глаза округлились, он тут же извинился и поспешил пересечь на другую сторону прохода.

Адвокат пообещала разобраться в ситуации.

— Похоже на типичную операцию Специального отдела, — заметила она. — Они мастера запугивания. Весьма вероятно, что у них не было ордера на изъятие большинства тех вещей, что они унесли. Они предоставили вам опись изъятых имущества?

Никакой описи они не оставили, о чем я ей и сообщила.

— Это тоже незаконно: изымать вещи и не предоставлять список. Не волнуйтесь. Мы вернем все обратно, — заверила она меня.

Но я волновалась — и была абсолютно уверена, что меня вот-вот депортируют. Специальному отделу достаточно было просто пробить мое имя по базе Иммиграционной службы, и меня тут же усадят на ближайший самолет из страны. Просто сидеть в Брисбене и покорно ждать развязки я не могла.

В северном Квинсленде как раз должен был начаться ретрит.

— Я поеду туда, — сообщила я Гитанджали позже в тот же день. — Ты справишься здесь одна?

— Конечно, Диди. Я гражданка Австралии. Со мной они ничего сделать не смогут.

Я не была в этом так уж уверена: те трое марги, что сидели в тюрьме, тоже были австралийцами. Тем не менее в тот же вечер я села на автобус, направлявшийся на север, в город Таунсвилл, где должен был проходить ретрит.

Опасаясь, что наш телефон в Брисбене прослушивается, я не звонила целую неделю. (И это не было паранойей с моей стороны: в то время многие наши телефоны действительно стояли на прослушке). Когда я наконец набрала номер, у Гитанджали были новости.

— Звонила адвокат и сказала, что, как она и думала, у Специального отдела не было ордера на большинство изъятых вещей. Он распространялся только на предметы, связанные с делом о налете на лабораторию. Она потребовала предоставить ей полный список. Говорит, через неделю-две нам должны все вернуть.

— Отличные новости, — ответила я, умолчав о своих истинных мыслях: «Что помешает им сделать копии со всех документов, с каких они захотят?» Тот факт, что это незаконно, их вряд ли остановит. — Они не заявлялись больше? Не расспрашивали обо мне?

— Нет, Диди, никаких визитов. Все очень тихо.

— Вот и славно. Расскажи лучше, как ты сама справляешься? Садик, наверное, отнимает кучу сил.

Гитанджали заверила меня, что все в порядке и она вполне способна какое-то время тянуть дела самостоятельно. Я была ей безмерно благодарна.

После того как еще пара недель прошли без происшествий, я решила рискнуть и вернуться в Брисбен. Вскоре после моего возвращения нам нанесли еще один визит. Явились те же трое мужчин, их лица застыли в коллективной хмурой гримасе; в руках они несли коробки. Они вручили их нам и бросили: — Мы еще вернемся.

Вопреки их угрозам, больше они не появлялись. Эту битву мы выиграли. Судя по всему, Специальный отдел так и не связался по моему поводу с Иммиграционной службой — иначе меня бы давно след простыл. «Тот случай, когда одна рука не ведает, что творит другая», — подумала я. Я была в безопасности, по крайней мере на какое-то время.

⁵⁴ *Троих мужчин обвинили в организации взрыва, но в итоге им было предъявлено обвинение и вынесен приговор за заговор с целью убийства лидера «Национального фронта» — малоизвестной праворадикальной группировки. Их приговорили к шестнадцати годам заключения, однако после расследования Верховного суда они были освобождены через семь лет, в мае 1985 года.*

Глава 17. Откровение

Не прошло и года с момента моего приезда в Австралию (но еще до того, как случился тот памятный рейд), как я снова оказалась в Индии, надеясь наконец-то получить статус авадхутики. Через неделю после моего прибытия меня и еще нескольких претендентов вызвали в резиденцию Бабы в Лейк-Гарденс. Все мы кожей чувствовали: этот день настал — тот самый день, которого каждый из нас ждал с тех самых пор, как стал monastic-сотрудником full-time. Несколькими днями ранее нас уже вызывали, и мы точно так же стояли на лестнице, ожидая, когда Баба пригласит нас в свою комнату, но тогда нас в итоге развернули обратно. Но сегодня в воздухе витало ощущение абсолютной определенности. Скоро, я была уверена, я стану авадхутикой — и моя жизнь будет без остатка принадлежать ему.

Вместе со мной на лестнице ждали диди, которых я не видела уже целую вечность. Среди них была и Прашанти — та самая ворчунья, с которой мы вместе проходили обучение.

— Намаскар, Малати, — произнесла она, обнимая меня. — Столько времени прошло.

— И не говори, — согласилась я. — Прекрасно выглядишь!

И это была чистая правда. В ней не осталось и следа той былой придирчивости и резкости, что отличали ее во время обучения, а лицо буквально светилось.

Внезапно на верхней площадке показался личный помощник Бабы, делая нам знаки руками.

— Живее, заходите!

Не нуждаясь в лишних напоминаниях, мы взлетели по ступеням и столпились у двери Бабы. Один за другим мы скидывали сандалии и проходили в его комнату.

Баба сидел на своей раскладушке в своей излюбленной позе: одна нога закинута на другую, под локтями — подушки. Он был полностью в белом и улыбался. Я подошла, сотворила пранам, коснувшись лбом пола, а затем села и осмотрелась. Перед ним на полу устроились человек десять-двенадцать из нас — диди и дада.

Баба заговорил о том, что значит быть авадхутом или авадхутикой. Следуя традиции великих духовных деятелей прошлых эпох, мы посвятим себя освобождению каждого живого существа во вселенной. Мы не примем своего собственного освобождения до тех пор, пока абсолютно каждое существо не достигнет этого высокого состояния. Мы впитывали каждое его слово, не сводя глаз с его лица.

Баба опустил ноги на пол и жестом подозвал нас ближе. Мы гурьбой ринулись к его раскладушке, чтобы прикоснуться к его стопам, тесня друг друга. Мне удалось дотянуться всего парой пальцев до его левой стопы. И тогда Баба принял у нас обет. Мы повторяли его слова. Это был блистательный момент — короткий, но какой-то вневременной.

Баба сделал намаскар, давая понять, что наша встреча окончена. Мы ответили тем же жестом. Затем развернулись и стали медленно выходить из комнаты и спускаться по лестнице. Мы, диди, направились в крошечную каморку, располагавшуюся в задней части главного зала для медитаций. Как обычно, там было полно диди со снятыми вуалями: одни медитировали, другие обедали. Стоило нам переступить порог, как все они побросали свои дела и бросились обнимать и поздравлять нас.

Занял черед еще один долгожданный момент: нам предстояло сменить облачение, навсегда сняв свои белые сари и нижние юбки и заменив их на оранжевые. Пока Ананда Крипа молча передавала по кругу новые вещи, мы с трепетом разбирали их и принимались переодеваться. Мы видели, что Ананда Крипа пребывает не в духе. Буквально накануне Баба в наказание за какой-то промах отобрал у нее оранжевое платье авадхутики. Это было временной мерой, но она впервые за бог весть сколько времени была вынуждена облачиться в белое сари, и это ее явно не радовало. Мы не обращали на нее внимания, бережно оборачивая вокруг себя новые сари. Это был наш день, и я, по крайней мере, не собиралась позволять ее настроению его омрачить.

Мы натянули форму поверх оранжевых сари, повязали вокруг талии новые оранжевые пояса и гурьбой высыпали из комнаты в зал. Окружившие нас марги и другие работники, ожидавшие даршана, так и обступили нас.

— Вы выглядите потрясающе! — воскликнул один.

— Поздравляю! — подхватил другой. — Какая благословенная дата!

— Диди, а какое у тебя теперь имя авадхутики? — поинтересовался кто-то у меня.

Я не знала. Баба еще не успел его озвучить. Все мы ждали, когда он спустится из своей комнаты. Именно тогда он и назовет наши новые имена.

Мы скинулись деньгами и послали купить больших глиняных горшков со сладостями. В основном мы заказали расгуллы — знаменитые бенгальские белые шарики из творожного сыра, сочащиеся сахарным сиропом с ароматом розовой воды. Это был король всех десертов. Поскольку для такого повода годилось только самое лучшее, сладости закупили у «K.C. Das» — первоклассного бенгальского кондитера на Далхузи-сквер. Мы раздадим их, как только получим имена.

Внезапно нас закружил тот самый вихрь суматохи и оживления, что всегда знаменовал приближение Бабы, — и вот он уже идет по уставленной растениями дорожке, двигаясь медленно и чинно, а его телохранитель, как обычно, пятится перед ним спиной вперед.

Словно пчелы к нектару, мы обступили его со всех сторон. Он остановился и с улыбкой повернулся к нам:

— Вы счастливы?

— Да, Баба! — дружно выдохнули мы в один голос.

И тогда он начал раздавать нам имена, одному за другим. Наконец Баба повернулся ко мне. Я затаила дыхание.

— Ананда Мадхучанда, — произнес он. — Та, чей ритм исполнен блаженства божественной сладости.

При звуках этого имени меня накрыла волна чистой радости. Оно было таким прекрасным! И тогда Баба улыбнулся своей медленной, блаженной улыбкой — и весь мир вокруг словно озарился светом. Солнечные лучи заиграли на листьях растений, а сияние окутало нашу маленькую группу, погружая в атмосферу благословения.

После того как Баба вернулся к себе, мы принялись раздавать сладости. Началось настоящее столпотворение: осаждаемые детьми и взрослыми, мы разносили горшки и отправляли угощения в протянутые рты, пока не растаяла последняя сочная расгулла. Это было сладкое завершение идеального дня. На тот момент я считала этот день величайшим событием в своей жизни.

Однако вскоре после моего возвращения в Австралию моя эйфория была слегка омрачена.

— Какое у тебя теперь имя авадхутики? — поинтересовалась у меня Ананда Бхадра.

Когда я озвучила его, на ее лице промелькнуло трудночитаемое выражение.

— Даже не знаю, стоит ли тебе это говорить...

— Говорить что?

— В австралийском английском слово «chander» означает «блевотина», — выдала она после долгой паузы.

— Ну просто зашибись! — вырвалось у меня. — То есть здесь, в Австралии, мое имя означает «сладкая блевотина»?!

Если подумать, я и впрямь замечала странные взгляды марги, когда называла им свое новое имя. Теперь-то причина прояснилась.

Несмотря на новое имя и платье, некоторые вещи во мне, к моему глубокому разочарованию, оставались неизменными — включая приступы депрессии. В Брисбене служил один американский дада, Кхаджитананда, чья солнечная натура и шутки всегда поднимали мне настроение, когда на душе становилось паршиво. Как-то раз, вскоре после моего возвращения из Индии, он рассказал мне о Свидетеле Иеговы, который повадился ходить по их району, стучась в двери и распространяя «Сторожевую башню».

— В первый раз, когда он пришел, я был без формы, — делился Дада. — Мы разговорились, и я упомянул, что преподаю йогу. «Йога приведет вас прямо к дьяволу!» — заявил он мне. Так что к следующему его визиту я решил продемонстрировать ему, насколько он прав. Встретил его на пороге в полной форме. И сделал вот так. — Дада выпрямился во весь рост, состроил зверскую гримасу, свел свои кустистые брови к переносице и издал утробное шипение. — Парень аж побелел, развернулся и припустил по улице, — хохотал Дада. — А в конце квартала замер и оглянулся. Тогда я вышел на проезжую часть и повторил номер на бис. Он пулей скрылся за углом — и с тех пор носа сюда не кажет!

Дада запрокинул голову и покатился со смеху, и я присоединилась к нему; на душе стало легче, а мрачные мысли улетучились. От этого никуда было не деться: мне нравилось находиться в компании Кхаджитананды, и я радовалась тому, что мы работаем в одном городе. Статус авахутики не стер тех сомнений, что начали зарождаться во мне по поводу организации, но та поддержка, которую я получала от простого расслабленного общения с Дадой — таким же работником, преданным общему делу, — значила для меня очень много. И, чего греха таить, он казался мне привлекательным. Впрочем, это меня не особо тревожило. Я была уверена в своей способности преодолеть подобные чувства и не собиралась давать им волю.

Личные отношения любого рода между сотрудниками в Ананда Марге не приветствовались. И если на однополюе дружеские связи глаза еще закрывали, то межполовые находились под жестким запретом; поскольку большинству из нас было от двадцати до сорока лет, приходилось постоянно быть настороже в отношении сексуального влечения. Письменных санкций против такой дружбы не существовало, но все мы четко считывали негласный приказ держаться на расстоянии. Наше руководство полагалось на вовремя ввернутое замечание-другое, дабы напомнить человеку о необходимости соблюдать дистанцию. Ананда Судха частенько брала на себя миссию держать своих диди в узде подобным образом.

Во время одного собрания RDS в Катумбе — городке в Голубых горах, где располагался Офис сектора, — я находилась в комнате диди после утреннего заседания, готовясь к полуденной медитации, когда вошла Ананда Судха.

— Мадхучанда, ты сидела так близко к Кхаджитананде, что чуть ли не на коленях у него устраивалась! Поберегись, — громко заявила она, назидательно качая пальцем у меня перед носом. Остальные диди тут же обернулись посмотреть. — Чтобы я больше не видела, как ты сидишь рядом с ним, — отрезала она, нахмутив брови, и между ее глаз пролегла та самая глубокая складка.

Доля правды в ее словах была — я действительно сидела рядом с Кхаджитанандой, но вовсе не так близко, как она малевала. Тем не менее перечить Ананде Судхе я не стала.

Сделать это означало навлечь на себя испепеляющий шквал гнева, после которого ты чувствовал себя так, словно подвергся физическому нападению. С меня хватило ее ярости на Фиджи, да и после этого у нас случались стычки, поэтому я просто молча кивнула и принялась расправлять свое одеяло для медитации.

Но буквально через день-два ситуация вокруг Ананды Судхи развернулась на сто восемьдесят градусов — по крайней мере, в моем представлении.

Мы закончили утреннее заседание и как раз собирались обедать, когда один из индийских дад, Раджатананда, отвел меня в сторону.

— Мадхучанда, — тихо произнес он, — есть кое-что, что тебе, я считаю, необходимо знать об Ананде Судхе.

На протяжении всей RDS Раджатананда становился свидетелем публичных унижений одной диди за другой от рук Ананды Судхи, поскольку та обычно не утруждала себя тем, чтобы распекать нас с глазу на глаз. Мягкий, погруженный в себя человек, который всегда часами занимался садханой, Раджатананда все это время молча отказывался притрагиваться к любой пище, которую готовила Ананда Судха. Пока все остальные с аппетитом уплетали острые карри из цветной капусты и картофеля и далы, приготовленные Анандой Судхой для обедов на RDS, он преспокойно питался бутербродами с арахисовым маслом и джемом и салатами. В то время я полагала, что всему виной ее поведение на наших собраниях. «Он соблюдает правило поведения „Нельзя принимать пищу, к которой прикасался подлый человек“ куда лучше всех нас», — думала я, видя, как он возится на кухне со своими салатами.

— Об этом знают большинство индийских работников, — продолжал он, — но никто не хотел говорить никому из вас, чтобы это не ударило по ее репутации здесь.

— Что именно, Дада? — спросила я, стараясь, чтобы в голосе не прозвучало излишнее волнение.

— Ну, ты можешь не поверить, но это чистая правда, — сказал он. — Можешь расспросить любого другого старого индийского работника. Они подтвердят то же самое.

Дада прокашлялся, и его лицо приобрело красноватый оттенок, заметный даже под густой бородой. Он отвел глаза, а затем снова посмотрел на меня, пока я ждала продолжения.

— Диди как-то раз забеременела от одного из работников, — наконец выдавил он. — Баба отобрал у нее платье. Диди ушла в подполье, родила ребенка, а затем вернулась к деятельности monastic-сотрудника.

Он умолк. Я тупо уставилась на него, чувствуя, как краска сходит с моего лица. У меня перехватило дыхание. Неужели это правда?

Масштаб этого известия ошеломлял: Ананда Судха вечно отпускала шпильки в адрес других работников, намекая на их необузданные сексуальные аппетиты, и если то, что только что поведал мне Дада, было правдой, она сама забеременела, будучи работником, и родила ребенка! Какая же лицемерка, думала я, отчитывая меня за то, что я сижу слишком близко к Кхаджитананде, строя из себя носительницу чистой духовности, не запятнанной никакими плотскими помыслами, и намекая, будто у нас, западных диди, только секс на уме круглые сутки.

Я свято верила в необходимость соблюдения кодекса поведения работников до последней буквы и представить не могла, что кто-то, кто принял обеты и стал сотрудником full-time, может крутить романы и при этом оставаться в строю. Не то чтобы у меня самой не возникало подобных желаний. Но я четко знала: я никогда не переступлю эту черту, будучи full-timer'ом. Если я когда-нибудь решу, что мне это необходимо, я сначала уйду из организации, говорила я себе. (Одним из самых суровых испытаний в жизни сотрудника было требование целибата. Я не знала, что чувствуют по этому поводу остальные, поскольку мы никогда не обсуждали свои тиски борьбы с сексуальной вритти — склонностью. Тебе приходилось бороться с этим в одиночку. Мне особенно запомнилось мое тридцатилетие, когда после долгой медитации я пообещала Бабе, что одержу победу над своими сексуальными желаниями, наивно надеясь, что самые мощные порывы уже позади и дальше будет легче).

Я поблагодарила Раджатананду за то, что он доверился мне, и проводила взглядом его силуэт, направлявшийся на кухню — без сомнения, соорудить очередной бутерброд с арахисовым маслом и джемом. Его слова повергли меня в такое смятение, что я посчитала необходимым проверить их достоверность. Я отправилась на поиски Ананды Виноды — индийской диди, руководившей тренировочным центром LFT для сестер в Мельбурне. Мы впервые познакомились, когда я сама проходила обучение. Она дала мне мой шестой и финальный урок, так что я чувствовала с ней особую связь. Уж она-то наверняка подтвердит или опровергнет слова Дады.

Я пересказала ей то, что услышала, и увидела, как ее лицо сначала побледнело, а затем пошло красными пятнами.

— Это правда, Диди?

— Я не стану говорить тебе, правда это или нет, — отрезала она и отвернулась.

Я знала, что Ананда Винода тоже натерпелась обид от Ананды Судхи; мы часто делились историями при встречах. Но Ананда Винода была настолько преданна организации, думала я тогда, что просто не смогла переступить через себя и подтвердить то, что я уже и так считала непреложным фактом.

Так я рассуждала тогда, но теперь смотрю на вещи иначе. Большинство индийских работников считали себя выше западных. Нерешительность Ананды Виноды могла быть в гораздо большей степени продиктована желанием защитить репутацию Ананды Судхи и лояльностью к соотечественнице, нежели преданностью организации в целом. Или же это было просто нежелание вообще думать о том, что совершила Ананда Судха; ведь признать это означало бы расписаться в том, какое колоссальное влияние сексуальные желания оказывают на жизни всех нас, несмотря на все наши потуги их подавить.

А что касается поведения Раджатананды? Его отказ от пищи, приготовленной Анандой Судхой, скорее всего, был связан исключительно с тем фактом, что она забеременела, будучи monastic-сотрудником, и тем отвращением, которое этот поступок у него вызывал, нежели с ее обращением с другими диди на собраниях RDS. В конце концов, большинство индийских дад сложно было назвать защитниками прав женщин.

Хотя это дошло до меня лишь годы спустя, тайна, которую я узнала об Ананде Судхе, действительно многое объясняла в ее поведении. Оглядываясь назад, это помогло пролить свет на ее действия во время решения «лесбийской проблемы» в Сиднее.

Каждые три месяца, примерно во время RDS, я часто проводила неделю-другую в сиднейском женском джагрити, так как Сидней находился недалеко от Катумбы. Вскоре я поняла, что тамошние марги, по крайней мере женщины, сильно отличались от брисбенских. Многие из них — сильные, независимые женщины, которые регулярно жертвовали организации деньги и время — были лесбиянками. Отношение Ананда Марги к гомосексуальности в лучшем случае было неоднозначным, поэтому весь тот вклад, который вносили лесбиянки, создавал для организации дилемму, затронувшую даже участок в Джимпи, на покупку которого я помогала собирать деньги. На самом деле, вскоре после покупки земли две женщины, Джаядеви и Чандрика, переехали туда и тяжело трудились над его развитием. Жилья там не было, поэтому они купили красивый дом с большой верандой по всему периметру и перевезли его на участок. Но с самого начала этот проект был окружен спорами, во многом из-за того, что Джаядеви и Чандрика были лесбиянками. Что делало ситуацию еще хуже в глазах организации, так это то, что Чандрика когда-то была диди. В итоге это поместье так никогда и не было признано мастер-юнитом, несмотря на прекрасную работу, которая развернулась там на протяжении нескольких лет.

Дилемма, которую создавали сиднейские лесбиянки, была особенно тяжелой для Ананды Судхи. Ей нравилась работа, которую они делали для организации, и, как мне казалось, еще больше ей нравились их деньги. Ей требовалось как можно больше средств, когда она отправлялась в Калькутту на RDS; чем больше она привозила центральным работникам, тем выше были ее влияние и престиж. Но как она могла принимать деньги от людей, которых сама считала — и была убеждена, что и Баба считал — безнравственными?

Как работники, мы должны были следовать наставлениям Бабы для общества Ананда Марги, поэтому для нас имело смысл искать все, что он мог сказать или написать на тему гомосексуальности. Баба, например, очень много писал и говорил о двух ролях, из которых нам приходилось выбирать: ачарья или семейный человек. Одинокие марги могли какое-то время быть LFT и работать вместе с диди и дадами над проектами, но ожидалось, что в конце концов они выберут один из двух путей. В результате для людей, решивших всю жизнь оставаться неженатыми, официально признанной роли не существовало. На таких людей смотрели свысока; во время одной из лекций DMC я даже слышала, как Баба называл холостяков «паразитами». Большинство из нас полагали, что Баба имел в виду неженатых марги обоих полов, хотя и использовал слово, обычно ассоциирующееся с неженатыми мужчинами. По этому определению марги-гомосексуал действительно являлся бы паразитом, но точно таким же паразитом был бы и неженатый гетеросексуал. Проблема заключалась в том, что Баба никогда не писал и не высказывался публично о гомосексуальности, поэтому никто не знал наверняка, что он об этом думает. Несмотря на этот факт, некоторые индийские работники, включая Ананду Судху, утверждали, что на личных встречах с ними Баба объявлял гомосексуальность грязной, неестественной и аморальной.

Ананда Судха нашла выход из своей дилеммы. Находясь в Австралии, она вела себя открыто и принимала лесбиянок, поощряя их отдавать свое время и энергию и собирая их деньги. Однако всякий раз, когда она отправлялась в Индию, это отношение претерпевало радикальные изменения. В Центральном офисе знали о «лесбийской проблеме» в Австралии, поэтому, как до нас доходило, Ананда Судха при любой возможности выражала моральное возмущение и осуждала сиднейских женщин перед центральными дадами.

В какой-то момент Анишананда встретился с Анандой Судхой в Сиднее, чтобы выработать официальную политику в отношении марги-геев. Его цель заключалась в том, чтобы придумать нечто, что уважало бы их права, но при этом сообразовывалось с тем, каким, как предполагалось, было отношение Бабы к гомосексуальности. Анишананда и Ананда Судха часами корпели над этой политикой. Когда она была готова, Дада подписал ее. Диди — нет. На следующей RDS в Индии Ананда Судха обвинила Анишананду в потакании марги-гомосексуалам и заявила, что он сам написал эту (непозволительно либеральную) политику, без какого-либо участия с ее стороны. Дада был раздавлен и в конце концов покинул организацию. Большинство из нас, кто был в курсе ситуации, считали, что двуличие Ананды Судхи в этом деле стало одной из главных причин его ухода.

В то время мне это не приходило в голову, но Ананда Судха, должно быть, чувствовала необходимость постоянно доказывать свою моральную стойкость, если можно так выразиться. В конце концов, не каждый день авадохутика рождает ребенка, а затем возвращается к монастырской жизни full-time. За все годы, что я провела в организации, я не слышала ни об одном случае, подобном ее. Центральные дада, должно быть, выискивали любые намеки на новые проступки с ее стороны, и она была полна решимости не давать им для этого никаких поводов. Иначе что стало бы с ней, если бы ее выставили — немолодой индийской женщиной, незамужней и необразованной? Чтобы выжить, ей нужно было оставаться в строю, и она готова была пойти на все, чтобы сохранить свое положение.

Откровение об Ананде Судхе снова заставило меня задуматься об отношениях в Ананда Марге. Ты мог близко сойтись с другим работником, с которым вместе трудился, но в конце концов кого-то из вас переводили — либо в другую страну того же сектора, либо вообще в другой сектор. Если это происходило, вы могли изредка встречаться в Индии, но уж точно нечасто. В тот момент я поняла, что старшие дада и диди (если не сам Баба) могли специально все так устроить. Если не давать людям заводить близкие отношения, будет меньше обсуждений некоторых теневых сторон организации, меньше разговоров о личных проблемах и внутренних битвах, а значит — больше контроля над умами и такими секретами, как у Ананды Судхи.

В организации, по сути, существовало четкое предубеждение против психологии. Работники Ананда Марги с осуждением относились к терапевтическим практикам вроде ребе́рфинга или даже к более традиционным формам психотерапии. Ответ на все проблемы неизменно оставался одним и тем же. «Вам все это не нужно», — поощряли нас говорить рядовым марги. — «Просто пойте больше киртана и медитируйте, и ваши проблемы разрешатся сами собой».

Некоторые индийские работники высмеивали то, что они считали одержимостью западных марги психологией, хотя сами не проявляли ни малейшего понимания или интереса к собственным психическим процессам. Нередко диди и дада (особенно индийские, как мне казалось), которые ежедневно часами просиживали в медитации, вели себя как дети. Несмотря на зазубривание списков ашта паша и шад рипу (восьми оков и шести врагов, таких как гнев и зависть), работники то и дело взрывались яростью из-за пустяка. Казалось, для таких сотрудников существовали только две сферы: духовная и физическая, причем духовная была несоизмеримо важнее.

Однако социальная и духовная философия Анандамурти утверждала обратное. В своей «Ананда Сутрам» Баба заявлял, что этот мир является относительной истиной, тем самым опровергая традиционное для индийских духовных искателей убеждение в том,

что физический мир — всего лишь иллюзия (майя), а единственный реальный мир — духовный. В других трудах он отмечал важность развития человека во всех сферах: физической, психической и духовной. В то время как многие западные марги принимали эти учения близко к сердцу, мне казалось, что многие индийцы концентрировались почти исключительно на своем духовном развитии. Словно древняя духовная традиция их культуры все еще прочно удерживала их в своих тисках, вопреки наставлениям Бабы.

Но, пожалуй, самая важная причина отсутствия близких отношений между работниками заключалась в следующем: связь с Гуру считалась истинными отношениями, единственными вечными — и единственными, которые имели значение. Ананда Марга представляла собой вселенную, где Баба был солнцем, а его последователи — планетами, которые вращались вокруг него, стремясь занять как можно более близкую орбиту. В результате вся энергия и любовь преданного направлялись на Гуру, и для остальных мало что оставалось.

Физическая близость к Бабе ценилась чрезвычайно высоко. В ранние годы семейные марги и монастырские работники были близки к Бабе как физически, так и духовно, но со временем, когда Ананда Марга превратилась в международную организацию с центрами по всему миру, отношения с Гуру перешли больше во внутреннюю плоскость. Даже в Индии физический доступ к Гуру был ограничен. Можно было мельком увидеть его или посидеть послушать, как он дает даршан, но настоящая близость стала невозможной.

И все же мы пытались. Приезжая в Калькутту, мы не находили времени друг для друга. Мы пели киртан и медитировали, шли к дому Бабы на даршан, снова медитировали и опять возвращались к дому Бабы в надежде поймать еще хоть один мимолетный взгляд. Оба здания, которые организация построила рядом с домом Бабы в Тилджале, имели несколько этажей. Среди нас даже ходила шутка: «Не вздумай заболеть, если живешь на одном из верхних этажей», — говорили у нас. — «Ты можешь умереть прежде, чем кто-то заметит или придет тебе на помощь!»

Несмотря на нехватку физической близости, конечным результатом отношений работника с Гуру было то, что они давали ему силы совершать удивительные вещи на местах. Именно уверенность в любви и защите Бабы наполняла меня кажущимся неиссякаемым источником вдохновения и энергии. Она давала мне смелость в одиночку путешествовать по опасным местам, отправляться в страны, где я никого не знала и почти без денег, рисковать жизнью, путешествуя автостопом по Ближнему Востоку в одиночку, будучи женщиной. В то время я понимала это так: я еду не одна. Он здесь, со мной. Он действует через меня. Он меня защитит. И вскоре у меня накопился богатый опыт, который, как мне казалось, это подтверждал.

В памяти всплывает один конкретный случай из времен службы в Каирском секторе. Я путешествовала по суше из Турции в Индию вместе с молодым исландским дадой; мы ехали на DMC, и времени у нас оставалось в обрез. Как-то вечером мы прибыли на глухой пограничный пункт между Пакистаном и Индией, но к моменту, когда нам наконец дали добро на переход, было уже слишком поздно; автобусов не предвиделось до самого утра. Это ставило нас перед дилеммой: если ждать автобуса, мы пропустим DMC. В итоге мы уговорили (за небольшие деньги) нескольких мужчин на пикапе подбросить нас до автобусной станции или чего-то подобного; точно уже не помню, куда именно. Мы забрались в кузов, и машина тронулась. Опустилась ночь. Мужчины гнали по пустынной местности, напоминавшей лунный пейзаж; насколько я могла судить, дорог там не было вообще. В какой-то момент мы подъехали к заброшенной строительной площадке. Странно было то, что она ярко освещалась, несмотря на то, что

находилась посреди глуши. Пикап затормозил, мужчины выскочили из кабины и принялись лихорадочно собирать все, что плохо лежит, сваливая это в кузов прямо рядом с нами. Воровство! Мы с Дадой вытаращили глаза друг на друга. В голове у нас пронеслась одна и та же мысль: что помешает этим парням прирезать нас, забрать деньги, а трупы выбросить здесь, в пустыне? Баба, очевидно!⁵⁵

Я была далеко не единственной, у кого случались подобные истории. Люди травили потрясающие рассказы о Бабе на каждом собрании и съезде RDS. Сложилась своего рода коллективная мифология. Это не значит, что те истории были выдумкой или описанные в них события не происходили. Многие из них происходили на самом деле. Но стоял ли Баба за каждым из них? Поскольку все мы несем в себе божественное начало, наверняка личная инициатива и тяжелый труд тоже сыграли свою роль в том, чего мы добились.

Божественная сила разлита повсюду. В Ананда Марге мы персонифицировали и кристаллизовали ее в образе Гуру. Мы стали смотреть на Гуру как на единственное вместилище божественного, зачастую забывая находить его в самих себе и друг в друге.

⁵⁵ Однако защита Бабы не предотвратила массовое убийство среди бела дня семнадцати дад и диди на улицах Калькутты в апреле 1982 года — день, известный в организации как *Dadheici Divas*, или День мучеников. Существует устойчивое убеждение, что за этими убийствами стояла Коммунистическая партия Западной Бенгалии. До сегодняшнего дня виновные так и не привлечены к ответственности.

Глава 18. Школа — настоящая

Когда я стала диди, то и представить не могла, сколько времени у меня будет отнимать бумажная волокита. Но вскоре выяснилось, что я обязана писать тонны отчетов о продвижении моей работы. Ладно бы нам приходилось сдавать только ежемесячный отчет, но существовал еще еженедельный и даже ежедневный. Все они, как правило, писались от руки, а копии отправлялись в региональный, секторальный и центральный офисы.

Одним из самых важных пунктов отчета было «создание школ». От full-time сотрудника ожидали открытия новой школы чуть ли не каждый месяц, если не каждую неделю. На собраниях RDS в Индии работники сектора должны были отчитываться прямо перед Бабой о количестве школ, открытых с момента последней встречи, и никто не хотел получить выговор за низкие показатели.

И мы открывали школы. Мы собирали несколько детей для каких-нибудь кружков после уроков в наших центрах — и это считалось школой. В неанглоговорящих странах мы собирали ребятишек и учили их английскому раз или два в неделю. Либо уговаривали молодых мам оставить нам своих младенцев и занимались тем, что по сути было обычной нянечьей работой. Все это гордо именовалось «школами», и мы открыли их сотни.

За всем этим во мне жило скрытое, но страстное желание открыть настоящую школу. В противовес бумажным школам, которых у меня было в избытке, мне хотелось создать такую, у которой было бы собственное здание, где уроки шли бы пять дней в неделю и которую признали бы местная община и правительство. Некоторые работники, вероятно, сочли бы это желание странным. В самом деле, зачем тратить месяцы или даже годы на открытие одной настоящей школы, когда за это время можно запустить десять, двадцать или тридцать бумажных?

Как-то летом 1984 или 1985 года я работала в Лисморе — небольшом городке на севере Нового Южного Уэльса. Одним особенно жарким днем я обедала в доме в компании четырех или пяти женщин. Внутри стоял полумрак — свет выключили, чтобы хоть как-то спастись от зноя, и я краем уха прислушивалась к текущей вокруг беседе, из последних сил борясь со сном. Но стоило кому-то упомянуть пустующее здание школы, как моя сонливость вмиг испарилась, и я выпрямилась на стуле.

— Что ты сказала... что-то насчет школьного здания?

Катрина, наша хозяйка, повернулась ко мне:

— Да, Диди. Оно стоит совершенно пустое. Его закрыли года два или три назад.

— Это та самая школа, которую открыли как кооператив какие-то родители-хиппи? — поинтересовалась одна из женщин. — Я слышала, дела у них шли неплохо несколько лет, но потом родители начали спорить по любому поводу, и всё закрылось.

— Да, именно она.

— А где конкретно находится эта школа? — спросила я.

— Точно не знаю, — ответила Катрина. — Знаю только, что не в городе. В нескольких километрах отсюда, где-то в буше.

Это звучало слишком красиво, чтобы быть правдой. Настоящее школьное здание, сиротливо пустующее на каком-то участке неподалеку? Это определенно стоило разведать! Мне понадобятся машина и проводник, хорошо знающий эти места. На ум сразу пришла Мандакини — мягкая в общении, но решительная и крепкая сестра-марги лет двадцати с небольшим. Буквально за пару дней до этого я делилась с ней своей мечтой об открытии школы, и она восприняла ее с огромным энтузиазмом.

Когда позже в тот же день я позвонила Мандакини, она отреагировала на новости и мою просьбу в точности так, как я надеялась.

— Как здорово! — воскликнула она. — Заеду за тобой завтра в восемь утра.

Следующий день выдался ясным и солнечным, обещавшим обернуться жарой, что для меня в моих монашеских одеждах было не лучшим раскладом. В отличие от индийской юбки и крестьянской блузы, которые Мандакини обычно носила, сегодня на ней были шорты, на которые я посмотрела с легкой завистью, садясь в машину. Мандакини решила поехать по главной дороге, ведущей к Байрон-Бей — самой восточной точке Австралии.

— Может, школа где-то в стороне от этого шоссе, — рассуждала она по пути.

Мы останавливались, чтобы расспросить редких прохожих или работавших в поле людей, но никто из них и слыхом не слыхивал об этом месте.

— Не переживай, как-нибудь найдем, — подбадривала меня Мандакини. — В любом случае, отличный день для поездки.

Наконец один фермер указал нам нужное направление.

— Если не ошибаюсь, найдете ее примерно в километре-двух вверх по дороге, чуть в стороне от главного шоссе, — произнес мужчина, вытирая пот с лица платком.

Поблагодарив его, мы рванули в указанную сторону и вскоре обнаружили небольшую грунтовую дорогу, уходящую вправо. Мы поехали по ней и уперлись в закрытые ворота для скота. Выйдя из машины, мы пошли пешком по земляной тропе, по обе стороны которой высились густые сорняки.

— Давай откроем ворота и пройдем немного вперед, — предложила Мандакини.

Я согласилась, и мы распахнули створку. Примерно через пятьдесят метров мы увидели ее: небольшая, запущенная, но абсолютно целая постройка.

Входная дверь была заперта, поэтому мы медленно обошли здание кругом, тщательно его осматривая и заглядывая во все окна. Внутри была всего одна большая комната, но, насколько мы могли судить, в хорошем состоянии. С одной стороны располагался блок с туалетами и раковинами — на улице, но под навесом.

Окрестности были идиллическими: холмистые пейзажи, где-то вдали мирно пасутся коровы, а на идеально синем небе застыли пара пухлых белых облаков. Я посмотрела на Мандакини.

— Ну разве не фантастика? — произнесла я, раскинув руки, словно обнимая весь этот вид.

Она улыбнулась в ответ, её карие глаза блеснули. Мы были полны решимости сделать эту школу своей.

Расспросив местных, мы узнали, что недвижимость по-прежнему принадлежит той самой первой группе родителей, организовавших кооператив под названием «Магический пудинг» (Magic Pudding). Мандакини связалась с ними и вскоре добилась согласия: она вместе со своим мужем Дхрувой переедет в мансарду над школьным классом — уютное маленькое пространство с чудесным видом на сельские просторы. Поселившись там в качестве зрителей практически бесплатно, они займутся расчисткой сорняков и уборкой территории. Помогать им вызвалась не только я и другие местные марги, но и — если все пойдет по плану — потенциальные родители, которых мы надеялись привлечь через собрание в городе, подготовку к которому уже начали.

Мы с Мандакини вовсю занялись расклейкой плакатов по магазинам и дали объявление в местную газету. Когда подошел вечер встречи, я никак не могла решить, стоит ли мне надевать форму.

— Что думаешь? — спросила я Мандакини. — Не хочется никого отпугнуть.

— Решай сама, Диди. Я поддержу любой твой выбор.

В итоге я предпочла «гражданское». И наблюдая, как толпа заполняет арендованный нами зал, я порадовалась своему решению. Нам и так было о чем поговорить, и не хотелось, чтобы вопросы об Ананда Марге заняли все отведенное время. В итоге о ней едва обмолвились.

Когда же на последующих встречах я появлялась в форме, неизбежно возникали тревожные вопросы.

— Это религия? — интересовался кто-то. — Вы будете учить детей философии Ананда Марги?

Но несмотря на негативный имидж, который Ананда Марга все еще имела в стране, большинство родителей настолько горели желанием открыть школу, что эти опасения не помешали им включиться в процесс. Было очевидно, что государственная школа в Лисморе их категорически не устраивала, и в нашем проекте они видели отличную альтернативу.

Куда более сложными оказались препятствия, чинимые самой Ананда Маргой. Поскольку другие работники штамповали бумажные школы одну за другой чуть ли не каждый месяц, мое руководство было крайне недовольно тем, что мой проект требует столько времени для запуска. На собраниях RDS я отчитывалась о продвижении дел. Я докладывала, что Мандакини и Дхрува уже заехали и начали расчистку территории, рассказывала о проведенных встречах и количестве присутствующих. Но от этих сводок лишь отмахивались. Вместо того чтобы впечатлиться моими успехами, начальство лишь раздражалось все сильнее.

— Каждый раз, когда ты приезжаешь на RDS, ты заводишь одну и ту же пластинку, — повысив голос, заявил обычно мягкий в общении Сурешананда, один из центральных работников, часто наезжавший в Австралию. — Когда она наконец откроется?!

— Дада, — возражала я, — настоящую школу за одну ночь не откроешь. На это нужно время.

— Если не можешь открыть ее в ближайшие сроки, бросай это место, поезжай в другой город и сделай это там! — отрезал он, после чего переключил внимание на следующую диди, надеясь услышать от нее более удовлетворительный отчет.

«Но ведь одна настоящая школа стоит гораздо больше всех этих липовых! — кипела я от злости. — Ну почему они этого не видят?» Но Дада не собирался сидеть и ждать, пока я создам реальный продукт. Поскольку ему и другим руководителям приходилось стоять перед Бабой и выдавать сухие цифры, значение имело только количество.

К тому же я уже успела разочаровать руководство по другому важному пункту отчетности: «созданию новых full-time сотрудников» (WT creation). Считалось предметом огромной гордости «сотворить» нового монастырского работника. Диди и дада прикладывали массу усилий, чтобы вдохновить людей отправиться на обучение, дабы спустя месяцы они вышли из кокона тренировочного центра, готовые к полету в оранжево-белых одеждах. Порой из-за того, кто именно привел того или иного человека в организацию, вспыхивали нешуточные споры. Иногда двое или даже трое из нас заявляли свои права на одного и того же нового работника. Эти вопросы бурно дебатировались на собраниях RDS.

— Вообще-то это я дала ей посвящение, — доказывала одна диди. — Я вела у нее большинство уроков, и она два года проработала со мной как LFT. Я говорила с ней о поездке на обучение, и она сама изъявила желание.

— Но ведь это я, — возражала другая, — дала ей шестой урок и лично отправила в тренировочный центр!

Каждая диди привлекала свидетелей, дабы доказать свою правоту.

Многие рекруты были совсем юными, подростками шестнадцати-семнадцати лет. Кто-то только окончил школу, кто-то успел поступить в колледж, но бросил его, откликнувшись на то, что казалось им высшим долгом. Молодые марги часто были буквально ослеплены тем ореолом духовного авторитета, что окружал full-time работников, и завербовать их было куда проще, чем людей постарше.

В первые годы после окончания собственного обучения я и сама страстно желала вдохновлять других на монастырский путь. Но уже тогда мне казалось неправильным подталкивать девочек с таким мизерным жизненным опытом к решению, которое изменит их судьбу навсегда — ведь предполагалось, что став full-timer'ом, ты остаешься им на всю жизнь. У других сотрудников подобных комплексов не возникало, и они с радостью подталкивали молодежь к этому шагу.

— Ой, да зачем тебе оканчивать школу? — убеждали они потенциального рекрута. — Зачем ждать, если ты уже сейчас четко знаешь, чему хочешь посвятить свою жизнь? К тому же служение Бабе куда важнее учебы!

Недавно я приложила массу усилий, чтобы угодить руководству и склонить к поездке на обучение женщину постарше. Савита, немка, жившая в Австралии, была на пороге тридцатилетия и уже работала в качестве LFT. Я провела кучу времени, медитируя вместе с ней и заваливая её историями о Бабе, прежде чем перейти к главному предложению. Но все впустую.

— Она слишком много думает своей головой, — жаловалась я коллегам, изливая досаду.

Так что, вопреки моим стараниям, цифра созданных мной работников в отчетах упрямо оставалась нулевой, или «nil», как мы говорили. Давление нарастало. Ради спасения собственной репутации я была просто обязана запустить эту школу.

Существовала, впрочем, одна существенная деталь, которой я предпочла не делиться с начальством на RDS: тот факт, что открытие школы затягивается еще сильнее, поскольку Мандакини и Дхрува решили съездить в Индию. Дхрува был опытным, или, как мы говорили, «старым» марги и бывал в Индии неоднократно, но для Мандакини это была первая поездка. Она с огромным трепетом ждала встречи с Бабой.

Однако их путешествие обернулось катастрофой. Когда Дхрува предъявил паспорт в аэропорту Бомбея, индийские пограничники отвели его в сторону и принудительно усадили на обратный рейс до Австралии. Как и многие старые марги, его имя красовалось в черном списке. Мандакини же проскочила контроль без проблем, хоть и стояла прямо за мужем; поскольку её фамилия в паспорте отличалась от его, пограничники просто не поняли, что они вместе. Очутившись в чужой стране одна, без брони на поезда и сопровождения, Мандакини просто побоялась добираться до Калькутты самостоятельно.

— Я понятия не имела, что делать, — делилась она со мной по возвращении. — Была уверена, что меня раскусят, поймут, что я из марги, и арестуют.

В итоге она сняла номер в гостинице, где безвылазно просидела неделю. Так и не увидев Бабу, она вернулась в Австралию, причем её отношение к Ананда Марге претерпело радикальную трансформацию. Теперь она знать ничего не хотела ни об организации, ни о школе.

Я сочувствовала ей. Прекрасно понимала, каким эмоциональным потрясением это для неё стало. Но что мне было делать без Мандакини? Именно она выполняла колоссальный объем организационной работы на месте. Помимо бешеной энергии и пробивной силы, она обладала той открытой манерой общения, которая притягивала людей. Теперь шансы на то, что школа вообще когда-нибудь откроется, таяли на глазах. марги в округе поддерживали проект на словах, но были явно не готовы вкладывать те тонны труда и времени, которых требовала его реализация.

Неделю-другую я мучительно взвешивала варианты, но выход оставался по сути один: похоронить мечту и уехать из Лисмора. Медленно упаковывая вещи, я прокручивала в голове все то время и силы, что были потрачены на проект. И все псу под хвост. Сурешананда, как ни крути, оказался прав. Что он скажет на следующей RDS? Наверное: «Я же тебе говорил».

За день до моего планируемого отъезда позвонила Мандакини и попросила встретиться в городском парке. Я согласилась, желая поблагодарить её за всё, что она сделала. Было бы приятно повидаться в последний раз — мы ведь через столько прошли вместе.

Когда я пришла в парк, Мандакини уже ждала меня с улыбкой на лице. Она обняла меня, вновь напоминая прежнюю увлеченную Мандакини, какой она была до поездки в Индию.

— Диди, — выпалила она на одном дыхании, — прошлой ночью мне приснился самый невероятный сон о Бабе! Он был таким ярким. Баба говорил со мной, и из его слов я четко поняла: он хочет, чтобы школа открылась! Я рассказала о сне Дхруве, и он согласен. Говорит, что поддержит меня. Если я вернусь к работе над проектом, ты останешься?

Останусь ли я? Мы обнялись, а на глаза навернулись слезы. Школа была в одном шаге от того, чтобы не случиться никогда.

Как только мы миновали этот кризис, начали происходить удивительные вещи, благодаря которым школа стала реальностью. Самым любопытным из них стала автомобильная авария и деньги, которые мы в итоге за нее получили. Как-то вечером я возвращалась домой после урока йоги, сидя на пассажирском сиденье машины, за рулем которой находилась одна из моих учениц. Она жила неподалеку от лисморского джагрита (который я арендовала через несколько месяцев после запуска школьного проекта) и подвозила меня; сзади сидела еще одна ученица — женщина со своим малышом. Когда мы выехали на перекресток всего в нескольких кварталах от места назначения, я заметила слева темно-синий фургон, который на полной скорости вылетел на перекресток на красный свет, направляясь прямо на нас.

— Берегись! — закричала я.

Наш водитель резко вильнула рулем, но фургон все равно врезался в нас. Поразительно, но, несмотря на свои внушительные размеры, он перевернулся, в то время как наша машина каким-то чудом устояла на колесах. Быстрый осмотр показал, что хотя мы все были сильно напуганы, никто не пострадал. Однако изнутри фургона не доносилось ни звука. Вскоре на место происшествия прибыли машины скорой помощи, и двое парамедиков унесли водителя на носилках.

День или два спустя я пересказывала этот случай одной сестре-марги, когда она вдруг перебила меня:

— А ты знала, что в Австралии можно отсудить кучу денег за то, что здесь называют «боль и страдания» (pain and suffering)?

— Серьезно?

Я действительно чувствовала определенную боль в шее — скорее всего, легкую хлыстовую травму, — но в истинно монашеском духе диди собиралась просто ее проигнорировать.

— Ну, если подумать, — произнесла я, — шея у меня и впрямь побаливает.

Я отправилась в больницу, где мне сделали подробную серию рентгеновских снимков. Затем наняла адвоката, которая согласилась взяться за мое дело без какой-либо предоплаты.

— Уверена, вы получите компенсацию за боль и страдания, — обнадежила она меня и посоветовала обратиться к мануальному терапевту. — Вам понадобятся документальные подтверждения лечения.

Единственный мануальный терапевт, которого мне удалось найти в пешей доступности, оказался мужчиной. Хотя я понимала, что обращаться к врачу-мужчине — не лучшая идея, я все же записалась на прием, убеждая себя, что это ради благого дела. Было жизненно важно получить деньги на покупку школы. Будем надеяться, много сеансов мне не понадобится.

Поначалу ощущения от манипуляций врача казались странными: к моему телу уже много лет не прикасался ни один мужчина. Однако шаг за шагом я поймала себя на том, что эти визиты начинают мне нравиться и я жду их с нетерпением. Я даже начала предаваться фантазиям о докторе, что вызывало у меня колоссальное чувство вины. «Я же диди! — думала я всякий раз, когда ловила себя на этом. — У меня не должно быть таких мыслей!» Помимо вины, присутствовали разочарование и удивление от того, как стремительно подобные чувства все еще могут брать надо мной верх. Это казалось мне духовным падением: несмотря на долгие часы медитаций, я все еще оставалась уязвимой для таких низменных, как я их считала, желаний. Ближе к концу моего курса лечения у терапевта обнаружили рак желудка, и он умер, тем самым спасши меня от самой себя. Практику перенял новый доктор — к счастью, женщина.

Процесс затянулся больше чем на год, но в итоге я получила деньги, сумма которых после вычета адвокатских гонораров составила около двенадцати тысяч австралийских долларов. Основную часть я отнесла в банк в качестве первоначального взноса за школу, но втайне припрятала около двух тысяч долларов — как раз на билет до Индии и на крайне необходимый ремонт зубов.

Если не считать удаления одного зуба в Индии во время обучения и еще одного — в Турции, я не бывала у стоматолога больше десяти лет. И все же мне нужно было сделать так, чтобы никто не прознал про оставленные деньги. Иначе Ананда Судха заставила бы меня отдать их ей. Я знала, что визиты к дантистам она считает пустой тратой драгоценных финансовых ресурсов. «Я никогда не хожу к стоматологам. Это пустой перевод денег. Зачем тратить средства на зубы? Пусть себе гниют, или просто вырви их», — вспоминала я как-то её слова. Поэтому я открыла тайный банковский счет, борясь с чувством вины, которое, впрочем, было уже не таким сильным, как несколько лет назад, до Фиджи и визита Ананды Судхи.

Примерно в это же время произошло еще одно довольно удивительное событие, вновь подтвердившее всем причастным, что за школой действительно стоит Баба. Я находилась в поездке по северу Нового Южного Уэльса и гостила у недавно посвященной сестры по имени Эмма в одном из тех безликих маленьких городков, что встречаются там повсеместно, когда наш разговор зашел о школе.

— А как вы собираетесь её выкупать? — поинтересовалась она.

— У нас есть сумма на первоначальный взнос. На остальное оформим банковский кредит.

— Но банковские кредиты — плохая затея. Они берут такие огромные проценты, что в итоге вы переплатите за недвижимость чуть ли не вдвое.

— Я знаю, — вздохнула я, — но альтернативы у нас нет. Другого способа достать деньги у нас просто не существует.

И тут Эмма сделала свое предложение. У неё были сбережения, и она заявила, что хочет предоставить нам беспроцентный заем. Так все и устроилось: Эмма выдала недостающую сумму на покупку школы, без лишних вопросов.

Теперь, когда недвижимость перешла в нашу собственность, мы переключили внимание на само школьное здание, которое требовало пристройки для еще одного класса. Мы днями напролет ломали голову над тем, как собрать деньги, пока Дхрува не объявил, что пожертвует все свои доходы от рождественских трафаретов в фонд строительства школы.

Роспись по рождественским трафаретам была еще одним новаторским способом заработка, который мы практиковали в Австралии. После собраний RDS мы переводили контуры новогодних елок и Дедов Морозов на большие куски толстого картона, до крови стирая руки, пока вырезали трафареты канцелярскими ножами. Затем мы демонстрировали фотографии ранее выполненных работ потенциальным клиентам. Найти заказ было самой легкой частью. Выполнить его — совсем другое дело: это требовало долгих часов перетаскивания баллончиков с краской, рулонов малярного скотча и огромных трафаретов по изнуряюще жарким летним улицам (поскольку Австралия находится в Южном полушарии). Я приклеивала скотчем выбранный клиентом сюжет на витрину магазина, подбирала цвета, а затем, участок за участком, распыляла краску, прикрывая те части окна, куда она не должна была попасть, более мелкими кусками картона и новыми полосками скотча. Это был тяжелый и грязный труд, и жара ничуть не облегчала задачу. Казалось, по мере продвижения работы становилось только жарче, а заснеженные пейзажи, которые я создавала, едва ли помогали мне охладиться, пока мимо с ревом проносились машины и автобусы, извергая выхлопные

газы. Поэтому я была безмерно благодарна Дхруве, когда он вызвался пожертвовать свои заработки. Я прекрасно знала, на какой каторжный труд он подписывается!

У каждого марги в этом бизнесе была своя территория, поэтому Дхрува сверился со всеми остальными, кто занимался трафаретами в округе, а затем обошел те места, что остались свободными. Большую часть дней он проводил в разъездах, работая не только в Лисморе, но и в Маллумбимби, Байрон-Бей и других близлежащих городках; выполняя заказ за заказом и не останавливаясь до тех пор, пока у нас не набралось ровно столько денег, сколько требовалось для начала строительства нового класса.

Приятель Дхрувы, работавший в строительном бизнесе, набросал чертежи пристройки, а команда волонтеров воплотила их в жизнь. Этот проект притянул к себе немало странных личностей, как это частенько бывало с Ананда Маргой. Одним из них был длинноволосый хиппи, который расхаживал с голым торсом и утверждал, что употребление собственной урины приносит колоссальную пользу для здоровья. Но даже с помощью таких колоритных персонажей удалось повернуть колоссальный объем работы — день за днем окрестности оглашались звуками пил и топотом молотков.

Во время финального рывка, когда нужно было успеть доделать абсолютно все, в Лисмор прибыла новая диди. Ее звали Вандана, и приехала она из Японии. Невысокая и худенькая, она обладала открытым, гладким лицом, огромными черными глазами с густыми ресницами и обаятельной улыбкой, которую кривые зубки делали какой-то озорной. Она с ходу включилась в работу и помогла нам решить проблему с гигантскими зарослями лантаны. Это растение считалось в Австралии зловредным сорняком, который стремительно захватывал огромные площади, превращаясь в переплетение мощных стеблей с глубокими и неподатливыми корнями. Изрядная часть школьного участка была погребена под ним. День за днем, вооружившись мачете и секаторами, мы с Ванданой выходили на бой с лантаной, причем Вандана орудовала своим мачете как заправский самурайский воин. Колючие стебли безжалостно царапали нас, пока мы срезали их под корень, а выкорчевать подземную часть казалось делом почти безнадежным, но в итоге мы все же вышли с этого поля битвы победителями.

Дни летели, и по мере приближения первого дня занятий все утроили усилия, работая в бешеном темпе до поздней ночи. Облицовку здания мы закончили буквально за день до открытия школы, проведя всю ночь за финальной покраской, расстановкой мебели и проверкой того, чтобы каждая мелочь стояла на своем месте.

В девять часов следующего утра у дверей появились пятнадцать ребятишек с новенькими портфелями за плечами; они выглядели очень нарядно в своей красно-черной форме, а их умытые лица буквально сияли. Мы с Мандакини и Ванданой поздравили друг друга. У нас получилось! Начальная школа «Вистара»⁵⁶ открылась! Передав учеников в руки нашей новоиспеченной учительницы, мы отправились домой, плашмя повалились на свои спальные мешки и вырубались через считанные минуты.

В течение следующих нескольких месяцев школу посетили высокопоставленные лица из Ананда Марги. Они осмотрелись, и увиденное им очень понравилось. Даже Ананда Судха, казалось, осталась под впечатлением — но ненадолго.

— Теперь, когда школа запущена и работает, — заявила она во время одного из своих визитов, — ты сможешь отчислять организации приличные суммы.

— Что ты имеешь в виду, Диди?

— Ну, школа ведь наверняка приносит хороший доход. Ты должна отдавать часть денег мне.

Я не верила собственным ушам.

— Диди, я не могу брать из школы ни цента, — отрезала я.

— Это еще почему? Зачем вообще было возиться с ее открытием, если организация от этого ничего не получает?

— Диди, — произнесла я как можно более ровным тоном, на какой только была способна, — школа получает государственное финансирование. Мы обязаны вести строгий учет всех поступающих средств. Мы не можем просто взять и вывести оттуда деньги, чтобы отдать их Ананда Марге. За каждый цент придется отчитываться.

Ананда Судха смерила меня тяжелым взглядом.

— И какой тогда прок от такой школы? — наконец выплюнула она и отвернулась.

В наши дни я иногда возвращаюсь мыслями к истокам «Вистары» и к тому, в каком шаге она была от того, чтобы не открыться вовсе. И действительно, если бы не два человека, которые верили в этот проект вопреки всем обстоятельствам — Мандакини и я, — этого бы никогда не случилось. Как бы то ни было, «Вистара» до сих пор процветает и не так давно отметила свой двадцатилетний юбилей. Она остается одним из самых глубоких и приносящих удовлетворение достижений во всей моей жизни.

⁵⁶ *вистара (vistara): на санскрите — расширение, раскрытие.*

Глава 19. Снова в путь

Посреди всей этой суматохи с подготовкой к открытию школы мне время от времени приходилось уезжать в другие места на собрания или по делам организации. Во время одной из таких поездок в Брисбен я возилась на кухне джагрити, готовя ужин вместе с диди по имени Суджата, когда она вдруг задала мне странный вопрос:

— Мадхучанда, а ты близка со своим отцом?

Я перестала чистить картошку и так и застыла на месте, застигнутая врасплох. В Ананда Марге мы практически никогда не разговаривали о своих семьях.

— Почему ты спрашиваешь?

— Ну, — замаялась она, — тут пришли кое-какие новости... но я просто не знала, как тебе сказать.

— Какие новости?

Она помедлила секунду, затем полезла в карман и протянула мне телеграмму. Она была от моего брата Бэрри. «ПАПА СКОНЧАЛСЯ, — гласил текст. — СРОЧНО ПОЗВОНИ ДОМОЙ». Я взглянула на дату. С тех пор прошло уже несколько дней. Лишь смутно осознавая бурю эмоций, разыгравшуюся где-то глубоко внутри, я прокашлялась.

— Тебе не нужно за меня переживать, — произнесла я. — Мы с отцом никогда не были близки.

Больше я не проронила ни слова, и мы вернулись к готовке ужина.

В то время мне даже не пришло в голову задаться вопросом, почему кто-то другой вскрыл и прочитал телеграмму, присланную в Брисбен на мое имя, или разозлиться по этому поводу. Всем было известно, что наше руководство вскрывает почту, приходящую от семей и друзей работников; в большинстве случаев эти письма вообще не доходили до адресата и просто уничтожались.

Через несколько дней я вернулась в Лисмор и с головой ушла в работу, чтобы заглушить мысли об этом известии, упрямо вытесняя из памяти видение, явившееся мне не так давно: во время медитации я четко увидела гроб и поняла, что в нем лежит мой отец. Именно поэтому новость не застала меня врасплох — я подсознательно ждала ее уже какое-то время. Ему было далеко за восемьдесят, — твердила я себе. — Все мы когда-нибудь умрем. Я старалась не думать о других вещах, происходивших во время медитаций. Не раз и не два я отчетливо слышала, как мама зовет меня по имени, и в ее голосе звенела отчаянная тоска.

В конце концов я заставила себя позвонить домой. Трубку сняла женщина. Голос принадлежал не маме, а кому-то молодому и деловитому, что ввергло меня в полное замешательство. Неужели я перепутала номер?

— Это Марша, дочь миссис Голубофф, — представилась я. Изнутри внезапно накатила волна гнева. — Кто это? И где моя мама? — потребовала я ответа.

— Я Келли, сиделка вашей мамы, — ответила женщина.

Сиделка! Я знала, что маме нездоровилось, но она ни за что не согласилась бы терпеть в доме чужого человека, если бы ее положение не было критическим.

— Хотите поговорить с матерью?

— Да, пожалуйста.

Ей потребовалось порядочно времени, чтобы дойти до телефона. Я звонила из автомата и уже начала всерьез опасаться, что у меня закончатся монеты, когда наконец услышала ее голос.

— Марша, как ты? — спросила она. Голос ее был слабым, почти неузнаваемым.

— Все хорошо, мам. Ты-то как?

— Ну... не очень. Как поживает твой муж?

Мой муж! В одном из своих писем я рассказала ей о своем «замужестве» так, словно это был настоящий брак. И вот теперь она, будучи тяжело больной, после стольких лет молчания, первым делом спрашивает о моем муже — еще одно доказательство,

полагаю, того, как отчаянно ей хотелось верить, что я живу нормальной, обычной человеческой жизнью.

— У него все в порядке, — солгала я.

— Ты приедешь домой? Пожалуйста, приезжай.

— Я постараюсь, мам.

Этот короткий разговор слишком быстро закончился, и начались мучительные терзания. На пути к возвращению домой стояла далеко не одна преграда. Первой и самой главной была моя ситуация с визой. С тех пор как мой фиктивный брак лопнул, я находилась в стране нелегально и понятия не имела, что произойдет, если я попытаюсь пересечь границу. Затем — привычное отсутствие денег. Но самым непреодолимым препятствием была необходимость получить разрешение организации на поездку к семье. Подобные визиты категорически не поощрялись. К тому же руководство прекрасно понимало, что обратно в Австралию меня, скорее всего, уже не впустят, когда я соберусь вернуться. Буквально на минуту-другую я допустила мысль поехать без разрешения, но тут же от нее отмахнулась. В конце концов, это могло повлечь за собой серьезные последствия.

В итоге я так ничего и не предприняла. Годы спустя мне рассказали, что после моего звонка мама из последних сил цеплялась за жизнь, надеясь, что я приеду, но скончалась вскоре после этого. «Бабушка умирала, лежа на той кровати под окном, — делилась со мной впоследствии моя племянница Саша. — Она постоянно звала тебя. Я так сильно злилась на тебя тогда. И до сих пор злюсь».

Два года спустя я начала готовиться к поездке в Индию. Со времен рейда Специального отдела у меня не возникало проблем, но я так и не уладила вопрос со своим нелегальным статусом в стране. Мое положение оставалось точно таким же, как и тогда, когда я решила не ехать к умирающей матери, но теперь я была готова пойти на риск, ведь речь шла о встрече с Бабой. Вопрос, однако, заключался в следующем: как мне покинуть Австралию, когда придет время? Пограничники на вылете могут проверить мой паспорт, увидеть, что я находилась в стране незаконно, и арестовать меня. Но уезжать когда-то было нужно, и этот момент казался самым подходящим. Мне безумно хотелось в Индию — я так давно не видела Бабу, с тех самых пор, как стала авадахутикой.

После нескольких дней внутренних дебатов я приняла решение отправиться в брисбенский иммиграционный офис. Я собиралась рассказать им, что вышла замуж, но муж бросил меня, так и не завершив оформление документов, необходимых для получения гражданства (что, строго говоря, являлось чистой правдой). А после этого, продолжила бы я, я просто не знала, как быть, и поэтому ничего не делала. «Я знаю, что нахожусь в стране незаконно, — скажу я им, — но теперь я просто хочу уехать».

Ранним весенним утром я подкрепилась плотным завтраком, пришла в офис, предъявила паспорт и изложила дежурному инспектору свою историю. Он внимательно пролистал мой паспорт, а затем вызвал еще двоих сотрудников, которые проделали то же самое. Вскоре я обнаружила себя в суровом кабинете для допросов, белые стены и стальные перегородки которого вызывали стойкие ассоциации с тюрьмой. Когда офицеры с непроницаемыми лицами уселись напротив меня, я поняла, что пахнет жареным.

— А мы как раз вас искали, — начал один из них. — Нам известно ваше дело. Вы незаконно находитесь на территории Австралии уже более четырех лет. Это очень серьезное правонарушение.

Так начался допрос, затянувшийся на несколько часов. Меня расспрашивали, где я жила и чем занималась. Заставили заполнить кучу бланков. Я отвечала на вопросы и заполняла бумаги как могла — и ни разу не обмолвилась об Ананда Марге.

Я снова повторила, что хочу уехать.

— Именно поэтому я и пришла сюда, — заявила я.

— Вы ведь понимаете, что мы имеем полное право вас арестовать? — заметил один из них.

Рассудив, что лучше промолчать, я затаила дыхание и лишь кивнула, уже отчетливо представляя, как на собственной шкуре прочувствую то, через что прошли наши сидящие в тюрьме братья-марги. От этой перспективы сердце глухо застучало в груди.

— Считайте, что вам крупно повезло, — отрезал офицер. — Забронируйте билет на самолет и предъявите его нам. Вы обязаны еженедельно являться в этот офис до самого отъезда и отчитываться о своих перемещениях.

Я снова кивнула.

— И, — продолжил он, — вам категорически запрещено покидать пределы Брисбена до момента вылета. Сидите на месте — иначе пеняйте на себя!

Я по-прежнему молчала, боясь, что если сорвется хоть слово, они передумают и запрут меня. Так что я лишь в очередной раз кивнула, пытаюсь сохранить невозможное выражение лица.

Внутри же у меня все клокотало. Игры в кошки-мышки с законом больше не приносили мне бывшего азарта. В прежние годы во всем этом виделся какой-то драйв, и я с радостью шла на все, что требовалось. Но после того как меня принудительно выставили из Калькутты в Дакку и под конвоем усадили в самолет на Фиджи, запретив возвращаться, в происходящем сейчас не было ни капли романтики. Должен же быть более цивилизованный способ делать работу организации! — думала я.

Через несколько недель меня беспрепятственно пропустили на рейс до Индии, без всяких форс-мажоров в последний момент, которых я втайне ожидала.

Проведя несколько недель рядом с Бабой в Калькутте, организация направила меня в Нью-Йорк. Мое начальство, должно быть, посчитало, что риск от моей поездки в Штаты теперь минимален, раз обоих моих родителей уже не было в живых. Моя миссия там, с их точки зрения, заключалась в том, чтобы в очередной раз сменить имя для последующего возвращения в Австралию, а также разузнать возможности добраться до денег, которые родители оставили мне по завещанию.

Я прилетела морозным январским утром и добралась до Офиса женского благосостояния в Бронксе. Как и большинство представительств Ананда Марги, штаб-квартира диди одновременно служила и жилым пространством. Поскольку каждые несколько месяцев все диди Нью-Йоркского сектора съезжались сюда на RDS, а другие частенько останавливались проездом по пути в другие регионы, трехкомнатная квартира

с одним-единственным санузлом большую часть времени была забита под завязку. Добавьте к этому проходящие под окнами железнодорожные пути и содрогание стен каждые тридцать минут, когда мимо с грохотом проносился очередной состав, — и вы получите далеко не идеальные условия для жизни. Когда я впервые почувствовала, как затряслись стены, я вздрогнула.

— Не переживай, — улыбнулась одна диди, заметив мое лицо. — Скоро привыкнешь.

Я провела в офисе несколько недель, строя планы по реализации того, ради чего организация меня сюда и забросила. И хотя процедуру смены имени я все же намеревалась пройти, возвращаться в Австралию у меня не было ни малейшего желания. С меня с лихвой хватило Ананды Судхи, и я втайне надеялась на новое назначение. Насчет попыток прибрать к рукам наследство у меня тоже были смешанные чувства. За эти годы я насмотрелась на то, с каким свистом верхушка Центрального офиса разбазаривает скудные ресурсы. В том же Ананда Нагаре, например, на каждом шагу мозолили глаза немые памятники тотальной бесхозяйственности: территория мастер-юнита была усеяна недостроями — зданиями, которые закладывались на средства, выкачанные из других секторов, а затем бросались на произвол судьбы, и их зубчатые остовы выглядели поистине зловеще. К тому же внутренний голос настойчиво призывал к благоразумию: эти деньги могут однажды понадобиться мне самой, и день этот, возможно, уже не за горами.

Глава 20. Филадельфия: Я узнаю семейную тайну

Одним утром, спустя несколько недель после прибытия в Нью-Йорк, я отправилась на юг, в Филадельфию, чтобы навестить братьев. Глядя в окно на проносящиеся мимо деревья, чьи скелетообразные ветви тянулись к блеклому небу, я ловила себя на нешуточном волнении перед встречей с Бэрри и Дэвидом после стольких лет разлуки. В то же время я очень этого ждала и надеялась, что они будут рады меня видеть.

Первым делом я собиралась навестить Бэрри и тщательно подготовилась к ночевке в его доме. Купила небольшую дорожную сумку и все самые необходимые вещи, включая фланелевую пижаму. (Это была первая пижама, которую я купила за многие годы. Никто из нас, диди, ими не пользовался — мы спали прямо в блузках от сари и нижних юбках). Единственное, что меня удручало, — это коробка шоколадных конфет в моих руках. Накануне меня охватила смесь паники и сожаления оттого, что мне совершенно нечего подарить Бэрри и его жене. Я примчалась в супермаркет, долго бродила между рядами и в итоге остановила выбор на конфетах, мысленно ругая себя за то, что не привезла Бэрри и Дайане чего-нибудь экзотического из Австралии или Индии (как будто я заранее знала, что окажусь у них в гостях!). Конфеты, какими бы банальными они ни были, оставались единственным вариантом.

Я прибыла на станцию Тридцатой улицы и пересела на пригородный поезд. Бэрри должен был встретить меня на станции Дженкинстаун. По пути состав сделал остановку

на Ферн-Рок. Все выглядело немного иначе, чем в моих воспоминаниях, но не принципиально. Девчонкой я часто приезжала на Ферн-Рок на 55-м автобусе вместе с мамой; оттуда мы пересаживались на метро и ехали в центр города. Окно поезда уплывало вдаль, а меня, погруженную в воспоминания, накрыл грустный и противоречивый водоворот эмоций.

Когда поезд притормозил на станции Элкинс-Парк, я подумала: жива ли еще моя средняя школа, располагавшаяся буквально в четверти мили дальше по дороге? Я разглядывала проплывавшие мимо магазинчики, силясь рассмотреть место, где когда-то находился магазин одежды «Villager» (мои родители не могли позволить себе вещи этой марки, но я частенько приходила туда просто поглазеть на витрины, со страстью мечтая о кардиганах и юбках в шотландскую клетку, которые носили все популярные девочки), и лавочку, бывшую, как я помнила, пекарней.

Перед глазами промелькнул образ той девочки, какой я была тогда, — полнеющей, одетой в недорогие подделки под «Villager» или обноски моей двоюродной сестры. В детстве я была худышкой, и вес, который я начала стремительно набирать по мере взросления тела, пугал меня. Я вспомнила, как тайком, когда, как мне казалось, никто не видит, отламывала кусочки от гигантских шоколадок «Hershey», которые родители держали в серванте столовой. Как-то вечером отец спустился по лестнице и застукал меня. Я замерла, подняв на него глаза; он посмотрел на меня сверху вниз с отвращением на лице и выплюнул: «И что ты делаешь, свинья толстая?»

Следом зароились другие картины: вот я первокурсница, каждый день в первом семестре езжу на поезде на занятия в университет. Вот я уже на третьем курсе, возвращаясь из кампуса (в ужасе от мысли, что беременна) навестить подругу, которая все еще жила с родителями. Все это осталось далеко в прошлом, но этот парад воспоминаний оставил странное щемящее чувство, будто я что-то безвозвратно потеряла.

Бэрри уже ждал меня на платформе, когда я сошла с поезда на станции Дженкинстаун. Мы сдержанно обнялись, сели в его красный пикап и отправились обедать в ближайший ресторан. Он оставался таким же худым, как и прежде, и заметно поседел. Густые усы и обильная проседь в волосах придавали ему солидности, а брюки-хаки, водолазка и пуловер создавали ореол непринужденного благополучия. Я мысленно прибавила к своему возрасту восемь лет, чтобы вычислить его, и полученная цифра меня поразила. Ну как Бэрри может быть уже сорок семь?

Разговор за обедом клеился с трудом, то и дело прерываясь затяжными паузами. Я расспросила Бэрри о его преподавательской работе. Он вел математику в Университете штата Пенсильвания лет с двадцати пяти.

— Да нормально все, — бросил он, не вдаваясь в подробности.

Зато охотно поделился новостями о своей дочери Саше. Я не видела ее с тех пор, как она была младенцем.

— Она учится в коллеже, изучает культурную антропологию, — произнес он, и в его голосе появилось тепло. Было очевидно, что он безмерно ею гордится.

— Дайана работает директором квакерской средней школы в Джермантауне, — сообщил Бэрри в ответ на мой вопрос о жене.

Сам он ни словом не поинтересовался тем, как складывается моя жизнь, и я не стала навязываться. Ананда Марга — и те годы, что я провела вдали от семьи, — висели между нами невидимым тяжелым занавесом.

После ресторана мы поехали к ним домой — в место, где я никогда раньше не бывала. Дайана встретила меня на пороге. Плотного телосложения женщина, она обзавелась кудрявыми рыжеватыми волосами (приятная перемена по сравнению с прямыми каштановыми, какими я их помнила), была одета в длинное платье и крупные висячие серьги.

Бэрри устроил мне экскурсию по дому. Все выглядело примерно так, как я и представляла: домотканые коврики на деревянном полу, гобелены и предметы этнического искусства на стенах. Мой взгляд упал на коллекцию фотографий на пианино, и я подошла рассмотреть их. В основном там была запечатлена Саша: совсем девчушкой, угловатым подростком, выпускницей в вечернем платье на школьном балу. Она была высокой, в отца, и с длинными темными волосами.

— Марша, узнаешь вещь? — спросил Бэрри.

Мне показалось, что да. Странное чувство ностальгии шевельнулось в груди, когда я взглянула на начищенный до блеска позолоченный самовар.

— Он из нашего старого дома, — подтвердил Бэрри. — Тот самый, что когда-то принадлежал бабушке с дедушкой.

Бэрри проводил меня наверх — сначала в комнату Саши, а затем в главную спальню, с гордостью демонстрируя мебель и шкафы, которые собрал своими руками. Я и понятия не имела, что Бэрри занимается плотницким делом, и искренне восхитилась: все было сделано на совесть, с удивительным вниманием к деталям. Он указал на изящную шкатулку, которую смастерил специально для внушительной коллекции украшений Дайаны. Разглядывая ее серьги, я вспомнила, как в свое время сама любила их носить. Я проколола уши еще в старших классах, но не надевала никаких украшений уже больше пятнадцати лет.

Мы спустились обратно и устроились в гостиной. Дайана подала чай с печеньем. Спустя какое-то время я вручила им коробку конфет. Дайана с Бэрри переглянулись с явным недоумением на лицах.

— Спасибо, — наконец выдавил Бэрри.

Дайана взяла коробку и унесла её на кухню, держа так бережно, словно там лежало что-то опасное. «И что она думает там найти?» — невольно задалась я вопросом.

Мы с Бэрри заговорили о завещании.

— Мама с папой оставили тебе двадцать тысяч долларов, — сообщил Бэрри. — Мы решили оформить на них двадцатилетнюю облигацию. Так они принесут тебе хоть какой-то доход. Ты ведь знаешь, что по условиям завещания ты должна в течение пяти лет полностью порвать с сектой, прежде чем сможешь получить эти деньги?

Я кивнула. Копию завещания мне присылали еще в Австралию.

В комнату вернулась Дайана, и беседа плавно перетекла на другие темы. И вдруг, совершенно без всякого перехода, Бэрри произнес:

— А ты знаешь, что у нас есть старший сводный брат?

Я уставилась на него, округлив глаза от шока.

— Старший сводный брат? Ты ведь шутишь, да? — запинаясь, выговорила я.

Бэрри покачал головой: — Рад бы. За пару лет до смерти отец объявил, что ему нужно серьезно со мной поговорить. Я приехал к нему. «Я должен тебе кое-что сказать, — произнес он. — Ты не самый старший мой сын». Вот так прямо и выдал. Ни с того ни с сего. Я опешил: «В каком смысле я не самый старший твой сын?» И тогда отец рассказал, что до встречи с мамой он уже был женат и от того брака у него родился сын.

Бэрри умолк. Я лихорадочно пыталась подобрать слова для ответа.

— Но почему мы вообще ничего об этом не знали? — наконец спросила я.

Бэрри подался вперед, упершись локтями в колени и сцепив пальцы в замок: — Отец с мамой, должно быть, решили, что нам лучше этого не знать. Ты же помнишь, какими были порядки в те времена. Полагаю, мамина семья пришла в ужас оттого, что она выходит замуж за разведенного мужчину. Возможно, они хотели сделать вид, будто первого брака отца вообще никогда не существовало.

«Ну конечно, так оно и было», — подумала я. В тридцатые годы для девушки из приличной еврейской семьи подобный брак считался предосудительным.

— Отец панически боялся, что все выплывет наружу после его смерти, — продолжал Бэрри. — До ужаса боялся, что его первый сын увидит некролог и заявит на похороны. Именно поэтому он мне все и рассказал.

Мое сердце сжалось от жалости к Бэрри. Каким же шоком это должно было стать для него!

— И ты когда-нибудь встречался с ним? — спросила я.

— Один раз. Он примерно на двенадцать лет старше меня. Работает мясником.

— И как его зовут?

— Говард. Говард Голдберг.

— Его фамилия... Голдберг?

Бэрри кивнул: — Да, полная чертовщина. Судя по всему, в годы Великой депрессии отец сменил фамилию на девичью фамилию своей первой жены в надежде, что тесть возьмет его в долю в бизнесе. А когда из этого ничего не вышло, видимо, вернул прежнюю фамилию обратно. Как бы то ни было, Говард родился в тот период, когда отец еще носил фамилию жены.

Невероятно! Сама мысль о том, что мой отец мог сменить фамилию на фамилию жены, совершенно не укладывалась в мои воспоминания о нем. Очевидно, Бэрри эта история выбила из колеи ничуть не меньше, чем меня сейчас. Да насколько хорошо мы вообще знали собственного отца?

— В это просто трудно поверить, — выдохнула я.

— Знаю, — согласился Бэрри. — Сам до сих пор привыкаю.

Дело шло к вечеру. Бэрри взглянул на часы, покашлял и спросил: — А где ты планируешь переночевать?

Переночевать? Мне казалось очевидным, что я останусь у них.

— Я... я думала, что смогу остаться здесь.

Между Бэрри и Дайаной промелькнул тревожный взгляд.

— Прости, мы на минутку, — произнес Бэрри.

Они оба поднялись и вышли из комнаты, оставив меня в полном оцепенении от мысли, что они могут отказать мне в ночлеге. В конце концов, я ведь не была чужим человеком с улицы — я была родной сестрой Бэрри.

В памяти всплыл мой последний визит к ним, случившийся через несколько месяцев после рождения Саши — тем самым летом, когда у меня случился жуткий трип и я загремела в психиатрическое отделение Пенсильванского университета. После выписки Бэрри с Дайаной пригласили меня провести у них выходные. Помню, как в сумерках одного из вечеров они стояли у огромного панорамного окна своей тогдашней квартиры на первом этаже, качая крошечную Сашу и напевая ей колыбельную: «Спокойной ночи, цветы, спокойной ночи, пчелы, спокойной ночи, птички, спокойной ночи, деревья. Саша засыпает...»

Мои воспоминания оборвались звуками возвращающихся шагов. Я подняла глаза: Бэрри стоял прямо предо мной.

— Мне очень жаль, но остаться у нас ты не можешь, — отчеканил он. — Мы не виделись много лет и, честно говоря, уже понятия не имеем, кто ты такая. Я отвезу тебя к поезду.

В глубине живота разлилась тупая боль. Деревянно кивнув, я подхватила свою дорожную сумку и направилась к выходу вслед за Бэрри. Попрощалась с Дайаной. Дверь за моей спиной твердо захлопнулась, я дошла до пикапа и села в кабину. До станции мы ехали в абсолютном молчании. Слишком быстро я оказалась одна на морозном перроне в ожидании поезда — и совершенно не представляла, где мне провести эту ночь.

Я сошла с поезда на станции Тридцатой улицы. Мы договорились встретиться с Дэвидом на следующее утро в его магазине винтажной одежды, и я на секунду задумалась о том, чтобы позвонить ему и попроситься на ночлег. Но тут же отменила эту мысль. Было бы совершенно непристойно оставаться в одной квартире с одиноким мужчиной, пусть даже он и приходится мне родным братом. («Авадхутика не должна оставаться наедине в уединенном месте ни с одним мужчиной», — гласило непреклонное правило поведения). Да и позвони я ему, рассудила я, у него в квартире наверняка просто не нашлось бы места. Так что деваться было некуда: придется ночевать прямо на вокзале. (Хоть убей, не помню, почему я не позвонила Майтрейи — женщине, которая связывалась ради меня с родителями в мой прошлый приезд в Филадельфию. Возможно, я просто не смогла найти её номер в телефонной книге, или было уже слишком поздно).

Я прошла в исполинский зал ожидания и примостилась на скамье недалеко от дверей. Буду делать вид, будто просто кого-то жду, — решила я. — По крайней мере, я не выгляжу как бездомная! Ведь среди стремительно тающего числа людей, остававшихся в зале, почти все были бродягами — небритый мужчина в засаленной парке справа от

меня, нищенка с пятью пластиковыми пакетами, до отказа набитыми шмотками и хламом, слева.

Я подняла глаза и обнаружила перед собой вокзального охранника.

— Простите, вы кого-то ждете? — поинтересовался он. — Ночевать здесь категорически запрещено.

— Я жду брата, он должен заехать за мной, — соврала я, глядя на часы. — Ума не приложу, что его так задержало.

Страж порядка заколебался. Он критически осмотрел меня с ног до головы и, видимо, решил поверить на слово.

— Хорошо, — выдержал он паузу, — но задерживаться здесь слишком долго нельзя.

Проводив его взглядом, я принялась просчитывать следующий шаг. Как только он скроется из виду, я переберусь на другое место, куда-нибудь подальше от посторонних глаз.

Радостное предвкушение, с которым я утром отправлялась из Нью-Йорка, сменилось глухим отчаянием. Я чувствовала себя опустошенной, и что хуже всего, обострился геморрой, развившийся у меня в последние годы. В зале ожидания гуляли сквозняки, и жесткие деревянные сиденья явно не способствовали облегчению ситуации. Ночь обещала быть долгой и очень холодной.

Стараясь не попадаться на глаза патрулям, я упрямо перебиралась из одного угла продуваемого вокзала в другой. Поспать толком так и не удалось. В какой-то момент посреди ночи я застегнула куртку до самого подбородка, спрятала руки в карманы и сжалась в комок на стуле. Из рта шел пар. В памяти всплыла фланелевая пижама, лежавшая в сумке, и мне нестерпимо захотелось оказаться в уютной постели под теплым одеялом. Каждые несколько минут приходилось менять положение тела, чтобы хоть как-то унять боль внизу. Ничего не помогало: становилось только хуже.

Я размышляла о тайне, которую поведал мне Бэрри, и понимала, насколько это было в духе нашей семьи. Мы никогда не обсуждали проблемы или неудобные темы — словно если о них молчать, то они исчезнут сами собой. Не говорили мы и о чувствах. Мы с раннего детства усвоили, что они не важны и их нужно держать глубоко в себе.

Мне было невыносимо грустно от мысли, что где-то там живет мой старший брат, которого я ни разу в жизни не видела просто из-за чьих-то нелепых предрассудков полувековой давности о том, что детям положено знать, а что нет. Я была уверена, что именно мать не хотела, чтобы мы знали о его существовании. Как и говорил Бэрри, её семья, скорее всего, сочла бы позором её брак с разведенным мужчиной, у которого уже есть ребенок. И отец покорно пошел на этот компромисс, хотя скрывать такое, должно быть, стоило ему огромных душевных мук. В моем детстве он так часто казался сердитым и раздраженным. Возможно, именно в этом и крылась истинная причина.

(В то время я совершенно не задумывалась о том, как вся эта история отразилась на моем старшем брате. Годы спустя, когда мы наконец встретимся, Говард расскажет мне, что отчетливо помнит тот день, когда отец навсегда ушел из семьи. Ему тогда было всего пять лет. «Я сидел у него на коленях. Он объявил матери, что уходит, они начали бурно кричать и ругаться. А потом он вскочил и буквально сбросил меня с колен, так что я едва не полетел головой прямо в каминный выступ». После этого отец почти никогда не

навещал и не звонил ему. Едва разменяв девятнадцатый год, Говард женился, и вскоре у него родился сын Майрон — буквально через год-два после моего брата Дэвида. Как-то раз Говард привел маленького Майрона в отцовский магазин скобяных изделий, чтобы познакомить мальчика с бабушкой. И в этот самый момент отец заметил входящих в дверь Бэрри и Дэвида. «Молчи, ни слова! — испуганно бросил он Говарду. — Они ничего о тебе не знают». И велел ему немедленно убираться. Когда отца не стало, Говарду даже не сообщили, и он пропустил похороны. Когда он со временем обо всем узнал и позвонил маме спросить, почему ему не сообщили, она отрезала: „Ты никогда не был ему сыном. Тебе незачем было знать. И незачем было приезжать“).

Окна вокзала начали медленно сереть по мере приближения рассвета. Когда первые лучи света стали пробиваться внутрь, падая на спящие фигуры тех, с кем я разделила эту ночь, я ощутила странное чувство родства. Нам всем удалось продержаться и не оказаться вышвырнутыми на мороз, а значит, мы одержали свою маленькую победу. Я уделила несколько минут медитации и заглянула в уборную. Проверив сумку, вышла навстречу холодному утреннему солнцу, и колючий воздух наполнил легкие.

Я села на автобус до Саут-Стрит и побрела по улице в поисках магазина Дэвида. Было еще рано; прохожих почти не наблюдалось, большинство лавок стояли закрытыми. Я миновала тайский ресторан, фруктовую лавку и кафе-мороженое «Haagen-Dazs», прежде чем увидела вывеску: «RETRO». Дэвид знал о моем приезде, но это ничуть не облегчало волнения перед встречей. С Бэрри я хотя бы виделась в Филадельфии в 1980 году, Дэвида же я не видела целых пятнадцать лет.

Глубоко вздохнув, я толкнула дверь и вошла. Дэвид стоял у прилавка слева от входа, одетый в джинсы и черную кожаную куртку. Его кудрявые волосы были коротко подстрижены. И хотя они оставались густыми, от былой черноты, которую я помнила, не осталось и следа — вся шевелюра была обильно припорошена сединой. На секунду я словно получила разряд электрического тока, замерев на месте и разглядывая его: он был просто поразительно, невероятно похож на нашего отца.

Дэвид заметил меня.

— Марша, ты приехала! — воскликнул он, выходя из-за прилавка. — Как ты? Как добралась? — спросил он, глядя на меня сверху вниз теми самыми теплыми, лукавыми глазами, какими я их и помнила. Его глаза, по крайней мере, ни капли не напоминали отцовские.

— Да нормально все. Ты так поразительно похож на папу, — выпалила я первое, что пришло в голову.

— Да неужели? — рассмеялся он. — А ты вот очень похожа на маму.

— Правда?

От мысли, что я могу иметь сходство с матерью, мне стало как-то не по себе.

Дэвид показал мне магазин. Я восхитилась изящными винтажными платьями тридцатых и сороковых годов и расспросила его о них.

— Я привожу кучу вещей из Нью-Йорка, — поделился он. — Вся хорошая одежда именно там.

Позже мы отправились обедать в тайский ресторан, и Дэвид рассказал, как попал в этот бизнес. Окончив Университет Темпл, он несколько лет преподавал английский язык в старших классах, параллельно начав коллекционировать одежду. Это занятие увлекло его настолько, что он бросил преподавание и открыл магазин.

— Помню, мама присылала мне в Израиль письма, где писала, что ты живешь дома и «собираешь тряпье», — вспомнила я.

Он рассмеялся: — Ну, в ее глазах это, должно быть, именно так и выглядело.

Я спросила, видел ли он когда-нибудь нашего сводного брата.

— Один раз, — отрезал он и тут же сменил тему. Помню, мне показалось странным, что Дэвид так скупотреагировал на известие, которое я считала шокирующим откровением.

После ресторана он показал мне свою квартиру над магазином. Она была со вкусом обставлена: просторная гостиная и небольшая столовая. Спальни, однако, я не увидела — и, судя по планировке, понятия не имела, где она вообще может располагаться. Я оказалась права, не став звонить Дэвиду с вокзала: его квартира явно была слишком тесной для гостей. (Мало же я тогда знала, что этажом выше были еще две спальни).

Мы уселись в гостиной. Дэвид налил себе бокал вина.

— Нет, спасибо, — отказалась я, когда он предложил и мне.

Он ни словом не поинтересовался тем, чем я занималась в Австралии, а я сама не стала навязываться. Визит явно затягивался. Как и в случае с Бэрри, Ананда Марга невидимо стояла между нами, и вскоре у нас просто закончились темы для разговоров.

Ближе к вечеру Дэвид высадил меня в Сентр-Сити. Я направлялась к адвокату моей тети по поводу завещания. Никаких шансов получить деньги у меня не было, и я это прекрасно понимала. И все же мне приходилось соблюдать эти формальности — просто чтобы иметь возможность сказать диди и дадам, что я честно попыталась, когда они начнут расспрашивать меня об этом (а в том, что они спросят, я не сомневалась).

— Где ты остановишься сегодня? — спросил Дэвид.

— Что-нибудь придумаю.

— У тебя есть мой номер. Звони, если понадобится.

Я пообещала, что наберу его, и помахала на прощание, пока его машина скрывалась за поворотом.

Когда я добралась до офиса, юрист оказался на месте. Это был глубокий старик с длинными белыми волосами, и даже безупречно скроенный синий костюм не мог скрыть его немощи. Тетя, должно быть, во всех красках расписала ему мою биографию; окинув меня взглядом, полным живого любопытства, он зачитал условия завещания, которые я и так знала. Я поинтересовалась, что именно будет служить доказательством того, что я в течение пяти лет «не состояла в секте». Как я и ожидала, он ответил, что критерии этого доказательства будут определять сами исполнители завещания — моя тетя и братья.

Выйдя из кабинета, я побрела к автобусной остановке, чтобы вернуться на вокзал, забрать сумку и решить, как быть дальше. Идти приходилось странной, переваливающейся походкой, поскольку боли от геморроя только усиливались. К моменту, когда я забрала свои вещи, уже начало темнеть. Пересчитав оставшуюся наличность, я прикинула, что могу выделить баксов пятьдесят на гостиничный номер.

Отыскав у таксофонов справочник «Желтые страницы» и наменяв мелочи, я принялась обзванивать отели в центре. Опросив несколько мест, я изрядно опустошила свои запасы монет, а моя уверенность начала таять, когда я осознала, насколько здесь все дорого. Пятьдесят долларов в Индии обеспечили бы мне проживание в четырехзвездочном отеле, но здесь на эти деньги нельзя было снять ровным счетом ничего. Мысль о еще одной ледяной и бессонной ночи на деревянных вокзальных скамьях заставляла меня упрямо набирать номера снова и снова. И во время последнего звонка, буквально за секунду до того, как у меня закончилась мелочь, администратор ответила, что у них есть свободный номер в моем ценовом диапазоне. Волна облегчения накрыла меня, пока я записывала адрес. У меня будет горячий душ и полноценный сон в уютной постели. Может, я даже посмотрю телевизор. Предвкушение этих элементарных удобств после стольких мучительных дней перевешивало любое чувство вины, которое я могла бы испытывать от мысли о подобных благах.

Вскоре я очутилась в квартале, где тротуары пошли трещинами, а здания отчаянно нуждались в покраске и ремонте. В разительном контрасте с оживленными центральными улицами, прохожих здесь было мало, да и выглядели они такими же потрепанными, как и здешние постройки. Отыскав вывеску отеля, я переступила порог. Едва я осмотрела блеклый вестибюль с потертыми коврами и отиравшимися там подозрительными личностями, как у меня упало сердце. «Получаешь то, за что платишь», — подумала я. Подошла к стойке, протянула свои пятьдесят долларов и забрала ключ.

В номере меня встретил продавленный, идущий буграми матрас и вид из засаленного окна на глухой переулок. Но здесь хотя бы был телевизор. Тщетно попытавшись помедитировать (ковер выглядел настолько грязным, что садиться на него не хотелось, а кровать слишком сильно прогибалась), я перекусила купленными на вокзале сыром и яблоком и принялась возиться с телевизором. Переключала каналы один за другим, но настроить картинку так и не удалось — рябь на экране была максимумом, чего удалось добиться. Мне вспомнился вестибюль — и та густо накрашенная женщина с жесткими черными волосами в компании опустившегося типа, — и до меня дошло, что постояльцев, посещающих этот отель, вряд ли интересует просмотр телепередач или крепкий ночной сон.

Я легла на кровать в глубочайшей депрессии. Геморрой горел огнем. Я обхватила ноги руками и прижала колени к груди — в этой позе боль утихала сильнее всего, но сейчас и это мало помогало. Впереди маячила очередная бессонная ночь. Но, по крайней мере, здесь я не замерзну и мне не придется постоянно пересаживаться с места на место, чтобы не попасться на глаза охране. Спина затекла от прогиба в матрасе, я до безумия скучала по своему спальному мешку; накатило отчаяние, но я загнала его глубже, пытаюсь находить крупницы благодарности за те скромные блага, что у меня все же имелись.

Уснула я лишь перед самым рассветом. А спустя пару часов резко проснулась и нащупала часы. Пора было звонить Бэрри. Мы договорились встретиться и поехать на кладбище, где покоились мои родители.

Я снова поехала на поезде в Дженкинстаун. Как и в прошлый раз, Бэрри уже поджидал меня на станции.

— Дэвид встретит нас прямо там, — сообщил он.

Всю дорогу до кладбища мы ехали в молчании. Он не стал расспрашивать, где я провела последние две ночи, а я сама не собиралась ничего рассказывать.

Мы прибыли на место и припарковались. Солнечные лучи играли на полированном мраморе надгробий, и пока мы стояли там, казалось даже тепло. Но это было стерильное, безжизненное место, совсем не похожее на тот зеленый, напоминающий парк пейзаж, которого я почему-то ожидала. Редкие деревья стояли голыми, и лишь усохшие, потрепанные листья кое-где цеплялись за обнаженные ветви. Клочки сухой, похожей на солому травы пробивались между могилами, тянувшимися ровными рядами до самого горизонта. «Мраморный город мертвых», — подумала я.

Дэвида нигде не было видно. Что-то бурча себе под нос, Бэрри взглянул на часы и покачал head.

— Что ж, пойдем пока туда, — бросил он, увлекая меня за собой.

Через несколько минут я оказалась у могилы. Там стояло одно добротное высеченное гранитное надгробие на двоих, украшенное менорой, шестиконечной звездой и фамилией Г О Л У Б О Ф Ф. Они ушли из жизни с разницей всего в пять месяцев. Сначала были одни похороны, затем другие. И ни на одних из них меня не было.

Мы с Бэрри молча постояли пару минут с опущенными головами. Я чутко прислушивалась к себе, ожидая, что меня захлестнет буря эмоций, и к собственному удивлению обнаружила, что внутри царит полная пустота. Затем, когда мы направились к могилам бабушки с дедушкой, мы увидели бегущего в нашу сторону Дэвида.

— Ты опоздал, — сухо заметил Бэрри.

— Ты так и не перезвонил мне и не сказал точное время, — парировал Дэвид.

— Я же говорил тебе, что мы будем здесь в пол-одиннадцатого.

— Да ладно, неважно, — вмешалась я. — Главное, что мы все сейчас здесь.

Мы с Дэвидом молча следовали за Бэрри к могилам бабушки и дедушки. Они располагались чуть дальше по ряду от родительских. Я постояла там какое-то время, как и у могилы отца с матерью, и вновь тщетно ждала, что меня накроют хоть какие-то чувства. Вместо этого я поймала себя на размышлениях о великой тайне жизни, обо всех тех событиях, что когда-то произошли, чтобы я появилась на свет и оказалась здесь в этот холодный зимний день.

Вскоре мы двинулись обратно к парковке, и я попрощалась с Бэрри. В город я возвращалась вместе с Дэвидом.

— Я просто поверить не могу в этого Бэрри! — вскипел Дэвид, стоило нам остаться наедине. — Сегодня утром он уверял меня, что как только получит от тебя весточку, сразу наберет и скажет точное время встречи. И так и не позвонил. Думаю, он сделал это нарочно.

Я не знала, что ответить. То, что мои братья не ладили между собой, было прискорбно и лишь подчеркивало общую безрадостную атмосферу моего визита.

Дэвид высадил меня на Уолнат-Стрит.

— Ты уверена, что с тобой все будет в порядке? — спросил он, высунувшись из окна машины.

— Конечно. Мой поезд в пять.

Мы помахали друг другу на прощание, и я проводила взглядом его уезжающий автомобиль.

Я села на автобус, добралась до станции Тридцатой улицы и зашла в зал ожидания. В преддверии радостной суматохи пассажиров с багажом он выглядел совсем иначе, чем той ночью, словно я никогда и не куковала здесь в одиночестве. Но боли от геморроя красноречиво напоминали об обратном. Все это было наяву. Как и вчерашний бугристый, продавленный матрас. Все это произошло со мной.

Лишь несколько лет спустя до меня дошло, что в глубине души я втайне надеялась, будто братья расшибутся в лепешку, чтобы радушно встретить меня дома, помогут устроиться на работу, если я захочу остаться, и бог весть что еще. Случись все именно так, я, возможно, порвала бы с Ананда Маргой прямо тогда. Но тот прием, который мне оказали, лишь подтолкнул меня обратно в объятия единственной семьи, которую я знала последние пятнадцать лет.

Я чувствовала себя разбитой и опустошенной. Мой заключительный день в Филадельфии прошел ничуть не лучше первых двух. Я была искренне рада вернуться в Нью-Йорк — к моей семье из Ананда Марги.

Глава 21. Нью-Йорк: Время на размышления

Поздним вечером я сидела в офисе диди, залечивая душевные раны за чашкой дымящегося ромашкового чая, пока сестры внимательно слушали мой рассказ. Когда я описала, как мне пришлось куковать ночь на вокзале Тридцатой улицы, на их лицах отразился шок.

— Это просто невероятно! Родной брат! — возмутилась одна диди. — Он что, думал, ты его обкрадешь, если останешься в доме?

Пока я ехала в поезде обратно, я и сама размышляла об этом. Может, они действительно побоялись, что я что-нибудь утащу — или устрою что похуже. Живо представляла их разговор на кухне. Дайана: «Бэрри, она же в секте! Кто знает, что у нее на уме!» Бэрри (после затянувшейся паузы, на лице отражается внутренняя борьба): «Ты права. Мы действительно уже понятия не имеем, кто она такая».

Я сделала еще один глоток, наслаждаясь тем, как ароматная жидкость разливается теплом по телу.

— Они сказали, что мы не виделись столько лет, что я для них теперь как чужая, — произнесла я. — И я могу их понять. С моей стороны было наивно полагать, что меня обязаны приютить только потому, что я прихожусь ему сестрой.

— И все равно... — ее голос затих. Остальные диди лишь сокрушенно покачали головами.

Мы допили чай в тишине и принялись готовиться ко сну. Я отыскала свободный пяточок среди уже расстеленных на полу спальных мешков и устроила свой. Как же хорошо было вернуться домой, как приятно снова оказаться в своем спальном мешке. Даже привычное содрогание квартиры каждый раз, когда за окном с грохотом проносился поезд, по-своему ублаживало и дарило утешение.

Через неделю-другую сестра-марги Айрин, чье духовное имя было Рашми, пригласила меня пожить у нее в двухкомнатной квартире на пятом этаже в Бронксе. Я с радостью согласилась и перебралась в свободную комнату, которую она использовала для медитаций. Мы начали вместе петь киртан и заниматься садханой. Всякий раз, когда мы медитировали, пожилой кот Рашми устраивался у нее на коленях и громко мурлыкал. Когда же Рашми уходила на работу, кот во время моих медитаций неизменно забирался на колени ко мне, и вскоре мы стали неразлучными друзьями.

Я прожила у Рашми три месяца. Это было прекрасное время для нас обеих. Рашми вкалывала допоздна, и к ее приходу дома всегда был готов горячий ужин — наваристые супы, овощные рагу с тофу, приправленные имбирем и тамари, а также бурый рис и салаты. Она была безумно благодарна.

— До твоего приезда я возвращалась домой настолько выжатой, что у меня просто не оставалось сил возиться у плиты, — призналась она мне как-то. — Бывало, весь мой ужин состоял из пачки картофельных чипсов.

— Чипсов! — возмутилась я. — Ну, пока я здесь, этому не бывать.

— Ты мой кулинарный ангел, — с улыбкой отвечала Рашми.

Впервые с момента вступления в Ананда Маргу я оказалась в ситуации, когда у меня появилось время просто посидеть и поразмышлять. По утрам я читала газеты, после обеда гуляла в близлежащем парке и много, очень много думала. И некоторые из этих мыслей были весьма тревожными. Вещи, которые я годами пыталась похоронить и заглушить в себе, впервые за долгое время выбирались на свет божий.

Мне было тридцать девять лет, и бесконечное кочевание по миру начало меня утомлять. Мучительный геморрой, развившийся в последние годы, только обострился из-за неизбежной чехарды с диетами и режимом дня, неизбежной в дороге. И я отчетливо осознала в себе тоску, которую, хоть она и не была новой, мне до сих пор удавалось успешно игнорировать: я страстно хотела стать матерью. Если с сексуальными желаниями я боролась годами, то это чувство было в новинку. В свои двадцать и тридцать с небольшим лет я смотрела на младенцев и малышей (а также на их испражнения и вечные сопли) с безразличностью. Мне было искренне жаль матерей, чьих детей я нянчила в наших ясельных группах и детских садах. Я могла помахать им ручкой через пару часов и уйти, а вот матери оставались со всем этим добром один на один. Сам процесс беременности и родов казался мне чем-то приземленным и животным. Беременная женщина — тяжелая, грузная — представлялась мне существом, намертво привязанным к земле. Но только не я! Я ведь находилась в высоком духовном поиске и

не собиралась отвлекаться от своей цели ради таких грязных и приземленных забот. Но теперь мощная тоска по душевной близости и семейному очагу вступила в отчаянную схватку с тем путем, который я когда-то избрала.

Один день особенно врезался в память. Стояла холодная, ветреная погода, и я мерила шагами дорожки парка. Пряча руки в карманах, я тупо уставилась на землю перед собой, едва замечая разбросанные вокруг ампулы из-под крэка и осколки бутылочного стекла, полностью поглощенная внутренней битвой. Что, если я уйду из Ананда Марги? Еще не поздно выйти замуж и родить ребенка. Но как быть с обетами, которые я принесла? Разве они не обязывали меня оставаться диди до конца дней? Да и случись мне уйти — куда податься? У кого остановиться? И тут подало голос мое духовное суперэго: «Ты думаешь, что можешь уйти? Да ни один из твоих братьев не проявил к тебе ни малейшего интереса! Они даже не удосужились задать ни одного вопроса о твоей жизни! А все потому, что они тебе не настоящая семья — твоя истинная семья это Ананда Марга!»

Я признала победу за своим духовным суперэго и переключила мысли на миссию. Уверяла себя, что стоит мне вернуться к работе, как все наладится. Меня переведут в новый сектор, я поеду в новые страны, познакомлюсь с новыми людьми. Медитируя позже в квартире, я силой заставляла свой разум концентрироваться исключительно на мантре.

Шли недели. Приближалась весна, а с ней и время моего отъезда. Мне предстояло отправиться в Индию, а оттуда, официально, обратно в Австралию. Я уже успела совершить короткое паломничество в Денвер, чтобы сменить имя. Процедура прошла так же гладко, как и в первый раз, и не составила никакого труда. Отныне меня звали Ханна Хартт. Я гордилась новым именем, которое сама же и придумала. Ханна было еврейским именем, означавшим «Благодать Божья», а необычное написание моей новой фамилии казалось мне весьма творческой находкой. Теперь оставалось получить новый паспорт и туристические визы в Индию и Австралию; и хотя в Австралию я возвращаться не планировала, приходилось делать вид, будто я еду именно туда, поскольку официально я все еще числилась за тем сектором. Также мне требовался новый спальный мешок. Но, как обычно, денег не было ни гроша. И вновь на выручку пришла Рашми, предложив мне немного подработать у нее. Я наскребла сумму, достаточную для покупки спальника, билета и других нужд.

Одной из таких нужд были дорожные чеки под так называемые «показные деньги» (show money) — незаменимый инструмент в арсенале любого работника Ананда Марги. В те годы многие страны требовали от приезжих предъявить доказательства наличия достаточных средств для проживания, прежде чем одобрить визу. Дорожные чеки подходили для этой цели как нельзя лучше, за вычетом одного очевидного изъяна: стоило их обналичить, как показывать становилось нечего. Но для нас это не было препятствием — мы в любом случае никогда не использовали дорожные чеки по их прямому назначению. Наличка была куда полезнее, поскольку на черном рынке её зачастую можно было обменять по гораздо более выгодному курсу, чем тот, что предлагали в банках за аналогичную сумму в чеках.

Схема создания «показных денег» была проста до безобразия. Купив чеки и выждав пару дней, мы заявляли в банк, что они утеряны или украдены, и получали взамен новые. Затем мы преспокойно обналичивали новые чеки, оставляя себе оригинал, дабы предъявлять его на границе или при подаче на визу. «Это ведь не воровство в чистом виде», — рационализировали мы свои действия, — «ведь в итоге мы получаем ровно ту

сумму, которую изначально внесли». Единственный минус заключался в том, что соблазн пустить эти «показные» чеки в ход бывал порой просто невыносимым — особенно учитывая то, на каком мели мы частенько сидели.

Во время своего прошлого визита в Штаты я уже обзавелась таким комплектом, и он сослужил мне добрую службу: я предъявляла одни и те же чеки бесчисленное количество раз на Фиджи, в Австралии и других странах, пока они окончательно не потеряли хруст, превратившись в помятые и выцветшие бумажки. Но потом с теми чеками что-то случилось. То ли я их потеряла, то ли действительно обналичила в момент крайнего безденежья? Ситуаций, когда прижимало к стенке, было хоть отбавля. На тот момент я уже и сама не помнила, как все было на самом деле. Знала только, что на руках их больше нет, и сейчас представился идеальный момент, чтобы обзавестись новым комплектом.

Я села в метро и поехала на Манхэттен. «Крупный банк подойдет лучше всего», — рассуждала я, — «там все более безлично». Зайдя внутрь, отстояла очередь к операционисту и прошла всю процедуру оформления чеков. Когда я ставила подпись на бланках, то с удивлением заметила, что у меня слегка подрагивает рука. Вернувшись в квартиру, я тут же запрятала чеки на самое дно сумки под стопку книг, тем самым их «потеряв».

Спустя несколько дней, когда я позвонила по телефону, чтобы заявить об утере, мне показалось, что в голосе ответившей женщины промелькнула настороженность.

— Вы уверены, что именно потеряли их? — поинтересовалась она. — Может, их украли?

Меня так и передернуло от ее тона. Неужели в ее голосе звучит недоверие?

— Да. То есть нет, не думаю, что их украли, — выдавила я. — Должно быть, они просто выпали из сумки, когда я открывала ее на улице.

— А не могли бы вы поискать их получше дома? Может, просто переложили куда-то?

— Ну, исключать нельзя, конечно. Но я уже все вверх дном перевернула.

— Уделите этому еще пару дней, поищите внимательнее, — посоветовала она. — Будет не очень хорошо, если мы выпустим новые чеки, а вы потом найдете старые, понимаете?

— Спасибо, — ответила я. — Я так и сделаю.

Я повесила трубку, а сердце мое бешено колотилось. Неужели она обо всем догадалась? Да брось, успокаивала я себя, откуда ей знать, что чеки лежат у меня в сумке.

«Только не вздумай дрейфить. Тебе позарез нужны эти показные деньги», — подал знак тот самый суровый, бескомпромиссный внутренний голос, с которым я была прекрасно знакома. Но был и другой голос, тихий, но настойчиво требующий внимания: «А вдруг они что-то подозревают? Вдруг устроят проверку, прежде чем выдать новые? И когда они раскопают историю с Ананда Маргой...» «Что за чушь! — парировал суровый голос. — Ты же не в Австралии. Здесь в Штатах об Ананда Марге вообще мало кто слышал».

Но я уже не была так уверена в себе, как прежде. Я изо всех сил пыталась оставаться преданной миссии, но многие её методы начинали вызывать у меня глубокую усталость.

Будет ли Баба по-прежнему оберегать меня, пока я иду на подобные махинации? Уверенность в этом испарилась.

Я перезвонила в банк и сообщила, что чеки нашлись. И должна признать, поступить согласно собственным моральным принципам было чертовски приятно. Впрочем, уже через несколько недель мне предстояло проворачивать «бизнес» в интересах Нью-Йоркского и Сектора Сува — нелегально ввозить в Индию видеооборудование на продажу. И в том деле моего мнения уже никто спрашивать не собирался.

Глава 22. Деловая поездка

Две недели спустя я летела рейсом «Air India» в Дели, наблюдая, как стюардесса с волосами, собранными в пучок, и черной бинди между бровей раздает пассажирам белые подносы с ужином, точь-в-точь как карты из огромной колоды. Черт! Стюардесса приближалась, а я понимала, что времени на половинное омовение уже нет. Ладно, поем без омовения: сейчас было важно поддерживать силы.

Стюардесса дошла до моего ряда и вручила мне ужин. Я заказывала вегетарианское меню, но поскольку это был рейс «Air India», внутри вполне могли оказаться лук или чеснок. Я осторожно приоткрыла фольгу. Наружу вырвался пар вместе с пряными ароматами. У меня потекли слюнки — я не ела уже довольно давно, — но нужно было убедиться, что внутри нет ничего запретного. Карри из картофеля и цветной капусты выглядело и пахло подозрительно, а вот нут с помидорами показался чистым, и я съела первую вилку.

Спустя несколько кусочков желудок начал сжиматься от мыслей о предстоящем деле. Голод как рукой сняло, но я силой заставила себя проглотить еще немного. Затем достала паспорт и принялась изучать страницы. «Достаточно ли хорошо я покрыла их лаком? — думала я. — Все должно пройти гладко. Они уверяли, что способ рабочий».

Накануне в Нью-Йорке, когда я вернулась из магазина, опытные в этом искусстве диди обработали все чистые страницы моего паспорта прозрачным пластиковым спреем.

— Держишь его вот так, а потом распыляешь ровными мазками, — наставляла одна из них, демонстрируя процесс. — Следи, чтобы страница была покрыта полностью. Потом ждешь, пока высохнет, и наносишь второй слой.

Я скрупулезно следовала её инструкциям, но возникла проблема: до посадки на рейс оставалось всего несколько часов, и у меня просто физически не было времени давать страницам нормально просохнуть между слоями. Когда я закончила эту спешную работу, диди осмотрели результат. Они пролистали паспорт и вынесли вердикт: сойдет.

— Теперь ты сможешь стереть любую надпись вот этим, — произнесла одна из них, протягивая мне маленький флакончик.

Во время моей самой первой деловой поездки, которая была в Бомбей, мой паспорт не был обработан лаком, поэтому на таможне я пошла через зеленый коридор «Nothing to Declare» в надежде, что мой багаж не станут досматривать. К счастью, пронесло. Но

искушать судьбу дважды не стоило. В этот раз я собиралась задекларировать оборудование.

Я вновь и вновь прокручивала в голове сценарий. Таможенник впишет декларируемый видеомаягнитофон в мой паспорт, чтобы гарантировать, что я вывезу технику обратно при выезде из страны. Затем, когда я буду покидать Индию и проходить пограничный контроль, они проверят мой паспорт на предмет каких-либо записей. И если все пройдет по плану, страница окажется чистой.

Обратно я, разумеется, ничего везти не собиралась. Приземлившись в Дели, я передам технику нашему местному контакту Анилу в обмен на наличные. Ананда Марга развернула процветающую торговлю контрабандным видео- и электронным оборудованием. Поскольку в Индии на подобные товары были установлены огромные пошлины, мы получали солидную чистую прибыль с каждой ввезенной единицы. Получив деньги, я тут же займусь паспортом. Компрометирующая запись будет стерта задолго до того, как я соберусь покинуть страну.

Разглядывая обшивку салона с её симпатичным узором пейсли и окна, формой напоминавшие окна в каком-нибудь храме Ганеши или Шивы, я вернулась мыслями к тому первому разу, когда меня попросили сделать то, что я считала не совсем правильным. Это случилось вскоре после моего приезда в Австралию и воссоединения с Анандой Бхадрой. Она помогала мне обустроиться на новом месте. Мне предстояло много ездить на автобусах, катаясь туда-сюда между Брисбеном и Сиднеем.

Как-то днем на автовокзале Брисбена Ананда Бхадра вручила мне билет до Сиднея. Он был выписан на имя другой диди.

— Она едет в другое место, и билет ей не нужен, — пояснила Ананда Бхадра, заметив мой вопросительный взгляд. — Он действителен. Можешь поехать по нему. Имена на контроле обычно не проверяют.

— Но это же неправильно, — запротестовала я. — Я не могу ехать по чужому билету. К тому же, а вдруг проверят?

Ананда Бхадра снисходительно улыбнулась мне, словно маленькому ребенку. А затем вздохнула.

— Малати, ты же знаешь, что у нас почти нет денег. Мы делаем благое дело, важную работу для миссии. Зачем нам покупать тебе еще один билет, когда у нас есть абсолютно рабочий, которым ты можешь воспользоваться?

(Позже я узнала, что точно такая же схема применялась и к проездным «Eurail»: один работник покупал проездной, а ездили по нему вообще все. Кондукторы в поездах редко требовали документы. Но это были еще цветочки по сравнению с тем, как мы проворачивали номера с авиабилетами. Одна диди, обладавшая художественным талантом, виртуозно умела вытравливать из бланка имя первоначального владельца и вписывать туда имя той диди или дады, которым предстояло лететь. Каким-то чудом работникам удавалось садиться на рейсы, несмотря на то, что их имен не было в посадочных манифестах авиакомпаний. Это, разумеется, происходило задолго до эпохи электронных билетов и компьютерных баз данных).

Стюардесса вернулась, чтобы собрать подносы. Возвращая свой ужин почти нетронутым, я размышляла о слухах, которые доносились до меня о некоторых

работниках и методах, к которым они прибегали ради сбора средств. Поговаривали, будто некоторые дада в Европе были замешаны в порнобизнесе. Ходил слух, что один дада, служивший в Штатах, одобрил торговлю наркотиками ради пополнения кассы. Некоторые марги прознали об этом, и дело кончилось тем, что ему пришлось публично каяться на ретрите.

Возможно, все это было лишь слухами, но один инцидент, о котором я знала из первых уст, точно выдумкой не был. Одну диди, работавшую в Южной Америке, как-то раз задержали в аэропорту после того, как собака унюхала наркотики в её рюкзаке. Бедняжка и понятия не имела, что один дада до отказа набил полые трубки каркаса её рюкзака запрещенным белым порошком. Её арестовали, и, как она позже делилась со мной, ей пришлось провести приличный срок в тюрьме.

Звуковой сигнал, предваряющий объявления на борту, прервал мои мрачные думы. Зажглось табло «Застегните ремни», и голос пилота из динамиков продублировал стандартную информацию о времени и температуре в Дели сначала по-английски, а затем на хинди. Изнутри плеснул адреналин — до меня дошло, что мы садимся. Руки начали слегка подрагивать.

Я твердила себе, что причин для паники нет. В этот раз риск был гораздо меньше, чем в прошлый, когда я ввозила технику откровенной контрабандой. Все должно пройти как по маслу. Если только пограничники не заметят лаковое покрытие на странице или не перевернут вверх дном мою сумку, на самом дне которой были запрятаны вещи Ананда Марги: форма, портрет Бабы и пратик.

Я оглядела обычных пассажиров — индийцев, возвращавшихся из туристических поездок в Нью-Йорк и другие американские города или после визитов к родственникам за рубежом. На борту было и несколько американцев. Они, без сомнения, предвкушали, как увидят Красный форт или Тадж-Махал. Выглядела ли я в их глазах точно так же — обычной американской туристкой, рассчитывающей на пару недель осмотра достопримечательностей в экзотической Индии? Когда самолет коснулся полосы и замер, я достала свою объемистую ручную кладь с багажной полки, поймав себя на страстном желании оказаться на их месте — быть обычной туристкой с банальными заботами вроде того, где обменять доллары на рупии и как найти такси, чтобы тебя не обсчитали. Поймав себя на этой мысли, я тряхнула головой, и во мне зазвучал тот самый суровый внутренний голос. «Ты ни за что на свете не согласишься бы поменяться местами ни с одним из этих туристов, — отрезал он. — Ты диди, выполняющая важную миссию, и если ради её финансирования приходится везти в Индию контрабанду, ты сделаешь это без лишних разговоров!»

Я вышла из самолета и направилась к таможенному контролю, едва переводя дыхание. Как только я задекларировала видеомаягнитофон, чиновник взял мой паспорт, открыл страницу и вписал туда описание от руки. Он ничем не выдал, что заметил на бумаге что-то необычное. И кроме вялого прощупывания верхнего слоя вещей, мою сумку досматривать не стал. Моя форма, портрет Бабы и остальные вещи Ананда Марги так и остались лежать нетронутыми на самом дне. Я глубоко вздохнула с облегчением.

Теперь нужно было добраться до гостиницы. Мой привычный индийский транспорт — моторикша — в этот раз не подходил: от бешеной тряски и прыжков по кочкам оборудование могло пострадать. Такси стоило гораздо дороже, но зато я была избавлена от порции выхлопных газов, летящих прямо в лицо в открытом рикше. Я вышла в удушающую ночную жару и тут же оказалась окружена плотным кольцом

водителей такси и рикш, наперебой зазывавших пассажиров, и зазывал, пытавшихся выхватить мою сумку.

— Мадам! Мадам! Сюда! Хорошая цена! — кричали они со всех сторон.

Я сделала знак одному из таксистов и села в машину.

— Куда едем, мадам? — поинтересовался водитель в тюрбане.

Я первым делом убедилась, что у него есть тарифная сетка (fare chart). Поскольку счетчики в машинах были старыми, итоговая стоимость поездки всегда оказывалась выше той цифры, что набегала на циферблате. Водителей без тарифных карточек следовало избегать, так как они сдирали с иностранцев три шкуры. Я подождала, чтобы убедиться, что он сбросил счетчик на ноль (еще один излюбленный трюк), и назвала адрес отеля средней руки. Из-за оборудования, которое было при мне, останавливаться в дешевом клоповнике у вокзала в Пахаргандже, как я обычно делала в Дели, я не рисковала.

Таксист вырулил на шоссе и принялся нарезать круги, выбирая, как я сразу поняла, самый окружной маршрут до места. Ничего нового — стандартная процедура, которую водители проделывали со всеми туристами, не знающими города.

— Послушай, — оборвала я его, — ты едешь не туда.

Мужчина обернулся ко мне, удивленно приподняв бровь, словно я его смертельно оскорбила.

— Вот по этой улице будет гораздо быстрее, — отчеканила я и продиктовала дорогу.

— О да, прошу прощения, вы абсолютно правы, мадам, — засуетился он и резко вывернул руль, едва не переехав при этом корову.

Мы притормозили у входа в отель. Пока водитель выгружал мою сумку на тротуар, я посмотрела на цифру счетчика, сверилась с тарифной сеткой и добавила к сумме чаевые в десять рупий.

— Мадам! Вы должны мне еще десять рупий! Мадам! Мадам! — его крики неслись мне в спину, пока я заходила в вестибюль, но быстро стихли — он, должно быть, понял, что провести меня не удастся.

Мне безумно хотелось поскорее избавиться от техники, и сразу после заселения я набрала Анила. Поскольку телефонная связь в крупных городах Индии за последние годы совершила колоссальный рывок вперед, мне удалось дозвониться с первой же попытки, и мы условились о времени встречи.

Поздним следующим утром я поехала на такси по адресу, который дал мне Анил. Машина высадила меня в небольшом переулке чуть в стороне от оживленной улицы. Я отыскивала нужный номер и постучала. Дверь открыл плотный, неопрятного вида мужчина с редкими на макушке волосами. Он сощурился от яркого солнечного света после полумрака прихожей.

— Анил?

— Да.

Я не стала тратить время на приветствия.

— Я привезла вещи, — сказала я.

— Конечно. Заходи, Диди.

Я прошла вслед за ним в тускло освещенную комнату.

— Присаживайся вот сюда, — жестом указал он на единственный стул, на котором ничего не лежало.

Весь остальной каждый свободный дюйм пространства на столе и стульях был буквально завален электронным оборудованием и деталями. Было очевидно, что бизнес у него процветает. И мы явно были не единственными его поставщиками!

Анил озвучил цену, которая плюс-минус соответствовала той сумме, на которую я рассчитывала.

— Хорошо, — согласилась я.

Передала ему технику; он вручил мне увесистую стопку рупий, которую я быстро припрятала в карман.

С облегчением оттого, что все благополучно позади, я вернулась в отель. Теперь оставалось самое главное — уничтожить компрометирующую запись в паспорте. Убедившись, что дверь заперта на замок, я извлекла маленький флакончик с растворителем (или чем-то в этом роде, что дали мне диди), достала ватные шарики и принялась за работу, осторожно стирая буквы, вписанные таможенником.

Но вытравить чернила без следа оказалось куда сложнее, чем я предполагала. Вскоре стало очевидно: лака на страницу нанесли слишком мало. По мере того как я терла бумагу, возникла новая проблема — страница начала истончаться. Я поднесла паспорт к свету и обнаружила, что бумага протерлась буквально насквозь. «Такое на выезде из страны заметят сто процентов, — в панике подумала я. — И что теперь делать?» Ответ я знала и сама: придется делать новый паспорт.

В этом не было ничего нового — за эти годы мне по самым разным причинам довелось сменить не один паспорт. И все же я была жутко раздосадована. Мне нравился этот паспорт. Он был компьютеризированным, стильным, и я даже не поленилась сделать для него действительно удачную фотографию. Теперь же придется от него избавляться, заявлять об утере и делать новый прямо здесь. Он будет далеко не таким красивым. Да и бог весть, сколько времени займет вся эта процедура. Судя по моему опыту времен обучения, быстрых результатов ждать не приходилось. Какая же волокита!

Я рассудила, что заявлять об утере паспорта всего через пару дней после въезда в страну будет выглядеть крайне подозрительно. Вместо этого я отправлюсь в Калькутту. Передам свои несправедливо нажитые средства Ананде Судхе (в полной уверенности, что получу взамен новое назначение) и проведу какое-то время рядом с Бабой. А затем, когда буду готова покинуть Индию, вернусь в Дели и займусь оформлением нового паспорта.

Пока поезд мчал меня в Калькутту, я поймала себя на размышлениях о системе ценностей, принятой у нас в Ананда Марге. Мне казалось, что у нас все перевернуто с ног на голову. Например, никто в организации и словом не порицал те методы, которыми

мы зарабатывали деньги, но при этом тебя готовы были сожрать с потрохами за съеденный гриб или пропущенный пост — включая самого Бабу. Все мы были наслышаны об историях, когда Баба устраивал работникам жестокие нагоняи.

— Ты пил воду в экадаши?!⁵⁷ — гремел Баба на какого-нибудь несчастного даду. — Почему?! Зачем ты это сделал?!

Или выносил на всеобщее обозрение диетическое нарушение: — Ты принимал тамасичную⁵⁸ пищу во время поездки! Ты ел лук! — и несчастный дада в страхе опускал голову.

Но при этом никто из нас ни разу не слышал, чтобы Баба хоть раз наорал на сотрудника за участие в контрабанде или за что-то похуже. «Ты ввез в страну контрабандный видеомагнитофон! — как же мне часто хотелось, чтобы он заявил кому-нибудь. — Чи, чи, чи! Не такими методами нужно добывать деньги для миссии!» И тогда мы все дружно перестали бы этим заниматься.

Но в реальности мира Ананда Марги употребление запрещенной пищи считалось куда более тяжким грехом, чем контрабанда. По сути, в нашей вселенной контрабанда вообще не считалась нарушением. Наверное, именно поэтому я не чувствовала такой вины за провоз техники, какую испытала из-за одного случая, когда совершенно случайно съел тамасичную пищу.

Помню, это произошло летним вечером в Сиднее. Диди и дада отправились в дом к одним филиппинским марги на медитацию и ужин. В Австралию как раз недавно прибыл новый Секретарь сектора (SS), и это должно было стать особым торжественным мероприятием в честь его приезда.

Большинство филиппинских марги, хоть и отличались глубокой набожностью, питали крайне мало интереса к организационной стороне Ананда Марги, редко посещая официальные дхармачакры и по большей части медитируя сами по себе. Зато они славились своим невероятным гостеприимством и кулинарными талантами. Все мы предвкушали настоящее пиршество.

В тот вечер, когда новый Секретарь завершил свою послемедитационную беседу, день уже угасал. Во время самой медитации нас всю дразнили доносившиеся с кухни ароматы, и вот наконец пришло время садиться за стол. Вооружившись тарелками и приборами, мы столпились вокруг роскошно уставленных столов. Нас ждало изобилие горячих и холодных блюд, ассортимент которых продолжал пополняться по мере того, как повара с гордостью выносили из кухни одно кушанье за другим. С пылу с жару спринг-роллы. Овощные блюда на кокосовых сливках. Дампинги. Блюда из сейтана. В общую массу затесалась даже вегетарианская пицца. Одно было ясно наверняка: сегодня правилу «не больше четырех блюд за трапезу» следовать никто не собирался.

Мы наложили полные тарелки и уселись прямо на ковер; в комнате воцарилась относительная тишина, пока все делали первые укусы. Я расправилась со спринг-роллом и принялась за пиццу. Было безумно вкусно. Я уже собиралась откусить еще раз, как вдруг замерла, решив поближе рассмотреть начинку. «Неужели это грибы среди зеленого перца и брокколи? — подумала я. — Очень на них похоже. Но это же невозможно! Все марги знают, что грибы — это тамас!»

Я пригляделась внимательнее. Глаза твердили, что это самые настоящие грибы, но мозг упрямо отказывался верить: «Да не может быть!» «Может, это какие-то особые

филиппинские овощи, которые просто внешне похожи на грибы», — успокаивала я себя. Тем не менее решила перестраховаться и отложила пиццу в сторону, переключившись на овощи в кокосовых сливках. Они тоже оказались восхитительными. «Здесь вроде никаких грибов нет», — с благодарностью подумала я.

Диди Трипури, сидевшая рядом со мной, наклонилась и шепнула:

— В пицце самые настоящие грибы.

Трипури, сама будучи филиппинкой, вмиг развеяла мои последние надежды на экзотический филиппинский овощ.

— Но как такое возможно? — прошептала я в ответ. — Повара ведь марги! Они прекрасно знают, что мы не едим грибы!

Трипури лишь пожала плечами: — Грибы как есть! Я свою пиццу есть не стану, — добавила она уже громче.

Я оглядела комнату. Ратулананда, Секретарь офиса, услышал слова Трипури и теперь с подозрением изучал свой надкушенный кусок. На его бледном лице проступил румянец, скрывая веснушки; Ратулананда отложил пиццу и испуганно огляделся по сторонам, проверяя, не заметил ли кто-нибудь, а главное — не увидел ли наш новый Секретарь сектора. Мой взгляд проследил за его глазами. Нет, пронесло — Дада как раз доедал один кусок и уже тянулся за следующим.

«Мне стоит что-то предпринять или сказать?» — думала я, глядя на то, с каким аппетитом все уплетают пиццу. Но вскоре решила не устраивать сцену. Большинство работников её уже съели, и дело было сделано. Аппетит у меня пропал. Грибы! Я съела грибы — вещь, которую не брала в рот уже много лет, и это меня жутко угнетало. Кто знает, может, в каком-нибудь другом блюде и лук с чесноком затесались!

После ужина мы потянулись на улицу. Сытый и довольный Секретарь сектора с улыбкой прощался с филиппинскими марги. Я подошла к Ратулананде, когда он уже собирался сесть в машину, и шепнула:

— Дада, ты ведь знаешь, что в пицце были грибы и Секретарь их съел, верно?

— Знаю, — ответил он, — но сам Дада об этом, похоже, не догадывается, и я ему говорить точно не стану!

Понимая, что именно Ратулананда принимал приглашение от филиппинцев и Секретарь во всем обвинил бы его, я сделала жест, показывающий, что мой рот на замке. «Что это за марги такие, которые подсовывают нам в еду грибы? — заявил бы Секретарь, узнай он правду. — Зачем ты вообще принял приглашение от таких людей?» И Ратулананде наверняка прилетело бы какое-нибудь наказание, а выяснять, каким оно будет, ему явно не хотелось.

Наш новый Секретарь сектора, по всей видимости, так никогда и не узнал, что съел пиццу с грибами, которую приготовили марги. Возможно, после этого у него день-два хуже шла медитация, что сам он вполне мог списать на то, что просто объелся в тот вечер. Возможно. А может, и нет. Что же касается меня, я чувствовала себя ужасно виноватой из-за этих съеденных грибов. «Не расстраивайся, — успокаивал меня более разумный внутренний голос. — Это произошло не по твоей вине». Но строгий внутренний надзиратель читал нотации: «Тебе следовало внимательнее разглядывать

пиццу, прежде чем совать её в рот». Я признала правоту за строгим надзирателем, отмахнувшись от разумного голоса, который задавался логичным вопросом: с какой стати мне нужно под микроскопом изучать еду, приготовленную марги, которые по идее сами прекрасно знают, какие продукты находятся под запретом?

В общем, я приняла миробалан (харитаки) — сушеный плод, который Гуру рекомендовал как противоядие при употреблении грибов и другой тамасичной пищи, и постилась целый день. Может, мне не хватало чуткости, а моя садхана была недостаточно высокой, чтобы я заметила ухудшения, а может, миробалан оказал нужное действие. Как бы то ни было, моя медитация, похоже, не пострадала. (К слову, после нелегального ввоза видеомэгнитофона моя медитация тоже ничуть не ухудшилась — и ради этого мне даже не пришлось пить никакой миробалан!).

⁵⁷ *экадаши: одиннадцатый день после новолуния. Работники обязаны были поститься в этот день, а также в дни новолуния и полнолуния.*

⁵⁸ *тамасичная (статическая) пища: лук и чеснок находятся под строгим запретом для марги, поскольку считается, что они перегревают тело и стимулируют сексуальную вритти (склонность). Грибы также считаются тамасичными, поскольку, будучи органическим царством грибов, не несли в себе праны (жизненной силы).*

Глава 23. Меня переводят в Берлинский сектор

Я прибыла в Калькутту, передала вырученные от продажи техники деньги Ананде Судхе и получила то самое назначение в другой сектор, на которое так надеялась. Ананда Судха скооперировалась с Анандой Преяси — Секретарем по женскому благосостоянию (SWWS) Берлинского сектора, и они провернули рокировку между диди. Меня отправляли в Копенгаген, а диди, которая служила там, должна была поехать в Австралию. Эта рокировка означала, что меня понизили в должности и я больше не являюсь работником секторального уровня, но это меня ни капли не волновало. Главное — оказаться как можно дальше от Ананды Судхи. Мое новое начальство, судя по слухам, тоже было не подарком, но я особо не переживала. Я была свято убеждена: никто в мире не может быть хуже Ананды Судхи.

Тем временем я твердо решила использовать оставшееся в Калькутте время, чтобы полностью сконцентрироваться на Бабе. Как-то утром я сидела на длинной скамье вместе с другими диди перед его домом в надежде попасть к нему на прием. Я коротала время, разглядывая глиняные горшки, выстроившиеся вдоль наружных стен. Они были засажены поразительным разнообразием растений, большинство из которых нелегально ввезли в Индию марги со всех уголков земли. Я как раз пыталась определить, нет ли среди них тех самых кустов, что я сама привезла из Австралии несколько лет назад, когда в мои размышления вклинился обнадеживающий голос с отчетливым американским акцентом:

— Как думаешь, позовет нас Баба на RDS в этот раз?

Я повернула голову налево, глядя на сидевшую рядом диди — лишь одну в длинной шеренге на скамье. Она выглядела совсем юной, едва ли старше двадцати. Форма на ней была новенькой, а сари — из того самого дешевого белого хлопка, который выдерживал от силы две-три стирки. Судя по её виду, это была её самая первая RDS.

— Ну, тут никогда не угадаешь, — медленно начала я.

Глядя на её одухотворенное лицо, которое буквально светилось, словно от внутренней лампочки, а преданность лучилась мощностью ватт эдак под восемьсот, мне очень не хотелось её расстраивать. Я служила в качестве диди уже больше пятнадцати лет и могла по пальцам одной, максимум двух рук пересчитать случаи, когда меня действительно вызывали наверх, к Бабе. Но мне не хотелось обрушивать столь безрадостную реальность на эту сияющую девушку.

— Иногда нас вызывают, конечно, но происходит это не так уж часто. Дада поднимаются туда куда регулярнее, — добавила я.

Мягко говоря: они ходили в комнату заседаний минимум раз в день на протяжении всей RDS.

Я обвела взглядом скамью с остальными диди. Некоторые сидели с закрытыми глазами, пытаюсь медитировать. Другие с упрямой решимостью использовали свои бумажные отчеты в качестве вееров, пытаюсь разогнать удушливый калькуттский воздух вокруг головы. Вопреки всем их стараниям, по мере того как утро переваливало за полдень, пот проступал все более отчетливыми пятнами на их чепчиках под вуалями. Кто-то нервно тербил ткань, поправляя вуаль, пряча выбившиеся из-под плотного чепца пряди волос или оттягивая назад чересчур напозающую на лоб ткань. Мы выглядели покинутыми, заброшенными на этой скамье — так близко к Бабе и одновременно так невыносимо далеко от него.

— Но почему Баба не вызывает нас чаще? — не унималась юная диди.

Остальные сестры перестали обмахиваться отчетами и повернули головы в нашу сторону.

— Дадам нужнее видеть Бабу. Мы-то духовно развиты куда сильнее, чем они, — авторитетно заявила одна индийская авадхутика.

— Я думаю, Баба нас экзаменует, — вставила другая. — Проверяет нашу преданность.

Внезапно со стороны ворот донеслись оживленные выкрики. Будто ниоткуда, во двор хлынула оранжевая река и сгрудилась у дверей. Дада — в полном составе — направлялись к Бабе. Личный помощник Бабы, Канакананда, сделал им приглашающий жест, и этот оранжевый поток втянулся в дверной проем и устремился вверх по бетонной лестнице. Мы, диди, дружно затаили дыхание. Неужели сегодня наш день? Канакананда скользнул по нам взглядом и улыбнулся:

— Намаскар, Диди. Как поживаете? — бросил он, после чего взбежал по ступеням и скрылся из виду.

Нас окружила внезапная, абсолютная тишина.

— Это просто несправедливо, — произнесла молодая диди, и лицо её омрачилось. — Мы должны видеть Бабу ничуть не реже, чем дада. Ну почему он не зовет нас чаще? — снова спросила она, глядя на меня.

Конечно, все мы в глубине души считали, что это несправедливо. Однако каждая из нас за долгие годы сидения на этой сиротливой скамье научилась принимать одно из тех оправданий, что мы сами же для себя и придумывали. Иначе было нельзя. Как еще можно было сохранить чувство собственного достоинства и самоуважение? Как вообще можно было остаться в организации?

Я вернулась мыслями к тому самому первому разу, когда точно так же сидела и ждала, и вспомнила то чувство ярости (нет, настоящего бешенства!), которое испытала, осознав, что меня не пускают наверх к Бабе исключительно по той причине, что я женщина. Баба часто выступал с речами о женщинах, об их положении в обществе и об их правах. Его слова звучали веско, даже радикально по меркам индийского социума. Но я на собственном опыте убедилась, что то, что Баба заявлял публично, и то, что он говорил с глазу на глаз определенным последователям, — две абсолютно разные вещи.

Мне вспомнился рассказ Тети, Ананда Бхакти, которым она как-то поделилась с нашей группой. Она вспоминала, как Баба однажды прислал за ней посреди ночи, велел незамедлительно явиться.

— Я была в полном недоумении, — делилась Тетя. — Время для вызова к Бабе было более чем странным, но я ответила гонцу, что буду как можно скорее. Переоделась и помчалась. — Тетя сделала паузу и обвела нас взглядом. Все мы сидели затаив дыхание, ловя каждое её слово. — Когда я прибыла, — продолжала Тетя, — меня тут же провели в комнату Бабы. Он сидел там с очень серьезным видом. И даже не улыбнулся мне. Он произнес: «Знаете, Ананда Бхактиджи, существуют всего две категории женщин: богини и ракшасини⁵⁹. Всегда помните эту вещь». И я поняла, что слова Бабы были чрезвычайно важны. Иначе почему он не подождал до утра, чтобы сказать мне это?

Все мы четко считали этот посыл. Для женщин не существовало никакой золотой середины. Нам предназначалось быть либо богинями, либо демонами, и от нас, диди, разумеется, ожидали роли богинь.

Я также помнила, как Тетя добавила: — Баба пояснил, что для мужчин категорий было три. Они могли быть богами, демонами — или просто самыми обычными, заурядными людьми.

Тетя даже не подумала подвергнуть слова Бабы сомнению: будучи самой первой авахутикой, она была предана Гуру безраздельно. В то время и я сама не задумывалась над его словами. Свято верила, что всё, изрекаемое им, является истиной в последней инстанции, независимо от того, способны мы это объять своим разумом или нет.

Как и следовало ожидать в среде молодых людей, давших обет целибата, изредка случались инциденты, когда между диди и дадой вспыхивали романы. И всякий раз, когда подобные связи выплывали наружу, виновной неизменно объявляли женщину. Именно она якобы вводила мужчину во грех, она (как падшая богиня, превратившаяся в демона) увлекала за собой невинного, обычного мужчину.

Никто бы не посмел перечить Бабе или предположить, что, несмотря на весь его высочайший духовный статус, в данном вопросе он оставался продуктом своего

времени и окружения. Баба вырос в обществе, где женщины испокон веков считались людьми второго сорта. И возможно — только возможно, — вопреки всем его громогласным заявлениям об обратном, в его глазах мы такими и оставались.

Я очнулась от своих мрачных размышлений и обнаружила, что юная диди все еще пристально смотрит на меня в ожидании ответа.

— Думаю, это как-то связано с индийской культурой, — выдавила я. — Здесь считается неприемлемым, чтобы женщины занимались тем же, чем и мужчины. По индийским меркам было бы верхом неприличия, если бы Баба принимал диди в своей комнате так же часто, как и дад.

Диди посмотрела на меня с явным недоверием, и кто мог её винить? В моем собственном голосе не было ни капли убежденности.

Мы вернулись к своему привычному занятию: ожиданию, медитации и обмахиванию отчетами. «Кто знает? — подумала я. — Может, сегодня наш счастливый день и нас тоже позовут наверх». Те редкие моменты, когда удавалось там оказаться, были для меня особенными, несмотря на то, что в комнате Бабы из-за набивавшейся толпы всегда стояла удушливая, невыносимая калькуттская жара.

Я бы с радостью вытерпела любую духоту, лишь бы снова получить шанс оказаться в его комнате, размышляла я. Но нам, диди, переносить эту тесноту было куда тяжелее из-за нашей формы. В тот день, когда Баба разглагольствовал перед нами о бурке и о том, как из-за нее страдают женщины, неужели ни одной из нас, сидевших там, не пришло в голову, что наше собственное облачение ушло от бурки совсем недалеко? Где-то глубоко внутри робкий внутренний голос пытался задать этот неудобный вопрос, но его голос был безжалостно заглушен моей слепой верой в Гуру и его заботу о нашем благополучии. Но теперь этот голос уже невозможно было игнорировать. Я слишком много знала и слишком многое пережила.

Наши тела были полностью закрыты с ног до головы, и единственное реальное отличие нашего платья от бурки заключалось лишь в том, что наши лица оставались открытыми. Мы носили (поверх нижнего белья) блузку от сари, нижнюю юбку, само сари, китель (закрывавший нас от плеч до самых колен), пояс, плотно прилегающий чепец на голове и вуаль, которая повязывалась поверх чепца. В жарком и влажном климате Калькутты пот стал неотъемлемой и постоянной частью нашего существования. Добавьте к этому тот факт, что наша форма часто шилась из полиэстера — его выбирали потому, что он быстро сох и не так сильно мялся, как хлопок, но в нем было в разы жарче, — и вы получите перманентно взмыленную диди! Разве такое удушающее облачение не могло привести к подрыву здоровья — в точности так, как Баба говорил про бурку? Но если кто-то из нас так и думал, никто не смел заикнуться об этом или тем более расспросить Бабу.

И зачем только Ананда Бхакти, которая много лет назад разработала этот дизайн по личному указанию Бабы, вообще придумала столь непрактичную и мучительную форму? По её собственным рассказам, она вовсе не замышляла её такой. Помню, как мы сидели с Тетей, и она показывала наброски вариантов, которые изначально предлагала Бабе. Один из них состоял из простого сари и небольшого головного платка. Баба отвергал все её эскизы один за другим, пока она не преподнесла ему тот самый вариант, который мы, диди, носим по сей день. Поговаривали, будто Баба преследовал цель защитить диди от мужчин. Какими бы ни были его мотивы, Баба мог изменить дизайн формы в любую

секунду, стоило ему только пожелать, но он не посчитал нужным этого делать. Мне вспомнился его ответ Мохини, когда та заикнулась об изменении формы для работы в Израиле. Он и слушать ничего не пожелал. В то время я порадовалась, что Баба поставил Мохини на место. Но после долгих лет ношения этого облачения я поймала себя на полном согласии с ней. Вся новизна давно испарилась, и форма, некогда казавшаяся честью, превратилась в сущую обузу.

Форма дад, хоть её тоже нельзя было назвать легкой, все же не имела стольких слоев, как наша, к тому же дада частенько ходили без своих тюрбанов даже на людях. Единственное время, когда мы могли снять свои вуали, — это когда находились вне поля зрения в собственных комнатах и офисах, либо когда переодевались в «гражданское» во время путешествий или подачи на визы. На нас оказывалось мощнейшее давление с требованием держать голову покрытой всегда, когда рядом находился мужчина. Если дада заходил в офис диди, чтобы обсудить какое-то дело, она, конечно, не стала бы натягивать полную вуаль, но перед выходом к нему обязательно набрасывала край сари на волосы.

Вспышка оранжевого цвета и гомон возбужденных голосов прервали мои безрадостные думы. Дады гурьбой повалили из дверей, спускаясь по лестнице из комнаты Бабы. Заседание было окончено. Сияющие, переполненные любовью Гуру, они прошли мимо, едва нас замечая, и потянулись к воротам. Мы поднялись и без единого слова поплелись следом за ними. Завтра будет новый день.

Что до сих пор ставит меня в тупик, когда я оглядываюсь на всю эту историю сейчас, так это то, как статус Бабы как духовного мастера соотносился с его отношением к женщинам. Будучи великим учителем, Баба ведал обо всем, а значит, не мог не знать об этом вопиющем неравенстве внутри своей собственной организации. Почему же он ничего с этим не сделал? Неужели вековые культурные догмы и обусловленность были настолько сильны даже для него? Эти вопросы я задавала себе снова и снова, пока оставалась в организации, — да и, собственно, задаю по сей день.

И я ловлю себя на еще одном вопросе: предпринял бы Баба хоть что-то, найдись среди нас хоть одна, у кого хватило бы смелости рассказать ему о происходящем? Может, он именно этого от нас и ждал: чтобы мы, диди, наконец-то научились постоять за себя. Насколько мне известно, никто так и не рискнул; подобно тем диди в Стамбуле, которые не посмели открыть Бабе правду о похищении, большинство из нас до полусмерти его боялись, чтобы решиться на какое-то заявление. Изменил бы Баба что-нибудь, поступи мы так? Пересмотрел бы он дизайн формы на что-то менее напоминающее бурку, если бы мы попросили его об этом, указав на его же собственные слова о вреде бурки для женского здоровья и на то, что форма диди отличается от нее разве что открытым лицом? Наверное, в том, что мы даже не попытались, есть и наша доля вины.

Спустя несколько недель после получения нового назначения мы с Анандой Преяси покинули Калькутту и отправились в Дели, где собирались провести несколько дней у знакомых марги Диди. Когда мы добрались до дома, располагавшегося в стороне от оживленной улицы внутри двора, Ананде Преяси выделили комнату в семейной квартире, меня же вместе с еще тремя приехавшими диди заселили в пустующую квартиру этажом выше, также принадлежавшую этим марги. Для Индии это было невиданной роскошью, и мы воспользовались моментом на полную катушку: вольготно расположились в почти пустых комнатах, придерживаясь собственного расписания вместо того, чтобы постоянно путаться под ногами у хозяев в переполненной квартире внизу.

Одним утром, дня через два после приезда, мы, как обычно, поднялись ни свет ни заря, закончили медитацию и, наслаждаясь уединением, принялись за выполнение йогических поз. Одна диди с Филиппин настолько расслабилась на своем коврике, что сладко задремала, скрестив руки на плотно облегающей блузке от сари, пока край ее белой нижней юбки слегка колыхался под ленивые вздохи потолочного вентилятора.

С улицы сквозь открытые решетчатые окна доносились приглушенные расстоянием звуки: выкрики торговца овощами («Бринджал! Пхулгоби! Бринджал! Пхулгоби!»⁶⁰), звон колокольчика рикши в утреннем воздухе. Звуки поближе — переклички домохозяек с родственниками в квартирах внизу, грохот кастрюль, смешивающийся с резким запахом керосинок и ароматом чапати, пекущихся на масле гхи, — красноречиво свидетельствовали о том, что готовка шла полным ходом.

Жужжала муха. Вентилятор лениво вращался под потолком. Стояла изрядная жара. Шел май, и в Дели столбики термометров могли запросто переваливать за тридцать и даже достигать сорока градусов Цельсия.

Я как раз выполняла позу кобры, когда в дверь раздался внезапный резкий стук. Все мы подняли головы и недоуменно переглянулись. Кого там принесло? Еще один, более настойчивый удар, и филиппинская диди резко проснулась, на ее лице отразилось полное замешательство. Третий требовательный стук, и из-за двери донесся голос:

— Полиш! Полиш! (Полиция! Полиция!)

Мы испуганно переглянулись; на лицах остальных сестер отразился тот же ужас, что испытывала и я сама.

— Боже мой! Это полиция! — прошипела одна из них.

В ответ на ее слова повисла шокированная тишина, сменившаяся лихорадочной суматохой: мы бросились искать пути к отступлению, ведь среди нас были диди — включая ту же филиппинку, — у которых не было действующих виз. Мы ломанулись в заднюю комнату, и беспаспортные сестры принялись лихорадочно протискиваться под кровать. А из-за двери все это время продолжал доноситься властный и уже изрядно раздраженный голос: — Полиш! Полиш!

Поскольку у меня с визой все было в порядке, я вызвалась открыть дверь, хоть и прекрасно понимала, что наличие визы — слабая защита от депортации. К тому же меня терзала еще одна мысль: а вдруг они потребуют паспорт, наткнутся на запись о видеомагнитофоне и потребуют предъявить технику? Так ведь можно и в тюрьму загнать!

С этими безрадостными мыслями я подошла к дверям и отперла их. Но вместо грозного копа в форме цвета хаки и с дубинкой наперевес, которого я уже приготовилась увидеть, на пороге стоял обычный рабочий в серой от бесчисленных стирок майке и сине-белом клетчатом дхоти. У его ног стояло ведро с краской, а в руке он победоносно сжимал малярную кисть.

— Полиш! Полиш! — закричал он. — Мне нужно покрыть лаком (polish)!

Оказалось, квартира пустовала именно по той причине, что в ней планировался косметический ремонт и покраска — маленькая деталь, которой наши хозяева почему-то забыли с нами поделиться.

Тем временем мы, диди, коротали дни за закупкой вещей, которые планировали привезти на свои рабочие места: серебряных украшений, охапок павлиньих перьев, картин с изображениями Кришны, Шивы и Кали на черном шелке, а также кучи юбок, блузок, сари и шерстяных шалей из Кашмира. Я искренне надеялась, что выбранные мной товары разойдутся по хорошей цене, когда я доберусь до Берлинского сектора.

Я также без особых хлопот уладила вопрос с получением нового паспорта, и вскоре пришло время собираться в дорогу. Я как раз паковала свои пожитки перед ночным рейсом до Копенгагена (задача не из легких, учитывая объемы сувениров), когда в комнату зашла Ананда Преяси и объявила, что у нее есть «кое-какие вещи», которые мне нужно прихватить с собой в Европу для нее. С этими словами она извлекла на свет божий несколько тюков, один из которых оказался самым исполинским зеленым тканевым баулом с черной отделкой, какой мне только доводилось видеть в Индии. По размерам он напоминал гроб и был до отказа набит павлиньими перьями и книгами.

— Диди, — медленно начала я, тщательно подбирая слова, — я ни при каких раскладах не смогу протащить все это добро в самолет.

— Ой, да глупости! — отмахнулась она. — Просто вежливо попроси их на стойке. Уверена, ты что-нибудь придумаешь.

Эта миниатюрная диди роста от силы футов пять и весом меньше ста фунтов обладала обманчиво мягкой и невинной манерой общения, но перечить ей, как своему руководству, было категорически запрещено.

К тому же, как прекрасно знала Ананда Преяси, никакие лимиты на вес багажа нас никогда не останавливали. Наш внутренний фольклор ломился от историй о маргих, которые умудрялись провозить объемы, превышающие легальный лимит в два, три, а то и в четыре раза. Мы свято верили, что за этими успехами стоит исключительно милость Гуру, помноженная на дар убеждения и хитрые трюки с ручной кладью.

Поскольку найти такси в такой час было задачей не из легких, Сантош — один из наших хозяев — согласился подбросить меня до аэропорта на своем минивэне. По пути я замечала людей, ютившихся в дверных проемах и спавших прямо на кусках картона. Мои собственные проблемы блекли по сравнению с их долей, напоминала я себе. И все же мой желудок выделял кульбиты, пока я лихорадочно просчитывала варианты, точнее — их полное отсутствие. Я не чувствовала в себе ни капли бывшего задора, удача явно отвернулась от меня, и я глубоко сомневалась, что на этот раз Бог вмешается и спасет положение. «Да тут даже Баба не смог бы протащить весь этот багаж в самолет!» — в отчаянии рассуждала я.

Слишком быстро минивэн притормозил у терминала.

— Если ты сможешь немного подождать, то заберешь часть вещей обратно, — обратилась я к Сантошу, пока он выгружал мои сумки.

Он помедлил, обдумывая мою просьбу.

— Хорошо. Но постарайся не затягивать. Мне, вообще-то, утром на работу.

Пока Сантош оставался в стороне, затерявшись в спящей толпе, я предъявила билет сотруднику за стойкой.

— Сколько мест багажа, мадам? — поинтересовался он.

Внешне он ни капли не походил на добряка, которого можно было бы разжалобить слезными мольбами. Напротив, у него был крайне исполнительный вид, безупречно подстриженные усы, а его белая форма выглядела на удивление накрахмаленной и свежей для столь позднего часа и удушающей влажности.

— Три, — едва слышно выдавила я, не включая в это число мою объемистую ручную кладь, которую собиралась катить на специальной тележке.

Он жестом велел поставить сумки на весы. Я на силу приподняла этого зеленого монстра и водрузила на платформу; стрелка весов безжалостно зафиксировала, что вместе с остальными двумя сумками мой багаж превышал допустимый лимит почти в три раза. Мужчина устало посмотрел на меня и озвучил то, что я и сама прекрасно знала: у меня серьезный перевес, и необходимо принять меры по его уменьшению.

И тут меня внезапно осенила, как я посчитала, гениальная мысль.

— Сэр, но ведь я сама вешу довольно мало, разве мне не положено за счет этого несколько дополнительных килограммов для багажа?

Служащий тупо уставился на меня.

— Мне очень жаль, мадам, — отчеканил он. — Вам придется существенно снизить вес вашего багажа. Предлагаю вам отойти, принять решение, а затем вернуться к стойке... Следующий!

Одну за другой я оттащила свои сумки в угол зала вылета. Стараясь не привлекать внимания, расстегнула «монстра» и принялась копать под слоями павлиньих перьев, чтобы добраться до книг. Внезапно меня накрыла волна паники. О боже! Книги! Они ведь четко идентифицировали меня как члена Ананда Марги, и если меня поймают, то не просто депортируют, но и в очередной раз внесут в черный список. Я кожей чувствовала направленные на меня взгляды со всех углов зала; несмотря на поздний час, помещение было забито людьми.

Лихорадочно я перераспределила вещи так, чтобы освободить одну сумку, сбросила туда большую часть книг (жеропясь, чтобы никто не успел прочесть названия на обложках), а затем бросилась к Сантошу. Он подхватил сумку и поспешил к выходу. Он отвезет её обратно моей миниатюрной начальнице. Она, конечно, устроит мне разнос, но с её гневом я столкнусь лишь тогда, когда мы увидимся вновь, — а это, к счастью, случится еще очень нескоро.

Я оттащила свои пожитки, похудевшие на целую сумку, обратно к стойке. На этот раз мужчина объявил, что хотя у меня все еще небольшой перевес, он готов меня пропустить. Меня накрыла волна облегчения, которая тут же сменилась очередной тревогой: как протащить в салон ручную кладь, которая размерами превосходила чемоданы многих пассажиров, сдаваемые в багаж. Я покатила тележку к зоне досмотра, внутренне готовясь к новому раунду борьбы. Но, к моему огромному облегчению, никаких проблем больше не возникло. Впрочем, иного и не следовало ожидать. В конце концов, я ведь выполняла работу Бабы!

В Копенгагене мне предстояло руководить детским садом, который открыла моя предшественница, и жить в том же самом помещении, где располагался садик. Для нас в этом не было ничего необычного — точно так же я устроилась и в Брисбене. Но в Брисбене в нашем распоряжении находился целый дом. В Копенгагене же, как я вскоре

выяснила, это была обычная квартира на первом этаже; крошечная боковая комнатка, выделенная мне для сна и медитаций, была настолько завалена школьными пособиями и инвентарем, что мне едва хватало места, чтобы просто расстелить на полу свой спальный мешок. Времени на акклиматизацию практически не осталось, поскольку вскоре после моего приезда возобновились занятия. Садик посещали в основном дети сотрудников посольств из таких стран, как Франция, Египет и Бельгия. Главным стимулом для родителей было изучение детьми английского языка.

Я оказалась не единственным монастырским работником в Копенгагене. Здесь же располагалась всемирная штаб-квартира PROUT, которой руководил широко известный и уважаемый Дада Тапасананда, курировавший многочисленные проекты и координировавший работу мужчин-LFT. Мне еще не доводилось встречаться с Тапасанандой, и я с нетерпением ждала знакомства, поскольку была много наслышана о нем.

В одно из воскресений, когда я впервые отправилась в офис PROUT для участия в дхармачакре, Дада пригласил меня к себе в кабинет и жестом указал на стул для беседы. Помню, как меня поразило его сходство с Санта-Клаусом, облаченным в оранжевые одежды: он был не просто невысоким и округлым, но его средней длины борода и волосы были сплошь подернуты серебром, а сам он обладал громоподобным, рокошущим смехом. Поговорив какое-то время, мы спустились в зал для дхармачакры — просторную комнату с высокими потолками и несколькими внушительными окнами. Когда мы вошли, меня буквально ослепили потоки струящегося света — картина, разительно контрастировавшая с той мрачной, тесной квартиркой, в которой ютилась я сама. Это было великолепное здание, которое в прежние времена, без сомнения, являлось настоящим роскошным особняком.

Помимо LFT, работавших под началом Тапасананды, самыми ключевыми марги в Копенгагене была шведско-американская пара — Лалана и Виреш. У них было трое детей, и они ждали четвертого. Они встретили меня очень тепло и радушно, щедро жертвуя организации и свое время, и деньги. Лалана даже помогла мне с лекарствами от геморроя, заявившись как-то раз в садик с набором гомеопатических средств.

Посетив дхармачакру в офисе PROUT несколько раз и заметив, как мало семейных марги приходит на собрания, я решила расспросить об этом Виреша и Лалану.

— Диди, — вздохнула Лалана, — Дада не особо радушно относится к семейным марги. Он упрямо настаивает на проведении дхармачакры в семь часов вечера, а для большинства семейных это слишком поздно. Детям приходится ужинать и ложиться спать в непозволительное время, а ведь на следующее утро им идти в школу.

— А вы пробовали поговорить об этом с Дадой? — поинтересовалась я.

Лалана и Виреш переглянулись, но промолчали.

— Я уверена, он не будет против перенести время на чуть пораньше, — заверила я их.
— Я сама поговорю с ним об этом.

Но выяснилось, что Тапасананда и слушать ничего не желает.

— Ой, да глупости, Диди, — отмахнулся он от моих доводов. — Им вечно что-то не нравится.

Время проведения дхармачакры осталось прежним.

Вскоре на свет выплыли и другие очаги напряжения. PROUT владел и руководил пекарней, располагавшейся всего в нескольких кварталах от детского сада. Всю работу там тянули LFT: они сами пекли хлеб, вели бухгалтерию и стояли за прилавком. Некоторым приходилось подниматься в нечеловеческую рань, чтобы добраться до пекарни (которая хоть и находилась близко ко мне, но от самого офиса PROUT располагалась довольно далеко) и разжечь печи. Работа в таких условиях становилась суровым испытанием в период скандинавской зимы, когда LFT практически не видели белого света — они уходили в пекарню задолго до рассвета, вкалывали долгие часы и возвращались в офис PROUT уже в кромешной темноте позднего вечера. Выходных у них почти не было, к тому же, как до меня доходило, обращались с ними не лучшим образом. Всем было известно, что Дада обладал крутым нравом и вечно оставался чем-то недоволен.

Одно воскресенье врезалось в память особенно отчетливо. Дхармачакра только что завершилась, а я все еще оставалась в зале, заканчивая свои уроки. Я находилась в самом разгаре выполнения пранаямы, когда услышала громкую перепалку, разразившуюся в коридоре. Сначала донесся голос Лаланы, затем — Тапасананды. Смысл их спора я уловить не могла, но градус беседы стремительно рос, и перепалка быстро переросла в полноценный крик. Я решила доделать урок и лишь потом выйти узнать, в чем дело.

Минутами позже я вышла в коридор и застала Тапасананду, стоявшего в наступившей тишине в полном одиночестве.

— Она просто развернулась и ушла, — выплюнул он мне. Лицо его было багровым от ярости. — Как она посмела! Как она посмела повысить на меня голос! — возмущался Дада, и голос его дрожал. Затем он осекся и пристально посмотрел на меня: — А ты где была, пока все это происходило?

— Я оставалась в зале, заканчивала пранаяму, — виновато произнесла я.

Тапасананда, хоть и оставался явно взвинченным, мое объяснение принял. Было видно, что ему необходимо выговориться. Он жестом пригласил меня вернуться в зал для медитаций, и мы уселись на пол друг напротив друга.

— Понимаешь, большинство считает Лалану и Виреша образцовыми марги, — начал он.
— Так вот, это не так! Лалана — настоящая смутьянка.

И Дада разразился путаной, пространной тирадой по поводу недостатков и пороков характера Лаланы.

— Она даже позволяла себе изредка давать детям печенье, в составе которого были яйца! — победоносно подытожил он.

Я слушала, время от времени сочувственно кивая головой, пока он немного не поутих. Мне не хотелось принимать чью-то сторону, но та Лалана, которую он рисовал в красках, ни капли не походила на женщину, которую знала я сама. Он четко дал понять, что ждет от нее извинений.

— Я поговорю с ней, — пообещала я.

Но Лалана и слушать ничего не пожелала.

— С какой стати я должна извиняться? Я не сделала ничего плохого! Я столько раз пыталась нормально поговорить с Дадой. Он же никогда не слушает. Может, теперь, когда я повысила голос, он наконец обратит внимание.

Ни одна из сторон не желала уступать ни на йоту.

— Лалане запрещен вход на дхармачакру до тех пор, пока она не принесет извинения, — объявил Дада.

— Ну и отлично, — отрезала Лалана, когда я передала ей его слова.

Я оказалась меж двух огней. Втайне я сочувствовала Лалане. Тапасананда просто упивался своей властью и демонстрировал точно такую же самодурскую ярость, свидетелем которой я уже становилась в случае с Анандой Судхой. С другой стороны, мне искренне хотелось, чтобы Лалана просто наступила на горло гордости и извинилась — исключительно ради того, чтобы все вернулось на круги своя.

Но ситуация лишь продолжала ухудшаться. Через несколько недель после той стычки в коридоре меня вызвали в офис PROUT и препроводили в кабинет Тапасананды. Но он сидел там не один — компанию ему составлял Гагананда. Я с трудом узнала даду, который когда-то был моим инструктором в Бенаресе: он изменился до неузнаваемости. Больше не было той болезненной худобы — он явно полностью поправил здоровье, и я была поражена тем, насколько мощным и солидным он теперь выглядел. Я была искренне рада его видеть.

— Дада, — улыбнулась я, делая намаскар. — Как же приятно тебя видеть!

В ответной улыбке он не расплылся.

— Ты здесь по очень серьезному делу, — отчеканил он. — Присаживайся.

Меня обвиняли... в заговоре с Лаланой.

— В заговоре? — переспросила я, не веря собственным ушам.

— Да, в заговоре! — повысив голос, отрезал Гагананда. — Иначе как ты объяснишь тот факт, что не вышла из зала для медитаций, когда слышала, как Лалана орет на Даду?

— Это случилось сразу после дхармачакры, и я заканчивала садхану, — попыталась оправдаться я. — Я находилась в самом разгаре выполнения пранаямы. Как только закончила, сразу вышла, но Лалана к тому моменту уже ушла. — Я повернулась к Тапасананде: — Дада, я ведь тебе это уже говорила, помнишь?

Но Тапасананда даже не посмотрел в мою сторону, продолжая сидеть с каменным выражением лица.

— Ты обязана предоставить письменные извинения, в противном случае статус авадхутики с тебя будет снят, — объявил Гагананда, — и тебе будет категорически запрещено носить оранжевое платье.

Я сидела в полном оцепенении.

— У тебя есть одна неделя на то, чтобы написать извинения, — продолжал он. — Если бумага не поступит вовремя, к началу RDS, статус авадхутики аннулируют незамедлительно. На этом всё, можешь идти, — отрезал он, отворачиваясь.

Тапасананда твердо вознамерился получить свои извинения. И раз уж ему не удалось вытрясти их из Лаланы, он решил выжать их из меня. Ради этого он пустил в ход тяжелую артиллерию, заручившись поддержкой влиятельного центрального работника, каким теперь и являлся Гагананда.

Тапасананда занимал пост Всемирного секретаря PROUT, но вел себя отнюдь не как авангард нового общества или предвестник «диктатуры садвипр» (духовных лидеров). «Ну конечно, это самая настоящая диктатура, — думала я, — диктатура уязвленного мужского эго!» И против этой машины у меня не было ни единого шанса.

⁵⁹ *ракшасини: демоницы, злые духи в женском обличье.*

⁶⁰ *Бринджал! Пхулгоби! (Brinjal! Phulgobi!): Баклажаны! Цветная капуста!*

Глава 24. Как обойтись без медицинской помощи

Несколько недель спустя, приехав в Германию на RDS, я вошла в комнату, где меня ждали не только Тапасананда и Гагананда, но и еще несколько индийских дад. Когда я села на ковер, все они уставились на меня с осуждением, покачивая своими тюрбанами. И началась инквизиция. Выслушав в сотый раз перечисление моих прегрешений из уст Гагананды, сопровождавшееся возмущенным бормотанием и цыканьем со стороны собравшихся, я протянула письмо с извинениями Тапасананде. При этом я что-то пролепетала о том, как мне жаль и что мне следовало выйти из зала для дхармачакры в ту же секунду, как я услышала крики, чтобы разобраться с Лаланой прямо на месте. Дада сидели, скрестив руки на груди, с довольным видом. «Мы поставили эту выскочку-диди на место», — читалось на их лицах. Свои извинения они получили. А мне позволили сохранить платье авадхутики.

С тех пор мои отношения с Тапасанандой в Копенгагене стали холодно-официальными, и я старалась пересекаться с ним как можно реже. Но оставаться там долго мне не пришлось: всему виной стало уплотнение, которое я обнаружила в левой груди.

Нащупала я его однажды во время мытья. Оно казалось просто огромным. До смерти перепуганная, я тут же набрала Лалану.

— Я понятия не имею, что делать, — призналась я.

Лалана прекрасно понимала, в чем соль: как и у большинства работников Ананда Марги, у меня не было никакой медицинской страховки.

Лалана обзвонила знакомых и раздобыла контакты специалиста по маммологии.

— Не переживай о том, сколько это стоит, — успокоила она меня. — Я помогу оплатить прием.

Я была ей бесконечно благодарна. Что бы я вообще без нее делала? Через несколько дней я попала к врачу на осмотр.

— Вам нужно делать операцию незамедлительно, — заявил он, едва закончив обследование. — Не тратьте время даже на маммографию. Это уплотнение необходимо удалить немедленно.

Из кабинета я вышла как в тумане. Операция на груди в Дании была бесплатной для датских граждан, но мне она обошлась бы в тысячи долларов. Предложение Лаланы помочь финансами распространялось только на визит к специалисту, но никак не на хирургическое вмешательство! И как мне теперь быть?

Я позвонила в офис диди в Майнце (Германия) и поговорила с Анандой Преяси.

— Ой, на твоём месте я бы так сильно не переживала, — отмахнулась она. — Скорее всего, там ничего серьёзного. У Ананды Удиты куча уплотнений в груди, и ничего, живет себе прекрасно.

Это было совсем не то, что я хотела услышать. Мне не нужно было многого от Ананды Преяси; капли сочувствия или элементарного проявления заботы было бы вполне достаточно. Но я не удостоилась даже этого.

Я решила выслушать мнение другого врача. Каоверии, сестра-марги, жившая при офисе диди, предложила мне съездить в Германию.

— Я знаю одного доктора, которая, скорее всего, примет тебя бесплатно, — поделилась она, — это женщина.

Для меня это был отличный вариант: мне было до ужаса неловко, когда мою грудь осматривал мужчина.

Ананда Преяси устроила все так, чтобы на время моего отсутствия в Копенгаген приехала другая диди. Мне очень не хотелось раскрывать учительнице детского сада или кому-то из родителей истинную причину своего отъезда. Не подобает никому проявлять жалость, переживать или поднимать шумиху вокруг авадохутики, — рассуждала я.

— Мне нужно уладить кое-какие дела в Германии, — объявила я всем. — Скоро вернусь, буквально через пару недель.

Немецкий доктор действительно приняла меня бесплатно, и она была очень любезна.

— Да, я его чувствую, — произнесла она во время осмотра. — Оно довольно крупное, но может оказаться доброкачественным. Впрочем, я не специалист по маммологии. Вам необходимо пойти и сделать маммографию.

— То есть вы не считаете, что нужно оперировать прямо сейчас? Мне именно так заявил специалист в Копенгагене.

Она выглядела озадаченной.

— Я с ним категорически не согласна, — твердо отрезала доктор. — Я ни в коем случае не рекомендую ложиться под нож без предварительной маммографии. А затем с полученными снимками вам нужно будет показаться маммологу.

Она записала мне имя одного специалиста и протянула листок.

Сделав маммографию, я записалась к этому врачу. Он бросил один-единственный взгляд на мои снимки и пренебрежительно махнул рукой.

— Вам совершенно не о чем беспокоиться, — произнес он на своем отрывистом английском. — Все в порядке, никаких признаков рака. Вы абсолютно здоровы.

— Но доктор в Копенгагене заявил, что у меня огромная опухоль, которую нужно вырезать незамедлительно.

— Вам не о чем беспокоиться, — повторил он и жестом указал мне на дверь.

«Это просто невероятно! — думала я. — И кому из них верить?»

— Ты знаешь, в Англии ведь бесплатная медицина, — поделилась со мной Ананда Суприя, когда я набрала ее позже в тот же день. — Можешь прикинуться мной, взять мою медицинскую карту и выслушать еще одно мнение.

Я очень любила Диди Суприю. Мы были знакомы целую вечность, еще с середины семидесятых, когда я заканчивала свое обучение в Калькутте, а она только начинала свое. Мы были ровесницами, и всякий раз, съезжаясь на RDS, без конца распевали песни «Битлз» и дурачились. Её уже несколько лет как направили в Лондон, где она открыла успешную школу. Но британским акцентом Суприя так и не обзавелась — у нее сохранялся тот самый неторопливый южный выговор, который я готова была слушать часами.

— Места у меня навалом, — продолжала Суприя. — Приезжай как можно скорее.

Как и я, Суприя жила прямо при своей школе, но её заведение, должно быть, было в разы крупнее моего, раз там без проблем находился угол для гостей.

И я поехала в Лондон. Через несколько дней после моего приезда Суприя протянула мне свою медицинскую карту и напутствовала:

— Главное, назубок вызубри мою дату рождения. Она понадобится для заполнения бланков.

Я внимательно изучила карточку.

— Не переживай, — подбадривала Суприя. — У них нет ни единого повода что-то заподозрить.

Я села в автобус. Выйдя на нужной остановке, прошла пару оставшихся кварталов до клиники. Стоял промозглый, пасмурный день. Я плотнее натянула куртку, дрожа всем телом и без конца прокручивая в голове детали своей новой личности: имя, дата рождения, адрес... имя, дата рождения, адрес... «Ну и ну, докатилась — получать медицинскую помощь, выдавая себя за другого человека!» — думала я. — «А что, если я опростоволошусь и всё выплывет наружу? Перепутаю дату рождения или еще что? Если это случится, то расхлебывать последствия, скорее всего, придется вовсе не мне. У Диди могут отобрать карту, выслать из Англии или вообще арестовать». От этой мысли меня бросило в еще больший озноб.

В клинике было полно людей в тяжелых темных зимних пальто. Я подошла к стойке регистрации, записалась, а затем примостилась на стуле в ожидании. Когда выкрикнули

имя Суприи, я забрала бланки, вернулась на место, пробежала их глазами — и похолодела: внутри требовалось вписать девичью фамилию матери Суприи. Сердце бешено заколотило в груди. Я понятия не имела, как зовут ее мать! Первую пришедшую в голову мысль — вписать имя собственной матери — я тут же отмела. Деваться было некуда: придется звонить Суприи. Слава Бабе, я догадалась прихватить с собой бумажку с её номером. Я пробралась к таксофону и набрала номер, испуганно оглядываясь по сторонам, чтобы убедиться, что никто не наблюдает. Когда Суприя сняла трубку, я прижала ее плотно к губам и прошептала:

— Суприя, как зовут твою маму?

— Что? — переспросила она. — Тебя плохо слышно.

— Имя твоей матери! — прошипела я. — Мне нужно вписать его в бланки.

Получив нужные данные, я повесила трубку и вновь огляделась, но люди вокруг были слишком поглощены собственными разговорами, чтобы обращать внимание на мои шпионские маневры. Я вернулась на место, заполнила имя и всю оставшуюся информацию, сдала бумаги и снова погрузилась в ожидание.

В итоге мне сделали еще одну маммографию. «Если у меня и не было рака, — думала я про себя, — то после двух маммографий подряд он точно может развиваться». Показать им свои предыдущие снимки я никак не могла, ведь на них красовалось мое настоящее имя.

— Все выглядит в пределах нормы, — резюмировал маммолог, — но мы все же сделаем биопсию, просто чтобы спать спокойно.

Примерно через неделю пришел результат: я была абсолютно здорова. И к своему удивлению, наряду с колоссальным облегчением я ощутила прилив дикого гнева. «Если бы тот бестолковый врач в Копенгагене не заявил, что мне нужна срочная операция, — бушевала я мысленно, — мне не пришлось бы проходить через весь этот ад!» Промелькнула и капля легкого сожаления: «Если у меня действительно рак, — делилась я с Суприей, когда только приехала в Лондон, — может, Ананда Преяси разрешит мне поехать работать в Россию». Суприя прекрасно знала про мою одержимость этой страной. С тех самых пор, как я учила русский язык в коллеже, я безумно грезилась о поездке туда.

Вместо этого я вернулась в Копенгаген. Там меня уже дожидался счет на пятьсот крон от «мясника» — как я окрестила датского врача. И этот счет я оплачивать принципиально не собиралась. «Если бы я его послушала, то сейчас вполне могла бы остаться без груди», — рассуждала я. Сознательно взяв деньги, которые я отложила на визит — включая и те, что дала мне Лалана, — я пустила их на другие, куда более насущные нужды. Тот счет я так никогда и не оплатила.

Глава 25. Мы осиротели

Стоял октябрь 1990 года. Я находилась в Германии на собрании RDS, которое проходило в офисе дад в Майнце, когда кто-то постучал в дверь и тихонько попросил Ананду Преяси выйти. Сурешананду вызвали на улицу еще несколькими минутами ранее. Остальные из нас не придали этому никакого значения и продолжили начатое обсуждение Восточной Европы. Мы подводили итоги того, чего удалось достичь к настоящему моменту, и оценивали новые открывающиеся перспективы.

Той весной я навсегда покинула Копенгаген, будучи направленной на служение в Польшу. А несколько месяцев спустя мне наконец улыбнулась удача отправиться в Россию. Я поехала в Санкт-Петербург вместе с Анандой Манджулой — американской диди, которая уже бывала там раньше. С приходом перестройки Россия открывалась миру и обещала стать невероятно увлекательным местом для работы. Я как раз делилась своими впечатлениями с остальными сотрудниками, пока мы ждали возвращения Диди и Дады, чтобы возобновить встречу.

Спустя несколько минут я вышла в туалет и заметила их в коридоре: они стояли и разговаривали вполголоса, а на их лицах застыло выражение глубокого потрясения. Я вернулась в комнату, но больше не могла сосредоточиться ни на чем из того, о чем говорилось. В голове то и дело всплывал этот взгляд Диди. Что могло случиться? Неужели это как-то связано с Бабой? Он сильно подорвал здоровье за те годы, что провел в тюрьме, и его долгая голодовка не прошла бесследно. В последнее время Баба чувствовал себя плохо. Нам говорили, что у него какие-то проблемы с сердцем, и для его осмотра даже вызвали консилиум специалистов.

Дверь отворилась, и Ананда Преяси с Сурешанандой вернулись в комнату. Вместе с ними внутрь словно проникло что-то зловещее. Вместо того чтобы присесть и продолжить собрание, они так и остались стоять.

— Мы только что получили известие из Индии, — произнесла Ананда Преяси. — Нам сообщили, что Баба оставил свое тело.

В ответ на её слова в комнате повисла шокированная, оглушительная тишина. Затем несколько диди разрыдались.

— Может быть, это неправда, — продолжала Диди, и голос её сорвался. — Как он мог покинуть нас так внезапно, ничего не сказав?

И она тоже заплакала.

Каруна, австралийская диди, славившаяся своим прекрасным пением, взяла гитару и заиграла киртан — медленную, красивую и щемящую мелодию, которую я никогда раньше не слышала и которую еще очень скоро смогу забыть. Некоторые из нас, включая меня, поднялись и принялись танцевать, двигаясь по кругу, воздев руки к небу, словно в отчаянной мольбе. Другие замерли в оцепенении медитации. Третьи просто опустили головы и горько плакали.

Позже в тот же день нам объявили, что тело Бабы будет сохраняться на льду, дабы преданные успели проститься с ним до кремации.

— Все, у кого есть такая возможность, должны незамедлительно вылететь в Индию, — напутствовала Ананда Преяси.

На следующее утро мы все отправились в индийское посольство подавать документы на визы. Я ехала на эту RDS с намерением просить у Диди разрешения поехать на DMC.

Теперь же, если все это не было кошмарным сном, никаких DMC больше не будет. Подобное просто не укладывалось в голове. Этого просто не могло быть.

— Баба, скорее всего, просто ушел в глубокий транс, — рассуждала одна диди. — Он обязательно очнется, я прямо сердцем чувствую.

— Я думаю, он погрузился в особое состояние, принимая на себя дурную карму всего мира, — строила теории другая.

— Он не ушел бы, не попрощавшись и не оставив четких инструкций, — качала головой третья.

У каждого из нас были свои представления о том, как Баба покинет этот мир. Нам доводилось слышать истории о том, как великие мастера готовили учеников к своему уходу, назначая преемника и указывая точное время и место кончины. Мы ожидали того же и от Бабы. Многие рисовали в воображении грандиозное собрание, где Баба оставит тело в присутствии тысяч своих последователей. К столь внезапному и неожиданному прощанию не был готов никто.

В Индию я прилетела через несколько дней. Когда я ворвалась в жилье диди в Тилджале, мне навстречу попала спешащая к выходу сестра.

— Если хочешь увидеть Бабу, — бросила она на бегу, запыхавшись, — поторопись! Скоро начнется кремация.

Я была совершенно раздавлена. Все те часы, что самолет нес меня сюда, я вопреки всему надеялась услышать по прилете, что Баба пришел в себя и сел на постели. Я представляла, как он смеется над обступившими его работниками: «Вы ведь не думали всерьез, что я покину вас вот так?» — скажет он. А затем попросит еды. Но Баба не проснулся.

Я взбежала вверх в комнату Берлинского сектора и поспешно переоделась в форму. Затягивая пояс на ходу, бросилась по коридору, скатилась по лестнице и вылетела за дверь.

Я переступила порог резиденции Бабы, как делала это бесчисленное количество раз в прошлом. Но во все те разы внутри жило радостное предвкушение встречи и желание услышать его голос. Мысль о том, что сегодня все будет иначе, казалась дикой. Приблизившись к дому, я заметила нескольких знакомых диди. Мы обменялись скорбными намаскарами. И меня пригласили в комнату Бабы.

Я вошла и сотворила пранам. Баба лежал на раскладушке с закрытыми глазами, его абсолютно неподвижная фигура была усыпана цветами. Несколько пожилых индийских марги сидели по углам, тихо плача. Другие медленно обходили ложе по кругу. Примкнув к ним, я в полном оцепенении обошла его один раз, затем другой; а после, сотворив финальный пранам у самого края, отчаянно взмолилась про себя: «Баба, пожалуйста, проснись. Ты не можешь так с нами поступить! Ты не можешь уйти вот так!» Поднявшись на ноги, я в последний раз бросила долгий взгляд на его неизменившееся лицо и деревянной походкой вышла из комнаты. Ну почему он не просыпался?

Снаружи плотный людской поток непрерывно тянулся к полю, где должно было состояться предание огню. Я влилась в эту процессию, позволив ей нести меня, пока меня не вынесло к самому краю площадки, где я принялась высматривать место, чтобы встать. Погребальный костер был оцеплен марги, стоявшими на почтительном

расстоянии. Ближе всех находились дада из Центрального офиса. Одни руководили рабочими, завершавшими укладку дров. Другие давали знаки мужчинам, катившим телеги, доверху нагруженные разноцветными цветочными гирляндами, чей дурманный аромат буквально пропитал весь воздух. Чуть дальше в толпе, среди тюрбанов и голов, покрытых сари всех мыслимых расцветок и узоров, я заметила оранжевый островок — группу диди, стоявших с опущенными головами. Пробираясь сквозь толпу в их сторону, я увидела Ананду Бхадру и Ананду Суприю. Мы молча обменялись намаскарами и крепко обнялись.

Внезапно я почувствовала, как по рядам окружавших меня масс пронесся глухой, но стремительно нарастающий гул. Люди начали выкрикивать имя Бабы. Я повернула голову в сторону, откуда доносились самые громкие крики, и увидела дад, бережно несших украшенные цветами погребальные носилки к уже готовому костру. Мне была видна неподвижная фигура Бабы: глаза закрыты, руки сложены на груди, а его безупречно выглаженная рубашка сияет в лучах света. Остальная часть тела была скрыта под лавиной цветов. Плач и стенания усилились, когда и до тех, кто стоял поодаль, дошло, что Бабу принесли для предания огню.

Когда тело Бабы опустили на дрова, я продолжала молиться, чтобы он проснулся. Когда костер загорелся, я не переставала молиться. Мой разум наотрез отказывался принимать то, что глаза видели воочию: Бабы больше нет.

Дым от погребального костра медленно поднимался ввысь и плыл, словно благовоние, над головами преданных, собравшихся вместе, как одна большая последняя гирлянда подношения. Пока огонь медленно пожирал его тело, стоя птиц в идеальном строю пронеслась по небу, которое еще мгновение назад было пронзительно-синим, а теперь вдруг подернулось тучами, словно от боли. Птицы кружили над костром снова и снова, будто увлекая за собой в небеса душу Бабы. Несколько капель дождя упали с небес — точно так же, как падали слезы из глаз тысяч собравшихся там людей.

Душа Бабы улетела.

Он покинул нас. Мы осиротели.

Ту невыносимую скорбь, что мы испытали с уходом Бабы, невозможно облечь в слова. Казалось, из наших сердец вырвали огромный кусок. Внутри каждого разверзлась колоссальная бездна, пугающая пустота.

— Я не хочу больше жить без Бабы, — призналась мне Ананда Мукти несколько дней спустя.

Я прекрасно понимала, что она чувствует. Мы все чувствовали то же самое.

И хотя находиться в Тилджале без Бабы было странно и дико, те из нас, у кого была возможность, оставались там на протяжении нескольких недель. Мы пытались найти хоть какое-то утешение в совместном затворничестве, часами напролет распевая киртан и медитируя. Делились историями о Бабе, пытались осмыслить его уход и подолгу слушали старших дад.

— Вы будете явственно ощущать присутствие Бабы, когда будете выполнять его работу, — раз за разом повторяли они нам.

В конце концов мы все разъехались по своим рабочим местам. В Польшу я вернулась в конце января. Зима выдалась суровой, и маленький ручей, через который я всегда

переходила по дороге к сестре-марги, у которой останавливалась, промерз до самого дна. Люди, от мала до велика, катались по нему — большинство просто скользили по льду прямо в своей обычной обуви. Этот холод казался мне очень созвучным. Внутри меня всё точно так же заledenело, как и этот ручей.

Глава 26. Россия: Выходка КГБ

Во время моей первой поездки в Россию, за несколько месяцев до того самого судьбоносного собрания RDS, мы с Анандой Манджулой прибыли в Санкт-Петербург в середине лета. Мы остановились у Карушки — женщины, которую Ананда Манджула посвятила во время своего предыдущего визита. Темноволосая, стройная и наделенная замечательным чувством юмора, Карушка жила со своей взрослой дочерью в небольшой квартире в одном из тех серых, похожих на коробки домов, что стоят по всей России. Она была преподавателем танцев, но недавно начала подрабатывать на других работах, чтобы оплачивать счета и покупать еду. Впрочем, бедственное финансовое положение в России того времени не особо подавляло её дух. Мечта получить визу в какую-нибудь западноевропейскую страну, чтобы зарабатывать приличные деньги преподаванием танцев, была тем, что поддерживало её на плаву. Она надеялась, что мы ей поможем.

Манджула знала лишь несколько слов по-русски, а Карушка владела английским примерно на таком же уровне, поэтому я с радостью взяла на себя роль переводчика. Ранним вечером мы с Карушкой хлопотали на кухне, пытаясь состряпать суп из продуктов, которые Манджуле и мне удалось раздобыть на рынке. Мы уже поставили вариться картошку с капустой и собирались нарезать помидоры и порубить укроп, как из ванной, куда Манджула зашла всего минуту назад, донесся громкий грохот. Мы с Карушкой тревожно переглянулись.

— Диди! Диди, ты... в порядке? — позвала Карушка.

Ответа не последовало. Карушка уже вытерла руки и собралась выйти из кухни, когда появилась Манджула — смущенная и красная как рак. Она призналась, что каким-то образом умудрилась уронить унитаз, так что он завалился назад. Карушка разразилась смехом и, когда смогла наконец перевести дух, покачала головой и произнесла: «Русский туалет! Русский туалет!», тем самым полностью сняв с Диди всякую вину. Мы не подали виду, но обрушение унитаза наверняка было связано с нашей привычкой присаживаться на них по гигиеническим соображениям, вместо того чтобы садиться по-человечески.

Наряду с перестройкой и восторгом оттого, что люди внезапно обрели свободу делать вещи, о которых не могли и мечтать еще несколько лет или даже месяцев назад, пришла гиперинфляция. В России люди никогда не жили в роскоши, но у них было все необходимое: квартира (пусть маленькая, но своя), бесплатная медицина и гарантированная работа. Почти в одночасье всё это исчезло.

Можно было пойти в магазин утром и обнаружить, что цена на килограмм помидоров удвоилась по сравнению с вчерашним днем. Товары стали дефицитом, и люди были вынуждены простаивать в длинных очередях за хлебом и другими продуктами первой

необходимости. Помню, как часами стояла за хлебом. Когда я наконец добиралась до прилавка, большая часть хлеба уже была раскуплена, и на полках оставались лишь несколько жалких буханок — помятых или дефектных.

Как-то раз я пошла в супермаркет в надежде купить овощей. Все, что имелось на прилавках с табличкой «Фрукты и овощи», — это туалетная бумага. Никто вокруг не видел ничего странного в том, что туалетная бумага лежит на полках, предназначенных для фруктов и овощей. Напротив, каждый покупатель брал по несколько рулонов в запас, зная, что через день-два туалетная бумага, скорее всего, пополнит список товаров, которые нигде не найти.

В другой день я стала свидетельницей почти что бунта, когда прошел слух о продаже сливочного масла. Очередь перед магазином выстроилась моментально, люди толкались и боролись за место в ней. Менеджеру пришлось выйти, чтобы попытаться всех успокоить, выкрикивая: «Всем достанется, обещаю!»

В следующем году мы с Анандой Манджулой снова поехали в Россию. Одним утром в середине июня мы сидели в крошечной кухне у недавно посвященной сестры Анны, пили чай с хлебом и маслом вместе с ней и её друзьями.

— Нам повезло, что есть масло, — говорила Анна на своем ломаном английском. — На прошлой неделе на рынке его не было. Вчера я простояла в очереди час и получила предпоследний кусок. Даже не скажу, сколько это стоило!

Хотя Анне достать масло было крайне тяжело, она предпочла поделиться им с нами, а не приберечь для себя. Большинство людей, с которыми я встречалась в России, проявляли такую же щедрость, делясь малым, что у них было.

Разговор переключился на другие темы, включая фестиваль «Нью-эйдж», который вскоре должен был состояться в сельской местности недалеко от Москвы. Анна с друзьями собирались туда. Сергей, который из всей четверки говорил по-английски лучше всех (хоть и далеко от идеала), спросил нас, не хотим ли мы поехать с ними, добавив, что это станет отличной возможностью для обучения медитации большого количества людей.

— Вам действительно стоит поехать, — продолжал он с растущим энтузиазмом, — тем более что впервые фестиваль будет проводиться открыто, на свежем воздухе. Раньше они устраивали его втайне.

— Сергей, — сказала я, — мы бы с радостью, но наши визы действительно только для Санкт-Петербурга.

В то время, когда подавали на визу в Россию, её давали не на всю страну, а лишь на один город — и предполагалось, что вы будете находиться именно там.

— Это не проблема. Можете ехать в любой город, какой захотите.

— В российском посольстве в Хельсинки нам сказали, что мы обязаны оставаться в Санкт-Петербурге, Сергей, — пояснила Ананда Манджула.

— Поверьте мне. Все так делают постоянно! — заверил он нас.

И мы поехали. Спустя пару дней в середине дня мы добрались до места проведения фестиваля. Это был прекрасный уголок, где пологие холмы окружал лес. Довольно

обширный палаточный городок, раскинувшийся на большом поле, уже жил суматошной жизнью карнавала. Все вокруг улыбались, и в воздухе буквально висело осязаемое чувство воодушевления и восторга.

Когда мы с Манджулой закончили ставить свою палатку, весть о том, что приехали учителя йоги, уже разнеслась повсюду, и вскоре вокруг нас собралась толпа. Все хотели научиться медитации, поэтому мы организовали переводчиков. (Я бы справилась и без них, будь на то нужда, но тонкости медитации были для моего русского языка все же сложноваты). Мы отвели наших новых учеников на пологие холмы подальше от палаток, где было свежо. Желавших было так много, что мы закончили лишь к сумеркам и вернулись к своей палатке.

Рано на следующее утро мы завтракали, когда к нам подошла молодая женщина. Я узнала в ней ту, кого посвящала днем ранее.

— Доброе утро, Диди, — сказала она, почтительно сложив руки. — Я Лидия, помните?

Я ответила утвердительно, и она продолжила:

— Я хочу кое-что рассказать. Сегодня утром в десять часов будет хождение по углям, — произнесла она, и её голос дрожал от возбуждения. — Я подумала, вы захотите пойти. В конце концов, для вас это должно быть легко. Вы ведь учителя йоги!

Её отношение было типичным. Она была не первой, кто смотрел на нас как на маленьких гуру, обладающих всеми духовными силами, о которых они читали в «Автобиографии йога». Правда, способность ходить по огню была чем-то новеньким. Мы с Манджулой переглянулись. Мы понимали, что должны пойти, чтобы сохранить свою репутацию, хотя представления Лидии о том, что именно делает человека духовным учителем, были, мягко говоря, наивными. К тому же нам было любопытно — мы никогда не видели хождения по огню.

— Конечно, Лидия, мы будем. — ответила я.

— Это на поле за ручьем. Увидимся там!

Когда пришло время, мы опоздали на пару минут. Приблизившись к месту, мы увидели людей, лежащих на земле с руками по швам и закрытыми глазами. Я осмотрела толпу, но Лидию не увидела. Присоединившись к группе, мы легли, закрыли глаза и прислушались к гипнотическому голосу, ведущему визуализацию — сначала на русском, затем на английском. «Чувствуйте, как вы становитесь все легче и легче. Вы — дух. Огонь не имеет над вами власти. Вы будете парить над углями! Вы — свет! Вы — свет!»

Когда голос смолк, люди открыли глаза, потянулись и сели. Один за другим они начали переходить через ложе из раскаленных углей, разложенное в форме большого круга. Каждый делал шаг вперед, уверенный и спокойный. Никто не спешил и не выказывал ни малейших признаков боли. Я слышала, что люди, которые ходят по углям, мажут ноги вазелином. Я огляделась, но никаких баночек нигде не было видно.

Я встала. Ни один уважающий себя учитель йоги не мог больше откладывать этот момент. Осторожно приблизившись к углям, я сделала глубокий вдох и зашагала по ним — настолько быстро и легко, насколько могла. «Я — свет! Я — свет! Я буду парить над углями!» — твердила я про себя. Я чувствовала легкое жжение в пальцах ног, но, стараясь сохранить невозможное выражение лица, закончила путь и села.

Позже, скрывшись от посторонних глаз, я осмотрела свои ступни: левая была обожжена, хотя и не слишком сильно, а правая осталась невредимой. Затем Манджула показала мне свои ступни — обе совершенно чистые.

— Похоже, настоящий йог здесь ты! — сказала я.

На следующее утро я почувствовала себя неважно. Нога не болела, по крайней мере не сильно, но за время сна меня окутала пелена меланхолии, и я не могла заставить себя покинуть палатку.

— Ты не идешь? — спросила Ананда Манджула, закончив медитацию. — Пора завтракать.

— Иди сама. Я приду позже.

Шло утро, в палатке становилось жарко, почти невыносимо, но я все равно не двигалась с места. Меня навалила привычная усталость: я устала играть роль духовного учителя, устала соответствовать чужим ожиданиям, устала быть той, кто всегда помогает другим, в то время как внутри почти не оставалось ресурсов, чтобы двигаться дальше. Раньше, когда на меня накатывали такие чувства, мне всегда удавалось взять себя в руки и идти вперед, но теперь это становилось все сложнее, особенно после смерти Бабы.

Я вспомнила то время в Австралии, когда пыталась открыть школу, и дело шло к провалу. Тогда я почти не могла найти марги, которые бы мне помогли, как ни старалась.

— Ты кажешься такой нуждающейся, — сказала мне одна сестра после очередной моей презентации, пристально вглядываясь в лицо, — словно у тебя внутри огромная пустая дыра.

Я почувствовала, как меня накрывает приступ, близкий к панике.

— Понятия не имею, о чем ты говоришь, — помнится, ответила я. — Я просто пытаюсь помогать людям и делать работу Бабы.

А затем отвернулась, отмахнувшись от нее и её слов, чувствуя себя обиженной и непонятой.

Она, конечно, была права. «Я больше не знаю, кто я такая, — думала я. — А может, никогда и не знала».

В конце концов, ближе к закату, я заставила себя выйти из палатки и продолжить играть свою роль, как будто ничего не произошло. Я просто не знала, что еще можно сделать.

— Мне уже лучше, — ответила я тем, кто заметил мое отсутствие и спрашивал о самочувствии. — Просто устала.

В последний день фестиваля мы упаковывали вещи, когда к нам подошла Анна и рассказала о фольклорном фестивале, который проходил неподалеку. Она спросила, не хотим ли мы поехать, и пообещала, что нас поселят в отеле. Гостиница — вот что стало решающим фактором. Перспектива принять душ в ближайшие пару часов оказалась неотразимой. Мелькнула тревожная мысль насчет того, что мы на несколько дней пропадем из Петербурга, но я её отбросила. Что может случиться?

Приехав в отель, я удивилась его внушительным размерам. Здание выглядело как образец увядающего величия: облезлый белый фасад, потертые зеленые ковры и

облупившиеся цветочные обои. На стенах и потолке виднелись пятна от воды, но лестница сохраняла свой изящный изгиб.

Нам пришлось предъявить паспорта паре, сидевшей за стойкой регистрации. Коренастая женщина средних лет в яркой бабьей косынке под подбородком и дородный, небрежно одетый мужчина с сигаретой не проронили ни слова. Они просто уставились на нас, сузив глаза. Мы не придали этому значения, решив, что мы первые иностранцы, которых они видели в жизни.

Мы с Анандой Манджулой поплелась вверх по лестнице с сумками в наш общий номер и повалились на кровати. Матрасы были продавленными и бугристыми, но это не имело значения: как всегда, спать нам предстояло на полу в своих спальных мешках.

Я зашла в ванную, чтобы оценить фронт работ, и заметила, что фарфоровая раковина треснула и покрылась подозрительным ржавым налетом. Открыла один кран. Оттуда потекла лишь тонкая струйка рыжевато-бурой воды. Я как раз собиралась попробовать другой кран, когда в дверь настойчиво постучали. В этом стуке было что-то тревожное. Неужели хозяева передумали селить у себя иностранцев? Я вышла из ванной, так как удары стали еще настойчивее — скорее, это походило на пинки.

Пока Манджула открывала дверь, её оттолкнул дородный мужчина в оливково-коричневой форме.

— Где паспорта? — грубо потребовал он на ломаном английском. — Давай паспорта!

Он выглядел вполне официально, так что мы решили не спорить. Направившись к своим кроватям, где в предвкушении распаковки стояли открытые чемоданы, мы принялись рыться в вещах, обмениваясь взглядами в духе «Что теперь?». Не знаю, как Манджула, а я в этот момент перенеслась в прошлое, в Каир, к тем чиновникам, что требовали мой паспорт вместе с паспортом Нарендры. История повторялась!

Выхватив у нас паспорта, мужчина сунул их в карман, даже не взглянув на страницы. Без единого слова он удалился, с грохотом захлопнув за собой дверь.

Почти сразу же, словно наблюдавший за всем этим из своей комнаты, к нам вломился Сергей, а следом Анна и Владимир. Потупив взгляд, он сообщил, что нас только что посетил КГБ. Выяснилось, что наши дружелюбные хозяева связались с ними, и те отреагировали молниеносно.

КГБ! Сердце забило в горле. В голове завертелись мрачные, зловещие образы. Как и все остальные, я была наслышана о КГБ — ужасающие истории о людях, которых увозили в неизвестность. Да и свежие примеры были перед глазами: с тех пор как я приехала в Россию, мне рассказывали леденящие кровь истории о родственниках, сосланных в Сибирь.

— Что это значит? — спросила я, стараясь сдержать дрожь в голосе. — Что они с нами сделают?

— Мы не знаем, — призналась Анна.

Сергей прокашлялся.

— Человек из КГБ сказал мне, что паспорта отвезут в управление и покажут начальству, — сообщил он. — Забирают их, потому что ваши визы действительны только для Петербурга, а значит, вы здесь незаконно.

Мы с Манджулой переглянулись. Думала ли она о том же, о чем и я — о самоуверенных заверениях Сергея, что проблем с поездками за пределы Петербурга не будет, ведь «все так делают»? И, подумалось мне, неужели все так же сталкиваются с визитами КГБ? Я метнула на Сергея упрекающий взгляд, и он опустил голову. Сергей прекрасно знал, во что нас втянул. Сказать было нечего.

Дни шли. Мы сидели в своем гостиничном номере, представляя худшее — себя в медленном поезде, идущем в сибирский трудовой лагерь. Я сидела на бугристом матрасе, вспоминала описание ГУЛАГа в «Одном дне Ивана Денисовича» и видела себя там: снег, леденящий холод, изматывающий труд, голод, медленное угасание... и смерть.

Через четыре дня после изъятия паспортов нас вызвали в штаб-квартиру КГБ на допрос. Наши русские друзья сопровождали нас. Сергей выступал в роли нашего защитника, так как лучше всех говорил по-английски. Несмотря на его молодость и отсутствие официальных полномочий, вся надежда была на него. Он должен был убедить КГБ, что мы — невинные туристы, не имеющие злых намерений, что мы усвоили урок, больше никогда не повторим ошибок и немедленно отбудем в Санкт-Петербург. Упомянет ли он, что это он сам подбивал нас покинуть город? Мы сомневались. «Он хочет избежать сибирских зим точно так же, как и мы», — сказала я Ананде Манджуле.

На допрос мы оделись как можно скромнее — в свою гражданскую одежду, благодаря Бабу за то, что у нас с собой были приличные вещи. Пока собирались, мы отвлекались на детали своего туалета, чтобы забыть, как сильно на самом деле мы напуганы. А затем вышли за дверь. Спускаясь по некогда грандиозной лестнице, я задавалась вопросом: вернемся ли мы сюда?

Снаружи мы сели в разбитую «Ладу» и отправились в путь. Никто не проронил ни слова. Пока машина тарыхтела по улицам, я смотрела в окно. Возможно, это были мои последние мгновения свободы.

Когда мы прибыли, меня заставили ждать в коридоре — узком, мрачном, плохо освещенном, с древними плакатами серпа и молота, с отслаивающимися от грустных стен объявлениями, где не было ни одного цвета, кроме бежевого и темно-коричневого. У нас было время осознать свое положение. Как бы плохо ни было вокруг, я была убеждена: самое худшее еще впереди. Офицеры КГБ продержали нас в ожидании, которое казалось бесконечным.

Наконец нас вызвали в кабинет.

— Мы можем арестовать вас, понимаете? Должны арестовать, — произнес один из офицеров. Мы кивнули. Я подумала об австралийских чиновниках, которые сыпали такими же угрозами. Тогда все закончилось хорошо. Может, и в этот раз пронесет?

После многочасового разноса они вернули нам паспорта и отпустили, не забыв предупредить о страшных последствиях в случае повторения инцидента. Больше не повторится, заверил их Сергей.

Той же ночью мы уехали в Санкт-Петербург. Будь у меня возможность, я бы сейчас же осушила пару стопок водки. Мы провели долгие часы в медитации, обдумывая, как

близко подошли к тому, чтобы исчезнуть с лица земли. От нас не ускользнуло, что случись это несколькими годами ранее, мы бы вполне могли оказаться в поезде, идущем в Сибирь. Перестройка, скорее всего, спасла нас. И Баба тоже. Тот факт, что Баба скончался, ничего не менял — мы верили, что его милость всегда была с нами.

Глава 27. Последняя капля

Я не успела как следует осмыслить свое чудесное спасение из России, потому что мне предстояло ехать на летний ретрит в Польшу. Дады недавно приобрели участок земли недалеко от города Еленя-Гура на юго-западе страны. Они жаждали похвастаться приобретением и прорекламировали то, что называли «Неогуманистическим экологическим фестивалем», в публикациях Ананда Марги по всей Европе.

Я не питала особого энтузиазма. Я уже посещала это имение осенью предыдущего года, когда там проходило небольшое собрание для местных марги. Основываясь на том опыте, я втайне сомневалась в целесообразности проведения там крупного ретрита. Хотя местность была живописной, с виднеющимися вдали горами, здание на участке оставляло желать лучшего. Это был сырой и продуваемый всеми ветрами старый фермерский дом, которому требовался капитальный ремонт, чтобы сделать его пригодным для жилья. Единственная ванная комната с темной от плесени и грязи плиткой была размером с чулан и не имела горячей воды.

Купание во время осеннего ретрита стало для меня настоящим испытанием. Добраться до ванной было непросто, учитывая, что ею пользовались человек двадцать. А уж внутри холодная вода и отсутствие места для маневра не добавляли удовольствия. Я недоумевала, почему меня это так задевает; в конце концов, я видела вещи и похуже во время своих путешествий по Индии и Ближнему Востоку. В былые годы мне удавалось мыться в грязных уборных во время двух- или трехдневных поездок на поездах, при этом умудряясь сделать так, чтобы одежда при раздевании и одевании не коснулась пола — это было предметом гордости и даже своего рода драйвом.

Теперь же всё это стало казаться какой-то постылой рутинной. Ко всему прочему, к геморрою добавились хронические запоры. Во многих наших центрах был лишь один туалет; когда приспичивало, он вечно был занят. А стоило дожидаться своей очереди, как либо желание проходило, либо мысли о том, что снаружи кто-то ждет, заставляли меня так напрягаться, что ничего не выходило. Постоянные переезды и таскание тяжелых сумок тоже начали изматывать. Я все острее осознавала, что меня окружают почти исключительно молодые люди, многие из которых вдвое младше меня. «Это действительно для молодых, — часто думала я. — Они могут вынести такой образ жизни». Я медленно приходила к осознанию того, что сама уже больше не могу.

На осеннем собрании я заметила еще одно жилье — маленький, совсем разваливающийся домик по другую сторону дороги, чуть поодаль от главного дома. Планировалось, что на предстоящем ретрите там разместятся диди и сестры, и мне говорили, что дада изо всех сил старались привести его в хоть сколько-нибудь пригодный вид.

Приехав на ретрит, я поняла, что их попытки успехом не увенчались. Мы, диди, набились в одну душную и пыльную комнату, разложили спальные мешки в ряд и спали штабелями, как шпроты в банке. Единственный туалет для всех женщин располагался в проходном месте без двери. Это означало, что когда ты идешь по нужде или пытаешься умыться, к тебе в любой момент может зайти кто угодно. Мои запоры только усилились.

Однажды утром я проснулась в подавленном состоянии и просто не могла заставить себя подняться. Я лежала на спальном мешке, пока остальные диди заканчивали свои практики и надевали форму, готовясь к выходу. Никто не сказал мне ни слова. Вскоре я осталась совсем одна.

По мере того как день клонился к вечеру, в комнате становилось все жарче. Я твердила себе, что пора встать, но сил не было. Знакомое чувство, будто я лежу на самом дне глубокой ямы, поглотило меня целиком. Одна мысль об усилиях, которые потребуются, чтобы взобраться по её стенам, изматывала. Так я и лежала.

Диди вернулись перед обедом, снова ушли и вернулись уже вечером, чтобы сделать асаны перед вечерней дхармачакрой. Они переступали через меня, словно я была бревном или каким-то неодушевленным предметом. Никто не спросил, что случилось, не больна ли я, не расстроена ли.

Когда они ушли на вечернюю медитацию, не проронив ни звука, я решила, что с меня хватит. Весь день я вынашивала план побега; и когда день подошел к концу, а никто из моих так называемых «сестер» не проявил ни капли заботы или сострадания, я окончательно утвердилась в своем решении.

«Анандамарги так много говорят о служении человечеству, — думала я. — Мы носимся с места на место, от одного проекта к другому, но даже не умеем позаботиться друг о друге. Мы не считаем важным проявлять внимание к ближнему». Я вспомнила тех больных женщин на верхних этажах офиса диди в Тилджале и шуточки о том, что там можно умереть — и никто даже не заметит. Диди и дада, как правило, вообще не заботились о себе: вечные разъезды, плохое питание, недосып.

Будучи молодым, конечно, думаешь, что будешь здоров и проживешь вечно. «Медицинская страховка для сотрудников? Какая трата денег! Баба обо мне позаботится». Такой позиции я придерживалась годами. До сих пор я ничем серьезным не болела, если не считать того испуга с опухолью в груди. Но что будет, когда я состарюсь? Я же не могу рассчитывать, что удача будет сопутствовать мне бесконечно?

Может, диди не проявили ко мне сочувствия из-за правил поведения — или из-за отсутствия такового. В конце концов, не существовало правила, обязывающего работников заботиться друг о друге. А правило о принятии страданий как награды приучало верить, что лучшие работники — это те, кто страдает ради миссии без жалоб. «Наверное, они думают, что я нарушаю это правило, и поэтому не хотят иметь со мной ничего общего», — гадала я. Но какова бы ни была причина, с меня довольно. Я была готова покинуть ретрит — а возможно, и саму Ананда Маргу.

Перед самым рассветом следующего дня я поднялась, упаковала свои скудные пожитки, перешагнула через спящие тела диди, максимально тихо спустилась вниз и покинула здание. Глядя в небо, я увидела лишь слабый проблеск приближающегося рассвета. Было приятно прохладно, но я знала, что эта свежесть недолговечна. Я быстро зашагала по грунтовой тропинке, на ходу набрасывая примерный план действий, пока преодолевала милю или две до дороги, где можно было сесть на автобус до вокзала в

Центруме. Я надеялась, что ждать придется недолго. Затем будет автобус до Еленя-Гуры, а там и поезд до Франкфурта. Но в этот раз я не поеду в Майнц, где располагался офис диди. Разумеется, оставаться там было нельзя. Но где тогда остановиться и у кого? Тут я вспомнила о Вините, немецкой сестре, которая раньше была диди. У меня был её адрес во Франкфурте. Наверняка она отнесется с сочувствием к моему бедственному положению и позволит остановиться у нее.

Добравшись до дороги, я положила сумку и села на неё. Было воскресенье, автобусы ходили редко. Я чувствовала себя как на ладони, опасаясь, что кто-то из дад или диди, проезжавших мимо, увидит меня. Прошел час, потом другой. Солнце поднималось все выше, начинало припекать. Редкие проезжавшие машины поднимали облака пыли, которые оседали на моей одежде. После бесконечного ожидания наконец появился автобус. Возблагодарив Бога за то, что никто меня не увидел, я запрыгнула в него.

Это был день поста, и меня мучила яростная жажда. Если бы я сделала глоток, это был бы «ич» (нарушение) — я бы прервала пост. Но я решила не поститься. «Слишком много всего: дорога, жара...» — убеждала я себя.

На автовокзале я пересчитала свою скудную коллекцию злотых и купила бутылку воды и немного снеди, какие нашлись в воскресный день. Водянистое мороженое я поглощала с мрачным видом. Вкуса у него почти не было, и утешения оно не принесло. Подало голос духовное суперэго: «Вот что бывает, когда выбираешь жизнь чувств», — укоряло оно меня.

«Именно это сказали бы все те диди и дады, если бы увидели меня сейчас, — думала я. — Стояли бы такие добродетельные, постясь, и смотрели бы на меня с жалостью. „Она выбрала путь в ад, путь чувств“, — сказали бы они и вздохнули». Но свобода самой принимать решения была приятна, пусть даже мороженое — нет.

Я добралась до Франкфурта уже в сумерках. Начала искать жилье Виниты, устало волоча свою сумку, которая, казалось, весила теперь в два раза больше. Я была вся в пыли и голодна, и впервые до меня дошло, что Виниты может не оказаться дома. Что я буду делать тогда?

К счастью, она была дома. Она приветливо встретила меня, выслушала мой рассказ и предложила остановиться в её свободной комнате на столько, сколько мне потребуется. Я направилась в душ, а затем легла в постель и проспала крепче, чем за последние несколько дней.

На следующее утро мы с Винитой долго разговаривали.

— Тебе стоит все тщательно обдумать, — сказала она. — В чем-то я действительно скучаю по той жизни, что была у меня в качестве диди.

— Охотно верю, — ответила я, — но ты бы согласилась вернуться обратно?

Мало кто из ушедших когда-либо возвращался. Это был нелегкий шаг. Нельзя было просто вернуться и сказать: «Я снова диди»; нужно было заново проходить обучение. Для человека сорока с лишним лет, много лет державшего садхану, возвращение в тренировочный центр было бы суровым испытанием; вокруг тебя были бы одни эти чрезмерно восторженные девятнадцати- и двадцатилетние, которые наверняка смотрели бы на тебя как на «падшую». Винита, конечно, все это прекрасно понимала.

Высокая и худая, с простым, усыпанным веснушками лицом, она обладала удивительно нежной улыбкой. Она улыбнулась и теперь.

— Ну, нет, раз уж я ушла, то назад не вернусь, — ответила она, — но тебе стоит все обдумать, прежде чем сделать этот шаг.

— Я уже много думала. Этот ретрит стал просто последней каплей.

Впрочем, были и чисто практические соображения насчет ухода. Первое — деньги. Мне требовалась немалая сумма не только на билет на самолет, но и на жизнь первое время после возвращения в Штаты. Как обычно, денег не было. Но сбор средств, думала я, не должен быть слишком сложной задачей. Я пекла пироги, делала кучу всяких сладостей, красила рождественские узоры на окнах, выращивала кинзу, продавала карандаши и ластики — и все это ради миссии. Уж неужели я не придумаю способ собрать деньги на свои собственные нужды? Но где жить по прибытии — это была настоящая проблема. Та холодная ночь на вокзале Тридцатой улицы в Филадельфии в попытках скрыться от охраны до сих пор стояла перед глазами. «Никто из родственников не захочет иметь со мной ничего общего», — думала я.

По правде говоря, я помышляла об уходе еще до ретрита — и не раз. Дилемма «куда податься по возвращении в Штаты» всякий раз напрочь отбивала охоту продолжать эти размышления. Каждый раз, когда я представляла себя там, я видела себя «коробейником» с вечно растрепанными волосами, блуждающим по улицам Филадельфии с парой пластиковых пакетов с пожитками, дерущимся с другими бездомными за место у вентиляционной решетки, чтобы хоть как-то согреться в лютые зимние ночи.

Я прожила у Виниты около недели. Каким-то образом диди прознали, где я. Позвонила Ананда Преяси:

— Мадхучанда, — сказала она, — просто приезжай сюда и отдохни столько, сколько потребуется.

Я позволила ей уговорить себя вернуться в Майнц.

Проходили месяцы. Остаток лета и всю осень я прожила в комнате диди, и, за исключением собраний RDS, я была предоставлена сама себе. Диди, заходившие время от времени, в основном старались меня не замечать, предоставляя как можно больше пространства — или просто избегая. Это заставляло меня вновь задаваться вопросом, есть ли им хоть какое-то дело до меня. Ананда Преяси отправила меня на месяц-другой в Россию, надеясь, что эта поездка «вдохновит меня заново», но чуда не случилось.

Почти каждый день я отправлялась на долгие прогулки по центру или по парку недалеко от офиса в Майнце. Я крутила в голове проблему с жильем по возвращении в Штаты, надеясь нащупать хоть какое-то решение. Но ничего не приходило. Я чувствовала себя в тупике. Я больше не хотела жить так, как жила. Та роль, которую я играла, мне больше не подходила. Возможно, я переросла её, или, может, съежилась духовно и больше не могла заполнить собой свои монашеские одежды. Какова бы ни была причина, мне приходилось признать факт: жизнь ачарьи — больше не для меня.

И все же, как я могла уйти? Мне негде было жить, и тысячи часов мучительных раздумий не помогали найти ни адреса, ни знакомого, у которого можно было бы остановиться. Я не могла обратиться ни к одному из своих братьев. Бэрри был исключен из списка, а у

Дэвида была маленькая квартира, да и наверняка там вечно ошивалась какая-нибудь подружка. Моя богатая тетушка? Ни за что. Дядя? Он жил где-то в Калифорнии. Друзья? Я почти двадцать лет была вне страны и потеряла связь со всеми. Единственные люди, которых я знала, были марги, а останавливаться у них я не хотела. Они будут осуждать, а я и так занималась самобичеванием достаточно. (Да и гарантии, что марги мне помогут, не было. В какой-то момент я связалась с Анджали, американской диди, которая покинула организацию, вернулась в Штаты и жила в Кливленде. Я позвонила ей и спросила, можно ли остановиться у неё на пару недель. Она мне отказала).

Так я и бродила изо дня в день, не находя решения своей дилеммы. Дошло до того, что всякий раз, проходя по путепроводу над автобаном, я останавливалась, глядя на проносящийся внизу поток машин, и ловила себя на мысли о прыжке.

Близились Рождество, а с ним — шанс подзаработать на билет. Один марги, каждый год торговавший украшениями на ярмарке в паре часов езды от Майнца, рассказал мне о возможности подработать: можно продавать рождественские трафареты для окон. Звучало не слишком многообещающе, но любая копейка была в помощь, и я согласилась.

Я доехала на автобусе до города и заселилась в местный молодежный хостел. Там было дешево, а поскольку был несезон, я жила в комнате одна и могла спокойно делать свои медитации и асаны, не объясняясь ни с кем.

Каждое утро я уходила из хостела на базар, расположившийся на городской площади. По обе стороны площади тянулись вереницы ярко украшенных деревянных киосков, владельцы которых открывались на заре. Из динамиков постоянно гремела рождественская музыка, в особенности одна песня: «O Tannenbaum, o Tannenbaum, wie treu sind deine Blätter...». Было холодно. У большинства торговцев в киосках стояли переносные обогреватели. Я же согревалась, прыгая на месте и дыша на замерзшие руки. Всякий раз, когда люди останавливались у моего прилавка, я показывала им трафареты с елочками, колокольчиками и Дедами Морозами. Я справлялась. Успела выучить основные слова для простейшего описания товара и цифры, чтобы считать выручку.

— Ja, ja, das sind Fensterbilder (Да, да, это трафареты для окон), — говорила я, мудро кивая головой. И только когда покупатели начинали строчить в ответ что-то на немецком, а я лишь тупо улыбалась или прочищала горло, они понимали, что языка я не знаю. Тем не менее, несмотря на языковой барьер, мне удалось продать изрядное количество трафаретов. Бизнес не то чтобы процветал, как у соседей, но мои усилия и замерзшие руки были вознаграждены. Я вернулась в Майнц, имея на руках как раз ту сумму, что была нужна на билет в один конец до Нью-Йорка.

Теперь, когда деньги были на руках, мою голову заняла новая тревога: как сообщить диди эту новость и как попрощаться с организацией, которая столько лет была моей семьей? Эта забота, в придачу к нерешенному вопросу с жильем, постоянно терзала меня. Однажды, устав от этих раздумий, я импульсивно сбросила вещи в чемодан и отправилась в аэропорт Франкфурта, планируя взять билет на ближайший рейс до Штатов. Однако до того, как я успела купить билет, меня выследила троица заботливых диди и притащила обратно в Майнц. Возможно, именно их проявленная ко мне забота

убедила меня поехать с ними, но было ясно одно: я все еще не знала, чего хочу. Если бы я действительно решила уйти, я бы их не послушала.

Ананда Пряеси немедленно усадила меня за стол и прочитала проповедь о катастрофических последствиях ухода из жизни full-time сотрудника.

— Мадхучанда, — вещала она, — если ты уйдешь, ты никогда не будешь счастлива. Твой разум находится на столь высоком уровне, что ты никогда не приспособишься к такой приземленной, материалистической жизни.

Она принялась рассказывать страшные истории о диди, которые ушли из организации и скатились на самое дно. Эти рассказы заставили меня призадуматься. Позже, однако, мне пришло в голову, что речь шла об индийских диди, у которых не было других путей. У индийской диди, решившейся на такой шаг, была лишь одна альтернатива: замужество. Если же она была слишком стара для этого, то в традиционном индийском обществе ей просто не находилось места. У меня, как у американки с университетским дипломом, были и другие варианты, и я была за это благодарна.

Ананда Пряеси знала о некоторых моих претензиях к организации и предложила поехать в Индию, чтобы обсудить все свои сомнения с Генеральным секретарем, Дадой Сатьяджитанандой. «Просто поезжай и поговори с GS Дадой, — твердила она. — Расскажи ему все. Я уверена, он выслушает и постарается помочь».

Я понимала, что Сатьяджитанда не станет менять культуру организации и уж точно не будет прислушиваться к моим советам. Так какой смысл был в этом разговоре? Сомневаюсь, что он вообще нашел бы время на встречу со мной. Да и чем бы разговор с ним помог в сути моей дилеммы: как продолжать работать в роли, которая больше не вызывает вдохновения? Это был духовный вопрос между Бабой и мной, а не то, что мог бы решить визит к GS Даде.

Тем не менее, понимая, что шансы изменить мое мнение стремятся к нулю, я решила попробовать. «Может, просто пребывание в Индии поможет», — подумала я. Мне нечего было терять — кроме с трудом заработанных денег на билет.

В Тильджалу я прилетела в середине февраля. На следующий день пошла в офис Сатьяджитананды. К моему удивлению, он радушно принял меня; видимо, его уже поставили в известность о моей ситуации. Будучи одним из самых старших западных работников, я, вероятно, стоила того, чтобы попытаться предотвратить моё «падение», спасти от свалки разгульного материализма, процветающего в обычном мире. Я представляла, как они сидели и обсуждали эту проблему, гравитационно покачивая головами в тюрбанах и вуалях: «Такой ценный работник, — должно быть, говорили они, — нужно сделать всё возможное, чтобы спасти её».

У меня было несколько встреч с Сатьяджитанандой. Каждый раз, приходя к нему, я стояла в коридоре среди других работников в ожидании своей очереди. Там не было ни стульев, ни места — мы толпились в узком коридоре рядом с лестницей, где постоянно протискивались другие люди. Порой оранжевое море ожидающих сотрудников заполняло коридор и выплескивалось вниз по лестнице. GS Дада выходил к двери, чтобы пригласить следующего работника, замечал меня, улыбался и говорил: «А, Мадхучанда. Я встречу с тобой чуть позже, хорошо?», склоняя свою голову в тюрбане и теребя кудрявую бороду с проседью. Как только он освобождался, я обычно заходила следом или после одного-двух человек.

Наши беседы затрагивали широкий круг вопросов. Я подробно рассказывала об Ананде Судхе и том, как оскорбительно она обращалась со мной и другими работниками, приводила факты и спрашивала, как человек, приносящий такой вред работникам и миссии в целом, может продолжать занимать столь важную должность. Дада слушал и кивал. Казалось, он мне сочувствовал, но не обещал ничего, кроме расплывчатого «Я разберусь». Мы обсуждали и другие темы, включая положение женщин в организации. Сатьяджитананда всегда слушал с сочувствием, но не давал никаких обещаний насчет перемен. «Приходи в то же время», — говорил он после каждой встречи. — «Я всегда рад с тобой поговорить». Затем улыбался. Я благодарила его, делала намаскар и уходила, а следующий человек в очереди проходил мимо меня, направляясь к нему.

Но я так и не смогла заставить себя поговорить о главном. Я видела в нем только руководителя организации, а не того, кто вдохновил бы меня открыться в моей духовной дилемме. Он не спрашивал, а я не говорила.

Ничего в судьбе Ананды Судхи так и не изменилось. В конце концов, гласила молва, Сатьяджитананда знал её с тех пор, как был мальчишкой в детском доме Ананда Марги. Как можно было ожидать, что он предпримет хоть какие-то меры? Не знаю, правда ли это, но суровый факт был таков: Ананда Судха всегда привозила с собой на каждую RDS приличные суммы наличными — деньги, выжатые из австралийских марги и проектов. «Пока она приносит деньги, с ней ничего не случится», — судачили циники. И они были правы: с ней никогда ничего не случалось.

В марте я отправилась в Ананда Нагар, намереваясь провести интенсивную садхану на холмах Каошики, где, согласно преданиям, великие садху достигали просветления на протяжении веков. По словам Бабы, это были одни из древнейших гор на планете; время и эрозия превратили их некогда высокие пики в разбитые, изрезанные, голые холмы. Я надеялась, что тонкие вибрации этого места помогут мне заново посвятить себя жизни full-time сотруди́ка.

Однажды я взобралась высоко наверх и медитировала, пытаюсь впитать вибрации тех, кто был здесь до меня. В этом суровом пейзаже и после дней, проведенных с индийскими преданными и работниками, мое смятение казалось мелким *sturm und drang* (бурей и натиском) маленького эго, как говорят немцы. Закончив садхану, я часами сидела там, глядя на пустынную долину, наблюдая за игрой красок по мере того, как день клонился к вечеру, писала стихи и пыталась разжечь в себе вдохновение. Я спустилась лишь тогда, когда закат окрасил небо в мягкие оранжевые и пурпурные тона.

В конце апреля я вылетела из Дели обратно в Германию. Вскоре после возвращения я осознала: мне пора уходить. Поездка в Индию лишь отсрочила неизбежное. Ничто из того, что сказал GS Дада, не изменило моего решения. Возможно, если бы он пообещал хоть что-то сделать по затронутым мной вопросам, это что-то бы поменяло. Хотя сомневаюсь. В конечном счете все упиралось во вдохновение, а я его потеряла. Если два месяца медитаций в самом сердце организации не смогли его возродить, я была уверена, что уже ничего не поможет.

В конечном итоге я больше не хотела быть лицом Ананда Марги. Продолжать это означало лгать самой себе. Я больше не хотела быть монахиней. Я хотела отношений, и хотя знала, что может быть уже слишком поздно, я хотела семью. Годы презрительного отношения к материнству остались далеко позади. Теперь я хотела ребенка больше всего на свете — а время неумолимо уходило.

Тем временем мне удалось раздобыть самый свежий номер телефона Майтрейи в Филадельфии. Она отличалась от других марги. Будучи старше, она стала для меня чем-то вроде материнской фигуры, и я была уверена, что она не будет меня осуждать. Майтрейи не раз выручала меня из передрыг в прошлом, включая тот случай, когда позвонила моим родителям; может, она поможет и сейчас. Поначалу я не решалась на звонок. Я металась из стороны в сторону, боясь, что её номер уже не работает или, что еще хуже, она не сможет или не захочет меня принять. «Если это случится, — говорила я себе, — это будет конец. Мне придется остаться и жить той ложью, что я жила с тех пор, как угасло мое вдохновение; другого выбора не будет».

Однажды днем я в очередной раз оказалась у телефона-автомата. Сняла трубку, глубоко вдохнула, набрала номер. Когда раздались гудки, потребовалось недюжинное усилие воли, чтобы не бросить трубку. Сердце пропустило удар, когда Майтрейи ответила. Она обрадовалась моему голосу, а я сбивчиво начала объяснять, что собираюсь на время вернуться в Штаты и мне нужно где-то остановиться. В подробности я не вдавалась — я всё еще не могла произнести фразу «уйти из Ананда Марги» даже про себя, не говоря уже о том, чтобы сказать это другим.

— Конечно, ты можешь остановиться у нас, Диди, — ответила Майтрейи. — Просто дай знать, когда прилетишь в Филадельфию, и мы тебя встретим.

Я выдохнула, и меня захлестнула волна облегчения и благодарности. Поблагодарив её, мы попрощались. Вешая трубку, я заметила, что ладонь, державшая её, взмокла от пота.

Теперь оставалось купить билет и уйти из организации с минимальными душевными потерями. Хотя я знала, что уйду навсегда, я была еще не готова признаться в этом открыто. Я просто попросила и получила разрешение поехать в Штаты на время, «чтобы уладить кое-какие дела». Поскольку в глазах организации я уезжала временно, одна диди даже дала мне немного денег.

— У тебя должно быть хоть что-то в кармане, пока ты там, — сказала она, оставляя при себе ожидание, что я скоро вернусь. Другая диди снабдила меня документами с описанием наших поставок продовольствия в детские дома России; я отчасти убедила себя, что попытаюсь заняться сбором средств.

Помимо Диди Арпаны, никто не пытался отговорить меня от поездки. Казалось, все остальные смирились с легендой о моей временной отлучке. Возможно, они знали, что я уезжаю не на короткий срок, и предпочли промолчать, потому что чувствовали, что я уже — падшая душа. Ананда Преяси, конечно, пыталась предостеречь раньше, рассказывая, что будет, если я уйду, но теперь молчала. Её давние предсказания о том, что я никогда не буду счастлива, наложили свой отпечаток, но страх больше не мог меня остановить.

Арпана, однако, сделала всё, что могла.

— Мадхучанда, — её голос дрожал, — боюсь, ты не вернешься. — А затем заплакала.

Я знала Арпану еще с тех времен в Денвере, когда мы обе были юными марги. Она была исключительно добродушной и мягкосердечной душой, но хотя она была диди уже много лет, организация так и не сочла её достойной статуса авадахутики. По какой-то причине они решили, что она к этому не приспособлена. Может, из-за нехватки уверенности в себе. Но Арпана была самоотверженным человеком, который брался за любую работу, от которой другие воротили нос. Она пахала больше всех: водила наш

микроавтобус (ужасное корыто без гидроусилителя) и развозила диди, у большинства из которых не было прав, на все собрания и мероприятия. Она также тянула на себе всё, что было связано с нашими торговыми палатками: упаковывала товар, вела машину, работала за прилавком, а возвращаясь, сама разгружала оставшийся товар — порой в полном одиночестве. Её просьбы трогали меня куда сильнее, чем мольбы других.

— Не переживай. Со мной всё будет в порядке, — ответила я, смахивая слезы, когда мы в последний раз обнялись.

Глава 28. Возвращение в мир

В сентябре я вылетела из Франкфурта в Нью-Йорк. По сравнению с большинством моих прошлых путешествий, в этот раз я ехала налегке: после того как я отдала Ананда Марге почти половину своих сорока трех лет, все мое личное имущество уместилось в одну сумку скромных размеров. Правда, несколько коробок я оставила в кладовой на третьем этаже офиса в Майнце (словно говоря: «Видите? Я еще вернусь»): там остались форма, гитара, несколько книг, фотографии и тетради в мягких обложках, исписанные историями о моих посещениях Бабы в тюрьме и другим опытом. С собой я взяла второй комплект формы, пару журналов Ананда Марги с моими стихами и статьями, а также документы о нашей гуманитарной работе в России. Еще у меня было двести пятьдесят долларов — сумма, которая в то время казалась мне совсем не лишней.

В Нью-Йорке первое, что поразило меня — размеры всего окружающего. Сидя в такси по пути на автобусную станцию, чтобы добраться до Филадельфии, я смотрела на машины, которые казались мне размером с корабли по сравнению с теми, к которым я привыкла в Германии, и они двигались по улицам, широким, как реки. Хотя с момента моего последнего пребывания в Штатах прошло не так уж много времени, всё вокруг казалось чужим и странным. Прошли долгие месяцы, прежде чем я перестала чувствовать себя иностранкой в собственной стране. (Ощущение того, что всё вокруг чрезмерно увеличено, преследовало меня еще долго. Помню, как в первый же визит в супермаркет я пришла в шок не столько от размеров магазина, сколько от тележек, которые были почти в два раза больше своих немецких аналогов).

Когда мой автобус прибыл в Филадельфию, на вокзале меня уже ждали Майтрейи с мужем Хербом. Было так приятно их видеть. Мы с Майтрейи обнялись, и она спросила, не проголодалась ли я. Я ответила утвердительно, и она предложила поехать в Чайна-таун, всего в паре кварталов от автовокзала. Мы проехали под богато украшенными китайскими воротами, нашли парковку и зашли в один из ресторанчиков, теснившихся по обе стороны улицы. Твердо решив оставаться вегетарианкой и продолжать избегать лука, чеснока и грибов, я заказала довольно пресное овощное рагу с тофу. Но этот первый обед в качестве «бывшей ачарьи» принес чувство освобождения, ведь monastic-работникам по правилам не полагалось есть в ресторанах. «Даже саттвичная еда, принятая в ресторане, будет считаться тамасичной», — гласило правило поведения. Как и большинство работников, я время от времени нарушала его по необходимости, но чувствовала себя при этом не очень хорошо. Теперь же я могла есть в ресторанах без тени вины.

У Майтрейи с Хербом была свободная спальня, но я собиралась жить в гостиной, потому что через пару дней из Денвера должна была приехать одна из их дочерей — Марси. Я собиралась спать на полу, как и всегда. Я бы так поступила, даже будь у меня отдельная спальня — я была еще не готова спать на кровати.

«Я не собираюсь выбрасывать все правила поведения в окно», — говорила я себе. Поэтому каждый вечер я расстилала спальный мешок, а по утрам сворачивала его и убирала. По крайней мере, мой ночлег мало чем отличался от жизни, оставленной в прошлом. Я также продолжала свои практики, хотя медитации стали короче, а занятия асанами свелись к одному разу в день. Всё остальное в моей жизни, впрочем, почти не имело ничего общего с тем, что я вела столько лет.

На следующее утро после прибытия я вышла из квартиры, прошла по улице и наткнулась на Рузвельт-бульвар. Это была двенадцатиполосная магистраль — по шесть полос в каждом направлении. Помню, как стояла там, онемев от её масштабов, и разинув рот смотрела на автомобили, несущиеся на бешеной скорости. Наконец я взяла себя в руки и рискнула перейти. Сигнал светофора сменился на красный, когда я была еще на середине, так что пришлось перейти на бег. Перебравшись на ту сторону, я дошла до небольшого торгового центра, который заметила ранее, и нашла маленький книжный магазин. Провела там несколько часов, листая книги, и в итоге купила в мягкой обложке книгу о принятии себя. Это была моя первая покупка в качестве частного лица, никак не связанная с ролью ачарьи за последние восемнадцать лет, и я чувствовала из-за этого какую-то вину. Стану ли я тем самым материалистичным человеком, которого так долго презирала? Что принесет мне жизнь теперь, когда я просто обычный человек, а не кто-то возвышенный с великой миссией? Весь день простирался передо мной пустым и незапланированным — без поездов и автобусов, без RDS, без кого-то, кто указывал бы, что делать и куда идти. Нужно было делать лишь то, что я сама решу. Это было непривычно, захватывающе — и, чего греха таить, пугающе.

Спустя несколько дней я отправилась на свою первую прогулку в большой парк напротив многоквартирного дома Майтрейи. Я привыкла подолгу гулять там, шурша опавшей красно-желтой листвой в еще теплые октябрьские дни. В парке был ручей, и я могла часами сидеть у воды, наблюдая за игрой солнечных бликов, иногда сочиняя стихи, пока листья, цеплявшиеся за свисавшие над ручьем ветви, один за другим падали, кружась в грациозном танце, прежде чем их подхватывало течение и уносило вниз.

Я знала: впереди ждут тяжелые дни. Скоро мне придется связаться с братьями, тетей и дядей — и встретиться с их гневом, а возможно, и неприятием. Придется вернуть свое старое имя; в паспорте я значилась как Ханна Хартт, и это имя я теперь никак не могла использовать. Придется как-то искать работу. Но еще до этого нужно было придумать, как составить резюме и объяснить все эти годы отсутствия. Я понимала, что уйдет много времени, прежде чем я разберусь в своих чувствах по поводу Ананда Марги: вине за уход и нарушение обетов, смятении по поводу Гуру и моих с ним отношений, а также в злости на то, как со мной обращались, и на потерю всех тех лет, лучших лет моей жизни. Потребуется время и на то, чтобы набраться смелости и взглянуть правде в глаза относительно лжи, которую я говорила родителям, и того, как эта ложь на них отразилась.

Но все это было в будущем. А пока было так хорошо просто сидеть у ручья и слушать веселое журчание воды, пробегающей мимо.

Глава 29. Двенадцать лет спустя: Письма

Через несколько недель после моего возвращения в Штаты брат Бэрри вручил мне пакет с бумагами.

— Мама с папой хранили все твои письма, — сказал он.

— Спасибо, — это все, что я смогла выдать. Я принесла пакет домой и положила в нижний ящик письменного стола.

Всякий раз, когда я садилась за стол и открывала этот ящик, я чувствовала, как письма ждут меня, и понимала: однажды мне придется их прочесть. Я боялась того, что найду там: ту, прежнюю себя, которая наговорила родителям столько лжи. Я не хотела погружаться в подробности, беречь боль и чувство вины. Если бы не написание этой книги, возможно, я откладывала бы это вечно.

Прошло почти двенадцать лет с тех пор, как я вернулась. Я вышла замуж, мы с мужем Дэвидом дважды переезжали; и всякий раз письма в том же самом пакете перекочевывали в другой стол, так и оставаясь непрочитанными. Я знала, что день «Х» приближается. В это время я пыталась отстраниться эмоционально и подготовить себя к этому моменту, воспринимая письма как документы — своего рода археологические артефакты.

Однажды днем я глубоко вздохнула и открыла нижний ящик стола. Достала пакет, отнесла его в наш кабинет и выложила на стол перед мужем. Он работал за компьютером.

— Что это? — спросил он.

— Письма, — ответила я. Дэвид знал об их существовании.

Я придвинула стул и открыла пакет. Вот они — все в своих оригинальных конвертах. Я ожидала увидеть все письма, которые отправляла родителям, но беглый взгляд на марки показал, что все они были из Австралии, с примесью нескольких из Американского Самоа.

— Тут нет ничего из Израиля или Фиджи, — озадаченно сказала я.

Я планировала вскрыть их все и прочесть по порядку. Вместо этого наугад вытащила одно. Датированное 28 января 1983 года, оно было написано на той самой тонкой рисовой бумаге, которую я использовала, чтобы сэкономить на почтовых расходах.

Дорогие мама и папа,

Получила ваше письмо около недели назад. Должна сказать, я очень расстроена тем, какие письма вы мне шлете, мне даже отвечать на них не хочется. Что, по-вашему, я сделала с деньгами? Зачем вы просите копию купчей и фотографии? Мне кажется, вы не верите, что я купила на эти деньги землю.

Земля. Все сводилось к этому — как я уговорила родителей дать мне деньги на покупку земли для Ананда Марги.

Я думала, вы поймете из моего ответа, что у меня теперь своя личная жизнь, и я не связана с Ананда Маргой так, как раньше. Помню, когда я виделась с вами в Филадельфии, вы говорили, что не имеете ничего против моего членства — лишь бы это не становилось смыслом всей моей жизни. Так что я следую вашему совету — я все еще член организации, но у меня своя личная жизнь. Когда я просила у вас денег на землю, я говорила, что больше не занимаю ту же должность в организации (не ношу форму и не посвящаю ей всю жизнь), но по-прежнему остаюсь её членом. К чему вся эта суета?

Худшего письма для начала чтения нельзя было и придумать. Я протянула его Дэвиду.

— Это ужасно, — проронила я.

Я взяла другое письмо, потом еще одно, опустошенная отношением, которое они обнажали, и деталями моей двуличности. Перечитывая их, я припомнила, что выманила у родителей деньги под предлогом покупки земли для себя, но деталей не помнила. Теперь же я стояла лицом к лицу с изощренной паутиной лжи, которую сплела, чтобы поддержать ту, самую главную ложь.

Я читала письмо за письмом, пока не усвоила их все, глотая одну горькую пилюлю за другой, пораженная тем, как я брала полуправду — о земле, преподавательской работе, замужестве — и извращала её.

Покупка земли, конечно, не была сплошным враньем. Земля действительно покупалась. «Общая стоимость земли составляет 16 000 долларов», — писала я. «Мы заключаем невероятную сделку по причинам, о которых я писала ранее. Моя доля — 8 000 долларов». Но «мы» — это были не я и моя подруга Карен (она родом из Британии, теперь живет в Австралии, тоже учительница) — это была Ананда Марга.

Как только они прислали деньги, у меня хватило наглости просить еще. «Я провожу выходные на своей ферме. Сейчас пытаюсь построить дом, но дело идет туго из-за нехватки денег. Я начала, но нужно около 6 000 долларов, чтобы довести дело до ума. Пожалуйста, дайте знать, если сможете хоть чем-то помочь».

Пытаясь создать видимость того, что я больше не работаю на Ананда Маргу, я написала, что буду устраиваться преподавателем в Австралии. Я просила родителей узнать насчет моего университетского транскрипта. В одном из писем я подробно описывала, как мне ответили из Пенсильванского университета, что не выдадут документ, пока я не погашу кредиты на обучение. Я намекала родителям, что им стоит закрыть этот долг, чтобы я могла получить диплом. «Я получила письмо из университета насчет долга. Я думала, он уже погашен. Пожалуйста, разузнайте, какая это сумма. Мне срочно нужен транскрипт, чтобы выйти на работу к январю».

Они погасили долг, и я получила выписку. Работу преподавателем я в конце концов нашла, но это было в Американском Самоа, а не в Австралии, как я им врала.

В 1984 году я написала родителям, что вышла замуж. Это была правда. Но брак был фиктивным, чтобы остаться в Австралии. «Я вышла замуж 16 июля и очень счастлива. Моего мужа зовут Эндрю. Он немного младше меня — на шесть лет. Преподает, а еще он лицензированный пилот! Так что это отличные новости. Постараюсь прислать фотографии. (На свадьбе мы их не делали — все было очень скромно)».

Самой расчетливой деталью, которую я совсем забыла, было вот что: с 1981 по 1983 год, когда я писала большинство этих писем, я вообще не была в Австралии, а находилась на Фиджи и Американском Самоа. Должно быть, я вкладывала каждое письмо (кроме одного, отправленного напрямую с Самоа, где я писала, что приехала туда на каникулы и лечу зубы «почти бесплатно» благодаря американским грантам — разумеется, полная выдумка) в конверт с обратным адресом, адресованный родителям, и отправляла в офис диди в Мельбурне. Вероятно, я добавляла неделю-две к реальной дате, чтобы дать время на доставку письма в Австралию, где конверт вскрывали, наклеивали австралийскую марку и отправляли снова. В нескольких письмах упоминалась почта и её медлительность: «Письма из США идут очень долго. Не знаю почему... Иногда почта из США приходит с опозданием... Я наконец вернулась в Мельбурн и получила ваше последнее письмо, оно шло очень долго из-за забастовки почтовиков...». У меня не осталось четких воспоминаний об этой схеме, но доказательства лежали прямо передо мной.

И тут я осознала еще кое-что. В одном из писем я прокололась, упомянув Фиджи.

«Дорогие мама и папа, шлю много любви. Надеюсь, у вас все хорошо. Я только вернулась сюда пару дней назад. Некоторые ваши письма были пересланы мне на Фиджи, поэтому я получила их с опозданием». (Фиджи? Почему она была на Фиджи? — должно быть, спрашивали они друг друга. — Неужели она нам врет?)

Масштаб содеянного накрыл меня, словно волна, и я почувствовала тошноту.

— Только представь, что чувствовали родители, когда поняли, что их подозрения верны и все это было ложью, — сказала я Дэвиду.

Он обнял меня.

— Родная, все это случилось больше двадцати лет назад. Ты уже не тот человек, которым была тогда. Ты должна простить себя.

Но я смотрела в стену, погруженная в мысли. Я вспомнила, как много лет назад навещала Бэрри и Дайану. Неудивительно, что они не хотели, чтобы я у них остановилась. После того, что я сотворила с мамой и папой...

— Это ужасно. Я ужасный человек. Как я могла так поступить?

Я оставила письма в хаотичной куче на краю стола на неделю или две. Когда первоначальный шок от прочтения немного улегся, я унесла стопку наверх, чтобы перечитать снова. На этот раз я читала их по порядку и сосредоточилась на двух последних письмах — маме и Бэрри.

Письмо маме было написано в августе 1986 года, уже после смерти отца и через несколько дней после того, как я позвонила ей из Лисмора.

Дорогая мама,

Шлю много любви. Надеюсь, ты чувствуешь себя лучше. Было приятно поговорить с тобой по телефону на днях и услышать твой голос.

Хочу, чтобы ты знала: ты часто в моих мыслях. Я не очень эмоциональный человек и по натуре довольно спокойная. Поэтому, хоть я и не мастак писать письма и делаю это редко, я люблю тебя. Пожалуйста, пойми это.

Часто чувствую, как мне повезло, что у меня были такие хорошие родители, как ты и папа. Здесь, в Австралии, многие мои знакомые пережили ужасное детство — с пьющими отцами, побоями, разводами и прочим. Когда слушаю их истории, часто вспоминаю свое счастливое и беззаботное детство с вами и братьями.

Даже если мы разделены физически, на более глубоком уровне мы вместе. Сердечное общение не требует физической близости. Даже когда мы покидаем этот мир, наше глубокое «Я» продолжает жить, и мы живем в сердцах друг друга. Надеюсь, ты чувствуешь то же самое и понимаешь, о чем я.

С самой глубокой любовью,

Марша

После смерти матери я утешала себя мыслью, что хотя бы написала это письмо и она успела его прочесть. Но теперь я сомневалась, что она его получила. Мама умерла 16 августа того года, так что был большой шанс, что письмо не дошло вовремя.

С годами я забыла, что написала это письмо только ей, и пришла к убеждению, что отправила его обоим родителям за несколько месяцев до их ухода. Было шоком осознать, что даже для мамы оно могло прийти слишком поздно. Кто-то вскрыл это письмо, но я никогда не узнаю, прочла ли она его.

Последнее письмо домой было датировано 20 сентября того же года и адресовалось Бэрри.

Дорогой Бэрри,

Получила твою телеграмму о маме около недели назад, когда вернулась из Сиднея. Было очень грустно узнать о её кончине. Должно быть, в конце она сильно болела и мучилась, так что это стало для неё избавлением. Получила ли она мое письмо вовремя? Надеюсь, что да.

Я все еще в подвешенном состоянии насчет гражданства, поэтому приехать в гости было бы непросто. Надеюсь, ты получишь это письмо, так как я не знаю твой домашний адрес. Что теперь будет с домом? Пожалуйста, дай знать, осталось ли мне какое-то наследство от мамы и папы, и если да, то какие подробности.

Передавай мою любовь Дайане, Саше и Дэвиду. Чем сейчас занимается Дэвид? Он все еще живет в Филадельфии? Австралия — красивое и уникальное место, сильно отличающееся от США, здесь нет такой плотной застройки. Мне здесь очень нравится. А как у тебя дела? Ты все еще преподаешь? Надеюсь, у вас всех все хорошо.

С большой любовью,

Марша

Бэрри так и не ответил — да кто его может винить?

Глава 30. Джакузи в снегу

— Ну как продвигается работа над книгой? — спросила моя невестка Кэти. Мы отмокали в горячем джакузи после дня катания на лыжах в Лейк-Тахо. Мои родственники со стороны мужа сняли на время рождественских праздников два дома, и мы оказались в самом центре шумного семейного воссоединения. Помимо трех братьев моего мужа Дэвида с их семьями, там было множество кузенов, с которыми я знакомилась впервые.

Я приподнялась на бортике джакузи, чтобы немного остыть, и посмотрела на звезды.

— Потихоньку, — ответила я. — Почти закончила второй черновик.

— Здорово! Пришли мне несколько глав, как доберешься до дома, ладно?

— Договорились, — ответила я. Кэти с самого начала поддерживала меня с этим проектом. Будучи профессором психологии в колледже в штате Мэн, она даже упоминала, что, возможно, будет использовать некоторые фрагменты книги на своих занятиях по женским исследованиям.

Я снова погрузилась в воду.

— Знаешь, память — это интересная штука, — сказала я. — Я отчетливо помню, как отец рассказывал о своем детстве в Украине. Мой брат Бэрри тоже помнит, но его воспоминания отличаются от моих.

— В чем же? — спросила Кэти.

— Ну, я помню, как отец рассказывал о погромах. Он говорил, что казаки на лошадях врывались в их деревню в поисках евреев, и все прятались в подвале его деда. Это потому, что деда в юном возрасте насильно забрали в царскую армию, и он долго там прослужил. Жители деревни знали, что казаки не тронут его, даже несмотря на то, что он был евреем.

— Ого.

— Но когда я спросила Бэрри, помнит ли он это, он сказал, что папа рассказывал не о погромах, а о том, как царские люди приезжали в деревню, чтобы хватать рекрутов в русскую армию.

Кэти на мгновение умолкла.

— Что ж, — произнесла она наконец, — что бы это ни было, можешь себе представить, какая это была травма для того маленького мальчика, которым был твой отец?

Мне это даже в голову не приходило. Отец — вне зависимости от того, говорил ли он о погромах или об облавах на рекрутов — рассказывал эти истории во время воскресных обедов, выпив пару бутылок пива, в такой простодушной, почти шутливой манере, которая была столь далека от того молчаливого и злого человека, каким он был в будни.

— И даже тот факт, что деда твоего отца насильно забрали в армию совсем мальчишкой, должно быть, ужасно отразился на всей семье. Такие травмы могут сказываться на поколениях, знаешь ли, — добавила Кэти.

Она была права насчет юного возраста. Моего прадеда забрали из дома силой, когда он был едва ли подростком. И, скорее всего, она была права насчет травмы. И мне это никогда не приходило в голову.

Меня накрыло осознание масштаба произошедшего. Боль моего прадеда передалась его сыну, а затем — моему отцу. А потом она усугубилась отцовским ужасом, когда он прятался, дрожа в семейном погребе, заслышав грохот приближающихся лошадиных копыт и приглушенные рыдания и шепоты молитв односельчан, прятавшихся рядом с ним. Позже, мечтая о лучшей жизни, он отправился в Америку, пустившись в опасное путешествие вместе с матерью и сестрой, набившись в трюм с кучей других иммигрантов, без элементарных удобств, без возможности помыться, без капли приватности, чуть не погибнув в пожаре, когда кто-то попытался разжечь печь.

Но мечты того маленького мальчика об Америке так и не воплотились в реальность. Отец большую часть жизни боролся просто за то, чтобы прокормиться. Его дети, выросшие в пятидесятые и шестидесятые, не имели ни малейшего понятия, через что ему пришлось пройти, за исключением тех самых воскресных историй, когда он позволял себе выпить пива.

Тайны. Отец держал при себе свои истинные чувства по поводу прожитых в боли и борьбе лет, возможно, считая их недостойными взрослого мужчины. Он скрывал от нас и существование своего другого сына и внуков. Эта секретность и молчание пропитали наш дом и въелись в наши кости. Мы рано научились держать свои чувства при себе — в точности так же, как и он.

Глядя на снег, поблескивающий на деревьях, и звезды, похожие на яркие куски льда в ночном небе, я чувствовала, как сквозь меня проходит и наполняет меня история целых поколений. Несмотря на теплую воду джакузи, меня пробил озноб.

В голове сами собой всплыли строки из песни Боба Дилана:

*«Мне жаль бедного иммигранта, который жалеет, что не остался дома...
Но в конечном итоге он всегда остается таким одиноким.
Чьи видения в самом конце должны разбиться, как стекло...
Мне жаль бедного иммигранта, когда его радость сбывается...»*

— Пора выбираться и собираться к ужину, — сказала Кэти.

Мы вместе выбрались из воды, накрыли джакузи, завернулись в полотенца и пошли в дом.

Эпилог

С тех пор как я покинула Ананда Маргу, прошло более восемнадцати лет. Несмотря на то что мне удалось во многом разобраться, до сих пор бывают моменты, когда я чувствую замешательство — куда большее, чем можно было ожидать спустя столько времени. Во многих снах об организации я снова оказываюсь в роли диди и спрашиваю себя: «Как я здесь оказалась? Я же думала, что покончила с этим раз и навсегда!»

Иногда мне снятся сны, где переплетаются две жизни: диди и той, что была после. Я вижу себя в оранжевом, но при этом знаю, что у меня есть муж. «Если я замужем, — думаю я во сне, — значит, я не могу быть диди».

Мне все еще иногда снятся вдохновляющие сны о Бабе. Проснувшись, я ловлю себя на том, что вновь погружаюсь в образ мышления, который, как мне казалось, давно оставила позади. Я вспоминаю, как писала эту книгу, и чувствую внутренний конфликт, почти вину за то, что вообще взялась за неё.

Запись сна: 28 апреля 2004 года

Я посещаю духовные занятия, которые ведет женщина. Она строга и требует, чтобы студенты придерживались жесткого распорядка, но я сопротивляюсь.

Вечером мы собираемся на другое занятие. Появляется Баба и уводит с собой молодую девушку в другую комнату. Мы, студенты, переглядываемся, молча задаваясь вопросом, не собирается ли он сделать что-то непристойное. А потом качаем головами. Мы-то знаем, что он не способен на подобное.

В следующее мгновение я оказываюсь за рулем, выезжаю из-под земли, словно из туннеля. Сумерки, идет снег. Я счастлива видеть снег. И тут замечаю большой, громоздкий автомобиль семидесятых годов, летящий прямо на меня. У меня нет времени свернуть, и я уверена, что сейчас умру. Машины сталкиваются с оглушительным грохотом, и я чувствую, как лечу в воздухе.

Я приземляюсь и понимаю, что сжимаю в руках что-то белое: снег. Осознаю, что упала на улице в Джермантауне, в той части Филадельфии, где я жила вскоре после ухода из Ананда Марги. И понимаю вот что: я спасена от смерти.

Вокруг меня люди играют в снегу. Я встаю и присоединяюсь к ним. Смеюсь, бегаю, прыгаю. Чувствую экстаз, словно родилась заново. Затем снова оказываюсь на занятии. Подхожу к учителю и прошу о разговоре. Мы отходим в сторону, и я рассказываю ей об аварии. Последнее, что я произношу: «Баба спас меня!» Учитель не отвечает.

Что бы ни значили подобные сны, я снова и снова возвращаюсь к одним и тем же вопросам касательно Ананда Марги и моего опыта. Был ли мой опыт общения с Гуру подлинным? Был ли он истинным мастером? Были ли все те годы, что я провела в организации, пустой тратой времени?

Глубина чувств и то, с какой яркостью я всё это вспоминаю, убеждают меня в том, что мой опыт общения с Гуру был настоящим. Однако сейчас у меня серьезные сомнения относительно того, чтобы приписывать совершенство и божественность любому человеку, как бы высокоразвитым он ни казался. Несмотря на духовные достижения Бабы, мне кажется, что он позволял коррупции и сомнительным практикам проникать в его организацию. По моему убеждению, он позволял влиять на себя культуре, в которой вырос, и именно поэтому, вопреки всем его словам о равенстве мужчин и женщин, он допускал жестокое обращение с женщинами внутри организации.

Вернувшись в Соединенные Штаты, я поначалу чувствовала, что Ананда Марга украла у меня лучшие годы жизни. Хотя несколько лет спустя я все же вышла замуж, заводить детей было уже поздно, хотя мы и пытались. Через пару лет решили усыновить. Но даже это дело было омрачено влиянием Ананда Марги и тем фиктивным браком, который я заключила в Австралии. Мы с Дэвидом полагали, что брак не имеет юридической силы,

так как не был консумирован. Но прежде чем начать процедуру усыновления, решили проконсультироваться с юристом. К нашему ужасу, выяснилось, что брак действителен. Мы ввязались в бесконечно долгий и выматывающий бракоразводный процесс, который включал контакты с властями Австралии и тем самым мужчиной. На бумажную волокиту ушло два полных года. Когда всё закончилось, нам пришлось подавать петицию властям Филадельфии, чтобы наш собственный брак признали законным. К тому времени мы оба чувствовали себя уже слишком старыми, чтобы растить ребенка. (Неспособность родить собственного ребенка стала для меня страшным ударом. Но сейчас я в основном смирилась с этим. Я убеждаю себя, что лучше не приводить ребенка в мир, который с каждым годом становится все более враждебным — с глобальным потеплением и всеми его последствиями. Не говоря уже о том, что на этой перенаселенной планете и так слишком много детей).

В профессиональной жизни все тоже шло негладко. Даже степень магистра, за которой я вернулась в колледж, не помогла мне получить ту должность, которую я, как мне казалось, заслужила своим богатым опытом и образованием. Приходилось напоминать себе, что для мира профессионалов годы, проведенные за границей в составе секты, хоть и выглядят экзотично, но вряд ли засчитываются как трудовой стаж. В итоге я часто оказывалась в подчинении у людей с меньшим образованием и опытом, получая при этом значительно меньше — ситуация, которая часто оставляла чувство фрустрации и эксплуатации. Последние несколько лет я преподаю английский как второй язык — работа, которая мне нравится, ведь я на себе прочувствовала, как трудно жить в другой культуре. Но я замечаю, что не отдаюсь этому делу до конца. Возможно, я просто стала старше и ближе к выходу на пенсию; а скорее всего, подозреваю, дело в том, что я больше не хочу посвящать себя чему-то одному целиком и полностью.

Еще одна серьезная борьба после возвращения заключалась в том, чтобы понять, каковы же мои истинные ценности. Когда я вступила в Ананда Маргу, их преподнесли мне в готовом виде. Для того растерянного юного создания, которым я была тогда, это было огромным облегчением: мне больше не нужно было взрослеть самостоятельно. Поэтому, когда я покинула группу, я чувствовала себя подростком, впервые уходящим из дома. Хотя некоторые вещи из Ананда Марги (вроде того, что употребление лука, чеснока и грибов — чуть ли не грех) давно остались в прошлом, другие прижились.

Одно из них — чувство внутренней взаимосвязанности и священности всего сущего, живого и неживого, — ценность, лежащая в основе всех йогических учений. Я люблю животных и активно забочусь об окружающей среде. Это привело меня к тому, что я помогла основать в Филадельфии экологическую хартерную школу; также я уже несколько лет работаю в комитетах и советах местных экологических организаций. В личной жизни я стараюсь жить максимально осознанно: живу в скромном доме и вожу гибридный автомобиль. Еще одна вещь, которая подпитывает мою экологическую этику, — это оставшаяся со времен сектантства неприязнь ко всему чрезмерно материалистичному. Я до сих пор чувствую себя неловко, обладая вещами, которые большинство американцев не сочли бы излишеством, и не позволяю себе забывать, что большая часть мира живет совсем не так, как мы, американцы. (Кажется, я заменила страдания ради миссии на страдания ради экологии. Хотя лето в Филадельфии бывает изнуряюще жарким и влажным, а в нашем доме есть центральное кондиционирование, мы включаем его только в самые невыносимые дни. В остальное время обходимся вентиляторами. По крайней мере, я ношу шорты и футболку, а не монашеское облачение!). И каждый раз, когда я отрезаю кончики моркови или собираюсь выйти из

комнаты, не выключив свет, я вспоминаю тех девочек из детского дома в Мадрасе и даю себе слово не быть той самой американкой, которой я так стыдилась столько лет назад.

За Ананда Маргой, конечно, тянутся проблемы с моей семьей, от которых я наконец перестала бегать — проблемы, уходящие корнями далеко в прошлое, еще до моего рождения. Они были вызваны Великой депрессией, а если заглянуть еще дальше — погромами и антисемитизмом, с которыми пришлось столкнуться отцу, его семье, родителям моей матери и их семьям в Восточной Европе. В моей семье до сих пор есть серьезные проблемы (главная из которых заключается в том, что по ряду причин мои братья не разговаривают друг с другом), но у меня складывается ощущение, что они простили меня за то, что я сделала, и начали понимать, что именно подтолкнуло меня на этот шаг.

Я изредка вижусь с братьями. Некоторое время назад я навещала Дэвида, и он рассказал, как нелегко приходилось родителям, пока меня не было.

— Всякий раз, когда кто-то произносил твое имя, мама с папой были близки к слезам, — сказал он. — Мама не говорила о своих чувствах. Папа иногда сидел и плакал. Он выглядел подавленным, особенно после выхода на пенсию. Однажды он сказал: «Мне кажется, я потерял свою дочь. Хотел бы я увидеть ее хоть раз перед смертью».

Когда Дэвид произнес эти слова, я сидела в тишине, уставившись в стол. Я не могла сказать ничего, что изменило бы прошлое и ту боль, которую я им причинила. И все же эти слова ударили прямо в сердце. Дэвид также рассказал мне, что мой дядя Дэнни, младший брат матери, предлагал нанять кого-то, чтобы найти и «депрограммировать» меня.

— Дэнни говорил, что мама с папой не хотели этого делать, — пояснил Дэвид. — Они считали, что это твоя жизнь, тебе её и проживать. Они не хотели насильно вырывать тебя из Ананда Марги.

Как-то раз мы с Бэрри разговорились о том времени, когда он не разрешил мне остановиться у него.

— Ты сказала мне, что собираешься остановиться у друзей, — объяснил он. — Если бы ты сказала, что тебе негде жить, мы бы что-нибудь придумали — сняли бы тебе отель или еще что.

Это было для меня новостью. Хотя я не помню, чтобы говорила такое, вполне вероятно, что я ляпнула это, чтобы сохранить лицо. Впрочем, теперь это уже не имеет значения.

Что касается других родственников, то после возвращения ближе всего я почувствовала себя с дядей Дэнни, который ушел из жизни в 2008 году в возрасте девяноста трех лет. Время от времени я звонила ему, и мы вели долгие разговоры о семье. У Дэнни была феноменальная память, он с мельчайшими подробностями помнил события, случившиеся много лет назад. Он также обладал острым умом и огромной мудростью и состраданием. Иногда мы говорили о том, как мой уход отразился на родителях.

— Они не могли понять, что ты творишь, — сказал он мне однажды. — Они зациклились на том, какой эффект это произвело на них самих. Однажды твоя мать показала мне письмо, которое ты написала. Там была фраза о том, что ты стала их ребенком лишь по «случайности природы». Она чувствовала, что организация заменила ей дочь, и была

опустошена. Это превратило её жизнь в трагедию. Она скорбела долгие годы. Я видел в её глазах печаль, которая никогда не уходила.

И все же я чувствовала со стороны Дэнни принятие и прощение. Он знал, что я пишу книгу. Периодически он спрашивал меня, как идут дела, и повторял: «Ты искупаешь свою вину. Упорствовать в ошибке — хуже, чем совершить её». За несколько лет до его смерти мы с мужем навестили его в Калифорнии и привезли черновик, над которым я работала в то время.

Часть вины, которую я так долго носила в себе из-за родителей, все еще при мне. Годами я не могла заставить себя почувствовать то, что чувствовали они, но понемногу позволила себе представить их боль в те годы моего отсутствия — в последние двенадцать лет их жизни. Они попрощались на вокзале, твердо ожидая увидеть меня через пару месяцев, а вместо этого я почти полностью исчезла из их жизни. Долгие годы они получали лишь письмо-два да редкий телефонный звонок. А потом пришла новость, что я больше не работаю на Ананда Маргу и хочу купить землю в Австралии. Шквал писем и звонков, последовавший за этим, наверняка подарил им надежду, что я скоро снова стану частью семьи. Но затем пришло медленное осознание, что я лгала. Возможно, первым звончком стало то, что я проговорила о пребывании на Фиджи. А может, когда я сказала им, что преподаю в школе под Мельбурном, а выходные провожу на «ферме», как я её называла. Может, они посмотрели на карту Австралии, поняли, как далеко от Мельбурна находится участок к северу от Брисбена, и сложили два и два.

Мне становится невыразимо грустно при мысли о том, что они чувствовали, когда поняли, что я их обманывала, и я задаюсь вопросом: удастся ли мне когда-нибудь преодолеть грызущую меня вину? Печаль до сих пор покрывает меня в самые неожиданные моменты. Иногда это случается, когда я слушаю меланхоличную песню по радио во время поездки. Глаза наполняются слезами, и меня захлестывает грусть. (Может, это ирония, или закономерность, но песни из «Скрипача на крыше» особенно сильно действуют на меня, и я думаю о слезах отца по воскресеньям, когда он слушал те же самые песни и плакал. Были ли его слезы памятью о том мальчике, которым он был в местечке, так похожем на вымышленную Анатевку? Или, может, он плакал о родственниках, оставшихся там и сгинувших в погромах и лагерях смерти, последовавших за его отъездом?) И все же меня утешает мысль, что та, кем я являюсь сегодня, никогда бы не причинила родителям той боли, что я причинила им тогда.

Хотя я не горжусь некоторыми принятыми мною решениями, я понимаю, что они не возникли на пустом месте. Я знаю, что родители делали всё, что могли для меня и братьев (учитывая, какими они были людьми и какую боль несли в себе каждый день), и я напоминаю себе, что мое детство было свободно от травм физического насилия, с которыми столкнулись другие. Это не значит, что я не боролась с чувством гнева на родителей. Пока они обеспечивали наши физические потребности ценой колоссальных усилий и тяжелого труда, наши эмоциональные потребности оставались без внимания. Я знаю, что те ранние годы, проведенные в эмоционально холодном месте, которым был мой дом, оставили неизгладимый след на том, кто я есть сегодня. Я знаю, что не могу продолжать жить прошлым или винить родителей за свои нынешние проблемы, поэтому я упорно трудилась над тем, чтобы простить их — и себя. Со временем, обретая перспективу, я чувствую, что гнев рассеялся, сменившись сожалением о том, как все сложилось; о том, что надежды, которые родители возлагали на свою жизнь, так и не сбылись, и о потерях, с которыми им пришлось справляться. Помимо потери дочери, им пришлось смириться с отсутствием внуков. Наверное, они думали, что их будет много. А

вместо этого у них осталась только одна — Саша, дочь Бэрри. (У отца было еще двое внуков от Говарда, старшего сына, о котором мы не знали, но он почти их не видел. Это положение вещей наверняка лишь усугубляло его печаль).

Однажды весенним днем, вскоре после прочтения тех писем, что я отправляла домой, мы с мужем посетили могилу родителей — впервые с того холодного зимнего дня, когда я была там с братьями столько лет назад. Помимо того, что кладбище оказалось на удивление зеленым (в разительном контрасте с моими воспоминаниями), я заметила ряд маленьких камешков, положенных кем-то на надгробие.

— Еврейская традиция, — сказала я Дэвиду. Мы немного прибрались вокруг могилы, и я устроилась поудобнее, чтобы выразить родителям всё то, что не могла сказать, пока они были живы.

— Я знаю, что вы любили меня по-своему, — начала я, — но в детстве я никогда не чувствовала себя любимой. Не помню, чтобы меня часто обнимали или баюкали, не помню сказок на ночь. Не знаю, поняли ли вы когда-нибудь, почему я ушла. В детстве мне не хватало уверенности в себе или чувства принадлежности, поэтому я чувствовала себя обязанной уйти и найти место, где я могла бы обрести эти вещи. Ананда Марга стала мне семьей. Трагедия в том, что они хотели, чтобы я оставила свою настоящую семью, а я послушала их и причинила вам столько боли.

— Мам, я никогда не знала, что ты чувствовала, потому что ты никогда не показывала свои чувства. Представляю, что ты не получала много внимания в детстве, будучи третьей из шести детей, и у тебя были две младшие сестры, которых ты, наверное, считала более привлекательными. Может, ты никогда не чувствовала себя любимой или оцененной по достоинству. Как бы то ни было, ты точно не выглядела счастливой, и в нашем доме было так мало счастливых событий. Все всегда было таким холодным. Мы даже не знали точно, когда у вас с папой дни рождения, и вы никогда не устраивали нам вечеринок. Помню только две: одну на бар-мицву Дэвида и одну на мое шестнадцатилетие. Может, вы с папой сами не праздновали дни рождения в детстве, поэтому и нам не устраивали.

— Это ваша семья заставила вас хранить в секрете существование нашего сводного брата? Вы ведь наверняка чувствовали себя виноватыми за то, что вышли замуж за разведенного мужчину. И наверняка вы не хотели переезжать в Элкинс-Парк, учитывая, что не водили машину и внезапно оказались без соседей, с которыми можно было бы поговорить. У вас были только мы. Может, поэтому ты все время занималась уборкой? Или ты чувствовала, что тебя будут любить только если в доме идеальный порядок? Ты хоть раз по-настоящему открывалась папе? Ты тоже его боялась? Мне бы хотелось, чтобы вы были здесь, чтобы мы могли по-настоящему поговорить.

Затем я обратилась к отцу:

— Папа, в детстве я постоянно тебя боялась. Но теперь я могу представить, как страшно тебе было, когда ты прятался в подвале, заслышав лошадей казаков. Каково это — переезжать в другую страну на переполненном корабле с другими иммигрантами? О чем ты мечтал в Америке? Мне бы хотелось знать, осуществилась ли хоть одна из твоих мечт. Наверное, ты был зол и подавлен, когда умер твой отец и тебе пришлось содержать всю семью — даже оплачивать учебу Берни в медицинском. Ты так тяжело работал в своем магазине, поднимая тяжелые тюки торфяного мха даже после шестидесяти, и никто не сказал тебе «спасибо» и не оценил твой труд. И так грустно, что

наш сводный брат и его дети никогда не были частью семьи. Уверена, с ними мы были бы намного счастливее. Мне жаль, что я не могла понять твоей борьбы или разочарований, но ведь я была всего лишь ребенком.

Затем я рассказала ему, что познакомилась со сводным братом Говардом, а также с его детьми и внуками.

— Твой правнук Майрон — стоматолог, и мы с Дэвидом оба лечимся у него. Всякий раз, когда я прихожу к нему в кабинет и он хочет познакомить меня с кем-то, он представляет меня своей тетей. Люди смотрят на него, потом на меня с недоумением, а я говорю: «Да, я его тетя, только он старше меня!», и мы весело смеемся.

Дэвид тоже поговорил с родителями, поделившись своими чувствами с людьми, которых он толком не знал.

Эта книга, начавшаяся как сборник маленьких историй, росла и менялась с годами, включив в себя и историю моих родителей. Это история иммигранта, дочери иммигрантов и их дочери, — все они боролись с проблемами самоидентификации. Отец покинул страну, где родился, и провел жизнь, пытаясь обрести новую идентичность в «плавильном котле» Америки. Мать была неуверенной в себе женщиной из ортодоксальной еврейской семьи, которая никогда не была в ладу с самой собой. Их дочь, отвергнув всё, с чем родилась и что получила, покинула страну своего рождения и стремилась к новому самоощущению в духовной группе.

Когда-то я была искателем, считавшим, что никто по-настоящему не принадлежит семье или другому человеку. Я отождествляла себя только с духом. Хотя я все еще на своем пути, сейчас я осознаю свою историю и наследие; я начала искать подробности иммигрантского и восточноевропейского прошлого своей семьи и погружаться в свою еврейскую идентичность — ту самую, которую в молодости полностью отвергла. Я пришла к убеждению, что истинное духовное понимание приходит только через принятие себя на всех уровнях, поэтому я выбираю путь принятия своей истории, а вместе с ней — и своей человечности.

Эта история, конечно же, включает в себя и Ананда Маргу. Когда я только вернулась, я видела в ней очень мало хорошего. Сейчас, мне кажется, мне удалось прийти к более сбалансированному взгляду на эту группу. В Ананда Марге были и позитивные стороны, включая её идеалы, философию и духовные практики. Однако было что-то глубоко извращенное в том, как некоторые из её членов пытались соответствовать этим высоким идеалам, существовал огромный разрыв между идеалами и тем, что люди делали для их воплощения — своего рода черствость и осуждающее отношение, противоречащее тому, что, на мой взгляд, означает быть по-настоящему духовным человеком. Многие из нас не испытывали ни малейшего сострадания к себе, а следовательно — и к другим. Сейчас я учусь относиться к себе и окружающим с состраданием; буддийские практики, которыми я занялась последние несколько лет, очень помогли мне в этом.

В последнее время я обрела способность чувствовать сострадание даже к Ананде Судхе и отпустить чувство боли и гнева, которое носила в себе так долго, представив, в каком тяжелом положении она оказалась, забеременев будучи молодой диди. Даже если бы она захотела оставить жизнь ачарьи и родить ребенка, это было бы почти невозможно, поскольку в то время для незамужней индианки было немыслимым растить ребенка в одиночку. С другой стороны, возвращение к жизни monastic-работника, должно быть, не было легким, учитывая все то клеймо, с которым ей пришлось столкнуться. Для

меня Ананда Судха была жертвой индийского общества в целом и Ананда Марги в частности. А как это часто бывает в таких случаях, жертва сама делала жертвами других, передавая свою боль дальше.

Я бы покривила душой, если бы сказала, что до сих пор временами не чувствую себя жертвой Ананда Марги и их образа мышления. Даже сегодня бывают моменты, когда я ловлю себя на мысли, не стала ли я слишком материалистичной или не «пала» ли я с того высокого духовного уровня, на котором жила, будучи диди, — доказательство того, что мое духовное суперэго все еще живо и здорово. «Тебя предупреждали об этом перед уходом», — периодически напоминает оно мне. «Теперь ты просто обычный человек, а не возвышенная личность с великой миссией». Я знаю, что то, как я видела себя тогда, было основано на изрядной доле иллюзий, но старую обусловленность трудно преодолеть, и я попадаю в эти старые паттерны чаще, чем мне хотелось бы признавать. Чувство собственной значимости и превосходства в духовном развитии над другими было наркотиком, маскировавшим мою глубокую нехватку самоуважения, но это наркотик, к которому меня до сих пор временами тянет, даже спустя столько времени.

При этом я больше не виню организацию за все те годы, что провела в ней — никто не заставлял меня вступать, и никто не принуждал оставаться. Несмотря на многие трудности после ухода, я благодарна за ту жизнь, которая у меня есть сейчас. Я особенно чувствую, как мне повезло, что у меня такой любящий муж, который был огромным источником поддержки на протяжении всего моего пути, и замечательная семья со стороны мужа.

Бессмысленно, конечно, думать о том, кем бы я могла стать или чего достичь, если бы не посвятила почти двадцать лет своей жизни Ананда Марге. И все же иногда я думаю об этом. Возможно, я стала бы профессором лингвистики, французского, русского или английского. Возможно, вышла бы замуж раньше и родила детей. С другой стороны, с моими «хиппи-замашками» времен университета, возможно, я бы закончила наркоманкой или даже умерла. Когда я столкнулась с Ананда Маргой столько лет назад, я уверенно двигалась именно в этом направлении.

Иногда я вспоминаю свой сон, как меня сбивает машина из семидесятых и как Баба спасает меня от верной смерти. Кто знает? Может, он и правда спас меня. Как бы то ни было, Ананда Марга всегда будет частью того, кем я являюсь, точно так же, как я являюсь дочерью и внучкой иммигрантов, приехавших в эту страну в поисках лучшей жизни для себя и своих близких.

Я подумала, что закончу книгу последним сном.

Запись сна: 9 декабря 2007 года

Я в другой стране, может, в Китае или Индии, с мужем. В какой-то момент я оставляю очки на полу, и кто-то наступает на них. Я поднимаю их и вижу, что одна линза треснула. Поскольку запасных нет, решаю пойти за новой парой. Надеваю треснувшие очки, и они внезапно превращаются в солнечные.

Я сажусь в маленькую машину и еду, пока не добираюсь до перекрестка. Его перегородил огромный грузовик с платформой наверху. Стоя на ней и глядя прямо на меня, находятся пять дад в своих оранжевых формах. Один из них — Йогешананда, тот самый дада, который отправлял меня на обучение. Все они, включая Йогешананду, молодцы. Они смотрят сверху вниз на меня, и я в ужасе, что они меня узнают. Но они не

узнают. Думаю, это из-за солнцезащитных очков, которые на мне. Я хочу выбраться отсюда, но как, если перекресток перекрыт?

Затем я замечаю узкий грунтовый переулок слева от грузовика. Хочу сбежать по нему, но боюсь, что кто-то меня остановит. «Может, ехать там по закону нельзя?» — думаю я. Но сейчас не время об этом беспокоиться. Решив пойти на риск совершения чего-то незаконного, я выезжаю в переулок и сбегаю.

Благодарности

Путь книги «Оранжевое одеяние» (The Orange Robe) от сборника юмористических рассказов до нынешнего воплощения оказался невероятно долгим. Я хочу поблагодарить многих людей, которые помогли мне на этом пути. Прежде всего, это мой муж Дэвид. Он не только оказывал мне эмоциональную и практическую поддержку, помогая находить время и пространство для работы, но и потратил бесчисленные часы на редактирование и обсуждение моих идей.

Также благодарю Роберта Денниса, который разработал дизайн обложки и внутренних фотоиллюстраций. Он щедро уделял свое время на наши сессии, которые мы называли «через плечо»: я наблюдала и давала обратную связь, пока он совершал магию на своем Мас.

Я благодарна друзьям и родственникам, которые читали черновики и предлагали ценные замечания: Джеки Гуд, Марси и Терри Стерн, а также моей невестке Кэтрин Лоу. Эллен Уотсон, также прочитавшая рукопись, помогла мне разобраться в своем опыте и выработать менее осуждающее и более сострадательное отношение к себе. Барбара Котцин, которую я называю своим «самым старым из ныне живущих друзей» (мы знакомы с четырех лет), поделилась воспоминаниями о наших ранних годах, что помогло дополнить книгу.

Я благодарю членов своей семьи, которые отвечали на мои вопросы в процессе написания: братьев Дэвида и Бэрри, племянницу Сашу, сводного брата Говарда и его сына Майрона, а также покойного брата моей матери Дэнни, который обладал удивительной памятью на события и места и делился со мной своей сострадательной мудростью.

Еще один ушедший из жизни человек, которому я многим обязана, — Гарриет Дженкинс (Майтрейи). Она относилась ко мне как к члену своей семьи и часто называла «почетной дочерью», предоставила мне кров, когда я впервые вернулась, и делилась своим уникальным духовным видением.

Наконец, я благодарю свою покойную свекровь Франну Лоу и всех родственников мужа, которые приняли меня в свою семью как родную.